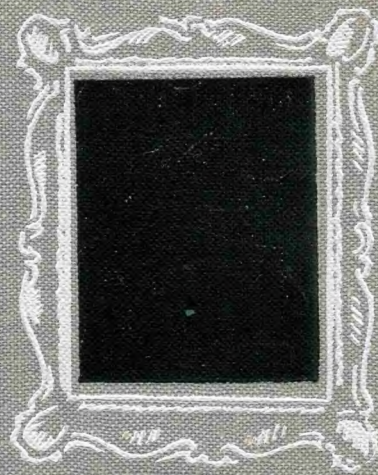

С. ГОЛИЦЫН

СОРОК
ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

•
ЗА
БЕРЕЗОВЫМИ
КНИГАМИ

ЗА БЕРЕЗОВЫМИ
КНИГАМИ

СОРОК
ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

С. ГОЛИЦЫН

Stippled

С Г О Л И Ц Ы Н

**СОРОК
ИЗЫСКАТЕЛЕЙ**

**ЗА БЕРЕЗОВЫМИ
КНИГАМИ**

Повести

Рисунки С.Забалуева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА·1969

Дорогие читатели!

Перед вами в одной книге две повести писателя Сергея Михайловича Голицына — «Сорок изыскателей» и «За березовыми книгами».

Кто такие изыскатели?

Это те мальчики, те девочки, а также те взрослые, которые все время что-то придумывают, изобретают, ищут — на земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе.

Обе повести — то веселые, то грустные, то поэтичные...

В первой — отряд пионеров-изыскателей во главе с автором этой книги, чудаком-доктором, ищет пропавший портрет девушки, написанный несомненно выдающимся, даже замечательным художником. Во второй повести тот же симпатичный чудаковатый доктор повел другой отряд пионеров в туристский поход искать таинственные березовые книги.

Найдут ли юные туристы портрет девушки-красавицы, нападут ли хотя бы на след березовых книг, которые никто никогда не видел, — об этом вы узнаете, прочитав эти книги.

«Нет отдыха прекраснее, здоровее, интереснее и привольнее, чем дальний пеший туристский поход», — пишет автор...

Быть может, и вы, закрыв последнюю страницу этой книги, захотите стать неутомимыми изыскателями, отправиться в поход по стране, по нашим прекрасным городам, старым и новым, вдоль наших рек, то быстрых, то тихоструйных, по лугам, полям, горам и лесам...

Напишите нам — понравились ли вам эти повести, интересно ли было их читать?

Письма шлите по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

*Переплет и портрет автора —
художника А. И т к и н а*

**СОРОК
ИЗЫСКАТЕЛЕЙ**

Повесть

Глава первая

КАКИЕ РОКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОИЗОШЛИ ИЗ-ЗА НЕПРОДУМАННОЙ ПОДМАЗКИ СКОВОРОДЫ

Слово «изыскатель» я впервые услышал от своего сына Миши, еще когда он учился в седьмом классе.

Примчался он однажды из школы весь взъерошенный и, бросив книги на стол, радостно объявил нам, что хочет быть только изыскателем, и даже не просто изыскателем, а непременно геологом.

Оказывается, в этот знаменательный день, с самого первого урока усевшись на задней парте, трое мальчишек с упоением читали книгу академика Ферсмана «Занимательная минералогия». Книга эта бесповоротно решила Мишину судьбу. Он стал мечтать о путешествиях — в тайгу, в горы, в пустыни, в Арктику, в Антарктику и как будто даже в космическое пространство. В будущем собирался он открывать новые месторождения нефти и газа, свинца и урана, угля и железа. А пока по выходным дням осенью и весной, а летом чуть ли не каждый день ранним утром с двумя-тремя приятелями, на-

дев рюкзак на плечи, отправлялся он на обследование подмосковных оврагов или каменоломен.

Так начался тот период семейной жизни, который наша мама называла «периодом мук». Ведь, на самом деле, рюкзак, набитый камнями, весит тридцать килограммов. За год Миша ездил в экскурсии раз семьдесят. Трофеев у нас набралось полным-полно; пожалуй, еще пол провалится. Под всеми кроватями, в книжном шкафу, на буфете, даже в моем письменном столе были запрятаны коробки и ящики, коробочки и ящички с камешками и камнями.

Но не говорите Мише этих слов. С негодованием глянет он на вас своими серыми глазищами, тряхнет растрепанным чубом и обиженно пробасит: «Ну, папа, ну какие это камни! Это минералы». Или: «Это окаменелости».

С виду ну самая обыкновенная булыга, а он повертит перед моим носом и пробасит: «Вот гранит из валуна, принесенного ледяным потоком в древнюю эпоху со Скандинавских гор» — или пинцетом подхватит кусочек известняка и покажет отпечаток на нем древней раковины.

Уж на что я высокий, а Миша вырос чуть пониже дяди Степы. Посмотрит он на меня сверху вниз и начнет настоящую лекцию. И объясняет он эдаким учительски-снисходительным тоном: дескать, хоть ты мне и папа, а все-таки многого не знаешь.

Позднее Миша всех взрослых и всех ребят стал разделять на *изыскателей* и на *прочих*. К *изыскателям* он относил тех, кто все время что-то изобретает, что-то придумывает или мечтает разыскать новое, неизвестное, таинственное и ищет на земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе. Вот изыскательские профессии — топографы, снимающие карты местности, гидрологи, изучающие реки, ботаники, зоологи и многие другие, и самые-самые интересные из них — геологи.

Из разных *прочих* Миша специально выделил «тюфяков»: в этой группе очутились мальчишки сонливые, медлительные, ничем не интересующиеся, любители покушать.

Девочек, всех безоговорочно, Миша обозвал «тюфячками». Впрочем, год спустя он мне как-то доверительно шепнул: — А знаешь, папа, и среди девчонок нет-нет да попадают-ся изыскательницы.

А вот кого Миша откровенно считал тюфячкой, так это свою младшую сестру Соню. И хотя Соня целый день ищет

то завалившийся за кровать чулок, то уроненную на пол тетрадь или «Арифметику», все равно в изыскатели, по мнению Миши, ей не попасть никогда.

Еще наша соседка по квартире, Роза Петровна. Миша прозвал ее Газелью, хотя она толстая и неповоротливая, как черепаха. Он говорит, что у нее взгляд умирающей газели. Когда он прибегает из школы и гремит по всей квартире, торопя маму с обедом, Роза Петровна устремляет на него томные и тоскливые, как осенний дождь, глаза и молчит. И сколько в этих глазах упрека и обиды за резкий шум, за наводнение в ванной комнате, за громкие и длительные разговоры по телефону и даже за прошлогодние грехи!

Газель систематически занимается изысканиями. Как отправится с утра по магазинам, так только к вечеру вернется, усталая до последней степени. А что она там ищет? Только разную снедь, чтобы как можно вкуснее накормить себя и своего любимого супруга. Конечно, Газель самая настоящая тюфячка.

Меня и маму Миша искренне уважает и любит, но я чувствую, что и нас он считает тюфяками.

Ведь кто я такой? Обыкновенный детский врач. Каждый день я хожу в поликлинику, выслушиваю и мну больших и малых ребят, здоровых и больных, прописываю им лекарства, утешаю перепуганных родителей.

А кто моя жена — наша мама? Просто домашняя хозяйка. Она ходит на рынок, готовит обед, штопает носки, стирает, ведет нескончаемые беседы с Розой Петровной, и все. Конечно, ничего изыскательского ни в ней, ни во мне нет.

«Что бы эдакое придумать? — рассуждал я. — Изобрести, скажем, чудодейственное лекарство, моментально излечивающее насморк или расстроенный желудок?..» Увы, дальше мечтаний дело у меня не шло, и в изыскатели я безусловно не годился.

Каждое лето мы выезжали на дачу. Я стремился так устроиться, чтобы дача была недалеко от станции, а станция — недалеко от Москвы. Миша целыми днями где-то пропадал со своим неизменным рюкзаком, а мы с мамой и Соней чинно прогуливались по улицам дачного поселка меж раскрашенных заборчиков или садились под тощими сосенками на берегу илистого пруда. Соня любила купаться и барахталась вместе с оравой ребятшек в мутной воде на манер головастика в высыхающей луже.

А в этом году все у нас пошло по-иному. Миша кончил школу и собирался поступать в геологоразведочный институт. Поэтому в апреле и мае он ездил за минералами и окаменелостями только раз в две недели, но зато притаскивал рюкзаки двойной тяжести, а однажды приволок раковину аммонита, изогнутую спиралью, величиной с колесо от детского велосипеда.

И я и мама ругали Мишу:

— Не смей ездить на экскурсиях! Изволь заниматься с утра до вечера!

Он, как нам казалось, покорно опускал свою кудлатую голову, а сам ранним утром потихоньку, когда мы еще спали, натягивал синие шаровары, хватал рюкзак, булку с колбасой и удирал за очередной добычей.

Но в конце концов кончились его привольные деньки и на семейном совете мы решили:

— Хватит! Никаких камней! Захотел держать экзамен в вуз, сиди и зубри.

С Мишей оставалась мама — надо же его морально поддерживать, всячески утешать и подбадривать, а главное, кормить яйцами и сахаром. Роза Петровна недоумила: от яиц развивается память, а сахар укрепляет мозги.

И Миша теперь уничтожал по десятку яиц в день, бухал по шесть кусков сахара в стакан чая и, плотно стиснув ладонями виски, с утра до вечера сидел над книгой. А мне пришлось думать, как провести свой отпуск вдвоем с Соней.

Куда же поехать?

— Поедешь — изволь наварить не менее двадцати килограммов варенья, намариновать, засушить, насолить грибов на всю зиму, — приказала наша хозяйственная мама.

— Но я не очень умею, — нерешительно возразил я.

— Нечего, нечего притворяться! Хозяйка поможет, — безапелляционно отрезала мама. — И Соню пора приучать. Каждое утро извольте отправляться в лес за грибами, за земляникой, малиной, брусникой, а вишню, клубнику, крыжовник, смородину, яблоки, груши, сливы покупайте на базаре.

— Послушай, отец! — Миша поднял голову от книги. — Я тебе дам свой рюкзак, пожалуйста, полазай по оврагам, по карьерам, по крутым берегам рек, набери новые образцы минералов и окаменелостей.

— Гм-м! Но ведь они очень тяжелые! И потом, я могу сорваться с утеса, упасть в пропасть.

— Ну, отец, какие под Москвой утесы и пропасти!— Миша снисходительно посмотрел на меня.

— Наберем камней, наберем!— воскликнула Соня.— Где папа не достанет, я залезу!

— Возьмешь мой геологический молоток, мой рюкзак, мои шаровары... и тогда,— добавил Миша и подмигнул нам,— и ты и Соня настоящими изыскателями заделаетесь.

— Настоящими изыскателями? — переспросил я.— Если так, обещаю тебе, Миша, эти самые минералы и окаменелости достать. Поручение будет выполнено.

«А собственно говоря,— подумал я,— собирание грибов и ягод по дремучим лесным трущобам и чашам, конечно, это тоже самое настоящее изыскательское занятие...»

— Папа, изыскатели! Как это весело!— Соня даже захлопала в ладоши.

Да, я еще ничего не рассказал о моей Соне. Упомянул, что она невероятная растеряха и тюфячка, и все. У нее две косы с голубыми ленточками, голубые глаза, крошечный, чуть вздернутый носик, она перешла в шестой класс, учится на четверки, любит покушать, за обедом уплетает по две тарелки супа и по три котлетки. Когда сидит за уроками, от усердия высовывает язык, в свободное время все больше прыгает и смеется. Впрочем, по секрету скажу — иногда и плачет...

Куда же все-таки поехать?

— Поезжайте в Золотой Бор,— посоветовал мне муж Розы Петровны, старичок, историк-архивариус Иван Иванович.— По имеющимся у меня сведениям, это чудесное место — районный центр, изобилие вишен и яблок, достаточно широкая река. И учтите — от Москвы не столь далеко. И потом...

Иван Иванович немного замялся. Он был пределикатнейший человек.

— Говорите, говорите, не стесняйтесь,— поддержал я его.

— Я хотел вам предварительно показать один любопытнейший документик. Разрешите, через пять минут я его принесу,— сказал он и исчез.

Уважаемый Иван Иванович был исключительно почтенный и культурный человек. Я с ним встречался каждое утро. Он ходил в пижаме, синей с белым, я — в красной с желтым. Я был худой и высокий, он — худой и совсем коротышка. За тщедушность, за малый рост Миша прозвал его Тычинкой.

Каждое утро мы рассматривали вместе с почтенным Тычинкой градусник, висевший за кухонным окном.

«Потеплело (или похолодало)», — объявлял Тычинка, протягивая мне свою узенькую розовую ручку, похожую на гусятину лапку, мягко улыбаясь сквозь толстые роговые очки и легонько покручивая чахлые былинки седых усов. «Потеплело (или похолодало)», — отвечал я, и мы расходились. Я шел пить кофе к своей жене, он семенял к своей Розе пить овсяное толокно.

Он был человек исключительно пунктуальный и всецело находился во власти привычки. Например, уже двадцать лет подряд он неизменно смотрел на градусник ровно в 8 часов 25 минут утра, ни на минуту не позднее, не раньше. На работу он всегда ходил пешком, по одним и тем же улицам, зимой и летом, в дождь и при солнце. Однажды на пути его маршрута снесли два маленьких деревянных дома и стали строить на их месте один большой каменный. Высокий временный забор загородил Тычинке дорогу, и Тычинка несколько месяцев чувствовал себя глубоко несчастным: ведь его путь удлинился на восемнадцать шагов...

Тычинка вернулся ко мне не через пять, а через восемь минут. И в каком виде! Очки спустились на нос, подслеповатые глазки были широко открыты, руки подняты кверху и, кажется, даже седые волосы шевелились на макушке.

Я понял — произошло нечто ужасное.

— Вы помните, как мы вас угощали блинами? — закричал он трагическим голосом.

— Помню, — удивленно ответил я.

Но, честное слово, я не видел в этом ничего ужасного. Два месяца назад, в день рождения Тычинки, я чуть не объелся божественными блинами, которые испекла уважаемая Роза Петровна. Я их тогда съел целых два десятка с паюсной икрой, с лососиной, с растопленным маслом, со сметаной, запил заветной настоечкой на тысячелистнике...

— Все погибло! — простонал Тычинка и упал в кресло. Я дал ему валерьянки.

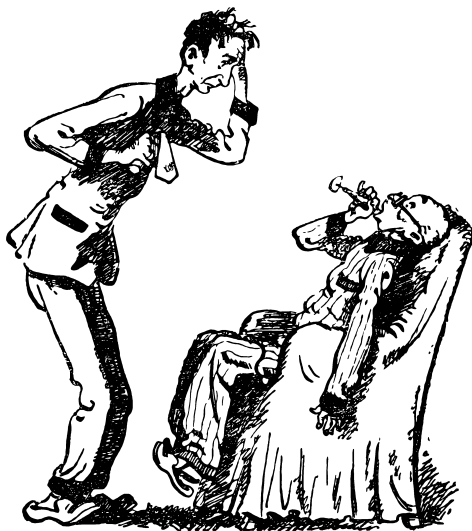
— Расскажите, что случилось?

— Возьму себя в руки и попробую вам рассказать все подробности.

Тычинка опрокинул вторую рюмку валерьянки, нервно протер свои очки и начал более или менее спокойным голосом:

— В нашем архиве примерно лет двенадцать назад состоял на службе один пожилой библиотекарь. Ах, какой был прекрасный человек! Всем интересовался, много ездил. Увы, он скончался еще до войны. А лет за пять до смерти ему пришлось побывать в Любце. Вы о таком городе слышали? Ровесник Москвы, там имеется много памятников архитектуры, свой кремль, не уступающий Московскому. А Золотой Бор находится в двадцати километрах от Любца.

Вот я и хотел дать вам незначительное поручение... И все погибло! — вновь простонал Тычинка.

Я ему подал третью рюмку валерьянки.

Тычинка выпил, вытер пот со лба и продолжал:

— Проживал когда-то в Любце, в маленьком домике, некий гражданин, по слухам нелюдимый, сердитый и скупой. Направился наш библиотекарь к нему с целью выяснить, нельзя ли у сего гражданина купить старинные книги. Библиотекарь ошибся дверью и очутился в прескверном чулане, пропахшем мышами, и знаете, что он там обнаружил? На стене, между развалившимся шкафом и рассохшимися бочками, висел покрытый пылью портрет. Библиотекарь полой плаща смахнул пыль с полотна и увидел такое изумительное произведение искусства, что... одним словом, увидел девушку — красавицу с темными волосами, в сиреновом платье с кружевами. Он так и остолбенел. Портрет был написан несомненно выдающимся художником. Черные печальные глаза красавицы, знаете, горели эдаким вдохновенным огнем. Неожиданно выскочил хозяин, обругал библиотекаря, назвал чуть ли не вором и выгнал вон.

— А кто же был художник? — спросил я.

— Неизвестно. В том-то и дело, что неизвестно.— Тычинка болезненно сморщил ниточки бровей.— В правом нижнем углу портрета библиотекарь едва разобрал загадочную надпись: «Я не могу даже подписаться». Что значат эти слова? Какой в них смысл? И до сегодняшнего дня никто и понятия не имеет о существовании того портрета. Я все собирался сам отправиться на поиски, но ведь я вообще никогда не любил передвигаться, а там началась война, а там я несколько постарел... И знаете, в чем самая трагедия? Ни фамилия сего хранителя, ни его адрес также неизвестны.— Тычинка в отчаянии всплеснул крохотными ладошками.— Тогда наш библиотекарь начертил, как пройти от базарной площади к тому дому. Я этот план как зеницу ока берег в одной книге. Сейчас я нашел эту книгу, перелистал ее — плана нет. Я спросил Розу. И что же выяснилось? Тогда, перед моим днем рождения, она решила произвести генеральную уборку, стала вытирать пыль на книжных полках, а после уборки затеяла печь блины. И такое несчастье, такое несчастье! Она накрутила этот драгоценный документ на палочку для подмазки сковороды. Только одно сохранилось в моей памяти: тот дом стоит на одной из окраин города, но на какой окраине, восточной или западной, северной или южной, простите, позабыл. Впрочем, я полагаю, Любец — город небольшой, вы и так найдете.

Вспомнились мне глаза умирающей Газели, сиречь супруги уважаемого Тычинки.

«Чтоб ей пусто было!» ← отругал я про себя Розу.

— Да кто же подмазывает сковороду бумажкой? — громко спросил я Тычинку.

— Да план-то был вычерчен не на бумажке, а на перво-сортной полотняной кальке, Она ее сперва в кипятке выстирала, а уж потом накрутила на палочку! — жалобно воскликнул тот.

«А ведь поиски портрета, — подумал я, — тоже очень заманчивое и самое настоящее изыскательское занятие».

— Уважаемый Иван Иванович, успокойтесь, пожалуйста. Обещаю вам сделать все возможное и все невозможное и попытаться таинственный портрет разыскать даже и без вашего плана, — торжественно произнес я,

Глава вторая

МОЖНО ЛИ УБИТЬ СРАЗУ ТРЕХ ЗАЙЦЕВ?

Дней через десять я и Соня уже катили в поезде, собираясь прожить в Золотом Бору до конца моего отпуска.

Из трех изыскательских поручений, которые мы намеревались выполнить, самое главное было, конечно, поиски портрета.

— Грибов, ягод насобирать — пустяки какие! — рассуждали мы с Соней. — Побывать раза два-три в лесу, и все. Камни? Вряд ли это так уж трудно по оврагам лазить! А вот портрет...

Поезд миновал дачные места. Березовые и сосновые леса мелькали за окном, а я все думал и думал о портрете, и, признаться, робость начала меня охватывать. Не слишком ли трудную задачу я взял на себя? Ну, приедем — увидим.

Вещей у нас было великое множество; мы завалили ими обе третьи полки да еще под лавку засунули два чемодана, рюкзак с сахаром, тюк с кастрюлями и стеклянными банками.

Геологический молоток с виду похож на обыкновенный, только ручка у него длинная, как у лопаты, ни в один тюк он не влез, и Соня держала его просто в руках.

Соседка-пассажирка, нахохлившаяся, сердитая старушка, тяжело вздохнула:

— Было время — девочки в кукол играли, а теперь вон гвозди надумали заколачивать.

Соня загадочно на меня посмотрела и подмигнула: дескать, знаем мы, зачем везем молоток.

Я разговорился с этой соседкой, сказал, что мы едем в Золотой Бор, на дачу. Едва она услышала мои слова, как подпрыгнула на скамейке и в один миг превратилась в улыбающуюся, кругленькую, румяную старушку.

— Милые вы мои, да ведь я родилась в Золотом Бору, всю жизнь там прожила!

А через три остановки мы уже договорились, что я сниму в ее доме на лето комнату. По многим неуловимым признакам я чувствовал: эта уютная бывшая сердитая старушка должна замечательно готовить обед, а еще лучше — варить варенье, сушить, мариновать и солить грибы.

Но, на беду нашу, когда мы приехали в Золотой Бор и

свалились со всеми вещами во вновь снятую квартиру, хозяйку мою ждало письмо.

В колхозе, за сорок километров, выходила замуж какая-то золовкина падчерица, и хозяйка должна была ехать туда на целых две недели — шить приданое, печь пироги, варить и жарить прочие яства и, наконец, петь, плясать и пировать на свадьбе.

Ухаживать за нами взялся хозяин.

В жизни я не видел такого угрюмого, необщительного человека. Он всегда молчал, когда же хотел что-то сказать, сперва долго кряхтел и кашлял, а потом кидал две-три отрывистые фразы. Вид у него был одичалый и растерзанный. Его лохматая борода напоминала свалывшуюся конскую чёлку, а густые, низко нависшие брови — две зубные щетки.

Весь день он копался в своем саду. Что он там делал, мы не знали: заходить туда нам не разрешалось. Впрочем, однажды сквозь дощатый забор Соня подглядела: яблони, вишни, сливы, груши были увешаны спелыми и неспелыми плодами. Каждое утро на завтрак хозяин молча ставил перед нами полную миску с фруктами.

— Неплохо бы нам заняться варкой варенья, — предложил я хозяину.

— Дров нету, посуда на свадьбу уехала, и сам не мастак, — уныло ответил тот.

— Придется самим организовать походы за ягодами, за грибами, — вздохнул я.

Сперва пошли мы с Соней за земляникой, набрали два стакана, нам захотелось пить, и мы всю добычу съели. Позднее поспела малина, но от малины сразу же пришлось отказаться, хотя росла она, как выражался хозяин, «тысячной россыпью», за семь километров, в каком-то «Кузькином враге», пополам с крапивой; к тому же там водились гадюки, а лет двести назад прятались разбойники во главе с атаманом Кузькой.

Отправились мы за грибами, набрали штук двадцать сыроежек да несколько червивых подберезовиков, попали в болото, промочили ноги, вдобавок пошел дождь, и мы пришли домой мокрые и сердитые.

Решили ждать возвращения хозяйки со свадьбы и тогда закупить все ягоды, фрукты и грибы просто на базаре и выполнить мамино поручение, хотя и неизыскательским способом.

С Мишиным поручением тоже ничего не выходило. Прослышал я о каких-то карьерах за пять километров; возможно, там были и окаменелости, и редкие минералы... Но ведь это такая даль! А жара — как в пустыне! Да и груз будет, конечно, тяжеленный!..

Оставалось третье поручение — разыскать таинственный портрет.

Я, признаться, каждый день думал о портрете, но совершенно не знал, как приступить к его поискам.

— Скажите, где останавливается любецкий автобус? — решил я наконец спросить хозяина.

— А туда автобус не ходит.

— А как же нам добираться?

— Голосуйте.

— То есть как это — голосуйте?

— А так. Идите к рынку, оттуда — на шоссе, поднимайте руку, шофер затормозит, лезьте в кузов и поезжайте. Хороший город, старинный, моя родина. Много обид претерпел, пришлось уехать.

Очевидно, никогда в жизни мой хозяин не произносил столь длинного монолога. Насчет обид спросить его я постеснялся, а это голосование мне совсем не понравилось.

— А если шофер мимо проедет?

— Другого дожидайтесь.

— И что же, так до вечера то поднимать, то опускать руку? Ну нет! Я детский врач, человек самолюбивый... К тому же в кузове трясет, на дороге пыль ужасающая...

Я отказался и от третьего изыскательского поручения...

Должен признаться, мы с Соней заскучали. Подруг она так и не нашла. Два раза в день ходили мы с ней на реку; она купалась, я же предпочитал греться на бережку. Вода была чересчур холодная, да еще, того и гляди, на острый камень наткнешься...

А река? Полноводная, спокойная, словно вся в серебряных рыбьих чешуйках, она текла медленно, окаймляя широкой, блистающей на солнце дугой зеленый заливной луг; на середине дуги луг отступал, сменяясь ярко-желтой песчаной полосой — пляжем.

На противоположном берегу реки в ольховых кустах чуть виднелось устье маленького ручейка. Слева от ручья по горе спускался к реке темный сосновый бор, а справа, за узкой полосой зеленого луга, вытянулась веселая деревенька, вся в яблоневох садах.

Наш берег раскинулся широким цветущим заливным лугом. Трава была даже выше Сони. Позади заливного луга едва выступали из-за яблоневых садов золотоборские дома, дальше выстроились кирпичные корпуса текстильной фабрики...

Теперь Золотой Бор — Московской области, а раньше тут, как выражался мой угрюмый хозяин, «петух на три губернии пел». И эта широкая река, и маленький ручеек были губернскими границами.

Прошло полмесяца, и мы успели привыкнуть и к сосновому бору, и к лугу, и к реке...

Однажды, когда я шел вместе с Соней на пляж купаться, меня заинтересовала не река, залитая солнцем, а хохлатая белая курица, с громким кудахтаньем беспокойно бегавшая вдоль берега. Оказывается, ее детки — желтые утята, — к великому ужасу мамыши, весело ныряли и плавали в зарослях камыша.

Но для Сони даже курица с утятами не представляла никакого интереса... И вдруг Сонины глаза оживились. Я обернулся. К нам приближалось человек тридцать загорелых голоногих мальчиков и девочек. Сзади шагала хмурая пожилая женщина в очках на длинном крючковатом носу, а за ней шла белокурая высокая тоненькая девушка в голубом платье.

Мальчики, завидев реку, вдруг закричали, засвистали и побежали, девочки — за ними.

— Дети, тише! Куда вы торопитесь? — рассердилась женщина в очках и сама заторопилась, спотыкаясь о кочки.

Девушка в голубом побежала наперерез.

— Не смей купаться! Не смей купаться! Сперва занятя! — закричала девушка и принялась ловить и хватать ребят за рукава рубашек.

Громкие голоса смолкли. Кое-как девушке удалось собрать всех ребят в кучу, но садиться на траву никому не хотелось, все сбились вместе, словно куры под дождем.

Тут подросла руководительница. Я услышал, что ребята ее звали Магдалиной Харитоновной.

— Итак, дети, сегодня мы займемся речной фауной, теми мелкими существами, которые...

Голос руководительницы напоминал звук пилы, распиливающей сучковатое полено.

Соня подошла вплотную.

— В нашей реке водятся разнообразные ракообразные...— тянула Магдалина Харитоновна.

А день был такой жаркий, солнце так ярко светило, серебряная речная гладь так заманчиво искрилась на солнце!..

Соня уныло вздохнула, но вдруг в глазах ее заплясали лувявые огоньки.

Она быстро завязала косы вокруг головы, в один миг скинула тапочки, платье и в одном купальнике—бултых в воду.

Увидев в реке девочку, два совершенно одинаковых черненьких востроносеньких мальчугана, очевидно приняв ее за свою, также прыгнули в воду.

И не успела Магдалина Харитоновна опомниться, как все

ребята очутились в воде и, хохоча и визжа, забарахтались и запыргали там.

Девушка усмехнулась, в ее больших серых глазах блеснул такой же лукавый огонек, как у Сони; она неторопливо сняла свое голубое платье и в одном купальнике вприпрыжку тоже побежала к реке.

Магдалина Харитоновна забегала вдоль берега, совсем как та белая курица, которую мы встретили по дороге на пляж. Даже мочалистые серые пряди ее волос, перетянутые сеткой, торчали на лбу, словно куриный хохолок.

Сзади нее важно вышагивал длинноногий мальчуган, белобрысый и тощий, похожий на оципанного индюшонка.

Вдруг Магдалина Харитоновна накинулась на меня, возбужденно размахивая руками:

— Полюбуйтесь, какие дети недисциплинированные! Срываю мероприятия Дома пионеров! Сегодня по плану назначено ознакомление с речной фауной, а потом, после занятий,— пожалуйста, купайтесь! И то это я на свой риск. Вам известно: согласно последней инструкции, одновременно разрешается залезать в воду пяти ребятам. И только на пять минут. Остальные извольте сидеть на берегу и ждать своей очереди. Единственный примерный мальчик— это Володечка,— добавила она и вздохнула.

Белобрысый Индюшонок кротко поджал губы и тихо прошептал:

— А Витька Большой к тому берегу махнул.

— Я совершенно бессильна что-либо сделать! Более непослушных детей в жизни не встречала!— рассердилась Магдалина Харитоновна.— Ну, да там Люся, она примет меры к спасению утопающих.

— Возможно, надо было наоборот,— заметил я,— сперва купание, а потом ознакомление с речной фауной.

— Утвержденный план следует выполнять точно,— отрубил Магдалина Харитоновна.— Например, в прошлый понедельник у нас проводился «поход военизированной» в лес, в будущую среду намечен «поход краеведческий» в Любец.

— Вы собираетесь в Любец? Пешком? У вас настоящий туристский поход?— воскликнул я.— А нельзя ли мне с моей дочерью присоединиться к вам?

— А вы кто такой?— строго спросила она меня.

— Я детский врач из Москвы, провожу здесь отпуск.

— М-м-м... такой важный вопрос я не уполномочена ре-

шать самостоятельно. Но, доктор, не беспокойтесь. Я устрою, для вас я все устрою. Я переговорю с директором Дома пионеров. — Впервые она улыбнулась и схватила меня за рукав. — Вы для нас будете исключительно полезны. В настоящий момент медобслуживание наших походов осуществляется малоквалифицированными силами... Что собой представляет Люся, наша пионервожатая? — кивнула Магдалина Харитоновна на девушку, чья голова в белой шапочке едва виднелась в реке возле того берега. — Легкомысленная девчонка, и больше ничего. Вы знаете, в дороге могут произойти всевозможные травмы, несчастные случаи, вывихи, переломы, солнечные удары, удушения, утопления, обморожения, отравления, укусы ядовитых змей...

Я поразился:

— И такие происшествия случаются в туристских походах? А я полагал — самое большое, если кто пятку наколет.

— Вам будет поручено носить аптечку «большой набор», десять килограммов.

— С удовольствием, — ответил я и закашлялся.

— А сколько вашей дочери лет?

— Двенадцать с половиной.

Улыбка моментально исчезла с лица Магдалины Харитоновны.

— Тогда ничего не выйдет. Ваша дочь относится к пионерам среднего школьного возраста, а в походах на двадцать километров разрешается участвовать пионерам только старшего школьного возраста — от тринадцати лет и старше.

Ребята между тем, вдосталь накупавшись, выпрыгивали один за другим из воды и подбегали к нам мокрые, все в пупырышках, с горящими глазами. Последней выскочила Люся, такая же смеющаяся и возбужденная, как они все.

— Да посмотрите, какая моя дочь большая, рослая! Она выше многих из ваших.

— Ничего не могу поделать. Инструкция запрещает. Впрочем, если директор Дома пионеров в виде исключения... Вы приходите, приходите обязательно сегодня вечером, — добавила она. — Состоится предподходное расширенное организационное совещание. Я поддержу вашу просьбу. Я всегда чувствую к врачам особенную симпатию, — вновь улыбнулась она и вдруг резко повернула голову в сторону ребят: — Как вам не стыдно! Прервали занятия! Стать в круг и слушать внимательно.

Ребячьи глаза сразу погрузнели, а Люся вздохнула неестественно громко.

— Папа, пойдем,— шепнула мне Соня.

И мы пошли по тропинке через скошенный луг. И долго еще ветерок доносил скрипучий голос Магдалины Харитоновны.

Глава третья

В ПОХОД! В ПОХОД! В ПОХОД!

Я с интересом разглядывал вышитые полотенца и платочки, коллекции бабочек и жуков в ящиках, засушенные растения, разноцветные изделия из фанеры и картона, склеенные или выпиленные. Все это было развешано по стенам, расставлено в шкафах и на полках.

Вошла высокая, худощавая женщина средних лет.

Бывают такие очень хорошие люди. С первой встречи мне показалось, что мы с ней знакомы давным-давно.

Елена Ивановна, директор Золотоборского дома пионеров, поминутно поправляя густые черные волосы и приветливо улыбаясь одними большими черными глазами, протянула мне тонкую белую руку и тут же разрешила все мои недоуменные вопросы: и я и моя Соня стали полноправными участниками самого настоящего туристского похода в Любец. Елена Ивановна села в конце стола на председательское место.

— Дети, тише!— строго сказала она. Ее резко очерченные прямые брови, ее тонкие губы серьезно сжались.

Я сел в уголке. Соня конфузливо спряталась за меня. Не очень приятно сидеть, когда на тебя смотрит столько народу: тебя изучают, возможно, выискивают в тебе что-либо смешное. Я изредка поднимал глаза, оглядывал то светлые, то темные ребячьи головы; узнал того примерного белобрысого Индюшонка — Володю, что сидел сейчас возле Магдалины Харитоновны, заметил двух черненьких, совершенно одинаковых востроносых мальчиков, очевидно близнецов. Они сидели вдвоем на одном стуле и беспрерывно толкались.

Первый вопрос был о снаряжении похода. Елена Ивановна спросила, сколько можно достать рюкзаков.

Раньше я надевал на спину рюкзак только во время похо-

дов на Тишинский рынок за картошкой, и то в последние годы меня заменил Миша.

Однако сюда, в Золотой Бор, я привез целых три рюкзака, в том числе Мишин геологический, с шестью карманами и резиновой надувной подушкой, поэтому мне было чем похвастать. Несколько рюкзаков имелось в Доме пионеров, остальные взялись достать ребята. На дорогу решили купить пшеничные концентраты, сухой кисель. В самом Любце рассчитывали обедать и пить чай в столовой. Каждый из ребят должен был взять по пять яиц, сахар, соль, хлеб, кружку, ложку, миску, одеяло. Двоим ребятам поручили захватить ведра. Правда, таскать ведра будет очень скучно, но что поделаешь — несите по очереди. Мне доверили аптечку «малый набор», весом, к счастью, всего в три килограмма. Мальчики обещали взять ножи, два топора, девочки — нитки, иголки. Так как днем было слишком жарко, решили двинуться в поход в шесть часов вечера.

— Ночевать самое лучшее в деревне, в помещении школы, — заявила Магдалина Харитоновна.

— А давайте просто в лесу, под кустами. Сделаем шалаши из ольховых веток, — предложила Люся.

— В шалашах! Ура! — радостно воскликнул один из мальчиков.

— Да, да, в шалашах! — подхватили другие.

«В лесу, в шалашах?» — Я недоверчиво поморщился, но промолчал.

— Очень хорошо, пусть ночуют в лесу, — мягко улыбаясь, сказала Елена Ивановна.

Люся предложила распределить между ребятами различные обязанности. Три девочки и два мальчика вызвались быть кашеварами, у иных мальчиков были удочки, их назначили рыболовами. Двум девочкам дали карту местности, на которой они должны были чертить линию маршрута и вести глазомерную съемку окрестностей. Этих девочек назвали топографами. Володя, имевший фотоаппарат, был назначен фотографом. Далее в списке стояли портнихи, санитары, жилищники и костровые...

— А кто из вас хочет быть писателем? — спросила Магдалина Харитоновна, улыбаясь, и торжественно положила на стол изящный голубенький альбом.

Позднее я узнал, что Магдалина Харитоновна, оказывается, пишет в педагогический журнал интереснейший научный

труд: «Восприятие детьми окружающей действительности», сокращенно — ВДОД, и в качестве материалов для этого самого труда ей очень нужны подлинные ребячьи туристские дневники.

— Я хочу вести дневник!— вскочил один из близнецов.

— И я!— вскочил другой.

Еще кто-то из мальчиков и девочек, в том числе и Соня, тоже пожелали быть «писателями».

— Ну что же,— примирила их всех Елена Ивановна,— лепись похода ведите по очереди.

Надо же наконец выступить и мне.

Я встал и, немножко волнуясь, начал рассказывать об изыскателях — какие они смелые, предприимчивые люди, всем интересуются, не боятся никаких трудностей, помогают другим, и главное, ищут что-нибудь очень интересное на земле, под землей, на воде, под водой и в воздухе. Упомянул я и о тюфяках.

Кажется, я говорил убедительно и горячо. Все повернули головы и внимательно меня слушали.

Сердце мое радостно стукнуло: ага, ребята и меня принимают за изыскателя, и Соню тоже. Очень хорошо! Пускай принимают. Я перешел к своим изыскательским поручениям, впрочем, о грибах и о варенье предпочел не упоминать.

Я заговорил о геологии. Рассказал, как мой Миша раньше притаскивал тяжеленные рюкзаки добычи, а этим летом вынужден томиться в нашей московской квартире. Под конец я попросил помочь набрать рюкзачка два камешков.

— Мы шесть рюкзаков добудем!— воскликнул черненький мальчик.

— Сказал — шесть! Десять! Двенадцать! — перебил другой близнец.

— Действительно,— поддержала Магдалина Харитоновна,— «Справочник туриста» настоятельно рекомендует сбор геологических образцов. Вот и чертеж молотка прилагается. Геология войдет в план наших краеведческих экскурсий. Однако я считаю — мы должны в первую очередь составить коллекцию для своего уголка природы, возможно вторые экземпляры...

— Да нет, мне бы только немножечко,— робко попросил я.

— Послушайте,— сказала Елена Ивановна,— я уверена, камней хватит на целую автомашину. Пожалуйста, не спорьте!

Тогда я перешел к своему самому заветному изыскательскому поручению. Рассказал, как на Урале незадолго до войны нашли исчезнувшую полтора-два года назад картину великого итальянского художника Рафаэля, состоявшую из двух досок, причем одной из досок прикрывали кадучку с солеными огурцами, а другая валялась где-то на чердаке. Потом стал рассказывать о портрете девушки в сиреновом платье с кружевами, запрятанном где-то в Любце. Этот портрет, правда, был написан на холсте и для прикрывания кадучки не годился, но его могли изгрызть мыши, ему грозила гибель от сырости. Конечно, нужно его разыскать во что бы то ни стало. Возможно, это тоже выдающееся произведение искусства. И наконец, что значат эти непонятные слова на портрете: «Я даже не могу подписаться»?

— Все враки, — объявил примерный Индюшонок.

— Ты, Володька, тюфяк, потому так и говоришь! — отрезала Люся.

— Я не вижу тут каких-либо познавательных моментов, но, если эти поиски не будут мешать проведению наших основных запланированных мероприятий... — начала было Магдалина Харитоновна бесстрастным голосом.

Люся тряхнула своими светлыми волосами, ее щеки вспыхнули от возбуждения.

— Магдалина Харитоновна, да неужели вы...

Елена Ивановна положила свою руку Люсе на плечо.

— Тише, тише, дорогая, успокойся, — мягко сказала она.

И Люся и Магдалина Харитоновна разом смолкли.

Тут вскочил высокий белокурый мальчик с серьезной морщинкой на лбу, с большими серьезными серыми глазами. Топом строгого учителя-экзаменатора он стал меня допрашивать:

— Интересная история!.. А скажите, очень давно написан портрет? А каких он размеров? А кто была эта девушка? А кто был художник?

На все эти вопросы я вынужден был жалобно отвечать: не знаю. Я чувствовал — вот-вот получу двойку.

— Что ж, товарищи, — заключил экзаменатор и сдвинул свои мохнатые брови, — я читал, в Египте столько лет искали гробницу одного фараона и в конце концов нашли. Вообще-то гражданин доктор маловато нам рассказал, а все-таки наш отряд... — Мальчик посмотрел сперва на меня, потом оглядел

всех ребят, задорно им подмигнул.— Одним словом, будем искать портрет!— воскликнул он звонким голосом.

— В такие дебри сунемся,— подхватил один из черненьких мальчиков,— большим ни в жизнь не добратся, а портрет найдем!

Глава четвертая

ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ, ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

Шесть часов вечера. Мальчики и девочки, все в тубетейках и треуголках, сложенных из газет, в синих шароварах, чинно сидели со своими туго набитыми рюкзаками на скамейках перед Домом пионеров. Только моя Соня была в коротком розовом платьице, с голыми коленками.

Мальчики и девочки с почтением оглядывали меня. В Мишиных шароварах, в соломенной широкополой шляпе, с громадным рюкзаком, из которого торчала ручка геологического молотка, я, очевидно, смахивал на бывалого изыскателя-путешественника.

Самый маленький турист, худенький, костлявый, загорелый, черноглазый, с лицом, руками и ногами цвета каленого ореха, подскочил ко мне:

— Дяденька, пожалуйста, давайте рюкзаками поменяемся. Я — ваш, вы — мой.— Он ласково погладил мою шестикарманную гордость.— Знаменитый рюкзачище! С ним вы по всему свету путешествовали? Да? Вы нам потом расскажете?

— Что ж, давай поменяемся,— ответил я, сделав вид, что не расслышал его вопроса о моих путешествиях.

«Только аптекарский ящик ему, пожалуй, тяжеловат будет»,— подумал я, вынул его и переложил в рюкзак загорелого черноглазки.

У многих мальчиков я заметил геологические молотки. Собственно, по-настоящему геологическими у них оказались только ручки необыкновенной длины, иногда даже длиннее их владельцев, а сами молотки были такие, какие удалось стащить из дому: или плотничьи с рогатыми гвоздодерами, или сапожные с широкой шляпкой. Мальчики ловко размахивали молотками, точно играли в крокет.

Люся носилась взад и вперед. Магдалина Харитоновна шипела на Люсю, та отвечала ей шепотом и, кажется, не

очень почтительно. Наконец все было готово, все, наверное, в третий раз пересчитано. Люся дала команду строиться.

— Первый! Второй! Третий! Четвертый...— выкрикивали вставшие в шеренгу ребята.

Люся отдала салют Елене Ивановне и отчеканила:

— Товарищ директор, отряд пионеров Золотоборского дома пионеров в количестве двадцати семи человек выстроен. Прикажете начать поход?

Елена Ивановна только улыбнулась и молча уступила место Магдалине Харитоновне. Та очень долго и очень скучно толковала о том, что надо слушаться взрослых, не бегать, быть осторожными, не баловаться, не объедаться, не купаться, не драться, громко не смеяться, сырой воды не пить, зеленых ягод не есть и еще штук пятнадцать разных противных «не».

Но ребячьи глаза глядели совсем не на Магдалину Харитоновну, ребячьи локти незаметно подталкивали друг друга, а ноги никак не хотели стоять на месте. Люся потихоньку зевала в кулак.

Примерный Володя-Индюшонок был фотограф; он вышел из строя, отбежал в сторону, затем стал приближаться, присел на корточки, прицелился, влез на забор, снова прицелился.

— Да что ты, тюфяк эдакий! Скоро ли?— крикнула Люся.

— Внимание, начинаю,— невозмутимо и важно произнес Володя,— прошу не смеяться. Девочки, смотрите вверх.

— Володька, если ты не начнешь...

Володя щелкнул, отбежал, снова щелкнул.

* * *

Строем шли только по городским улицам, а как вышли на огороды, мальчики прибавили шаг и стали быстро от нас удаляться.

Магдалина Харитоновна кричала, размахивала руками, попыталась было догнать скороходов, но не сумела.

— Всегда они так!— обиженно искала она у меня сочувствия.— В «Справочнике туриста» ясно указано: идти ровным, размеренным шагом, а видите, как они понеслись, и притом пружинящей походкой, которая строжайше воспрещена.

Я понял мальчишечью тактику: сперва они шли очень быстро, чуть не бегом, потом садились на травку и заводили

рассказы о капитане Немо, о трех мушкетерах, о Дерсу Узала, о Валерии Чкалове, о космонавтах и о многих других замечательных людях и изыскателях. Как только Магдалина Харитоновна к ним приближалась, они вскакивали и вновь исчезали за поворотом дороги.

Шагать вместе с почтенной руководительницей мне скоро надоело, и я заторопился догнать мальчиков.

Я все время наблюдал за своими юными спутниками, но их было так много, что до самого конца всех наших путешествий я так и не выучил и половины их имен. Соня, к моему удивлению, уже успела познакомиться со всеми и сейчас весело болтала с новыми подругами.

Как же их запомнить? Вот примерный Володя-фотограф. По правде говоря, мне было не совсем понятно, зачем он с нами увязался: шагал он надутый, сердито выпятив губы, нахмутив белесые брови, при каждом возгласе или смехе других пренебрежительно кривил губы, время от времени подбирался к Магдалине Харитоновне и что-то ей шептал. Ребята его сторонились и больше толкали, чем разговаривали с ним.

Того любопытного высокого мальчика, что меня экзаменовал, звали Витя Большой. Видимо, он считался самым главным среди ребят. Остальные мальчики так и липли к нему, слушая его рассказы. А рассказы эти, верно, и на самом деле были очень заняты: нет-нет по мальчишечьей стайке перекачывался то звонкий смех, то удивленные и восхищенные возгласы.

Фамилия этого щуплого, костлявого, что тащил мой рюкзак, была Перцов. Ребята звали его не Витя, а просто Перец. Юркий, суетливый, с облупленным носом, закапанным веснушками, он изредка подбегал ко мне и, уставившись на меня своими черными бусинками глаз и приподняв бровки, задавал самые невероятные изыскательские или медицинские вопросы, вроде: «А на Северном полюсе вы сколько раз бывали?», «А что вы больше любите отрезать — ногу или руку?» К счастью, ответы его совершенно не интересовали. Он тут же мчался за бабочкой или залезал в болото, стараясь поймать какую-то водяную козявку. Просто шагать по дороге вместе со всеми остальными он, кажется, не умел.

Впереди шли два черноволосых, черноглазых брата-близнеца, самые ловкие, самые быстроногие. Как я ни всматривался в них — они выглядели совершенно одинаковыми. Говорили, даже родной отец различает их только по цвету рем-

ней на брюках. Одно мне в них не нравилось: они то и дело ссорились друг с другом.

Вместе с нами в походе участвовала тоненькая, беленькая, хрупкая девочка Галя с огромными задумчивыми глазами и с огромным белым капроновым бантом на затылке. Эта Галя, так же как и мы, приехала из Москвы и приходилась племянницей двум черненьким близнецам. Кто понесет Галин рюкзак — Женя или Гена? Кто починит оборвавшуюся тесемку на Галиной туфельке — Гена или Женя? Да, причины для ссоры у обоих дядюшек возникали каждый час. Галя, как гордая красавица, поджимала губы и молча ждала, когда наконец один из соперников исполнит ее желание.

Моей Соне Галя очень понравилась, они шагали вместе, под руку. Соня что-то горячо рассказывала. Блестели ее глаза, ее зубы, ее потный лоб, а растрепанные локоны и розовое платье развевались по ветру...

Шедшие впереди мальчишки вдруг остановились. Что ж, не в первый раз они поджидают остальных. Но почему они так вопросительно и внимательно глядят на меня? Я немного замедлил шаг.

Витя Большой вразвалку пошел мне навстречу.

— Товарищ доктор, мальчишки хотят ваши рассказы послушать,— решительно сказал он и нахмурил свои густые брови.

— И девочки тоже,— вставила Галя.

— Сперва о полярных путешествиях,— обрадовался один из близнецов.

— А потом о жарких странах,— подхватил другой.

Я беспомощно оглянулся. Я был в плену. За мной наблюдало множество любознательных глаз. Даже Магдалина Харитоновна прищурилась и ждала. Только Соня, стоя сзади всех, разинув рот поглядывала на меня. Ей-то было отлично известно, что дальше подмосковных дач я никогда никуда не выезжал.

— Знаете, разговор на ходу,— начал я заикаясь,— несколько неблагоприятно действует на дыхательные пути.

— Дети, ну нельзя так назойливо,— поддержала меня милейшая Магдалина Харитоновна.— Вот устроимся на ночлег, тогда у костра...

Настроение мое было сразу испорчено. Теперь я плелся позади всех, понутив голову, силясь припомнить, что я читал в раннем детстве о знаменитых путешественниках.

Мы шли до берегу реки. Уже начинало смеркаться.

Увидев ключ холодной прозрачной воды, Люся предложила остановиться на ночлег.

— Да, ты права,— согласилась Магдалина Харитоновна,— рекомендуется располагать лагерь возле источников.

— Привал! Ночлег!— скомандовала Люся.

Все остановились, с облегчением сбросили рюкзаки и принялись за работу.

Костровыми были оба близнеца. Чуть слышно обмениваясь им одним понятными словечками, они быстро разожгли

костер. Им притаскивали сухие, выкинутые весенним паводком ветки, и скоро костер запылал так жарко, что к нему невозможно было близко подойти.

Кашеварами командовала Люся. Витя Большой и Витя Перец заранее, еще до разжигания костра, забили в землю две рогатки и на перекинутой палке подвесили оба ведра с водой.

Витя Большой важным, не допускающим возражений голосом предложил варить кашу каким-то аргентинским способом, о котором он вычитал у Майн Рида: сперва почти без воды, потом постепенно подливая воду.

Люся терпеливо выслушала и рассмеялась:

— Да ну тебя! Все подгорит, да мало будет. Уйди!

Витя Большой обиделся.

— Люди опытнее тебя дают дельные советы, а ты не слушаешь!— пробормотал он и отошел в сторону.

Мальчики-рыбаки наладили удочки и скрылись в прибрежных кустах. Червей они запасли еще дома и принесли в карманах.

Девочки-«жилищницы» обламывали ольховые ветки, подтаскивали их к ближайшим кустам и ставили торчком в ряд, связывая макушки с растущими ветвями. Так получался уютный шалашик, внутри которого они расстилали еловые лапы и траву. Таких шалашей они понастроили пять штук.

Соня и Галя отправились в кусты за ежевичными и малиновыми листьями. Уже темнело, и надо было спешить подготовить чайную заварку.

Одним словом, всем нашлось дело. Только Володя-Индюшонок с фотоаппаратом на ремне гордо расхаживал между шалашами, засунув руки в карманы брюк, задрав кверху свой и без того курносый нос, и всех критиковал. Темнело, и сегодня фотографировать было уже поздно.

— Картошку взяли?— спрашивала Люся.

— Взяли!— хором ответили все, кроме меня и Сони.

— Сахар взяли?

— Взяли!

— Хлеб взяли?

— Взяли!

— Лук взяли?

Оказалось, только одна Галя принесла зеленый лук.

— А у меня есть лавровый лист и черный перец,— радостно сообщила Магдалина Харитоновна.

Я подумал: вот не догадался, надо было захватить хоть конфеток.

Вода в обоих ведрах закипела. В одно засыпали пшеничный концентрат, в другое — сухой кисель. Витя Большой стал мешать кашу ольховой палкой-мешалкой с таким серьезным видом, точно решал задачи.

Тут выяснилось, что Галя и моя Соня забыли ложки. Да, так-таки и забыли; от смущения Галя поджала губки и скосила глаза на своих дядюшек, а Соня засмеялась.

— Самое важное и забыли!— рассердилась Магдалина Харитоновна.

Надо было действительно как можно скорее опустошить оба ведра, вымыть их и вновь поставить кипятить воду для чая, в одном ведре — из малиновых листьев, в другом — из ежевичных.

— Эх, вы! — презрительно бросил Володя. — Только всех задерживаете!

— С девчонками связаться — вечно одни недоразумения! — процедил Витя Большой.

— Сейчас выручим! — крикнул Гена.

Он подмигнул брату. Оба скатились к самой воде и стали там что-то искать.

Пока все усаживались вокруг ведер, наполненных жидкой пшенной кашей и киселем, а Люся разливала обед по кружкам, близнецы вновь вынырнули из-за кустов и с торжеством преподнесли девочкам ложки, да такие хорошенькие, что все моментально побросали свои алюминиевые и деревянные.

Новые ложки были сделаны из половинок раковин; к заостренному концу каждой из них близнецы прикрепили по палочке, чуть расщепив ее конец.

— Нигде я о таких странных приспособлениях для еды не читала, — забеспокоилась Магдалина Харитоновна.

— Перламутр из раковин не вреден, — робко возразил я.

Кончилось тем, что все ребята, и Люся, и я стали есть пшенную кашу раковинными ложками. Одна Магдалина Харитоновна хмуρο черпала алюминиевой.

Все поужинали. Костер догорал. Наступил черед рыболовов похвастаться своей добычей. Не меньше полусотни уклеек, плотвичек, окуньков, ершей принесли они в двух связках.

Все ножи, сколько их было, пошли в работу; разрезали рыбкам животы, насыпали внутрь соли и, не очищая чешуи, облепляли их мокрой глиной и закапывали в горячую золу — завтра на закуску.

— Что за необычайный способ приготовления рыбы? — недоверчиво покосилась Магдалина Харитоновна.

— А я еще с детства знала, — ответила Люся.

— Помнится, Робинзон именно так запекал рыбу, — уверенно добавил я.

Ночь наступила черная, тихая, теплая, вода в реке была тоже черная, прибрежные кусты еще чернее. Где-то у того берега плеснула большая рыба, где-то в кустах вспорхнула

птичка, и снова воцарилась тишина. А вокруг костра сидели и лежали наши путешественники и пели песни.

Сейчас все насытились, уgomонились, петь перестанут, еще, чего доброго, снова начнут ко мне приставать: «расскажите, расскажите о путешествиях». Я отошел в сторону, в кусты. Отсюда, из моего убежища, при оранжевом мерцающем свете костра, на фоне полной темноты фигуры всех ребят, отбрасывающие призрачные, трепетные тени, напоминали таинственных изыскателей, ищущих несметные сокровища в недрах земли.

«Приеду домой в Москву — расскажу Мише и Тычинке, как мы отправились за окаменелостями и минералами, как мы начали поиски портрета. Вот только от мамы нам попадет: и я и Соня в первый раз в жизни ночуем в лесу, на голой земле».

Неожиданно песня смолкла. Кое-кто из мальчиков и девочек встал. Они начали спорить, вертеть головами. Соня, предательница, указала пальцем в мою сторону. Ребята вскочили, побежали.

— Пионеротряд желает выслушать ваш доклад о путешествиях, — твердо сказал Витя Большой, подойдя ко мне.

— Айдайте к костру,— затеребили меня оба близнеца.

И вот меня уже подхватили, поволокли под руки. Я еле переступал ногами и шел, словно к зубному врачу.

Вдруг вдаль за рекой что-то заворчал, словно какой-то великан загромыхал громадными железными листами. Вдалеке вспыхнула молния. Все вскочили. Несомненно приближалась гроза. Звезд не стало видно. По кустам зашелестел ветер. Наступила такая темнота, как в погребе.

Гроза в лесу ночью. Это очень страшно! И все же я ликовал. Непогода меня спасла по крайней мере на целые сутки!

— Как я была права! Как я доказывала, что ночевать нужно только в школе!— волновалась Магдалина Харитоновна.— Что нам теперь делать?

— Что делать?— удивленно переспросила Люся.— Прячьтесь надо. На горе ветвистые высокие ели, скорее туда!

— Нет, нет, ни в коем случае! Под елками нельзя! «Справочник туриста»... там все сказано... Надо что-то другое придумать,— стонала Магдалина Харитоновна.

А молния сверкнула так ярко, гром ударил так близко! Ребята схватили рюкзаки, стеснились в кучку, ожидая наших распоряжений.

Витя Большой выступил вперед:

— При дожде ковбои делают из одеял палатки. Сперва забивают два больших кола, потом по диагонали...

— Уйди ты со своими ковбоями!— перебила его Люся.— Товарищи, за мной, бегом!— скомандовала она.

И все помчались за ней в темноту, к невидимым елкам.

Побежал и я, побежала и Магдалина Харитоновна. Витя Большой начал было пригибать толстые ветки, да тут грянул такой удар, что он все побросал и заторопился нас догонять.

Все уселись под густыми черными елками, закутавшись в одеяла, плотно прижавшись друг к другу. Я с тоской вспоминал наши уютные шалаши с мягкими хвойными матрацами. Гром ударял так оглушительно, будто небо раскалывалось на отдельные глыбы, громовые взрывы следовали один за другим. Но гроза была сухая, без дождя; только ветер поднялся холодный, порывистый; деревья тревожно качались и скрипели. Яркие вспышки молний поминутно освещали черный лес и настороженные ребячьи фигуры.

Сперва все сидели молча, только близнецы опять поссопились — чьей курточкой накрыть дрожавшую Галю. В кон-

це концов они помирились: один пожертвовал курточку Гале, другой — Соне.

Дождь все не начинался, упало только несколько крупных капель.

— Володя, сюда!— позвала Люся.— Сфотографируй нас при свете молнии.

— Володечка, где же ты?— крикнула Магдалина Харитоновна.

Володя не откликнулся. Где же он? Куда пропал Индюшонок?

— Володька!— закричали мальчики.

— Да вот он!

Его обнаружили при очередной вспышке молнии. Он спрятался с головой под одеяло и громко стучал зубами.

— Володя, что с тобой?

— Я, я... я домой хочу!— Голос у Володи был такой же плаксивый, как у Сони в прошлом году, когда она разбила куклу.

Все дружно захохотали. Володька — такой хвостун и вдруг грозы испугался.

— Эх, ты! Стыдно! — набросилась на него Люся.— А еще хочешь быть кинооператором! Кинооператоры — настоящие изыскатели: они залезают к тиграм в клетки, фотографируют в тайге медведей, на воде крокодилов...

Гроза стала удаляться. Молнии блистали все реже, ветер стихал.

— А знаете что?— весело воскликнула Люся и вскочила.— Дождя не будет. Идемте в наши милые шалаши, и скорее спать, спать!

Глава пятая

НАЧИНАЕТСЯ МНОГОТРУДНЫЙ ДЕНЬ!

Есть в армии словечко, которое не слишком любят солдаты, особенно недавно призванные. Словечко это — «подъем». И любой старшина произносит его всегда с эдаким противным повышением голоса на три ноты, на звуке «ё-о-о».

— Подъе-о-ом!— закричала Люся по-старшински над самым моим ухом в пять часов утра.

Я высунул из-под одеяла нос, посмотрел: ребята шевели-

лись, кое-кто тоже высовывал из-под одеяла то нос, то голые ноги и тут же прятал их обратно.

Ах, как не хочется вставать!

И плечу и ногам сразу сделалось так холодно, у меня затекла рука, покалывает в бок, я не выспался.

— Подье-о-ом! — закричала еще раз Люся нарочно противным, гнусавым голосом. — Вставай, вставай скорее!

Она подбегала к одному, к другому, толкала в плечо, дергала за ногу, за косу...

— И понесло меня на эти изыскания! — крихтел я, поворачиваясь на другой бок.

Я видел дивный сон. Мне только что приснился мой милый, идеально чистый врачебный кабинет. Я — в белом халате, в белой шапочке. Ребятишки испуганно и робко входят один за другим ко мне на прием. И в руках у меня не эта противная геологическая кувалда, а изящный никелированный медицинский молоточек невропатолога.

Я открыл глаза и вместо ослепительного потолка своего врачебного кабинета сквозь еловые маковки увидел небо — безоблачное, далекое, ни с чем не сравнимое в своей чистоте и синеве. Я тут же вскочил и оглянулся. Разве можно хныкать, когда утро такое чудесное! С реки поднимался тонкими струйками молочный пар. На хвойных еловых пальчиках блестели алмазы росы...

Все вскакивали один за другим. И каждый из ребят сперва потягивался, потом поворачивал голову, улыбался восхитившему солнцу и бежал к роднику умываться.

Люся закричала:

— Утренняя зарядка!

Ребята в трусах и голубых майках побежали вдоль берега, потом остановились...

Ежась от утренней прохлады и позевывая, Магдалина Харитоновна и я издали наблюдали, как юные туристы под командой Люси изгибались, выпрямлялись, приседали...

Володя не делал зарядки: у него не ладилось с фотоаппаратом, он сидел на траве и с остервенением разбирал его.

Физкультурники вернулись бегом к нам. Все уселись вокруг вчерашнего потухшего костра. Мы вытащили из золы печеную картошку и печеных рыбок. Глиняная скорлупа высохла, она легко разбивалась, чешуя оставалась в глине, а рыбу, правда остывшую, но сочную, чуть отдающую дымком, можно было есть.

Недовольная Магдалина Харитоновна поморщилась и стала брезгливо отщипывать рыбку двумя пальцами.

— Володя, будешь нас фотографировать?— спросил Витя Большой.

Все захохотали.

— Да-а,— обиженно засопел Володя.— В прошлом году у моей бабушки молния козу убила.

— Какой мальчишка трусишка!— потихоньку злорадствовала Соня.— А я ни капельки не испугалась грома.

— Санитары, вычистить лагерь!— крикнула Люся.

Бумажки, рыбы кости тщательно собрали, закопали в самых густых кустах, а шалаши не стали разорять — будем ночевать тут на обратном пути. Спрятали в кустах ведра, топоры, еще кое-что лишнее.

Тут со мной случилось несчастье. Во время ночного переполоха кто-то перевернул мой рюкзак, потом кто-то сел на него и раздавил аптекарский ящик «малый набор». Пробка из-под пузырька с касторовым маслом выскочила, густая жидкость испачкала бинты, превратила в кашу какие-то таблетки и темным жирным пятном растеклась по рюкзаку. Рюкзак был казенный, принадлежал Дому пионеров.

— Мм-да,— ледяным тоном произнесла Магдалина Харитоновна.

Я молча стоял перед нею, опустив глаза. Так стоял я перед своей учительницей географии тридцать лет назад, когда разорвал карту Австралии и Океании. Я чувствовал, что виноват кругом и нет мне оправдания.

Ребята обступили нас и с интересом ждали, как это будут ругать не их, а большого дядю, да еще доктора. Я заметил широко раскрытые испуганные глаза Сони. А в стороне, за кустами, спрятался главный виновник этой истории — ехида Витя Перец и строил мне оттуда рожи.

Магдалина Харитоновна тяжело вздохнула и начала совершенно замороженным голосом:

— Дети питались раковинами, питались глиной с этими рыбами, пили настой неизвестной травы. Чем будем лечить их животы? А главное, испорчено казенное имущество.

— Ну, довольно, Магдалина Харитоновна, ничего особенного не произошло,— сухо заметила Люся.— Надо спешить, а вы задерживаете.

Магдалина Харитоновна еще более тяжело вздохнула, но промолчала.

Вместе с мальчиками я постарался умчаться вперед и издали видел, что Люся и Магдалина Харитоновна идут рядом и энергично размахивают руками.

Соня мне потом насплетничала, что Магдалина Харитоновна всю дорогу ворчала и охала, а Люся уговаривала ее не сердиться.

Мы свернули в боковую долину, и река скрылась за поворотом дороги. Поднялись на гору. Лес кончился. Мы пошли через пшеничное поле.

Волнистые поля колхозной пшеницы сменились юными сосновыми посадками. Мы прошли сосняк, и перед нами развернулась широкая долина речки.

С каждым часом картина менялась. Хотелось идти быстрее, чтобы узнать: а что скрывается за тем холмом? А когда мы поднимались на тот холм, видели новые рощи и деревни, снова хотелось узнать: а что будет еще дальше?

«Путешествие пешком,— думал я,— пожалуй, замечательная штука, особенно утром, когда еще не очень жарко».

Правда, рюкзак немного оттягивал плечи, глаза после короткого сна слипались, ноги чуть гудели... Но все это были сущие пустяки. Я, гордый и довольный тем, что начал выполнять изыскательские поручения, шагал все вперед и вперед по пыльной дороге.

Мальчики шли рядом. Витя Большой увлеченно рассказывал очередную забавную историю. Но я невнимательно слушал Витю. К тонкому медвяному запаху поспевающей пшеницы примешивался чуть ощутимый далекий аромат свежескошенного сена. Свист быстрокрылых стрижей сменяла дробь незримых перепелов.

Поднялись на очередной бугор. И мальчики и я невольно остановились. Далеко-далеко, за третьим полем, в светлой дымке возникли очертания города с голубыми островерхими башнями, с голубыми древними кремлевскими стенами. Город точно висел в воздухе. Отсюда, с нашего бугра, кремль казался таинственным замком. И так хотелось думать, что именно в этом замке была спрятана заколдованная красавица в сиреновом платье с кружевами...

Подошли все остальные.

— Ах как красиво!— прошептала Люся.

— Едва ли этот рюкзак отстирается.

Скрипучий возглас Магдалины Харитоновны вытащил нас из царства сказок. И еще я вспомнил, что вечером мне предстоит рассказывать о своих «путешествиях». И сразу у меня засосало под ложечкой.

Мы вздохнули и двинулись дальше. Спустились в долину, голубой город скрылся, а когда поднялись на новый холм и увидели город вблизи, он потерял свое таинственное очарование.

Теперь Любец был просто живописен. Стены и башни кремля уже не казались голубыми; они были воздвигнуты из белого камня. Ярко выделялась освещенная солнцем стена, спускающаяся по горе немного наискось, от башни до башни. Возле кремля лепились домики, сзади торчали две фабричные трубы. Громадный, очень глубокий овраг, весь в зеленых садах, шел сбоку кремлевской стены. Под горой текла синяя речка с кружевным железным мостом. По мосту сновали взад и вперед автомашины. На лугу паслись коровы. С речки доносились крики купающихся ребятишек.

Люся остановила отряд. Ребята спрятали в рюкзаки свои куртки, повязали на белые рубашки и блузки пионерские гал-

стуки, почистились, девочки переплели косы, отряд построился и начал спускаться к реке.

Я оглядывал город справа налево и слева направо. Множество домов пряталось в яблоневых садах. Где же искать портрет? За последние годы наверняка понастроили целые кварталы, и домик на окраине стал домиком в центре.

Перешли через мост, поднялись к самому кремлю. Вблизи приземистые белые башни выглядели внушительно, с узкими окнами-бойницами, с острыми шпилями на старых, ржавых крышах.

Люся подскочила ко мне:

— Знаете что? Я чувствую, я убеждена — портрет где-то там, в кремле,— страстно повторила она.

Витя Большой подошел, деловито спрятав руки в карманы, насупив свои густые брови.

— Я тоже подозреваю: а не спрятан ли портрет там, внутри?— И он показал на одну из древних башен.

— А может быть, в этой?— И Галя робко показала тоненьким пальчиком на другую башню и вопросительно поглядела на меня.

— Тоже выдумали!— презрительно процедил сквозь зубы Володя.— В музее висит, и все.

Мы двинулись вдоль стены и подошли к островерхим белым с каменной резьбой воротам. На воротах была надпись: «Кремль 1531 года. По указу великого князя Василия Ивановича III «поставленъ бысть градъ бѣлокамень у Николы у Любецкаго». С XVI века стал пограничным городом Московского княжества и являлся защитой от нашествия крымских татар».

Мы вошли внутрь. Там стояли небольшие домики, а позади почерневших от времени берез, обвешанных грачиными гнездами, высился темный старинный пятиглавый собор. Над массивной железной дверью собора была прибита вывеска: «Любецкий краеведческий музей», а еще выше находилась проржавленная надпись: «Сооружен в 1661 году по грамоте царя Алексея Михайловича, данной из приказа Большого дворца».

— А может быть,— предположил я,— действительно портрет девушки просто-напросто находится в картинной галерее музея?

— Ну, это совсем неинтересно,— вздохнула Галя.— Так мы никогда не станем изыскателями.

— Только никого-никого не спрашивайте,— умоляла Люся,— сами должны отгадать.

Она отбежала в сторону и совсем другим, звонким голосом скомандовала:

— Пионеротряд, строем в музей!

Глава шестая

НУМЕРОВАННЫЕ ИЗЫСКАТЕЛИ

Мы вошли в прохладное помещение музея. Высокий сутулый старик с седыми моржовыми усами, в очках на толстом носу поднялся со стула и прокашлялся:

— С кем имею честь говорить?

— Туристы из Золотоборского дома пионеров,— начала Магдалина Харитоновна,— тридцать человек. Прибыли в город Любец с целью ознакомления с краем, а также в поисках...

— Магдалина Харитоновна!— Люся не постеснялась и дернула за рукав разговарившуюся руководительницу.

— Гм!.. гм!..— внушительно кашлянул старик.— Юные пионеры?— Своими колючими глазами он подозрительно оглядел меня и Магдалину Харитоновну, очевидно ища красные галстуки на наших шеях.— Гм!.. гм!..— кашлянул он еще раз, нахмурился и начал отсчитывать билеты.— В нашем музее имеются: отдел биологии, отдел исторический, отдел современный, картинная галерея. Я— заведующий музеем и буду вести экскурсию сам. Начнем с отдела биологии.

— А имеется у вас отдел геологический?— спросил Витя Большой.

— А если начать с картинной галереи?— выскочила вперед Люся.

— Девушка и юноша,— твердо ответил заведующий,— во-первых, геология входит в состав отдела биологии, во-вторых, порядок осмотра музея установлен раз и навсегда.

Люся вспыхнула и закусила губу, Витя Большой надулся и отошел.

— Это что? Геологические молотки? Сейчас же положите их сюда, вместе с рюкзаками,— еще что-нибудь разобьете!— Заведующий сердито ткнул пальцем в угол.

Все двинулись в первый зал.

«Сколько же тут окаменелостей! И какие красивые! Как бы восхищался мой Миша!» — думал я.

— Аммониты, белемниты, брахиоподы, мшанки, фузулины, — равнодушно называл старик таинственные имена когда-то живых существ, а сейчас просто желтеньких и сереньких камешков с узорчатыми отпечатками, аккуратно разложенных по стеклянным ящикам.

— Где вы их достали? — воскликнул один из близнецов.

— Вот бы нам такие! — вторил другой.

— В древних каменоломнях, — монотонным голосом продолжал заведующий, — где добывали белый известняк строители кремлевских стен, можно разыскать подобные экземпляры.

— Где каменоломни? — спросили близнецы.

— Перейдем в следующий зал, — вместо ответа сухо бросил заведующий.

На столах были расставлены чучела птиц и животных, маленьких и больших: синички и коршуна, крота и волка и многих, многих других.

Я оглядел комнату и вздохнул — нет, здесь портрета не будет!

— Вот волк, — начал заведующий скучным голосом (видно, уж много лет он повторял заученные фразы), — в наших лесах до сих пор изредка попадают эти хищники. Волки похищают телят и овец. Это чрезвычайно вредные животные... Товарищи, не трогайте, не трогайте экспонаты!..

Одни ребята смотрели на чучела с интересом и всё норовили их погладить, а другим не терпелось идти в следующие залы. Люся не хотела смотреть ни на животных, ни на птиц и все заглядывала в соседнюю комнату.

— Какая скучища! — повторяла она.

— Все это мне давно известно, — самоуверенно ворчал Витя Большой.

— Товарищи, без меня не ходите никуда, — строгим голосом предупреждал заведующий. — А теперь подойдите все, все. Встаньте вот тут; молодой человек, отойдите от света. Вот экспонат, которого нет даже в самых больших чучелохранилищах мира: ни в Московском зоологическом музее, ни в Британском королевском. — Голос его сделался до того торжественным, словно он говорил речь на школьном выпускном вечере; его указательный палец протянулся к стене, и мы увидели на этажерке стеклянный колпак, а под колпаком — пе-

сочно-желтое птичье крыло.— Это крыло жар-птицы,— еще более торжественно закончил он.

Мне показалось, будто из-под его очков мелькнули задорные искорки.

— Не может быть, сказки!— запальчиво бросил Витя Большой.

— Витя, со старшими так не говорят!— сделала ему замечание Магдалина Харитоновна.

— К сожалению, может быть,— продолжал заведующий все тем же невозмутимо-размеренным голосом.— В других городах оно отсутствует, а в Любце имеется. И существуют неопровержимые доказательства, что в любецких окрестностях и раньше водились эти редчайшие существа. Да, да, в сказке о Коньке-горбунке Ивану-дураку досталось перо жар-птицы, а мы достали крыло и смогли оказаться единственными на всем земном шаре обладателями самого чучела.

Соня и Галя стояли впереди обнявшись. Они протиснулись вплотную к старику и, заикаясь и смущаясь, спросили его:

— Но мы читали... А почему оно не светится?

— А это уж действительно сказки. Жар-птица вот такая желтенькая, и все.

Нет, на самом деле: в глубоко запрятанных глазах этого ворчуна играли искорки. Он даже чуть-чуть улыбался.

— Простите,— обратилась Магдалина Харитоновна к нему,— мы ведем дневник похода, и полагается все наиболее интересное — увиденное, услышанное или найденное нами — заносить в этот дневник. Так как же мы запишем?

— Долго рассказывать,— ответил тот.— Так мы никогда не закончим осмотра музея. Живет в нашем городе один высокоуважаемый, несколько чудаковатый старичок, некто Номер Первый — мой предшественник по заведыванию музеем, ныне пенсионер. Он и герой и виновник этой злосчастной эпопеи с жар-птицей. Если хотите, обратитесь к Номеру Первому.

— Простите, как вы сказали?— удивленно переспросил я: мне показалось, что я просто ослышался.

— Номер Первый,— как ни в чем не бывало повторил заведующий.— Если у вас есть время, непременно пройдите к нему.

— А какие у вас есть доказательства, что ваши жар-птицы раньше водились в Любце?— с плохо скрываемой насмешкой спросил Витя Большой.

— А вот какие: когда я вас поведу в нашу картинную галерею, я покажу вам один натюрморт¹. На этом натюрморте среди прочих предметов изображена убитая жар-птица. К сожалению, мы никак не можем разгадать, кто автор этой картины. Вместо подписи там странная фраза...

— Какая фраза? — спросил я и почувствовал, что у меня затряслась коленка.

— Какая фраза? — равнодушно переспросил заведующий. — «Я не могу даже подписаться».

Люся вскрикнула и схватила его за руку. Тут произошло нечто невероятное: Витя Переч засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Ребята разом загалдели.

— Дайте доказательства! — кричал Витя Большой.

— Ведите нас, ведите! — Люся тащила за руку упирающегося заведующего.

— Вы с ума сошли! — отбивался тот.

— Вы понимаете, понимаете, — пытался я перекричать общий гам, — есть неизвестный портрет девушки с такой же надписью, портрет спрятан где-то в Любце!

Старик подпрыгнул и схватил меня за плечи.

Задыхаясь и заикаясь, я рассказал ему всё: и про портрет в чулане, и как Роза блины пекла, и про Тычинку...

Куда девалась прежняя сухость и строгость заведующего! Слушая мой рассказ, он то приподнимал брови, то открывал рот, его очки подсакивали на носу, густые усы шевелились. Не говоря ни слова, он взмахнул руками и помчался через все залы, выбежал на улицу, понесся по липовой аллее к белому двухэтажному дому, спрятанному за кустами сирени.

¹ Натюрморт — французское слово. Точный перевод — «мертвая природа». Картина, на которой изображают овощи, фрукты, битую птицу, рыбу, посуду, цветы, оружие.

Мы побежали за ним; последней семенила, теряя на ходу тапочки, Магдалина Харитоновна. Деревянная лестница задрожала от топота тридцати пар ног. Мы очутились в большом зале второго этажа. Множество картин и портретов, больших и маленьких, промелькнуло у меня перед глазами.

— Вот, смотрите.— Запыхавшийся заведующий подскочил к небольшой картине в массивной золоченой раме и указал на правый нижний угол.

Тяжело дыша от быстрого бега, мы все, и взрослые и ребята, молча подходили, по очереди наклонялись, читали бирюзо-зеленую, светлыми буквами на черном фоне, надпись, отступали на несколько шагов и останавливались неподвижно, задумчиво оглядывая самую картину...

На картине был изображен темный дубовый, совсем простой стол, а на столе на первом плане лежал небольшой, с тончайшей серебряной резьбой на рукоятке кинжал, возле кинжала распласталась мертвая птица величиной с голубя, песочно-желтого или, скорее, палевого цвета, с открытым клювом и тускло-свинцовым потухшим глазом. Сзади птицы стоял хрустальный бокал с отбитым краем. Фон картины был неопределенный, синевато-серый.

Три алых пятна были самыми впечатляющими на картине. Одно пятно — это лужица крови на столе под грудкой птицы. Другое пятно — драгоценный камень, кажется рубин, на рукоятке кинжала. Величиной не больше лесного ореха, обрамленный серебром, он сверкал и искрился на солнце ярче огня. И третье пятно — это высокий хрустальный бокал, наполненный темно-красным, почти черным вином. Художник едва дотронулся до хрусталя кое-где светлыми мазками, и бокал заиграл и заискрился алым и алмазным блеском еще ярче рубина.

То ли ребята устали, то ли нас так захватила картина, но мы долго стояли перед нею молча. Я заметил слезы на Люсиных ресницах...

Вдруг кто-то прижался ко мне. Я оглянулся: ага, близнец с черным ремнем,— значит, Женя.

— Доктор, я такого никогда не видел!— сказал он.

Я чувствовал — мальчик хотел сказать что-то очень для себя важное, но, видимо устыдившись своего невольного порыва, отошел и спрятался за спины других.

— А скажите, откуда у вас этот натюрморт?— спросила Магдалина Харитоновна.

Кажется, и ее проняло, она волновалась не меньше нас.

— Откуда? Из бывшего дворца Загвоздецких, когда-то богатейших здешних помещиков. У нас имеются неопровержимые доказательства, что именно в Любце художник писал эту картину, и, следовательно, жар-птицы и раньше водились в наших местах. Видите, у бокала отбитый край. Именно этот самый бокал, также принадлежавший Загвоздецким, теперь находится у упомянутого мною Номера Первого.

— Так кто же художник и почему он не смог подписаться? — с дрожью в голосе спросила Люся.

— Мы тут с Номером Первым и Третьим,— невозмутимо начал заведующий,— совместно длительное время обсуждали этот вопрос. Поскольку в архивах нет никаких данных о пребывании здесь в первой половине XIX столетия каких бы то ни было известных художников, мы высказали такую догадку: этот натюрморт написал сам Загвоздецкий. Его поразила невиданная птица, и он решил ее запечатлеть на картине. Кстати, знатоки находят, что натюрморт принадлежит кисти несомненно талантливого человека, но не художника-профессионала: и бокал чересчур ярок, и тело убитой птицы не совсем...

— Ах, неправда! — невольно вырвалось у Люси.

Заведующий сделал вид, что не расслышал этой неожиданной реплики, и спокойно продолжал:

— Загвоздецкий был полковником, а по тогдашним нравам считалось зазорным для аристократа прослыть художником, вот он и начертал: «Я даже не могу подписаться». Кстати, взгляните — портрет его самого.

Невдалеке от натюрморта висела маленькая акварель. В зеленом мундире с орденами, с золотыми эполетами был изображен по пояс очень красивый, очень статный, холеный барин. Что-то волчье было в его холодных, бесстрастных глазах, в его квадратном подбородке. Этот человек никогда не стал бы декабристом, но он мог отдавать команду стрелять в декабристов, мог допрашивать их...

— Разве это художник? Это Скалозуб! — насмешливо бросила Люся.

— Девушка, ваша горячность мне нравится. Возможно, мы с Номером Первым ошибаемся.— Наш собеседник улыбнулся.

«Да он вовсе не такой сварливый, как мне показалось!» — подумал я.

— Считаю своим долгом заметить,— продолжал заведую-

щий,— мнение Номера Седьмого также резко расходится с нашим.

— Папа, что это за номера, как в задачнике? — шепнула Соня.

— Я все разгадываю: что означают эти номера? — глубокомысленно произнес Витя Большой.

Меня тоже давно заинтересовали эти таинственные цифры. Почему такой несомненно почтенный старик, говоря о других, очевидно также весьма почтенных людях, попросту нумерует их? Но я как-то не решался об этом спросить.

Мы двинулись к выходу. Я рассеянно оглядывал стены, увешанные портретами чванных вельмож в напудренных завитых париках, со звездами и атласными лентами на расшитых золотом и шелком камзолах; очевидно, все эти вельможи были чьими-то знаменитыми предками... Но нам всем почему-то расхотелось продолжать осмотр музея.

Магдалина Харитоновна было всполошилась:

— Позвольте, за билеты уплачены деньги, а ребята забастовали!

Заведующий ее успокоил и обещал в следующий раз пустить всех бесплатно.

Выйдя во двор, мы остановились возле приземистой белой башни кремля. Очевидно, надо было благодарить, прощаться, договариваться о новой встрече.

— А что находится внутри башни? — спросил Витя Большой и одновременно выразительно мне подмигнул.

— В настоящее время тут хранятся ящики со старинными документами из архивов бывших помещичьих усадеб, из купеческих домов, дореволюционные архивы городских присутственных мест,— равнодушно ответил заведующий.

— Может быть, вы нам покажете? — попросил Витя Большой.

— Нет, молодой человек! Мы открываем двери только для научных исследований. А кроме того, башня настолько обветшала, что из стен могут вывалиться камни.— Он замолчал.— А знаете, чей это портрет, если он только действительно существует? — задумчиво добавил он, ни к кому не обращаясь.— Это портрет Ирины Загвоздецкой, дочери полковника.

— А что известно об этой Ирине Загвоздецкой? — спросила Люся.

— А разве в вашем Золотом Бору ничего о ней не слышали? — удивился заведующий.

Мы молча переглянулись. Нет, никто из нас никогда ни одного слова не слышал об Ирине Загвоздецкой.

— Ну как же, Номер Седьмой собирался даже написать о судьбе этой девушки специальное историческое исследование, но за недостатком материалов, к сожалению, вынужден был оставить свое намерение...

— Есть охота,— уныло протянул Володя.

— Правда, кушать очень захотелось,— печально произнесла Соня и взглянула на меня.

Как же рассердились все остальные двадцать шесть ребят и Люся!

Кто-то хлопнул Индюшонка по спине, кто-то дернул Сою за косу... Все закричали:

— Как не стыдно! Как не стыдно!

— Соня! — Я даже покраснел за свою дочку.

— Да, правда, очень хочется.— Соня тяжело вздохнула. Заведующий рассмеялся:

— Вы сейчас действительно идите в чайную, а историю Ирины Загвоздецкой вам лучше всего расскажет Номер Третий — директор школы-десятилетки. Школа помещается в бывшем дворце Загвоздецких. Вы там будете, наверное, ночевать.

— Простите, еще один вопрос,— сказала Магдалина Харитоновна.— Вы по каким-то причинам несколько странно называете, видимо, весьма уважаемых граждан. Не находите ли вы, что это антипедагогично, особенно при детях?

— Нисколько не нахожу! — резко ответил старик.— Видите ли, среди людей встречаются эдакие живчики, энтузиасты своего дела, увлеченные им; даже, я бы сказал, одержимые в некотором роде. Вот, например, жил когда-то в Любце Номер Четвертый, работал бухгалтером на бутылочном заводе, каждый день костяшками своими щелкал, а в свободное время разводил георгины, и не какие-нибудь темно-пунцовые «Цыганки» или снежно-белые величиной с подсолнечник — «Советскую Арктику», нет, приспичило ему выводить георгины голубые, а таких ведь на свете не существует, до сих пор еще никто на своих клумбах не вырастил. Или другой пример: Номер Пятый — изобретательница пирогов. Все свободное время она тратила на опыты с пирогами, пекла их и приглашала знакомых. Изобрела она пирог, именуемый «утопленник», так теперь весь Любец на дни рождений и прочих торжеств печет исключительно «утопленники».

— Послушайте, где достать рецепт? — не утерпела Магдалина Харитоновна.

«Это и мне понадобится,— подумал я,— привезу жене вместо варений и солений хоть рецепт удивительного пирога».

— А откуда все-таки пошли эти номера? — не унималась Люся.

Заведующий оживился.

— О, это целая история! Еще до войны как-то приехал сюда...— Он спохватился и перебил самого себя: — Простите, очевидно, вы все хотите есть, а не только эта толстушка? — И он указал на оторопевшую Соню.

— Нет, нет, рассказывайте, пожалуйста, рассказывайте!

И Люся, и Магдалина Харитоновна, и дети обступили старика.

Только Володя-Индюшонок отвернулся и стал мрачно жевать рукав своей рубашки.

— Рассказывайте, я вас буду слушать, я буду терпеть,— покорно вздохнула Соня.

— Вы о художнике Ситникове, конечно, слышали? — Заведующий назвал одного из наших славных мастеров прошлого столетия. Целый зал в Третьяковке был отведен его картинам и пейзажам.— Так вот, у Ситникова есть сын, в настоящее время глубокий старик, так называемый Номер Седьмой. Незадолго до войны приехал он к нам со своей семьей и знаете зачем? Специально, чтобы разузнать, для какой такой цели лет сорок назад его папенька посетил наш город. Он всех нас перетревожил. «Существует письмо моего отца к моей матери. Отец убежден — с вашим натюрмортом связана какая-то тайна. Такое замечательное произведение искусства, и никто не знает, кто его автор. Ищите, ищите!» — тормозил нас Номер Седьмой. И мы начали искать. Все лето шарили, все эти ящики с бумагами, что в башне сейчас хранятся, пересмотрели, всех любецких старожиллов переспросили. И ничего! Вот почему меня так несказанно взволновал ваш рассказ о портрете.

— А может, вы не все ящики открывали? — спросил Витя Большой.

— Не беспокойтесь, молодой человек, когда историки ищут, они не пропускают ничего! — Заведующий повысил голос: он явно начал раздражаться.

— А может, вы хоть одного меня в башню пустите? — вкрадчиво попросил Витя Большой.

— Молодой человек, не мешайте мне рассказывать! — резко оборвал его заведующий.

Некоторые мальчики отошли и о чем-то оживленно и едва слышно зашпорили...

Вдруг кто-то легонько толкнул меня в бок. Я оглянулся. Оба близнеца яростно шептали:

— В башне, в башне он прячет портрет. Он все врёт, нарочно не пускает!

— Сын художника Ситникова,— продолжал свой рассказ заведующий, не обратив внимания на шепот мальчиков,— был как раз такой живчик и непоседа. И подобных непосед в нашем городе он насчитал шесть человек. Но, к сожалению, для их обозначения на русском языке существует весьма длинное, неуклюжее слово с приставкой, суффиксом и окончанием. Вот сын художника нам и предложил: давайте это неуклюжее слово долой, а чтобы вас как-то различать, дадим каждому порядковый номер.

— Какое же это слово? — спросила Магдалина Харитоновна и вытащила голубой альбомчик и авторучку.

— И-зы-ска-тель,— медленно проскандировал заведующий,— то есть человек, который что-то ищет...

— На земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе,— начала декламировать Соня. А за ней подхватили и остальные.

— Совершенно верно,— неожиданно улыбнулся старик.— И добавьте: у себя в комнате, у себя в саду, у себя на работе.

Я был буквально ошарашен удивительным совпадением с Мишиной теорией и переглянулся с Соней.

— А люди, которые ничего не ищут и не хотят искать — это тьюфяки? — пропищала Соня.

— Нет, до тьюфяков мы не додумались.

— Простите, ваши изыскатели — Номер Первый, Третий, Четвертый и так далее. Почему вы пропустили Номер Второй? — заинтересовалась Люся.

— Какая вы, девушка... — И заведующий недовольно кашлянул, так и не докончив Люсиной характеристики.— Видите ли, это как раз единственное, по моему мнению, не совсем удачное прозвище.

— Нам нужно познакомиться со всеми Номерами,— настаивала Люся,— они давно живут в Любце, и я уверена, они помогут нам искать портрет. Кто же Номер Второй?

— Видите ли, собственно говоря, это я. Но я давно уже перестал что-либо искать.

Ребята, заткнув ладонями рты, едва удержались от смеха. Соня прыснула на весь кремлевский двор.

— А Номер Четвертый, — старик сделал вид, что ничего не расслышал, — представьте себе, исчез, так и не вырастив голубых георгинов. Его дом снесли, когда расширяли бутылочный завод и организовали новый хрустальный цех. Этот человек так расстроился и обиделся, что уехал неизвестно куда. А Номер Пятый, как я вам говорил уже, изобретательница «утопленника», — она как раз жена этого живчика. А Номер Шестой... — продолжал свою речь заведующий, казалось, он говорил не о живых людях, а объяснял, куда какой трамвай ходит. — А Номер Шестой — это сын живчика, Ларюшка, озорник был невыносимый, но, между прочим, в двенадцать лет рисовал чуть-чуть похуже своего дедушки.

— А как он баловался? — не утерпел Витя Перец.

— А вот как. Когда человечество изобрело керосинку, оно не додумало одной детали: что делать, если фитиль провалится внутрь? Попробуйте-ка вытащить. Так вот, упомянутый Ларюшка однажды прокрался в мою кухню и вернул фитиль. Пробовал я на палочку накручивать, вязальным крючком зацеплял — безрезультатно. Так и прозябает с тех пор моя керосинка с фитилем внутри; пришлось электроплитку завести. — Номер Второй глубоко вздохнул, потом продолжил свой рассказ. — А Номер Седьмой — это он сам, главный непоседа. Кстати, он живет от вашего Золотого Бора не так далеко вверх по реке. Живописное место на высоком берегу реки. Он сейчас директор Ситниковского музея. Слыхали об этом музее?

— Ну конечно! — ответила Люся.

— В путеводителе о нем целый абзац, — добавила Магдалина Харитоновна.

— А Ларюшка в настоящее время превратился во взрослого Иллариона и живет в Москве. Говорят, талантливый художник. Ну, кажется, все. — И Номер Второй совсем не сердито посмотрел на своих слушателей из-под очков. — А теперь, товарищи, идите скорее в чайную.

Должен сознаться: после дороги, после осмотра музея, после всех этих рассказов о Номерах голова моя ходуном ходила, и я готов был проглотить три тарелки борща с бараниной.

СМОТРИМ, СЛУШАЕМ, УДИВЛЯЕМСЯ

За обедом договорились начать наши поиски с изыскателя Номер Первый, но, увы, забыли спросить его адрес.

— А я знаю! Я знаю! — И Витя Перец запрыгал на одной ножке. — Я в чайной одну тетеньку спросил, а она меня тоже спросила: «Какой тебе первый номер — старичок или гастром?» А я сказал: «Старичок». Вот он где живет. — И Перец показал на зеленую крышу, едва видневшуюся меж ракушек на самом дне оврага.

Ох, не люблю я такие картинки, какая как раз висела на воротах этого дома! Страшенная собачья морда с разинутой красной зубастой пастью, а под мордой — аккуратненькие буковки: «Осторожно, во дворе злая собака!»

Мы остановились в нерешительности. А забор был высокий и глухой, и дом спрятался в самой глубине сада.

Вдруг отворилась калитка, и оттуда с ужасающим лаем выскочило серое чудовище — овчарка величиной с тигра. Чудовище с лаем принялось носиться и прыгать по улице. Девочки завизжали, мальчики вскрикнули, все бросились в разные стороны, иные полезли на деревья, на забор, а зверюга подбегала к одному, к другому, обнюхивала нас, махала хвостом, вновь убегала.

— Не бойтесь, не бойтесь, он же совсем щеночек!

У калитки стоял маленький кругленький старичок, одетый в синюю длиннополую спецовку. Лицо его напоминало детский воздушный шар. Я не заметил на этом шаре никакой растительности — ни усов, ни бороды, а брови и ресницы будто кто-то выщипал или опалил. На его голой, блестящей голове не было ни одного волоса.

— Майкл! Майкл! Сюда, сюда! — позвал он.

Пес громадными прыжками подскочил к старичку и облизал его пухлые румяные щечки и кругленький носик.

— Здравствуйте, ребятишки! Как хорошо, что вы пришли! — улыбнулся старичок и показал рукой. — Смотрите, у ворот, на земле — железный лист. Это сигнал. Вы на лист наступили, а у меня в доме звонок — дзын!.. Видите, на воротах зеркальце, а там, на дереве — другое, а на форточке — третье. Я к окошку подошел и вон откуда вас углядел.

Все смотрели и на лист и на зеркала и удивлялись.

— Вы от Номера Второго? Он вас направил?

— Да.

— Очень хорошо! Он всегда ко мне посылает занятных экскурсантов.— Старичок наклонил свою лысую голову набок, внимательно и весело осмотрел всех нас.

Ребята не очень-то его слушали. Они окружили Майкла.

Пес фыркал и улыбался так радостно и беззаботно, как улыбаются только очень молодые породистые овчарки, высывая при этом длиннющий красный язык. Он был, как сказал поэт, «по-собачьи дьявольски красив» — поджарый, стройный, на высоких, изящных лапах. На его острой морде с темными кольцами вокруг глаз, с черными бровями стояли прямые треугольники ушей.

Девочки уже называли его: «Майклушка-душка», мальчики пробовали садиться на него верхом.

— Послушайте, послушайте, вы его замучаете!

Старичок растолкал всех, надел на Майкла ошейник и потащил его, к великому огорчению ребят, в дом.

— Итак, о чем же вам рассказать? — спросил он, возвратившись, и посмотрел на нас чуточку посерьезнее.

— Видите ли,— сказал я,— у нас есть несколько совершенно животрепещущих вопросов.

— Ах, если животрепещу-

щие, пожалуйста сюда.— Старичок уже совсем серьезно сморщил лоб и указал на стол и на лавочки, вкопанные под большим развесистым вязом.

Все расселись вокруг стола, кто на лавочках, кто на траве.

— Так с чего прикажете начать? — спросил он.

— Жар-птица,— подсказала Соня.

— О какой жар-птице? А-а-а, верно, о желтой галке. Этот Номер Второй! Вот уже сколько лет он меня за нее корит. Как ему только не надоест! — Старичок кротко улыбнулся.— Расскажу, расскажу. А еще что?

— У вас как будто хранится один бокал? — спросил Витя Большой.

— Это с отбитым краем, что ли? — Старичок усмехнулся.— Какой Номер Второй быстрый — все вам успел пересказать. Потом поведу вас к себе домой — не только бокал покажу. Еще какие вопросы?

— Еще портрет. Что вы знаете о портрете? — Люся выразительно посмотрела на Номера Первого.

— О каком портрете?

Снова я рассказал все ту же длинную историю.

Номер Первый слушал с закрытыми глазами, поглаживая свой круглый живот, и только время от времени надувал щеки и вставлял: «Как интересно! Как интересно! Я никогда об этом ничего не слышал».

Когда же я кончил, он несколько секунд сидел неподвижно, все так же с закрытыми глазами и надутыми щеками.

— В угловой башне кремля,— таинственно начал он,— хранится разное старье из дворца Загвоздецких — ящичков двадцать писем и документов из их архива. Вы еще спать будете, а я завтра утречком раненько в кремль побегу, запрусь в башне и кое-какие документики еще разок почитаю.

— Значит, с утра вы запретесь в башне? — испытующе переспросил его Витя Большой.— А можно мне с вами?

— К сожалению, маленьких туда не пускают.

Витя Большой даже побледнел...

— Не могу, не обижайся, дорогой, это категорически запрещено, молодой человек. Там кирпичи на потолке едва держатся. Есть у меня насчет портрета кое-какие догадки, только я вам о них перед самым вашим обратным походом скажу. А теперь слушайте...

Старичок уселся поудобнее и начал свой рассказ тихим, воркующим голосом:

— Вот что случилось в нашем городе лет сорок назад.

Однажды в солнечный сентябрьский денек в углу базарной площади стоя грачей и галок бойко клевала рассыпанный овес. И среди этой стаи любезные граждане заметили диковинную птицу желто-палевого цвета. Птица эта вела себя так, словно она нисколько не отличалась от своих подруг, так же перепархивала с места на место, ссорилась, кричала по-галочьи.

А через три дня и на улицах, и в учреждениях, и особенно в школах только и было разговоров, что о желтом чуде.

Утром птицу видели на кремлевской башне, к вечеру она перелетала за реку и разгуливала по песку, а на следующий день снова обедала на базарной площади и отправлялась ночевать неизвестно куда.

Мальчишки с уроков удирали, из рогаток стреляли, просто кидали камнями. Взрослые готовили сети, ловушки. Все старались выследить, где же она ночует.

Я-то музейный работник. И, конечно, был в первых рядах. Я тотчас же убедился, что птица эта поразительно похожа на ту, что изображена на известном вам натюрморте. Хотелось поймать эту диковину живьем. Целую неделю велась охота. Но тут запротестовали школьные директора. Мальчишки-то совсем от рук отбились — в диктанте у них по пятнадцати ошибок! Пришлось мне взяться за свою мелкокалиберку, и на крыше городского кино я застрелил птицу.

Посмотришь: туловище, голова, клюв, лапки — ну самая обыкновенная галка, только не черная, а желто-палевая, потемнее — на головке и на спинке, посветлее — на брюшке. И я, и наши охотники, и наши учителя-биологи перелистали орнитологические¹ книги — Брема, Мензбира, Огнева, Бобринского, — но о такой птице не нашли ни слова.

На следующее утро покати я в командировку в Москву и в кошелке повез свою галочку. Прямо с вокзала махнул я в зоологический музей университета. Обступили меня там профессора, толстые и худощавые, лысые и волосатые, и все, как один, сердитые и важные, вертели мою птицу со всех сторон, в лупу разглядывали, щупали, нюхали, один даже на язык перышко попровобал. И сказали профессора, что есть в природе редкое явление — *альбинизм*, когда по разным причинам у отдельных особей исчезают в коже, в шерсти, в перьях красящие вещества — пигменты, так получают белые животные

---

¹ Орнитология — наука о птицах,

и птицы — белые воробьи, зайцы, вороны... Но имеется в природе в тысячу раз более редкое явление — *хромизм*, когда эти пигменты окрашиваются в желтый цвет. Случаи появления желтых животных и птиц за весь наш двадцатый век можно по пальцам пересчитать. А я привез из своего родного Любца как раз хромовую галку.

Но пока профессора рассматривали мою галочку, кончился рабочий день, и все прочие служащие ушли, заперли кладовку и шкафы.

И в самый этот момент надо же было приключиться такой истории: электричество погасло. Тогда, в те времена, эдакие происшествия то и дело случались.

Толкнулись мы туда-сюда, вдруг — звон, кто-то посуду на столе раскокал. Ну куда галку деть в полной темноте?

Упросили меня профессора взять мою драгоценность обратно и принести на следующее утро, а взамен посулили они мне для нашего музея целых полсотни различных чучел.

Я отправился ночевать к своей старой тетке. В Москве я давно не был, а вы знаете, как обычно тетки любят своих племянников: бросилась она меня целовать и обнимать, повела в комнату. Словом, прошло минут пять, пока я не хватился своей кошелки, которую оставил в прихожей на сундуке. Я выскочил — кошелка на полу, тряпки раскиданы, а сама галочка... Был у тетки отвратительный пушистый рыжий котиче, звали его Барсик. «Ах, Барсик, Барсик,— запричитала тетка,— где ты?» А Барсика и нету. Под диваном, под кроватью, в коридоре, в ванной — нет кота, пропал.

Мы с теткой зажгли фонарь. Руки у меня дрожат, подбодок трясется. Помчались мы на чердак... и — о ужас! — злодей сидит на полу и мою галочку уже успел растребушить, а перья и пух по всему чердаку летают.

Я как закричу! А котиче — прыг в окошко, да на крышу. А в зубах его половина моего сокровища болтается. Окошко маленькое, я едва пролез, а кот уже на соседней крыше. Ну куда мне за ним! Я же не акробат. Подобрал я одно крылышко и спустился к тетке в безысходном отчаянии.

Утром позвонил я профессорам: казните меня, вяжите — величайшую редкость кот слопал. Профессора выругались и повесили трубку.

Вот какова история!

Между прочим, в Любец один писатель приезжал, специально меня про галочку расспрашивал. Потом в журнале «Все-

мирный следопыт» рассказ напечатал. Ну, да там кое-что преувеличено...

Кончил Номер Первый и, тяжело отдуваясь, вытер платочком лысину. Вдруг Соня и Галя вскочили, выступили вперед и, краснея и заикаясь, спросили:

— Вот одну галочку на картинке нарисовали, другую Барсик съел, а третья в ваш город может прилететь?

— Ну конечно! — радостно воскликнул старичок. — Мы с Номером Вторым давненько ее дожидаемся. Когда-нибудь настанет наконец счастливая весна и обыкновенная черная галка внесет золотое яичко и вылупится третье чудо природы. А теперь пойдемте в дом, я покажу вам еще кое-что...

Мы встали и гуськом, стараясь не наступить на грядки, пошли вслед за Номером Первым.

Три комнаты были битком набиты разными любопытными вещами. Жил старичок совсем один с Майклом, с двумя щеглами в клетке и двумя вуалехвостами в аквариуме. На стенах висело несколько охотничьих ружей, бесчисленные охотничьи трофеи: заячьи лапки, крылья разных птиц, от глухаря до куличка, рога оленя, лося и дикой козы. Отдельно в золотой рамке красовалась родословная Майкла.

— Я его назвал Майклом в честь собаки Джека Лондона, — объяснял Номер Первый.

А сам потомок знатных предков неистово прыгал вокруг ребят, в азарте лаял и подвывал.

И ребята больше играли и возились с ним, чем рассматривали коллекции Номера Первого.

Они отпустили пса, только когда старик указал на дюжину кинжалов, разложенных в стеклянном ящике.

— Знаю, знаю, что вы ищете! — вздохнул он. — К сожалению, куда пропал тот кинжал, что на картине изображен, мы не ведаем.

— А где же ваш бокал? — спросила Люся.

— Смотрите! — Номер Первый встал и отдернул занавеску, закрывавшую стеклянную дверку одного из шкафов.

За стеклом на полках, в полутьме прятались хрустальные бокалы, рюмки, стаканы, вазы и вазочки, и граненые, и разрисованные, прозрачные, как вода, и цветные. На верхней полке я узнал тот самый большой бокал с отбитым краем.

Номер Первый дернул за шнурок, на окно упала тяжелая штора. В ту же секунду он щелкнул выключателем, и на задней стенке шкафа зажглась лампочка.

Мы все ахнули. Такого тысячеискроного алмазного блеска я не видел никогда и, верно, никогда и нигде не увижу.

— Эти огни — как люстры в Московском Большом театре! — воскликнула Галя.

А Номер Первый ударил карандашом по одной из вазочек. Раздался тончайший звук, словно где-то далеко-далеко запела флейта. Он ударил по другой вазочке, звук вспыхнул такой же кристальный и мелодичный, но на две ноты ниже. Потом старичок открыл ящик письменного стола и достал темную бутылку.

— Это вино? — забеспокоилась Магдалина Харитоновна.

— Оно сладкое? — выскочила Соня.

— Нет, — тихо произнес Номер Первый, — не очень сладкое. — Он взял в руки тот бокал с отбитым краем. — Видите, что тут нарисовано?

— Птичка! — воскликнула Соня. — Это желтенькая галочка?

— Нет, девочка, — с ласковой усмешкой ответил Номер Первый, — здесь изображен двуглавый орел. Это очень противная птица. Какая ты счастливая, что ничего о ней не слыхала! Смотри, какие у нее злущие глаза. Но обрати внимание, как тонко вырезаны на стекле головы и крылья — все перышки можно сосчитать. Я кое-когда наливаю вино в бокал или до лапок, или до крылышек, а если очень устаю, так до самых головок.

— Налейте сейчас до верха, — попросил Витя Большой.

Номер Первый улыбнулся и налил вино. И бокал при свете электричества от темно-алого, как смородина, вина словно заиграл живой кровью.

— Он еще прекраснее, чем на картине, — прошептала Люся. — Он просто сказочно красив!

Номер Первый поставил бокал на стол.

— А откуда у вас вся эта очень ценная посуда? — не утерпела Магдалина Харитоновна.

— Откуда? — переспросил Номер Первый. — У каждого хрустальная своя история. Этот мне подарили сослуживцы в день пятидесятилетия, этот — в день шестидесятилетия. А бокал с отбитым краем я еще до революции нашел просто на помойке. Господам-то нужны только целые вещи. Кстати, знаете, только вот эти три бокала старинные, а все остальное выпущено теперь. Это советский высокохудожественный хрусталь... Ну, рассмотрелись, дорогие? — Он выключил свет.

Наступило молчание. Всем нам очень не хотелось расставаться с таким необычайным старичком.

Не хотелось, очевидно, и ему. Он внимательно оглядел всех нас, поглаживая свой толстый животик, улыбнулся и сказал:

— Ребятки, у меня есть одно предложение: давайте-ка завтра после обеда организуем прогулку. В пяти километрах от Любца есть очень любопытное место — нечто вроде пещеры.

Гул восхищения прервал его слова.

— Пещера? Глубоко? Темно? Что там спрятано? — посыпались вопросы.

— Увидите — узнаете, — загадочно подмигнул Номер Первый.

— Позвольте, позвольте, для какой же цели спускаться куда-то в подземелье? — заволновалась Магдалина Харитоновна. — И как там в отношении техники безопасности?

— Для какой цели? — переспросил Номер Первый. — Опять-таки повторяю: увидите — узнаете. Вас ведь интересуют достопримечательности родного края? Да вы не беспокойтесь, я десятки раз туда лазил, все там абсолютно прочно, ни один камень на голову не упадет.

— Магдалина Харитоновна, учтите, вы получите очень интересный материал для своего ВДОДа, — сказала Люся.

— Мы целых три странички в голубеньком альбомчике накатаем, — умоляли ребята.

— Ну что же, если вы ручаетесь, что ничего не случится, тогда... — вздохнула наша руководительница.

Одним словом, договорились встретиться завтра в одиннадцать утра.

Мы попрощались с Номером Первым, погладили Майкла и ушли.

Глава восьмая

НЕВЕРОЯТНОЕ ОКОНЧАНИЕ ЭТОГО МНОГОТРУДНОГО ДНЯ

Усадьба Загвоздецких когда-то была за городом, потом город разросся, и старинный парк с неизменными липовыми и вязовыми аллеями превратился в городской сад. Белый двухэтажный дом с шестью колоннами, по стародавней привычке называемый дворцом, стоял в глубине сада. К одной из колонн была прибита вывеска: «Любецкая средняя школа № 1». Во-

круг дома на клумбах росли флоксы, левкой и многие другие белые, желтые, розовые, алые, фиолетовые цветы.

Мы поднялись по широкой каменной лестнице дома, остановились под колоннами и позвонили. Вышла женщина — директор школы, очень высокая, полная, совсем седая, с красно-желтой планкой ордена Ленина на груди. Такую учительницу ребята уважают и слушаются беспрекословно, а любить предпочитают издали: подойти и поговорить с нею все же страшновато. Ой, как долго будет помнить каждый провинившийся школьник, если она скажет ему только два-три строгих слова, и зато как внутренне он весь просияет, если она некоторое время спустя положит ему на плечо свою руку и шепнет лишь одно словечко: «Молодец!» Она была такая почтенная и важная — честное слово, мне очень

неудобно было даже мысленно называть ее «Номер Третий».

— Здравствуйте, дети, — строго произнесла она.

И мы, взрослые — Люся, я, даже Магдалина Харитоновна, — перед ее властным и в то же время обаятельным обликом почувствовали себя именно детьми-школьниками.

— Меня предупредили по телефону, — продолжала Номер Третий. — Вы ночуете в физкультурном зале, кипятилок — в кухне, солону принесете из сарая сами, брезент — в углу зала. Только никаких шалостей! Будете уходить — солону вынести, пол вымыть. Всё?

Я переглянулся с Люсей. Ребята зашептались, Магдалина Харитоновна кашлянула.

— Какие вопросы?

Рискнула Люся:

— Нам сказали, мы слышали... вы хорошо знаете историю дочери полковника Загвоздецкого.

— Да, действительно я занималась историей города Любца и специально изучала архив семейства Загвоздецких. Если

хотите, я вам расскажу все, что знаю, но сегодня уже поздно. Давайте лучше завтра вечером. Так прощайте. Еще раз повторю: не шалить.

И Номер Третий медленно проплыла мимо нас, высоко держа свою белую голову...

Очевидно, лет сто с лишним назад полковник Загвоздецкий задавал в этом зале балы для своей дочери и для окрестных помещиков. Комната была с семью окнами, высокая и просторная.

Я думал, что ребята очень устали и, устроив постели, сейчас же улягутся спать. Не тут-то было. Мальчики увидели деревянного коня и, соперничая между собой, начали показывать свою ловкость. По очереди они разбегались, подскакивали к безголовому коню, упирались руками и перепрыгивали через него.

Я поневоле залюбовался ими. Всех бойчее, всех дальше прыгали оба востроносых близнеца. Витя Перец был маловат ростом, и, как он ни старался, не всегда ему удавалось перепрыгнуть через коня. Витя Большой, важно засунув руки в карманы, предпочитал инструктировать других, а Володя-Индюшонок хмуро уселся в уголке со своим фотоаппаратом.

В конце концов мальчикам надоело прыгать, они занялись лазаньем по шесту, свисавшему с потолка. Витя Большой продолжал ходить вокруг и давать советы. Володя все сидел в углу. Переплетая босые ноги, мальчики один за другим забирались под самый потолок.

Не утерпели и девочки: сбросили тапочки и тоже по очереди попытались взобраться. Но едва-едва они долезали до половины высоты, как с позором съезжали обратно. Соня даже подтянуться не сумела. Одной только Гале удалось сравняться с мальчиками, и то ее подсадили дядюшки-близнецы. Три девочки, обнявшись, подошли ко мне.

— Доктор, вы не забыли, что обещали? Сейчас так славно рассказывать. Мы вас очень просим,— сказала Галя, с хитрецей поглядывая на меня.

«Ну вот, экие неугомонные!»

— Мальчишки, сюда, сюда! — крикнула Галя. — Доктор будет о своих путешествиях рассказывать.

Я растерянно оглянулся, пытаюсь найти какой-нибудь благовидный предлог отказать.

Все мальчики столпились вокруг Вити Большого и о чем-то горячо шушукались.

— Мальчишки! Вы слышите? — капризным голосом окликнула их Галя.

— Мы устали! — объявил один из близнецов.

— Спать хотим! — буркнул Витя Большой и повернулся к нам спиной.

— «Мальчики паиньки, захотели баиньки!» — насмешливо запела Галя детскую песенку.

А те даже не обернулись, тотчас же расстелили одеяла и улеглись. «Просто удивительно, какие милые мальчики: оказались послушнее этих любопытных девчонок — вовремя спать ложатся!» — подумал я, облегченно вздохнул, сел на постель и стал расшнуровывать ботинки.

Девочки, насупившись, отошли от меня и тоже стали укладываться. Люся выключила свет.

— Покойной ночи! Покойной ночи!

Я очень скоро уснул...

* * *

Приятно разговаривать с милиционером, когда подойдешь к нему и спросишь: «Товарищ старший сержант, скажите, пожалуйста, как пройти на улицу такую-то?»

И милиционер откозыряет и бойко ответит: «Сперва идите всё прямо, потом направо, потом налево»...

Не особенно приятно иметь дело с милиционером, когда опаздываешь на работу и при красном светофоре норовишь проскользнуть между двигающимися автомашинами. И вдруг слышишь за спиной свисток и негромкий, но не допускающий возражения голос: «Гражданин, вернитесь обратно».

Но это ночное появление милиционера было совершенно ни на что не похоже.

Я открыл глаза. Комната была ярко освещена, на пороге стоял стройный молодой человек в блестящих сапогах, с красным околышем на фуражке, с красными погонями на белой гимнастерке.

— Кто тут старший? — спрашивал милиционер.

Первой моей мыслью было укрыться одеялом с головой, поджать ноги, притвориться спящим — я ведь посторонний, я тут совершенно ни при чем. Но, увидев Магдалину Харитоновну распростертой на стуле в полубморочном состоянии, я откинул одеяло и приподнялся.

— Старшая тут я, — смело ответила Люся.

Я оглядел постели. Моя дочка мирно прикорнула рядышком, остальные девочки безмятежно спали, а вместо мальчиков лежали куклы. Да, да, искусно закутанные в одеяла, сделанные из рюкзаков и соломы куклы. Один Володя свернулся в углу, как щенок.

— Старший тут я.— Мой голос был далеко не твердым.

— Старшая тут я.— Голос Магдалины Харитоновны вовсе дрожал.

И Люся, и Магдалина Харитоновна, и я отлично поняли: приход этого стройного молодцеватого юноши в милицейской форме непосредственно связан с исчезновением наших мальчиков.

— Кто отправится сейчас со мной? — стараясь быть очень официальным, очень решительным, спросил юноша.

— Если вы, товарищ, знаете, где наши ребята... — прозвенел голос Люси.

— Куда идти? — простонала Магдалина Харитоновна.

— В отделение, — так же сухо отчеканил милиционер.

— В отделение? — как эхо, откликнулась испуганная Магдалина Харитоновна.

— И побыстрее, пожалуйста, — сказал милиционер.

— Вот что, Магдалина Харитоновна, девочек тоже нельзя одних оставить. — Люся порывисто схватила ее за руку. — Побудьте тут и, пожалуйста, не волнуйтесь, а пойдуте я.

«Что за глупейшая история!» — мысленно пробормотал я и, собрав всю свою решительность, сказал вслух:

— Люся, мне тоже придется пойти с вами.

Когда мы с Люсей вслед за милиционером поплелись по освещенной фонарями липовой аллее, мне почудилось — в черной глубине парка мелькнули таинственные тени.

Всю дорогу Люся пыталась выудить у милиционера хоть какие-нибудь сведения, даже пробовала с ним кокетничать, но тот непоколебимо холодно отвечал:

— Там узнаете.

Капитан милиции, худощавый, подтянутый и сухой, сидел в кресле и писал.

— Садитесь,— коротко бросил он.

Мы сели.

— Так вот, товарищи,— начал капитан и вперил в меня такой взгляд стальных немигающих глаз, что у меня даже во рту пересохло.— Вы — руководители туристского похода, а допускаете подобные безобразия!

— Послушайте!—Голос Люси задрожал.— Где наши мальчишки?

Но мы не успели получить ответ.

Послышались чьи-то торопливые шаги, и в комнату ворвался, хлопнув дверью, Номер Второй, но в каком растерзанном виде! Растрепанный, красный. Его густые усы свисали вниз, очки на носу прыгали, плащ он накинул, очевидно, прямо на белье, грудь была открыта, на голых волосатых ногах были надеты только галоши.

Капитан встал:

— Успокойтесь, садитесь и расскажите, в чем дело!

— Бандиты, грабеж, разбой! — кричал Номер Второй в неопишемом волнении.— Разгильдяй сторож ушел домой ужинать... Они ограбили...

— Вы, насколько мне известно, заведующий музеем? — спросил капитан.

— Да, да! Меня сейчас разбудил сторож... Я побежал к башне... Решетка на бойнице взломана. Мы отперли дверь... Там все ящики перевернуты. Что украдено, не знаю...

— Успокойтесь, успокойтесь, преступники задержаны.

Я просто удивлялся: как мог капитан говорить о таких страшных вещах таким сухим, безразличным голосом?

— Мы сейчас начинаем следствие,— продолжал капитан.— Пожалуйста, садитесь и слушайте.

Номер Второй сел.

— Так где же наши мальчишки? — В голосе Люси прозвучало отчаяние.

— Ах, и вы тут! — удивленно протянул Номер Второй, только сейчас заметив меня и Люсю.

Капитан начал читать. Я едва понимал его речь, до моего сознания доходили только отдельные, не всегда связанные между собой слова.

— «Мы, нижеподписавшиеся... составили настоящий протокол в том, что младший сержант такой-то, проходя в двенадцать часов тридцать минут ночи вдоль кремлевской стены, заметил подозрительную группу... Злоумышленники с помощью брючных ремней залезли в башню... взломали на окне решетку... Сержантом милиции таким-то, младшим сержантом таким-то на месте были задержаны... Передать дело органам прокуратуры...»

— Не может быть,— крикнула Люся,— чтобы наши мальчишки!..

— Это ваши экскурсанты натворили? — Номер Второй вскочил и даже уронил очки.

— Сержант,— обратился капитан к милиционеру, стоявшему у двери,— приведи этого, самого высокого.

Весь взъерошенный, с царапиной на щеке, босиком, с разорванной штаниной предстал перед нами Витя Большой.

— Вот — полюбуйтесь,— презрительно сказал капитан,— председатель совета отряда!

— Это я ребят подбил, судите одного меня,— угрюмо уставившись в пол, пробормотал Витя Большой.

— А ты не хвастайся своими проделками! — перебил его капитан.— Там разберемся, кто виноват, кто не виноват. Скажи, зачем вы залезли в кремлевскую башню?

— Я не могу этого сказать и не скажу никогда! — Витя Большой стиснул зубы, сжал кулаки.

— Сержант, давай сюда всех,— приказал капитан.

Привели пятерых, в том числе и Витю Перца, еще более ободранного и исцарапанного: двумя руками он держался за штаны, грозившие упасть.

Где же остальные шестеро? Где оба брата-близнеца? Где другие мальчишки?

— Так вот, храбрецы, чистосердечно признайтесь и расскажите, зачем вам понадобилось взломать решетку и залезть в башню через окно? — Капитан по очереди обвел всех своим внимательным взглядом.

Молчание...

— Так. Никто не скажет? Очень хорошо! Оказывается, вы не туристы, не юные пионеры, а настоящие воры.

— Мы не воры! — крикнул Витя Перец и выступил вперед.

Его широко раскрытые черные глаза метали молнии. В этот патетический момент чуть не упали его штаны, он едва успел их подхватить на лету.

— А кто же вы?

— Мы — изыскатели! — Перец гордо и вызывающе поднял голову.

— Изыскатели? — удивленно переспросил капитан.

Вдруг Номер Второй подскочил к столу:

— Товарищ офицер, я понял, для меня все ясно. Разорвите этот протокол, пусть ваш прокурор спокойно спит. Они действительно не воры, они настоящие изыскатели. Кстати, решетка в бойнице, хотя и первой половины семнадцатого столетия, но проржавела насквозь, только пальцем тронуть. Доктор, а вы, пожалуйста, разъясните истинные причины, побудившие ребят залезть ночью в башню.

— Очень прошу, один вопрос, — выступила вперед Люся, — а где еще мальчики?

— Сержант, поясни.

— Они, товарищ капитан, — огромный белокурый милиционер улыбнулся, — всё одно как воробьи с подоконника — во все стороны. Я полагаю, к утру прилетят. Без этой амуниции

далеко не убегут.— И он вывалил на стол целую связку брючных ремней.

— Да, так слушаю вас, товарищ врач.— И капитан взглянул на меня своими немигающими глазами.

Хорошо, что я уже рассказывал эту историю несколько раз и потому смог без запинки отбарабанить все, начиная от рассказа Тычинки и кончая таинственной надписью на музейном натюрморте.

— Значит, вы, ребята, искали в башне этот портрет? — спросил капитан.

— Да, портрет,— ответил Витя Большой, смело глядя в глаза капитану.

Номер Второй, до сих пор молча слушавший мой рассказ, вдруг вскочил и затряс кулаками перед физиономиями мальчиков.

— Как вы могли подумать? — кричал он; его очки, усы, седые волосы на голове тряслись в такт его крику.— Я старый изыскатель, и я вдруг запрячу в башне это ценнейшее произведение искусства? Да я бы выставил его в нашей картинной галерее, чтобы туристы со всей страны приезжали к нам и любовались...

— Мы думали... и Витька Большой думал, и все ребята,— затараторил Витя Перец (соскакивающие брюки не давали ему возможности жестикулировать),— вы в башне портрет прячете, и Номер Первый тоже хитер, сам вперед нас хотел залезть... И как меня сквозь окошко спустили и я карманным фонариком засветил, а там пылища, я чихнул... и фонариком во все стороны, а там ящиков, ящиков заколоченных — гибель, и какие-то палки, и стулья сломанные, и стол... Я фонариком еще раз туда-сюда, и правда никакого портрета там нету. А кинжал? Не знаю, может, в ящиках... Я кричу: подымай! Я думал, это ребята, а это милиционер подымает. Я из окошка — прыг! Прямо ему на голову. А если бы не прыгнул, никогда бы меня не поймать...— Он вздохнул и жалобно добавил: — Товарищ капитан, отпустите нас, мы больше не будем.

— Что не будете? Портрет искать не будете? — Капитан неожиданно улынулся.

И мы все, и ребята и взрослые, тоже улыбнулись. Мы поняли — сейчас отпустят.

— Будем портрет искать, и кинжал, и художника,— решительно ответил Витя Большой и, насупившись, добавил: — Только не такими беспорядочными способами.

— Правильно! — воскликнул Номер Второй. — Портрет искать действительно совершенно необходимо.

— Мне тоже приходится иногда искать, — задумчиво сказал капитан, — но я разыскиваю совсем иное. Если вам понадобится мой совет как специалиста, всегда готов вам помочь. А теперь — вот ваши ремни, идите спать.

Ребята выскочили из милиции, как пули из автомата. Я, Люся и Номер Второй вежливо распрощались и вышли на пустынную улицу; издалека донесся затихающий топот дюжины пяток.

Условились мы с Номером Вторым о следующей встрече и разошлись в разные стороны.

Куда же делись остальные мальчишки?

Я не принимал никакого участия в их похождениях и потому не смогу рассказать о мальчишеских передрягах во всех подробностях. К счастью, Магдалина Харитоновна поручила обоим близнецам записать для своего высокоценного ВДОДа, что же произошло со всеми теми, которых милиционеры не поймали.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА БЛИЗНЕЦОВ

Милиционеры выскочили все разом. Их было четверо. Витька Большой первый засыпался. Он держал связанные концами ремни и не видел милиционеров. Мы побежали, а двое — за нами. Они сапогами стучат, сами свистят. Без ремней бежать — ух как неловко! Одной рукой — за штаны, а другой машешь. И все равно милиционеры отстали; разве кто нас догонит?

Мы в огороде, в огурцах, залегли. Стали считать, сколько нас. Только шестеро. Значит, половина мальчишек в плену. Мы подумали: может, пойти их выручать? Да там, верно, решетки на окнах, часовые вокруг ходят. Лучше утром на разведку, а сейчас все равно ничего не видно. Сады совсем черные, только в окошках огонечки и на небе звездочки.

Надо на улицу выходить — и в ту белую школу. А в какую сторону податься, не знаем. Вдруг — забор. Перелезли, а там сад яблоневый, и яблок на каждом дереве туча. Но мы на яблоки только одним глазком глянули. Вдруг черная собака — больше Майкла, больше льва — как гавкнет!.. А мы — от нее через забор... По огородам долго бродили, на прогон наткнулись и на

улицу вышли. Пошли потихоньку вдоль палисадников, подальше от фонарей держались. Только стали к парку подходить, смотрим — милиционер нашу Люсю и доктора забрал и ведет.

Люся так жалостно просит:

«Товарищ милиционер, отпустите!»

А доктору, видно, нехота в милицию идти. Все хромает да вздыхает.

Мы хотели потихоньку прокрасться да лечь. Девчонки спали, а Магдалина Харитоновна — вот какая хитрая — услышала нас.

«Вы где были? Вы откуда?»

А мы говорим:

«Ходили спутник наблюдать», — и под одеяла, и захрапели.

Она долго к нам приставала: «Где да где?» А мы нарочно стали громко храпеть, будто спим крепко, и взаправду уснули. Как из милиции наши вернулись, мы и не слышали.

...На этом запись близнецов в голубом альбомчике оканчивается.

Утром, пока умывались, пока завтракали, мальчики с хохотом рассказывали о ночных треволнениях. Они разделились на две партии: одни хвастались, что в милиции побывали, другие — что от милиционеров так ловко удрали.

Девочки, срочно латая мальчишечью одежку, с явным восхищением смотрели на тех и на других героев и, видимо, гордились ими.

Один только всеми забытый Володя-Индюшонок сердито сопел над фотоаппаратом, но я был уверен — в душе он очень завидовал остальным мальчишкам.

Магдалина Харитоновна начала было о «неописуемо отвратительных нарушениях дисциплины», грозила все рассказать Елене Ивановне, но Витя Большой прервал ее:

— Магдалина Харитоновна, в милиции нас простили, и вы тоже простите. Ведь мы изыскатели.

— И давайте тоже назовемся номерами, — предложил один из близнецов и поднял кверху свой острый нос. — Какой у них был последний? Седьмой?

— Здорово! — воскликнул Витя Перец и подскочил ко мне. — Вы, дяденька доктор, будете изыскатель Номер Восьмой, идет?

— А Магдалине Харитоновне отдать Номер Девятый? — пробурчал Витя Большой. — Дудки!

— Пускай, добрее будет, — шепнул другой близнец.

Десятый номер получила Люся.

Галя выразительно посмотрела на меня своими большими, как у олененка, глазами и робко сказала:

— А Номер Одиннадцатый... Мне очень хочется... Пусть будет ваш сын Миша.

Ребята распределили между собой все номера. Тридцать восьмой достался Гале, а тридцатый девятый, как самой младшей, Соне. И я и Соня были очень довольны. Мы выдержали изыскательский экзамен на пять с плюсом.

— Эх, пионеров не хватает для круглого счета! Сорок изыскателей — куда бы занятней! — воскликнул Витя Перец.

Вошла Номер Третий — директор. Мы сразу притихли. «Знает она или не знает?» — думал я.

— Здравствуйте, дети!

Все вскочили и весело приветствовали ее.

— Ну, как спали?

— Спасибо, очень хорошо! — звонко, хором ответили ребята. И ведь ни один не улыбнулся, не запнулся!

— Очень рада, что хорошо. — Номер Третий что-то чересчур внимательно осмотрела всех нас, медленно повернулась и так же медленно вышла.

Я вздохнул с облегчением. Кажется, она не знает и не подозревает.

Глава девятая

СПЕРВА ПОД ЗЕМЛЮ, ПОТОМ, КАЖЕТСЯ, НА МАРС

Наша тропинка петляет по скошенному лугу. От стогов сена струится тонкий чайный запах, далекий ястреб плавает в синем небе. Направо неширокая речка то прячется в густых ольховых зарослях, то подбирается к самой дороге темными глубокими излучинами. Налево тянется крутой склон, поросший тощими сосенками и березками, кое-где меж деревьев сквозят пролысины белесых известняковых обрывов.

Мальчики сняли брюки, девочки — шаровары.

В одних синих трусах и голубых майках они скачут босиком, налегке и кричат, заливаются, хохочут. Поневоле хочется любоваться нашими стройными, юными спартанцами. С ними вместе носится, высунув длинный язык, милейший Майкл, такой же юный и беззаботный.

А мы, взрослые — Магдалина Харитоновна, изыскатель Номер Первый и я, — шествуем сзади. Мы несем три пустых рюкзака, три геологических молотка, кусок сапожного вара для будущих факелов и два электрических фонарика. Мы — большие, нам положено идти неторопливым шагом и вести серьезные разговоры.

Рассказывает Номер Первый. Рассказывает увлеченно, горячо, размахивает своими короткими пухлыми ручками, то ммурит, то поднимает чахлые, бесцветные брови, надувает щеки...

— Помните у Джека Лондона? Запрятался человек в непроходимые лесные трущобы и на берегу ручья моет золото. Иной раз за много дней труда он не найдет ни миллиграмма; и вдруг ему начинают попадаться драгоценные крупинки, то совсем ничтожные, как пыльца ромашки, то побольше, как просяное зернышко. Золотоискатель волнуется, руки его дрожат,

он забывает всё на свете... Вот и я такой. Забрался сегодня с семи утра в кремлевскую башню, роюсь среди старых бумаг, шарю, ищу, чихаю от пыли, перелистываю, читаю все эти поблекшие письма... Все надеюсь: а вдруг блеснет золото и я вытану хоть фразу об интересном историческом факте, хоть туманный намек на такой факт. И чего там только не попадается: какая-то помещица сообщает барыне Загвоздецкой о покупке новой шляпки, управляющий имением пишет полковнику о скоростижной смерти борзой собаки... Еще до войны, когда приезжал к нам Номер Седьмой, все эти документы до последней строчки мы переглядели. Сейчас я их снова перечитываю. Вы своими рассказами словно подтолкнули меня. Мне еще больше вашего захотелось найти хоть песчинку сведений о портрете и о художнике, но нет, не намывается золото, да и толкно... Впрочем, я сделал одну любопытную выписку из письма к полковнику Загвоздецкому.

Номер Первый вынул из кармана блокнот и стал читать на ходу:

— «В окончание своего доклада должен присовокупить: заходил ко мне малый ваш, Егорка, коего вы отдали в учение в Академию, показывал бумагу. Я сию бумагу прочитал и убедился, что успехи в науках и художествах означенный малый имеет весьма отменные, а посему советую не брать его сейчас на хрустальный завод вашего благородия, а годок еще погодить, пускай учение продолжает; а впрочем, на все ваша воля, и, коль приказание ваше будет отправить его из Санкт-Петербурга в Любец, так и поступлю без замедления. Остаюсь при сем нижайший и покорный слуга вашего благородия отставной коллежский асессор Пантелеймон Семикрестовский, 8 генваря 1837 года». Пока я еще ничего путного сказать об этом письме не решаюсь,— говорил Номер Первый,— знаете, чешуйки слюды тоже блестят, как золото. Но нюх-то изыскательский у меня есть. Думается мне, напал я на какой-то след... Да, между прочим,— добавил он,— кто это там в башне так набедокурил?

Витя Перец, последнее время болтавшийся у меня под ногами, почуял недоброе и ускакал далеко вперед. Однако Люся и Витя Большой его поймали и притащили.

— Послушай, дорогой! — укоризненно поглядел на него Номер Первый.— Что же это такое? А? Ящики вверх тормашками, книги разбросаны. Разве изыскатели так обращаются с историческими документами? Я насилу прибрал.

Витя Перец мрачно засопел и уставился в одну точку. Ко-

гда же Номер Первый перевел дух, собираясь продолжать нравоучения, он шмыгнул в сторону и скрылся за кустами.

Ребята дожидались нас у высокого белого известнякового обрыва, круто спускавшегося к речке. Обрыв так ослепительно сверкал на солнце, что я невольно прищурил глаза.

— Видите, ребята, сколько тут камня-известняка, — объяснял Номер Первый. — Когда-то тут было море, миллионы лет подряд моллюски умирали, их раковины падали на дно, одни на другие, и за миллионы лет этих раковин накопилось так много и они так плотно слежались, что их остатки превратились в белый известняк. А теперь смотрите.

Он взмахнул геологическим молотком и острым концом его отколол кусок камня. В свежем изломе мы разглядели целое кладбище крохотных ребристых раковин.

— А хотите, покажу фокус?

Номер Первый выбил из расщелины скалы темную колчужку, напоминавшую гнилую картофелину. Ловким ударом молотка он расколол ее пополам.

— Вот так штука!

Колчужка была пустая, а внутри сидели, плотно прижавшись друг к другу, как птенчики в гнездышке, малюсенькие кристаллики. Они ярко искрились и блестели на солнце.

— Это жеода — пустота в известняке, заполненная кристалликами кварца или кальцита. Давайте искать еще.

Мальчики выковыривали колчужки, разбивали их, но кристаллики оказывались или едва видимыми, вроде горстки рассыпанной поваренной соли, или мутными и желтоватыми. Наконец снова нашли такую прозрачную, как слезинка, жеоду. Одну из них отдали мне для Миши, другую — Магдалине Харитоновне для Дома пионеров.

Уже рюкзаки оттягивали плечи, но хотелось искать еще и еще. Мальчики полезли наверх, девочки копались внизу.

Вдруг Люся, разбив одну жеоду, радостно воскликнула:

— Смотрите, какая прелесть!

Кристаллики нежно-лилового, как фиалка, цвета ярко переливались на солнце.

— Девушка, милая, вы нашли большую редкость, — вскричал Номер Первый, — это подмосковный аметист!

Люся, улыбаясь, протянула его мне.

— Ни в коем случае! — горячо зашептала Магдалина Харитоновна оглядываясь: никто из детей не должен был ее слышать. — Отдай сейчас же! Ты работаешь в Доме пионеров... —

Она выхватила из Люсиной руки камень и быстро сунула его в свой рюкзак.

— Он мой... я нашла... — отвечала Люся дрожащим шепотом.

Не представляю, чем бы кончилась перепалка между обеими руководительницами. В этот момент сверху посыпались камни, и близнецы с шумом прыгнули с обрыва, чуть-чуть не на спину Номера Первого.

— Там какой-то дяденька! — зашептал один, указывая наверх.

— Какой дяденька?

— Не знаем. Чудной, подозрительный: круглые очки, синие штаны, лицо красное. С ним мальчик, они меряют! — выпалили, перебивая друг друга, востроносые близнецы.

— Какие там «подозрительные дяденьки»? — засмеялся Номер Первый. — Однако они меряют — любопытно!

— Вы — вперед, а мы — за вами с молотками! — Глаза Вити Большого сверкнули отвагой. — В случае чего как стукнем по башке!

Близнецы полезли на гору, указывая дорогу, за ними, тяжело отдуваясь, полез Номер Первый, потом Люся, остальные мальчики, потом Магдалина Харитоновна, девочки, последним осторожно карабкался я.

Близнецы молча указали на толстого седого неизвестного в круглых очках, с кожаной сумкой на плече, в синей спецовке со множеством карманов. Он стоял недалеко под обрывом, держа тетрадку на полевой сумке, и что-то писал. Лицо его было совершенно коричневым от загара. Высоко над ним стоял, уцепившись за куст, худенький загорелый мальчик в красной футболке, чуть постарше нашего Вити Большого. Вдруг пожилой встал и протянул своему юному спутнику конец рулетки. Мальчик схватил этот конец и стал прыгать с уступа на уступ, время от времени прикладывая ленту к скале и выкрикивая цифры. Пожилой, прижимая сапогом другой конец рулетки, уткнулся в тетрадь.

По свисту Вити Большого пионеры разом поднялись, бросились в атаку и окружили «врагов». А те не обратили на них никакого внимания, только мальчик надменно сморщил брови и губы на манер мистера Твистера.

Незнакомец было повернул голову, равнодушно посмотрел поверх очков на атакующих и вновь уткнулся в тетрадку, взяв конец рулетки в зубы.

— Здравствуйте! — Номер Первый подошел вплотную к незнакомцу.

— Не мешайте! — низким басом огрызнулся тот.

Номер Первый обиделся, его щеки сразу надулись.

— Кто вы такой и что вы тут делаете?

— А вы сами кто?

— Я любецкий гражданин, — гордо отвечал Номер Первый. Лицо его пылало, даже блестящая лысина покраснела; куда девалось прежнее кроткое выражение. — Ваши документы!

На миг надменный мальчик оторопело разинул рот. Взрослый незнакомец вытащил целую пачку бумаг и сердито сунул ее Номеру Первому.

По мере чтения документов привычные ласковые морщинки все чаще собирались на лице Номера Первого.

— Как интересно! Как интересно! Вы меня простите, но, знаете, на всякий случай, — заворковал он.

— Пожалуйста, пожалуйста, — равнодушно сказал неизвестный, пряча документы в сумку.

— Товарищи, — обратился к нам Номер Первый, — это тоже изыскатель, но только без всякого номера. Он геолог, разыскивает стройматериалы. Наконец-то догадались, что наш камень годится и для домов и для дорог!

Ребята разочарованно вздохнули. Им бы куда больше хотелось поймать самого настоящего шпиона.

— Месторождения вашего известняка давно изучены, — равнодушно объявил геолог, — но в нашем институте считают, что они низкого качества.

— «Низкого качества»! — вспыхнул Номер Первый. Его морщинки снова исчезли. — Вы наш кремль видели? Пятьсот лет стоит. А вы видели, как сверкают на солнце белые башни и стены? Запомните: в Любце ничего нет низкого качества, только первоклассное. Ваши геологи поковыряли известняк сверху на этой горе и разстрезвонили: низкое качество! Идемте, я вам покажу, откуда наши предки добывали строительный камень.

Ух, как он здорово рассердился! Его лысина, шея, щеки стали малиновыми. Он подбежал к краю откоса, вобрал в себя воздух и ринулся вниз, увлекая за собой лавину щебня.

Покатились за ним и мы, но не так стремительно; мы цеплялись за камни, за корни и ветви кустарника.

— Осторожнее! — откуда-то издалека донесся вопль Магдалины Харитоновны.

А мы уже очутились у подошвы горы. Номер Первый повел нас по узкой тропинке, идущей вдоль откоса. Вдруг он остановился и начал раздвигать кусты бузины.

Мы увидели темную дыру, вроде барсучьей норы.

— Чья это берлога? — всполошилась Магдалина Харитоновна.

— Это не берлога, а та самая пещера, о которой я вам говорил, а точнее — старая штольня, — отвечал Номер Первый своим обычным воркующим, кротким голоском. Видно, бешеный спуск с горы несколько рассеял его злость. — Это отверстие проделали люди. Только слишком узко проделали, а тут еще водой песок нанесло, дырка совсем затянулась. До подземного грота придется метров десять проползти на животе по сырому месту. И еще знаете что? Ребятишкам в трусах будет холодновато.

— Нет, нет! — замахала руками Магдалина Харитоновна. — Вы, если хотите, отправляйтесь с доктором, да еще ее прихватите! — Она сердито указала на Люсю. — А детей я не пущу. За жизнь и здоровье детей отвечаю я! — Она решительно подняла голову вверх, только ее крючковатый нос продолжал смотреть вниз.

— Да убедитесь, — уговаривал Номер Первый, — штольня пробита в настоящей скале.

— Магдалина Харитоновна, ну пожалуйста, мы вас очень просим!

Все девочки и часть мальчиков обступили свою руководительницу. Общими стараниями мы уговорили-таки Магдалину Харитоновну остаться у входа и стеречь набитый камнями рюкзак геолога.

— Ну да, еще позволения спрашивать! — проворчал себе под нос один из близнецов.

— А мы бы все равно полезли, — вторил другой.

— А что там спрятано? — спросила Соня.

— Спрятана спящая красавица, — вздохнула Галя.

Мальчики прикрепили к концам двух палок по кусочку сапожного вара. Началось путешествие в преисподнюю. Номер Первый, несмотря на толщину, быстро лег на живот и так же быстро исчез в черной неизвестности, за ним юркнул безмятежно улыбающийся Майкл, за Майклом полез толстый геолог, потом надменный мальчик, Люся, все остальные мальчики, за ними девочки. Я решил последним отправиться в это неслыханное путешествие.

После ослепительного солнца и жары тут было темно и холодно. Лежа на животе, передвигая ноги и руки по мокрой и липкой грязи, я медленно пополз. Я весь перепачкался, даже в нос попала грязь, на зубах скрипел песок.

Ох, я, наверное, полз целый час. Наконец откуда-то издалика раздался радостный лай Майкла, а вскоре послышался бодрый голос Номера Первого:

— Сюда, правее! Вот и конец!

Я вскочил на ноги, облегченно вздохнул и осмотрелся. Мальчики стояли, высоко подняв зажженные факелы. Бр-р! Какой холодище!

Мы очутились в огромном заколдованном дворце. При неровном, дрожащем свете факелов темные, едва видимые стены зала уходили куда-то в черную высь. Вдалеке мерно позванивали капли.

Витя Большой зажег карманный фонарик. Геолог отбил молотком кусочек стены. На изломе плоский камень оказался совсем белым, как сахар. Геолог попробовал его разломать пальцами, но не смог.

— Ну как? — спросил его Номер Первый.

— Посмотрим, что покажут лабораторные испытания, — ответил тот, и в голосе его послышалось волнение. — Кажется, это первоклассный строительный камень.

— То-то же. А вы говорите — «низкого качества»! — проворчал Номер Первый.

Геолог с поразительной для его толщины ловкостью начал карабкаться на стену, хватаясь за выступы камня; кое-где он откалывал молотком куски. Оказывается, стены-то были из белого известняка, но стали черными от копоти. В течение, может быть, нескольких сот лет люди, когда добывали камень, жгли факелы, и копоть садилась на стены. Геолог откалывал молотком куски на разной высоте. Витя Большой с фонариком в руке, едва уместившись в расщелине, прикладывал рулетку

к стене по указаниям геолога. Кто-то взялся за нижний конец рулетки. Геолог диктовал, а надменный мальчик, держа рукой фонарик, записывал замысловатые названия отдельных слоев камня и их мощность.

С факелами в руках мальчики и девочки разбрелись по залу, откалывали молотками куски и набирали их в рюкзаки. Вдруг Люся заметила, что Майкл старательно обнюхивает большой темный камень, торчащий из стены. Ловким ударом молотка она разбила его пополам. Это оказалась крупная жеода с кристаллами внутри, тускло мерцавшими при свете факела.

— Девочки, девочки, светите ближе! — Люся встала на колени. — Ах, ничего не поймешь! Может, он мутный. Надо на солнце.

Обратно двинулись в другом порядке: сперва Майкл, потом я, потом девочки, дальше уж не знаю кто. Впереди светился яркий кружок, и потому ползти обратно было немножко веселее, а самое главное — с каждым метром становилось теплее.

Выползавших встречали громким хохотом. Только глаза и зубы блестели на наших лицах; мы напоминали поросят — любителей понежиться в луже. Обмазанные грязью косы девочек слиплись, вся наша одежда, руки и ноги были сплошь покрыты грязью.

— Ах, смотрите, смотрите, — вскричала Люся, — настоящий аметист!

При свете солнца в чашке жеоды дюжина крупных кристаллов горела лиловым алмазным блеском.

Все, кроме Магдалины Харитоновны, столпились вокруг, ахали, восхищались, позабыв о грязи.

— Доктор, возьмите на память! — Счастливая, измазанная Люся, отдавая мне камень, нагнулась к Майклу и поцеловала его в черный влажный нос. — Вот изыскатель Номер Сорок! Милый песик, ты нашел такой чудесный аметист! — Люся оглянулась на Магдалину Харитоновну, хмуро копавшуюся в своем рюкзаке.

— Детки, детки! Купаться, купаться! — закричал Номер Первый.

И ребята с криком помчались вниз. Побежали и мы, взрослые...

Всю жизнь я ненавижу купание. Даже в самую жаркую пору вода мне кажется и холодной и мокрой. И по секрету скажу: даже Соня не знает, что я плаваю... как бы это поточнее

выразиться... ну, одним словом, как топор. Еще до колен залезть — туда-сюда, а глубже почему-то не хочется, да и трусы намокнут.

А в этот раз — ничего не поделаешь — столько на мне грязи, придется даже с головой окунуться.

Как же баловались ребята!

Часть мальчишек окружила Номера Первого, залезшего в речку прямо в спецовке. С неистовыми криками, изо всей силы ударяя ладонями по поверхности воды, они поливали его целым водопадом брызг. Он успевал только фыркать и вертеться.

Другие окатывали смешно отдувающегося толстого геолога.

Но что это? Откуда столько воды? Противные девчонки напали на меня.

— Ай, ай! — закричал я захлебываясь.

Сослепу и со страху мне показалось — их прыгало вокруг не меньше полсотни. Соня, бесстыдница, с хохотом обдавала меня целыми каскадами брызг.

Мне удалось вырваться из их круга, и я, чистенький и по свежевший, выскочил из воды и растянулся на траве.

Всех веселее было Майклу. Он прыгал в воду, переплывал на другой берег, снова прыгал, переплывал обратно реку, под-

бегал ко мне, катался по песку, отряхивался возле моих ног, пачкал меня, бросался вдогонку за визжавшими девочками.

Изыскатель Номер Сорок
Пионерам очень дорог,—

пели ребята только что сочиненную ими песню.

Магдалина Харитоновна одиноко сидела на берегу, перебирала минералы и окаменелости и рассматривала свой аметист; он, конечно, был тоже очень красив, но гораздо меньше моего и не такой нежно-лиловой окраски. Я понимал, она и на меня сердилась, хотя я не чувствовал себя виноватым.

Нет, свой аметист я ей ни за что не уступлю!

Больше всех был доволен результатами нашего похода геолог. Обими руками он ухватился за Номера Первого и повторял густым басом:

— Вы не можете себе представить, как я вам благодарен! Мы привезем буровые станки, начнем изыскания по всей площади. Я уверен, запасов камня окажется столько, что для его добычи сюда проведут железную дорогу...

— Вот видите, видите! — ликовал Номер Первый.

Прощаясь с нами, геолог не поленился пожать руку по очереди всем ребятам; надменный мальчик только чуть слышно процедил: «Пока» — и зашагал прочь, самодовольно подняв голову, как верблюд.

— Да, предупреждаю,— прогудел басом геолог,— тут где-то наш топограф работает, снимает план местности. Так вы, пожалуйста, документов у нее не спрашивайте. Знаете, девушки в своих сумках чего только не таскают, а документов никаких...

* * *

Мы продолжали путь другой дорогой, вдоль самого берега реки, и вскоре впереди совершенно неожиданно увидели нечто серое, круглое, ни на что не похожее. По мере нашего приближения все яснее вырисовывались очертания неизвестного предмета, и я все больше и больше удивлялся.

Странный предмет оказался зонтиком невиданных размеров, вроде гигантского гриба; под таким грибом сумело бы спрятаться не менее десятка ребят. Он держался на длинной палке, воткнутой в землю. Но самое интересное находилось под зонтиком. Там стоял на трех ногах складной столик, покрытый

белой бумагой, а на столике висилась маленькая пушечка. Я подошел ближе: нет, это была не пушечка, а подзорная труба на круглой колонке и на подставке в виде линейки.

Над столиком склонилась высокая, дочерна загорелая беловолосая девушка в голубой майке, в широченных синих шароварах, с туго набитой кожаной сумкой через плечо. Половину ее лица закрывали громадные темно-зеленые очки в толстой, молочного цвета оправе.

Вдруг девушка приставила глаз к подзорной трубе, потом резко выпрямилась, засунула два пальца в рот и свистнула, как Соловей-разбойник. Ой, у меня даже в ушах заломило! А мальчишки от зависти глаза повытаращили.

Мы остановились и с удивлением уставились на девушку, но та, не обращая на нас никакого внимания, вновь низко нагнулась над столиком и стала быстро-быстро рисовать. Темные очки, шаровары, грандиозная сумка, темно-ореховый загар,

светлые волосы напомнили мне портрет марсианки из одного фантастического романа.

— Это та самая девушка-топограф,— шепнул мне Номер Первый.

— Можно мне посмотреть в вашу трубу? — не утерпела Соня.

— Подходите, только осторожнее! — строго ответила «марсианка» и повернула трубу в сторону реки.

У самого берега мы заметили двух людей с длинными узкими рейками в руках. На рейках можно было различить черные и красные полосы и ряд цифр. Мы все выстроились в очередь, чтобы хоть на секунду взглянуть в стеклышко.

— Ой как близко! Прямо рукой дотронуться! А дяденька с рейкой вверх ногами! — кричали близнецы.

— Небо внизу, а трава сверху,— удивлялась Галя.

Кое-кто уже успел насмотреться в трубу и вновь подошел к столику¹.

— Чертить на плане нужно аккуратно, карандаш острить, как иголку,— с апломбом объясняла «марсианка».

Она расстегнула сумку, видимо собираясь достать перочинный ножик. Вдруг Номер Первый так вскрикнул, точно прищемил палец. «Марсианка» вздрогнула. Труба была забыта. Все сбежались к столу.

Номер Первый самым бесцеремонным образом быстро засунул руку в ее сумку и вытащил...

Да, это был он, тот самый кинжал! Но в каком ужасном виде: весь потемневший, заржавленный, серебряная резьба на рукоятке едва проступала, рубин выпал, а вместо драгоценного камня зияло углубление, набитое грязью.

— Не трогайте чужие вещи! — обидчиво крикнула покрасневшая «марсианка», выдернула кинжал из рук Номера Первого и бросила его на столик.

— Э-э-э... Умоляю вас, простите меня! — заикался Номер Первый.— Э-э-э... Где вы достали? — Его толстый указательный палец судорожно тыкался в необычный предмет.

— Нашла дня три назад,— отвечала «марсианка». — Я как раз проводила съемку в вашем парке. Рабочий стал забивать

---

¹ Этот столик называется мэнзула, а труба — кипрэгель. С помощью этих приборов одновременно производится и съемка местности, и вычерчивание плана тут же, в полевых условиях. В трубах инструментов, употребляемых при топографических съемках, изображение получается перевернутое, поэтому Галя и увидела небо внизу, а траву сверху.

колышек — колышек не полез. Почему? Я копнула раза два лопатой, и вдруг стукнуло. Я смотрю — кинжал. Целый вечер я его нашатырем да шкуркой чистила, на оселке точила... Ну, я побегу показывать, куда рейки ставить. А вы, ребята, чур, ничего на столике не трогать! — И она умчалась к своим помощникам.

— Э-э-э... — Номер Первый едва мог говорить. Он находился в неопишемом волнении. — Я... я... я не знаю, тот ли это кинжал или другой?

— Тот самый, тот самый! — страстно уверяла Люся.

— Трогать запрещено, — вздохнула Магдалина Харитоновна.

— Она сказала: «Ребята, не трогайте», а взрослым, значит, можно, — пояснила Галя.

— Правда, большим можно, — неуверенно закивал головой Номер Первый. Он попытался вытянуть свою слишком короткую шею, рассматривая узоры на рукоятке. — Даже если другой, все равно очень интересный старинный турецкий кинжал. А что, если известного оружейника Махмуда Али из города Дамаска? Это значит — вторая половина семнадцатого века.

— Вот сейчас мы узнаем, он или не он! — крикнул Витя Перец. — Володька, давай фотоаппарат.

— Какая прекрасная идея! — Номер Первый обнял Витю Перца. — Вот что значит смекалка!

— Володька, давай быстрее, она бежит обратно, — предупредил кто-то.

Номер Первый осторожно взял двумя пальцами кинжал за самый кончик лезвия, а Индюшонок наставил «лейку» и щелкнул три раза. Другой рукой Номер Первый обнял Володю:

— Милый мой мальчик, пойдем ко мне ночевать. Мы с тобой будем до полуночи проявлять и печатать, а утром устремимся в музей.

Володя весь просиял. Он так привык слышать насмешки над собой. Эти ласковые слова даже удивили его.

— Вы... вы... вы не отдадите ваш кинжал Любецкому музею? — заикаясь, обратился Номер Первый к подбежавшей «марсианке».

— Вот еще!

— А я бы вам перочинный ножичек преподнес с двенадцатью лезвиями.

— Не желаю!

— Тогда продайте.

— Ни в коем случае!

— Ну, будьте сознательны! — застонал Номер Первый.— Пожертвуйте музею. Кинжалу двести лет, он дамасской стали.

— Ни-ни-ни! Мой папа обожает старинные вещи. Я ему подарю в день рождения... А теперь хватит, не мешайте. Мне надо успеть до вечера выполнить полторы нормы.— И «марсианка» пронзительно свистнула.

Номер Первый тяжело вздохнул. Мы молча повернулись и зашагали обратно в Любец.

— Черт бы побрал этого топографического папу с его днем рождения! — охал Номер Первый.

Глава десятая

КРЕСТИКИ ПОМОГЛИ

Сегодня Номер Третий имела вид еще более строгий и недоступный, чем вчера. Важная, седая, она сидела за высоким столиком, поставленным посреди физкультурного зала, перелистывала объемистую тетрадь, в три пальца толщиной, и спокойным, строгим голосом вела рассказ.

Мы расселись вокруг, на полу, на брезенте.

— Рукопись эта — история города Любца с древнейших времен. Я занимаюсь этим вопросом больше пятнадцати лет. Кстати, знаете ли вы происхождение слова «Любец»? Основатель Москвы Юрий Долгорукий однажды проезжал со своей дружиной вдоль нашей речки. Он остановился под горой, поросшей сосновым бором, возле устья нашего оврага, и место это показалось ему «любо». И он приказал заложить здесь город. Кремль сперва был деревянный. Я не буду вам рассказывать, как в 1238 году татарские полчища взяли город и сожгли, уничтожив всех жителей, как позднее, в шестнадцатом веке, был выстроен наш белокаменный кремль, как в семнадцатом веке польские интервенты подступили к его стенам, но не сумели взять город...

Номер Третий все перелистывала и перелистывала рукопись, наконец остановилась.

— В начале восемнадцатого столетия царь Петр Первый подарил своему соратнику, офицеру Преображенского полка Алексею Загвоздецкому, богатейшие любецкие уголья — леса, сенокосные луга и пашни. Вместе с землей царь подарил ему

десять тысяч душ крепостных крестьян. Позднее сын Алексея, генерал-прокурор Никита Алексеевич, выстроил наш хрустальный завод.

Полковник Михаил Загвоздецкий, чей портрет вы видели в музее, приходился правнуком строителю завода. Я нигде не нашла упоминания, что полковник участвовал в каком-либо сражении, а ведь в это время, в начале девятнадцатого века, были войны с Наполеоном, с Турцией, со Швецией. Был он женат на пленной татарке. О жене его не известно ничего, умерла она очень рано, оставив двух малолетних детей — дочь Ирину и сына Александра. Сохранились метрики Ирины. Она родилась в 1820 году, умерла в 1838 году от чахотки. Следовательно, жила всего восемнадцать лет и несколько месяцев. На основании записей в расходных книгах (сколько платили ее учителям жалованья) мы знаем, что ее учили русскому и французскому языкам, музыке, пению и, очевидно, другим наукам. По тогдашним временам она получила блестящее образование.

Брат Ирины, Александр, был моложе ее на десять лет; после смерти отца, юношей, он сделался владельцем богатейшего состояния. За несколько лет он сумел прокутить и проиграть все — и имение и завод.

Все богатства достались купцам Чистозвоновым, бывшим крепостным Загвоздецких. Они перестроили завод на бутылочный, и с тех пор хрустальное производство заглохло. Только совсем недавно, перед войной, вновь был восстановлен хрустальный цех.

Александр Загвоздецкий умер в 1901 году нищим стариком в нашем же городе. Многие хорошо помнят, как он, в лохмотьях, пошатываясь, вечно пьяный, без шапки, бродил по улицам и хриплым голосом выпрашивал подаяние. После его смерти на койке, под соломенным, насквозь истлевшим матрацем, нашли еще один подлинный документ об Ирине — ее девичий альбом с надписью на переплете: «Сей альбом принадлежал моей горячо любимой покойной сестрице Иринушке».

Вот все факты, известные об Ирине Загвоздецкой, но вокруг ее имени сложилась любопытная легенда: будто она, дочь богатейшего помещика, владельца знаменитого хрустального завода, дворянина, гвардии полковника, полюбила крепостного человека своего отца и от несчастной любви умерла, а ее возлюбленного отдали в солдаты.

Когда я была еще молодой, мне удалось разыскать в Любце столетнюю старушку, Матрену Ивановну Кочеткову, быв-

шую крепостную Загвоздецких. Вот рассказ, записанный мною с ее слов.

Номер Третий надела на нос пенсне и начала читать:

— «Бывало, барышня хороводы любила с нами, с крестьянскими девушками, водить и песни пела. Голосок у нее был поистине серебряный. В горелки она быстрее всех бегала, плясала — никто ее не переплясывал. А смеялась — мы все хохотать принимались.

Однажды на лугу возле речки повстречала я ее с тем красавчиком. Ходил он по-городскому, как барин, в лаковых сапожках, да все хлыстиком помахивал, никогда не подумаешь, что он был такой же крепостной слуга, как и мы все.

А какую он должность занимал, я не помню: нам, девушкам, это никакого интереса не составляло. Помню — усики носил да кудри черные. Позабыла, как звали его.

Отец-то у барышни хуже лютого тигра был, а она, добрые люди сказывали, со своим красавчиком бухнули ему в ноги: дескать, любим друг друга пуще смерти. А он, отец-то, на неделю свою дочку в кладовке запер на хлеб да на воду, а что с тем красавчиком сделал, и не знаю, только что с тех пор никто его не видел.

Той же осенью повстречала я барышню нашу. Сидит одна на горе под березкой, на самой веночек из красных кленовых листьев; я ее не сразу признала, ровно насквозь она светится, шейка тоненькая, пальчики на руках восковые, сидит пригорюнилась, голову опустила. В скором времени померла она...»

Номер Третий сняла пенсне и продолжала рассказывать:

— Эту же историю, но с некоторыми вариантами и сейчас вспоминают старые любичане. И никакого намека на портрет ни в легендах, ни в архивных документах, ни в письмах нет. Я уж и не знаю, что вам сказать ободряющего. Возможно, тот старый библиотекарь, когда приезжал в Любец, увидел в музее натюрморт с загадочной надписью, а остальное все выдумал. Конечно, искать что-либо очень интересно, но искать то, что вообще не существует?..

— А по-моему, существует! — вдруг пискнула на весь зал Соня, испугалась своего писка и прижалась ко мне, словно искала защиты.

— А почему ты, девочка, так в этом уверена? — По строгому лицу Номера Третьего скользнула улыбка.

Все посмотрели на Соню. Как она покраснела! Казалось, кровь сейчас брызнет из ее щек.

— Ну, отвечай.

Но Соня позорно молчала. Все расхохотались.

— А где тот альбом? — Галя подняла свои большие оленьи глаза. — Можно его посмотреть?

— Видишь ли, девочка, в этом альбоме ничего нет интересного, — ответила директор, — детские неумелые картинки, и все.

— А нам очень хочется хоть одним глазком взглянуть на альбом девочки, которая жила больше ста лет назад, — настаивала Галя, умильно и вопросительно глядя на директора.

— Альбом хранится в нашем музее. Если хотите, попросите вам его показать... А теперь спокойной ночи. Я надеюсь, сегодня вы будете спать крепче и лучше, чем накануне, — сказала Номер Третий, красноречиво подчеркивая слова «сегодня» и «накануне».

Она пристально посмотрела на меня и на Магдалину Харитоновну, встала и, высоко подняв свою седую голову, медленно выплыла из зала.

У меня от страха даже язык прилип к гортани. Уже давно погасили свет, а я еще долго ворочался с боку на бок, пока не заснул.

* * *

— Скорей, скорей вставайте! — весело кричал Володя в шесть утра. Он был неузнаваемо возбужден. Куда девался его вечно надутый индюшинный вид. — Номер Первый уже пошел в музей! Фотокарточки получились — во!

Кутерьма поднялась невероятная. Кто натягивал шаровары, кто искал тапочки. Мы кое-как умылись, без завтрака побежали в кремль и успели как раз вовремя: Номер Первый вместе с крохотным высохшим старичком сторожем силился открыть тяжелый висячий замок на двери картинной галереи.

Опять, как накануне, множество пар ног затопало по лестнице. Большой зал. Промелькнули те же портреты надутых вельмож в париках и камзолах. Зал поменьше. Вот знакомый натюрморт. Номер Первый приложил к картине фотографию. Увы, мы тут же убедились — кинжал «марсианки» был совсем не тот: рукоятка его оказалась и толще и массивнее и рубин сидел несколько ближе к лезвию.

Рассеяннo проглядел я картинную галерею и так же рассеяннo вышел во двор кремля. Там столпились все туристы — насупленные, недовольные... И понятно: ведь сегодня мы долж-

ны двинуться в обратный путь. Наши продукты кончились, денег осталось только-только на самые дешевые блюда в чайной. Мы все отлично понимали, что наш поход не удался. Правда, мы увидели старинный кремль, познакомились с изыскателями, ползали по старым каменоломням, собрали кое-какие геологические образцы, но... каждый из нас прекрасно понимал, что все это было не то...

— Теперь остается пожелать вам счастливенько добратся домой.— Номер Первый печально пошевелил бровями.— Верно, соскучились по мамашам и папашам да по своим подушечкам? Шарил я, шарил в архиве и ничего путного не нашарил. Нет золота, одна пустая порода. Никаких следов, ни одного намека ни на портрет, ни на имя художника.

Я передал чудаковатому старичку свой московский адрес и пригласил, когда он придет в Москву, непременно остановиться у меня на квартире.

— Давненько мечтаю на новый университет глянуть, да на Московский Кремль посмотреть, да на метро покататься. Спасибо, спасибо, приеду.

— А вы нам на прощание не покажете альбом бедной девочки? — вздохнула Галя.

Номер Первый вместе со сторожем отпер тяжелый, огромный замок главного здания музея и вынес нам завернутую в газету книжищу размером с небольшой чемодан.

Условились, что мы будем дожидаться прихода Номера Второго, чтобы продолжить прерванный третьего дня осмотр музея, и отдадим заведующему книгу.

— А вас, ребяташки, я, верно, никогда не увижу. Я хотел на прощание сказать вам несколько слов.— Он сложил на животике пухлые ручки и начал: — В вас, дорогие мои, я подметил маленькие, но хорошие искорки настоящих изыскателей. Пусть эти искорки в будущем загорятся, как старинный хрусталь. На изыскательском пути вам встретятся всякие неудачи. Вот как сейчас... С портретом, видно, ничего не вышло, но не огорчайтесь, другое ищите. Вокруг нас, и в жизни и в природе, столько прекрасного, столько любопытного, столько неизвестного — можно всю жизнь искать и находить и вновь отыскивать и открывать. Ищите, наблюдайте, прислушивайтесь. Родине пригодятся ваши находки. А теперь прощайте.

Номер Первый пожал по очереди всем ребятам руки, кое-кого погладил по голове, потом резко повернулся и побрел к воротам кремля.

Все провожали его долгим, немного грустным взглядом...

Витя Большой первый прервал молчание:

— А теперь начнем исследовать этот альбом.

Мальчики бесцеремонно отстригли девочек. Тщательно осмотрели и ощупали темно-синий бархатный, тисненый золотом переплет, а страницы перелистали за две минуты.

— Такая же чепуха, как в альбомах наших девчонок! — самоуверенно заявил Витя Большой.

Альбом перешел в руки девочек. Они уселись на траве, расстелили рядышком несколько носовых платков, на платки положили альбом; мы, взрослые, присоединились к их кружку. Девочки смотрели альбом очень медленно, внимательно перерачивая каждую страницу, восклицали и ахали.

Попадались нам стихотворения, переписанные круглым детским почерком. Стихи мы хорошо знали, а подписи были с непривычным прибавлением: «господин Жуковский», «господин Пушкин», «господин Кольцов».

На иных страницах мы увидели картинки. Вот тоненькой кисточкой акварелью не очень умелая рука нарисовала кудрявого мальчика в голубой шелковой рубашке, серебряная каемка проходила по косому вороту и по рукавам; серебряная, похожая на бубенчик пуговка застегивала ворот у плеча. Под картинкой было написано: «Мой братец Сашенька пяти лет». Не верилось, что этот хорошенький мальчик превратился в лохматого нищего старика.

На следующей странице была нарисована девочка с длинной косой, в смешной широченной юбке, из-под которой торчали длинные кружевные панталончики. А внизу была надпись: «Мне сегодня исполнилось четырнадцать лет».

Далее пошли аккуратно раскрашенные цветочки, бабочки, парусная лодка на ярко-желтом берегу темно-синего моря, собачка, похожая на овечку, и овечка, похожая на собачку.

Меж страниц были вложены засушенные растения. За сто с лишним лет они потеряли свои природные краски. Цветы и листья, бурые и желтые, частью выкрошились, но по очертаниям цветов, по формам листьев мы угадали фиалку, ландыш, лютик, анютины глазки и многие другие.

На последней странице мы увидели картинку-акварель, нарисованную на отдельном листке и позднее вклеенную в альбом.

Рисунок этот совсем не был похож на остальную неумелую детскую мазню. Он изображал ту самую угловую кремлевскую башню, в которую залезал Витя Перец.

Художник нарисовал очень живо солнечные блики на белом камне стен, кучевые облака на темной лазури неба, старые ветлы сбоку. Под картинкой стояли три буквы: «Я Н. П.».

— Что значат эти буквы? — задумалась Магдалина Харитоновна.

— Очевидно, какой-нибудь знакомый Яков Николаевич Петушков или Пирожков нарисовал и подарил, — заметил я.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Люся. — У буквы «Я» нет точки! Это... «Я не подписался...»

— ...или: «Я не подпишусь», — подхватила Галя.

— Ребята, вы понимаете, понимаете, где есть похожая надпись? — на весь кремль крикнула Люся. — Значит, Ирина Загвоздецкая хорошо знала художника, написавшего натюр-морт, раз он подарил ей эту картинку!

— И значит, он мог написать ее портрет. Правда, правда, мог? — тормозила меня Галя.

И снова головы девочек сдвинулись одна к другой.

Услышав восклицания и крики, мальчики, которые до этого с интересом разглядывали грациные гнезда на березовых макушках, теперь подошли к нам, но пробраться к альбому не смогли — все места были заняты.

Девятнадцать пар глаз, считая и нас, взрослых, глядели на картинку.

— Еще какие-то буквы! — закричала Соня.

Под крышей изображенной на рисунке башни шел затейливый поясок резьбы по белому камню. Художник очень хорошо передал эту тонкую выдумку древнего строителя. На пояске среди треугольников и шашечек Соня разглядела запрятанные буквы.

— «И», «Щ», «И»!

— Где, где? — Люся нагнулась к самому альбому.

— Правда, «ищи». Дальше «З», «Д», дальше еще какая-то смешная буква.

— Погодите, дайте мне поглядеть. — Магдалина Харитоновна просунула свой, похожий на клин, подбородок меж двух голов девочек и воскликнула: — Да ведь это прежняя буква «ять», теперь «Е»! Ну конечно! «Ищи здѣсь».

— Где здесь? — От страшного волнения Люся даже слегка побледнела. — А после мягкого знака еще крестик! — закричала она.

— Где здесь? Где крестик? — отчаянно спрашивал я.

Меня оттеснили, я ничего не видел.

— Девчонки, пустите! — требовал Витя Большой.

— Нет, нет! — кричали девочки. — То говорили: альбом — чепуха, то — пустите!

Одна Галя уступила место обоим своим дядюшкам, и те протиснули черные головы откуда-то снизу к самому альбому. Но тут случилось самое возмутительное безобразие: раздался ужасающий визг, все девочки и Люся завизжали так, точно их ошпарили.

Витя Перец как-то ухитрился незаметно просунуть руку в самую середину кучи малы и дернул за уголок картинки. Картинка сразу отклеилась, и он помчался со своим трофеем в угол двора. Все бросились за ним.

Витя Большой его догнал, вырвал картинку и тут же посмотрел ее на свет.

— Нашел! — вдруг дико закричал он и отдал нам листок.

Дрожащими руками по очереди мы рассматривали картинку на свет.

Это было настоящее открытие! На оборотной стороне листка был нарисован второй маленький крестик. Если смотреть на свет, этот крестик приходился как раз на середину башни. Он был нарисован ниже верхней бойницы, на расстоянии, примерно равном длине окна.

Забыв об альбоме, мы устремились к кремлевским воротам. Бежали во весь дух, как на соревнованиях. Скорее, скорее к башне!

— Вот! — вскричал Витя Большой, указывая на окно башни.

Это окошко находилось на целый этаж выше, чем то, в которое ночью залезал Витя Перец.

— Как же туда забраться? — недоумевал я.

А мальчишки во главе с Витей Большим один за другим уже хватались за камни прилегающей к башне полуразвалившейся кремлевской стены и карабкались к верхней бойнице.

Бедная Магдалина Харитоновна подбежала, когда все они уже находились на недосыгаемой высоте. Ей оставалось только простонать, махнуть рукой и отойти в сторону.

— Смотрите все! — закричал сверху Витя Большой.

Ему удалось подобраться к самой бойнице. Держась одной рукой за оконную решетку, он повис в воздухе, а другой рукой схватился за камень и попробовал его раскатать.

Мы снизу очень хорошо видели, что все камни были плотно скреплены между собой известковым раствором, а этот ша-

тался. Ясно обозначилась трещина, обрисовавшая квадрат вокруг него. Да, камень при нажиме рукой шатался, но не поддавался.

Витя Большой понял, что голой рукой ничего не сумеет сделать с камнем. Он подтянулся и в раздумье сел на подоконник бойницы, свесив ноги.

От кремлевской стены вниз по горе шел вытоптаный скотиной, сгоревший на солнце городской выгон. Ближайшие дома отстояли на двести шагов.

— Походим по всем дворам — наверное, где-нибудь нам дадут ломик или топорик, — посоветовал я.

— Бежим к Номеру Первому, — предложил чинно стоявший внизу Володя. — У него все инструменты.

— Нет, нет, мы должны сами, — упрямо твердила Люся.

— Понятно, сами! — крикнул сверху Витя Большой.

Он продолжал сидеть на подоконнике, болтая ногами.

Магдалина Харитоновна, убедившись, что никакой непосредственной опасности нет, несколько успокоилась и подошла к нам.

— Дети, взгляните, какая здесь надпись. — Она словно окатила нас холодной водой, указав на металлическую доску, прибитую к башне.

На доске были выбиты слова: «Памятник архитектуры, охраняется государством. Повреждение здания карается законом».

— И ничего мы повреждать не будем. Они, когда доску прибили, стену испортили, а мы камень вынем на минутку и обратно вложим, — убедила нас Люся.

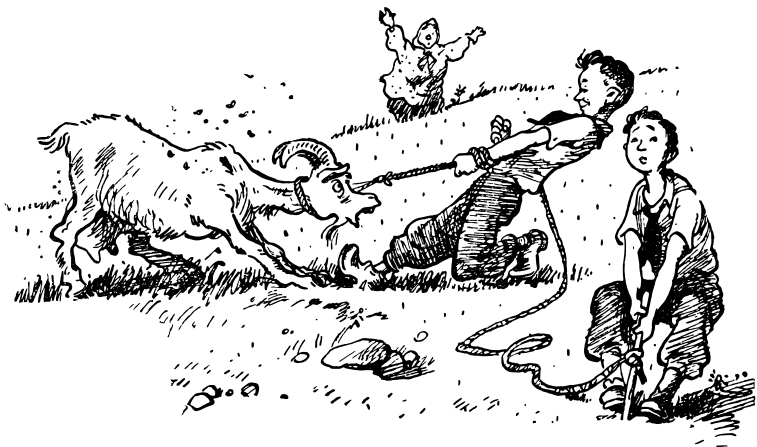
— Мы проводим археологические изыскания, — важно объявил Витя Большой.

— Чем же поддеть камень? Какую-нибудь завалящую железную палочку? — Люсины глаза остановились на белой сверхравнодушной козе, привязанной невдалеке к деревянно-колышку и спокойно щипавшей травку.

Оба близнеца наперегонки побежали к козе. Один схватил ее за веревку, другой выдернул колышек. С козой и с колышком они устремились обратно. Обезумевшая коза вырывалась, шарахалась, но ее держали крепко.

Витя Большой поймал брошенный ему колышек и тотчас подsunул заостренный конец его под камень, нажал рукой, стараясь поддеть, и сломал колышек.

— Караул! Караул! — Из-под горы, пыхтя и отдуваясь,

выскочила растрепанная, потная, красная старушенция.— Украла козу! Сейчас же в милицию!

Она схватила первую попавшуюся руку. Это была тоненькая рука испуганной Галя.

— Я у своей бабушки даже варенье никогда не таскаю! — в слезах крикнула Галя.

— Оставьте руку! Отойдите! — Оба близнеца угрожающе придвинулись вплотную к старухе.

— Гражданка, мы не хотели, не хотели красть вашу козу! Нам колышек нужен. Тут клад... Поймите, клад спрятан! — убеждала Люся.

— Где клад? — совсем другим голосом деловито спросила старуха.

Люся показала на верх башни.

Старуха не знала, правда ли там клад или над ней смеются.

— Баловство! — проворчала она, оттащила козу в сторону и издала стала наблюдать за нами.

Так чем же поддеть камень?

В эту минуту из-за угла показалась «марсианка» в ярких шароварах и темных очках, с громадной сумкой на боку. В руке она несла сложенный великанский зонтик, похожий на рыцарский меч. Справа и слева от нее, с ящиками за спиной, с рейками на плечах, как два оруженосца с копьями, шагали два рослых помощника.

— Помогите! Помогите! — закричали мы, всей толпой

окужили «марсианку» и стали ее просить, умолять, взывали к ее доброте, сознательности, благородству и уж не помню, к чему еще.

«Марсианка» сперва решительно отказывалась. Она спешит, опаздывает на работу... но в конце концов из наших бессвязных восклицаний до нее дошло: за камнем тайлось нечто исключительно интересное. Природное девичье любопытство победило служебный долг.

— Покурите пока, — кивнула она своим спутникам, расстегнула сумку, вынула кинжал и отдала его нам.

По цепочке передали мы кинжал Вите Большому.

— Э, ты! Смотри не сломай! — крикнула «марсианка».

Витя откинулся и повис вниз головой, держась переплетенными ногами за решетку бойницы. Теперь, по крайней мере, у него были свободны обе руки. Он засунул кинжал в шелку над камнем. Мы стояли молча, разинув рты, и глядели вверх.

Витя нажал на рукоятку. Шелка увеличилась, камень чуточку сдвинулся с места. Посыпалась известка.

Нам было великолепно видно, в какой невероятной позе приходилось работать Вите Большому.

— Так! Еще раз! Еще! Давай с этой стороны!

Майка на спине акробата вся намокла. Витя запустил кинжал сбоку, камень еще подвинулся вперед.

— Берись! — закричал Витя.

Мы отбежали. Еще одно движение кинжалом — и камень с шумом упал на траву, вслед за камнем Витя кинул кинжал. На месте камня в стене башни теперь зияло темное отверстие.

— Виктор, осторожней! — закричал я.

Я где-то читал: когда археологи раскапывают курган и добиваются до скелета, они стараются не дышать и с величайшим трепетом пинцетиками и кисточками отделяют слой за слоем, чуть ли не губами сдувают древнюю пыль...

Но уже было поздно. Витина рука тут же залезла в отверстие, небольшой длинный сверток материи вывалился на землю. Все набросились на сверток, полуистлевшее полотно тут же варварски разодрали на куски. Победный клич индейского племени могижан разом вырвался из глоток изыскателей. Оба близнеца подняли руки. Один близнец держал кинжал «марсианки», а в руках у другого был... тоже кинжал.

— Дай! — истошно завопила Люся.

Она сорвала с головы платок и, не жалея его, протерла второй кинжал. И алый рубин на рукоятке при свете солнца засверкал, как вино в бокале.

Никто не сомневался — кинжал был настоящий, подлинный, тот самый...

Мальчики вырывали его друг у друга, гладили, дули на лезвие, пробовали пальцем остроту, девочки любовались завитками узора на серебре рукояти. Галя даже поцеловала рубин.

— Пошли хвастаться перед Номером Первым! — торжествовал Витя Большой, отирая пот со лба.

— Вот это подарок Любецкому музею! — воскликнула Люся.

«Марсианка» отозвала меня в сторону.

— Вы будете дарить такую красоту музею? — смущенным шепотом спросила она.

— Несомненно.

— Отдайте тогда и мой. А то я хотела поступить, как несознательная дуреха. — Она протянула мне свой кинжал, быстро повернулась и ушла с обоими оруженосцами.

— Смотрите! Смотрите! — взвизгнули и Соня и Галя.

На траве лежал маленький незапечатанный пожелтевший

конвертик, очевидно незаметно выпавший из полотняного свертка. Все подбежали к новой находке.

— Не трогайте! — закричала Люся.

К счастью, никто не решился взять конвертик в руки. Я подсунил под него записную книжку, поднял, мизинцем осторожненько перевернул... На нем не было никакой надписи. Я попридержал конвертик за уголок, а Люся двумя пальцами попыталась постепенно вытащить из него письмо. Наконец листок бумаги очутился в ее руках, она развернула его. Что-то было написано мелко-мелко, но буквы от сырости все слились, мы не смогли разобрать ничего; вместо слов мы видели только ровные расплывающиеся темные ряды полосок.

— Идемте обратно в музей. Верно, Номер Второй уже пришел! — скомандовала Люся. — А ты, — кивнула она Володе, — давай к Номеру Первому! Тащи его в кремль!

Мы побежали. Угрюмая старуха, держа козу на веревочке, провожала нас подозрительным взглядом.

* * *

Номер Второй, сердитый и чем-то недовольный, сидел за столом. Но, когда мы выложили перед ним наши трофеи, он снял очки, широко открыл глаза и еще шире разинул рот. Он молчал, но даже его густые брови и моржовые усы улыбались.

Прискакал Номер Первый. Очевидно, при его толщине бежать ему было очень трудно: он пыхтел, как паровоз.

— Где? Где? — Он увидел кинжал и взял его в руки.

Только рыболов, поймавший на удочку пудового сома, только охотник, хлопнувший дуплетом пару уток, могут так наслаждаться, как наслаждался Номер Первый, созерцая кинжал, рассматривая в лупу мельчайшие завитки червлёной резьбы на рукояти. Морщинки двигались по его лбу, по щекам, возле рта.

— Да, детки, вы нашли не песчинку золота, а настоящий самородок! — захлебываясь от избытка чувств, сказал он и взял кинжал «марсианки». — Ну, этот похуже, конечно, и с браком. А молодец девица! Видно, совесть заговорила — отдала.

— Расскажите все по порядку, — деловито поправляя очки, произнес Номер Второй.

Люся, заикаясь и путаясь, пересказала все, начиная с недостающей точки у буквы «Я».

— Как это просто! И как гениально! — Номер Первый наклонился над альбомом, наставил маленькую лупу. — Вот же буквы: «Ищи здѣсь». — Он ухватился за плечо Номера Второго. — А мы с тобой — трухлявые маслята! — самое интересное и прозевали. Никогда я не думал, что в альбоме маленькой девочки может быть спрятана такая тайна. Да мы этот альбом и за исторический документ не считали. А ребяташки за пять минут разглядели все. Кто же первый?

— Никто не первый, все, все! — кричали ребята.

— Весь наш отряд принимал участие! — радостно объявила Магдалина Харитоновна. Она явно намекала, что и сама лично была деятельной разгадчицей тайны кремлевской башни.

— Вот только одно нехорошо, — к Номеру Второму вернулся его сварливый тон, — что же это вы ценный альбом да на траве бросили? Разве изыскатели так делают?

— Ладно, ладно! Лучше обрати внимание на письмо, — перебил его Номер Первый. — Ведь ничегошеньки не поймешь! Что же делать-то? Вон у Жюля Верна, когда отправились искать капитана Гранта, хоть половину слов разобрали.

— А я знаю! Я знаю! — Витя Перец принялся неистово прыгать на одной ноге. Даже оба кинжала задребезжали на столе. — Поможет капитан. Когда милиционеры шпионов ловят, они самые непонятные бумажки читают. В керосин, что ли, опускают.

— Сказал тоже — в керосин! Употребляют сложный химический раствор, — снисходительно объяснил Витя Большой.

— Действительно! — подтвердил Номер Второй. — Капитан весьма любезно обещал нам помочь. У них там, кажется, любою тайну берутся разгадать. Идемте.

— А как же камень обратно не вложили в башню, — вспомнил Витя Большой.

Словом, в милицию пошли не все: те мальчики, которые уже там побывали, отправились вставлять камень на место.

...Мы ввалились в кабинет капитана.

Капитан, чуть снисходительно улыбаясь, сказал, что он завтра едет в Москву, взял письмо и обещал передать его для расшифровки в Московский научно-исследовательский институт судебной экспертизы.

Глава одиннадцатая

ПОЧЕМУ СОНЯ ЗАСНУЛА СТОЯ

Мы — изыскатели, шагаем по большой дороге. Освежающий ветер дует нам в лицо.

Идти легко, груза в наших рюкзаках совсем немного. Кроме теплой одежды, у меня за спиной одна аметистовая жеода. Прочие геологические образцы распределены между всеми пионерами.

Магдалина Харитоновна давно уже помирилась с Люсей. Сейчас обе они идут сзади и обсуждают, как будут писать отчет о туристском походе в Любец. В отчете полагается представить множество цифр: пионери-километров пройдено столько-то, пионери-единиц осмотрело музей и кремль столько-то, найдено геологических образцов столько-то. И я и Соня тоже очутились в отчете — так будет больше этих самых пионери-единиц.

Последние деньги мы проели в чайной, сейчас у нас с собой только две буханки ситного.

— Привал! Посидим немножко! — предлагает Люся.

Мы садимся на горке близ дороги. Вдалеке едва виден Любец. Башни кремля от заходящих солнечных лучей окрасились в нежные розовые тона. Как четко вырисовываются с нашей высокой горы на фоне светло-лилового неба острые шпили башен, колокольни, две высокие трубы бутылочного завода, зелень садов!..

Женя-близнец, тот, что с черным ремнем, подполз ко мне.

— А можно такую картинку нарисовать? Чтобы кремль весь розовый, а облачка золотенькие? — шепнул он.

— Можно, — ответил я. — Это ты хотел бы нарисовать?

— Нет, я так. — Мальчик явно смутился.

Люся разрежала буханки на равные маленькие кусочки. А ведь следующая еда — только дома.

И снова в путь. Прощай, Любец, прощай, розовый город! И снова ветер дует нам в лицо. Ветер, ветер, расскажи нам, где спрятан портрет!

Мы вошли в мелкий сосняк. Сразу потянуло вечерней прохладой, начало темнеть. По краям полянок за кусты бересклета цеплялись полупрозрачные хлопья тумана. То тот, то другой из ребят замедлял шаги, доставал из рюкзака курточку или кофточку. Соне надо надеть джемпер,

— Соня, где ты? Девочки, вы не видели Соню?

— Нет.

— Мальчики, где Соня?

В ответ только носы зашмыгали.

Один из близнецов что-то буркнул другому, тот огрызнулся.

— А Галя где? — крикнули они разом.

Оба взъерошились и, как петухи, налетели друг на друга. Каждый из них обвинял другого в исчезновении московской племянницы.

Все остановились. Оказывается, еще одна девочка — длинноногая черненькая Бэла, та, что ходит в очках и похожа на козу, — тоже пропала. И никто из нас не помнил, где, как и когда отстали девочки.

— Ваша Соня меня не касается, но за двух других детей отвечаю я! — объявила мне Магдалина Харитоновна.

— Девочки! Здесь остаться! Мальчики, доктор, за мной! — скомандовала Люся. — Ходу, ходу живее!

— У меня нога натерта! — сердито проворчал Володя-Индюшонок и уселся на пенек спиной к нам.

— Вечно из-за девочек всякие недоразумения! — еще более сердито проворчал Витя Большой, однако первый двинулся в обратный путь.

Скорым шагом Люся, мальчики и я устремились за Витей. Мне вспомнилось чучело волка в музее и нудный голос Номера Второго: «В наших лесах до сих пор изредка попадаются эти хищники». Какой ужас! Нет, нет, волки еще не успели растерзать мою толстенькую и, наверно, вкусную дочку.

Прошел целый томительный час, мы шли молча и быстро, у меня вспотела спина, виски... Совсем стемнело. Я вглядывался в лесную безмолвную черноту, ожидая увидеть пару огненных зловещих глаз. Дорога вышла из лесу. В пшеничном поле было светлее. Лимонная полоска догоравшей зари еще виднелась из-под лиловых длинных туч...

* * *

Дорогие читатели, простите меня, я так переживал исчезновение Сони, что, право, не в состоянии дальше рассказывать. Я вынужден бросить перо. Пусть о приключениях этого вечера и ночи лучше расскажет она сама.

Вот что впоследствии записала Соня в голубом ВДОДе:

Бэла потеряла очки. Она вспомнила, что их снимала, когда мы сидели на горке и любовались кремлем и городом.

«Девочки, пожалуйста, пойдёмте поищем», — попросила она Галю и меня.

И мы втроем пошли искать и никому об этом не сказали.

Мы нашли очки просто на дороге и вдруг увидели, что солнышко заходит и начинает темнеть. Мы заторопились догонять остальных. Нам нисколько не было страшно. Дорога ведь все время одна, а в стороны никаких дорог нет. Где же тут заблудиться? А волки? Они живут только в сказках о Красной Шапочке и о Семерых Козлятах, в зоопарке да ещё в темных лесах. А тут сосенки маленькие, сюда они не прибегают...

А ещё мы придумали чудесную историю, будто мы совсем не девочки, а три мушкетера с усами и шпагами. Мы взялись за руки и даже начали песенку сочинять:

Мы три мушкетера!
Угадай, который
Атос, Портос и Арамис,—
Мы за руки взялись...

И вдруг нам навстречу бегут мальчишки, и папа, и Люся. Они бегут и громко кричат. Бедную Галю ее дядюшки Женя и Гена за руки затрясли, хохочут, прыгают вокруг нее. Люся Бэлу обнимает, а папа меня между косичек целует.

Люся кричит:

«Негодницы такие, вы где пропадали?»

А потом мы пошли все вместе и говорили и смеялись. Нас встретила Магдалина Харитоновна. Она забыла нас обругать и тоже поцеловала.

Девочки нас окружили и рассказали, что, оказывается, все ужасно испугались, когда узнали, что нас нигде нет.

Витя Перец — какой он хороший! Он посмотрел на меня, подмигнул и шепнул потихоньку:

«Наши девочки — настоящие изыскатели, ничего не боятся».

А Витя Большой подошел к нам и сказал:

«Из-за этих девчонок мы три драгоценных часа потеряли!»

И мы все стали думать, как быть. Можно остановиться ночевать в наших прежних шалашах у реки. Но есть так хочется, как никогда в жизни, а еды у нас никакой не осталось. А что, если забрать спрятанные в кустах ведра и топоры и дойти обязательно сегодня до Золотого Бора? Это знаете сколько будет? Двадцать километров. Дойдем или не дойдем?

Ну конечно, дойдем! И все решили: дойдем! Мы — изыскатели!

А папа сказал:

«Я знаю, почему вы захотели домой. Помните, Номер Первый говорил: «Вы по своим подушечкам соскучились?»»

А Магдалина Харитоновна сказала: «Инструкция запрещает».

А мы ответили:

«Нет, нет, мы все-таки дойдем!»

Стало совсем темно. Мы шли по лесной дороге, о корни спотыкались, ветки нас хлестали. Все нам казалось — вдруг медведь, вдруг волк, а это просто кусты чернели.

Начали спускаться с горы и подошли к реке. Ой, как сразу стало холодно! Бр-рр!

Река виднелась из-за кустов, черная, как пещера, в которую мы лазили. Где-то далеко-далеко залаяли собаки. И снова стало совсем тихо. Звездочки на темном небе были как искорки на догорающем костре.

Вдруг возле самого берега в камышах что-то зашуршало. Вспыхнул огонек. Все сразу остановились. Мы подумали, что это разбойники. А это были просто рыбаки с удочками.

Магдалина Харитоновна забеспокоилась:

«А найдем мы то место, где ночевали?»

Витя Перец все помнит.

«Найдем, там рогатая коряга да кривая сосна»,— сказал он.

Люся шла впереди. Она сказала:

«Я не вижу даже собственных рук».

Вдруг Витя Перец отпрыгнул в сторону.

«Туточки! Вот коряга!»— закричал он и стукнул ее ногой.

Какой он молодец! Самый милый, самый замечательный из всех мальчиков на свете!

Мы отыскивали в кустах топоры и ведра и снова пошли дальше.

Никто не хотел ни рассказывать, ни смеяться.

Папа мне шепнул, что в его рюкзаке не три кило, а три тяжелых утюга. Он говорил: ремни, как железки, сдавили плечи, а ноги превратились в чужие деревяшки.

А я ему ответила, что ни капельки не устала.

Наконец мы перешли через мост и увидели вдали огоньки. Это был Золотой Бор. Теперь недалеко — осталось только два километра. По бульжному шоссе идти было ужасно трудно. Галя мне потихоньку призналась: еще немного, и она упадет.

На базарной площади остановились. Витя Большой щелкнул карманным фонариком. Папа посмотрел на часы и сказал: «Два часа ночи!»

А Магдалина Харитоновна приложила руку ко лбу и сказала:

«Я сейчас в обморок упаду!» — А сама и не подумала па-
дать.

Все мы разошлись по разным улицам.

И папа и я стучали, стучали к нашему волосатому хозяину. Наконец достучались. Другие-то ребята небось к своим родителям дубасили в ворота и кулаками и пятками, а мы постеснялись. Наконец хозяин услышал, отодвинул засов, открыл калитку и сказал:

«Полуночники!»

А больше я ничего не помню...

И понятно, что Соня ничего не помнит. Она заснула стоя. Я должен был сам стащить с нее джемпер и платье и уложить в постель.

А Магдалина Харитоновна красным карандашом написала в голубом альбомчике: «Изложение хорошее. Придаточные предложения отделяются запятой. Вычеркиваю все, что относится к ненужному расхваливанию самого недисциплинированного мальчика в отряде — Вити Перцова. 4».

* * *

На следующий день все мы собрались в Доме пионеров за большим столом. Мне подарили целый рюкзак, туго набитый геологическими образцами.

Великолепно! Хоть одно изыскательское поручение было выполнено на сто процентов!

Совещание открыла Магдалина Харитоновна.

— Итак, можно подвести некоторые итоги наших туристских мероприятий.— По привычке она укоризненно взглянула на всех нас из-под очков.

После этих ее слов близнецы занялись мухами на потолке, Витя Перец — голубями на соседней крыше, а остальные просто вздохнули и опустили глаза.

Вскочила Люся.

— Магдалина Харитоновна, простите, я вас перебью. Ребята! — воскликнула она.— Что ж, нам сидеть и ждать, что напишет Номер Первый, когда расшифруют то письмо?

Ребята нестройно загудели:

— Сами, сами будем искать!

— Я не вижу никаких способов, которые увеличили бы шансы...— пожалала плечами Магдалина Харитоновна; она обиделась, что ее перебили.

— Слушайте,— сказала Люся,— помните, есть такой изыскатель Номер Седьмой, который все хотел узнать, почему приезжал в Любец его папа — знаменитый художник Ситников? Может, Номер Седьмой что-нибудь расскажет о портрете?

— Это дело! — подхватил Витя Большой. — Поедемте на пароходе к Номеру Седьмому — посмотреть Ситниковский музей.

Найдем мы в том музее следы портрета или не найдем, еще было неизвестно, но само путешествие за полтораста километров на пароходе вверх по реке казалось таким привлекательным!

— «Мы едем, едем, едем в далекие края!» — запел и заплясал Витя Перец.

— Завтра едем, завтра! — воскликнул один из близнецов.

— Ну да, завтра, чего еще ждать! — поддержал другой.

— Полагается три дня отдыха,— произнесла Магдалина Харитоновна.

— Мы теперь изыскателями заделались, мы не отдыхаем,— настаивали близнецы. — Найдем — тогда отдых.

— Магдалина Харитоновна, ну пожалуйста, согласитесь! Ведь на пароходе поедем. Это же нисколько не утомительно,— упрашивала ее Люся.

Та было поморщилась, повздыхала, но согласие дала.

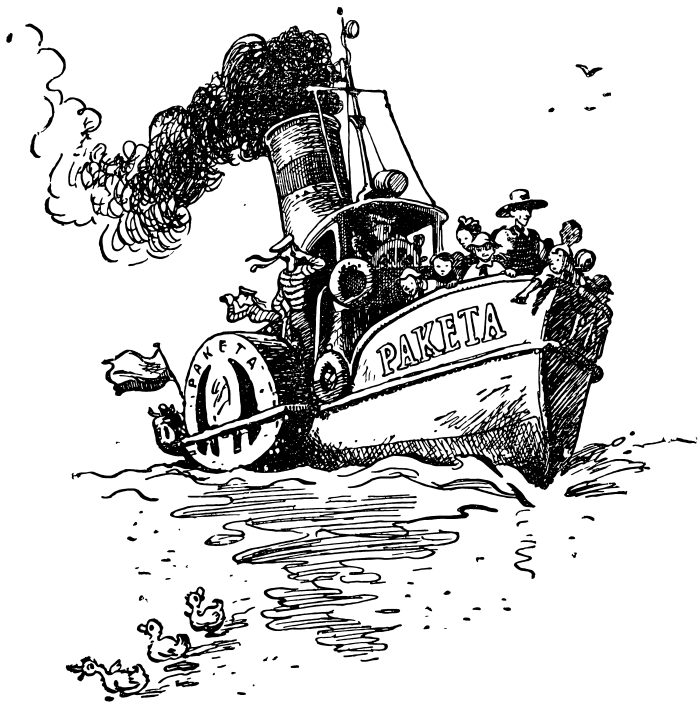
— Доставайте яйца, молоко, хлеб — и завтра к шести утра налегке! — весело объявила Люся.

Глава двенадцатая

КЛУБОК НЕИЗВЕСТНОСТИ ЗАПУТЫВАЕТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ

Ранним утром все мы — тридцать один изыскатель — шли по скошенному лугу к реке.

Солнце сияло на безоблачном небе, река и лесные дали были окутаны белесыми клубами тумана. Ура! Сегодня будет хорошая погода!

Маленький пароходик, беленький, словно только вымытый, под названием «Ракета», пыхтя и поднимая пенистые волны, развернулся и подошел к пристани. По дощатому трапу, толкая друг друга, мы взбежали на пароход и разместились на носу, на палубе.

Тут выяснилось нечто, по мнению Магдалины Харитоновны, неслыханно антипедагогическое: Люсе поручили покупку билетов, а она взяла только два взрослых, а всем ребятам — детские. Соне и Гале было по двенадцати лет, остальным еще больше, а самой Люсе целых восемнадцать.

— Будет контроль — нас оштрафуют, высадят на берег! — стонала Магдалина Харитоновна.

— Ничего не случится, зато мороженого поедем всласть! — защищалась Люся.

Да разве существуют такие черствые люди, чтобы нас штрафовать, высаживать, делать нам неприятности, когда вокруг так хорошо, так интересно!

Важный капитан с черными усищами сидит в своей будочке за штурвалом. На капитане форменная, настоящая морская фуражка с золотой эмблемой. Спасательные круги, ведра, выкрашенные в белую краску, развешаны вдоль палубы. На самом носу — свернутые кольцами канаты необыкновенной толщины. Матросы в полосатых тельняшках деловито проходят по палубе.

— Как на море! — восклицает Витя Перец; он уже успел обежать весь пароход, его только что выгнали из машинного отделения.

— Подумаешь — море! Качки нет, и берег под носом, — презрительно замечает Володя.

Ветерок слегка продувает. Пароходик плывет, рассекая реку, а мы глядим и на правый берег и на левый. То кусты, то широкий песчаный пляж, то вдруг высокий желтый обрыв круто подходит к воде, за обрывом деревня — домики едва видны из-за яблоневых садов, — сосновый бор смотрится в воду, коровы дремлют на водопое...

А река? Каждую минуту она меняется: то нежно-голубая, то перламутровая, то переливается на солнце тысячами блестящих перышек, то темно-зеленая от отражений лесных берегов. Белые чайки носятся над самой водой; одинокие рыбаки недвижно сидят в челноках. Вот старательный буксир потащил сразу четыре длинные баржи...

Настроение портят удивительные пароходные порядки. И кто это придумал такие штуки? Как тридцать километров — пересадка, вон из парохода и бегом на пристань в кассу за новыми билетами. А кассир выдает не просто — стук и пожалуйста. Нет, чего-то он там пишет, чего-то ножницами вырезает и только тогда стучает. А следующий пароход через десять минут отходит, да тебе надо тридцать билетов, да сзади длинная очередь волнуется. Люся пользовалась этой суматохой и продолжала брать только два взрослых билета, а всем остальным детские.

Понятно, после всех переживаний, когда я и Магдалина Харитоновна усаживались где-нибудь в укромном местечке на новом пароходе, мы с нею только пот со лба платочками вытирали.

Наконец четыре пересадки позади, и к вечеру мы благополучно приехали. По перекинутому трапу выскочили на каменистый берег. Голубая стрелка на столбике показывала дорогу на гору, поросшую лесом.

За кустами сирени, весь покрытый вьющимся диким виноградом, стоял зеленый двухэтажный дом с резными наличниками вокруг окон, с резным князьком под высокой крышей. Мы обошли его кругом. На террасе увидели вывеску: «Музей имени народного художника СССР Александра Кирилловича Ситникова». Перед террасой раскинулся роскошный цветник...

Дверь террасы отворилась, вышел, грузно опираясь на палку и прихрамывая, коренастый плотный старик в белом халате,

с белыми густыми и пушистыми усами, с громадной гривой седых волос над высоким лбом. Темные выразительные глаза, тонкий нос, резко очерченные губы и подбородок отличались редкой красотой.

Я его сразу узнал, так он был похож на своего отца, чей автопортрет я хорошо помнил по Третьяковке. Художник там изобразил себя с черными веселыми глазами, в таком же белом халате, с кистью в руке.

Вспомнил я и небольшой портрет сына — черноглазого мальчугана в голубой вышитой рубашке, держащего удочку. А теперь, спустя шестьдесят лет, этот мальчуган превратился в седого изыскателя Номер Седьмой. Старик глядел на нас такими же черными, как у отца, но словно виноватыми глазами.

— Что же это вы, друзья хорошие! Музей закрылся полтора часа назад. К нам нужно приезжать утренним пароходом. Идите этой дорогой, — он показал рукой, — через три километра будет деревня, там в школе можете переночевать, а утром возвращайтесь сюда.

А моя Соня — удивительно несдержанная девочка:

— Совсем не ходили, только плыли на пароходе, а устали больше, чем в любецком походе. И есть так захотелось!

Живые, умные глаза старика неожиданно заблестели так весело, словно солнышко выглянуло из-за облаков. Он улыбнулся и спросил:

— Вы в Любец ходили? Откуда вы сами?

— Мы изыскатели из Золотоборского дома пионеров.— Витя Большой гордо поднял голову.— Искали в Любце один портрет.

— Изыскатели? — удивленно переспросил старик.

— Вы Номер Седьмой?

Нет, моя Соня просто невозможна со своими бесцеремонными вопросами!

— Совершенно верно, девочка. А скажи, пожалуйста, не познакомились ли вы в Любце с остальными Номерами?

— Как же—с Первым, Вторым, Третьим,— перечисляла по пальцам Соня.

— А Номер Четвертый куда-то уехал,— подхватила Галя.— Он не сумел вырастить какие-то голубые георгины.

Старик задумался, поправил свои длинные седые волосы.

— Все мои старые друзья.. Ревматизм не позволяет поехать навестить,— вздохнул он и тяжело повернулся ко мне: — У вас есть папиросы?

— Простите, не могу вам предложить, я некурящий.

— А были бы, я у вас их толчас бы отобрал вместе со спичками. Вот,— указал он на сарай из толстых бревен,— наш сеновал, здесь будете ночевать. Как у вас с продуктами?

— Не беспокойтесь, мы на сухом пайке,— ответила Магдалина Харитоновна.

— Очень плохо, что на сухом. Катенька, Катюша! — позвал старик.

Из дома выкатился настоящий катышек. Такой маленькой кругленькой старушки я никогда не видывал; ну просто шарик, только что в платье и в фартуке.

И мы все догадались—это Номер Пятый, изобретательница пирогов.

— Катюша,— говорил старик,— представь себе, мальчики и девочки только что побывали в Любце, познакомились с нашими милыми Номерами.

Как же улыбалась Номер Пятый! Улыбались ее голубые

лучистые глаза, улыбались и сами круглые, румяные, как яблоко, щечки и даже ямочки на щечках...

— Я им дам картошки, чугуна, самовар, одеяла, подушки, наши пальто, тулуп. Устали, милые?— Старушка ласково оглядела ребят и вновь сложила свои пухлые ручки на животишке.

Работа закипела вовсю. Девочки стелили в сарае на сене постели, чистили картошку. Мальчики далеко в сторонке разводили костер, таскали воду, сыпали шишки в самовар. Витя Перец просто прыгал на сене, Володя фотографировал. Скоро картошка сварилась, самовар поспел, мы сели ужинать.

После ужина снова явились почтенные супруги — Седьмой и Пятый Номера.

— Вот вам на сладкое,— сказала старушка, все так же улыбаясь, и протянула нам блюдо с темным обсахаренным печеньем.— Только, простите, маловато.

Знаменитый пирог «утопленник» был нарезан на тридцать крошечных кусочков. Кусочки были малюсенькие и таяли во рту; я едва разобрал вкус пирога.

Магдалина Харитоновна села писать под диктовку Номера Пятого рецепт «утопленника»¹.

Я также записал этот рецепт в подарок своей жене. Пока мы его списывали, Люся подробно рассказывала Номеру Седьмому всю историю спрятанного портрета.

Старик слушал внимательно.

— Так, так, так! Вы, следовательно, за два дня нашли больше, чем я за два месяца! Кинжал! А, каково?— улыбаясь он.— Только вы с вашими поисками, мне кажется, свернули в сторону. Ведь о портрете никто никогда нигде не писал и не говорил, кроме вашего библиотекаря... Тише, тише, не перебивайте. История Ирины Загвоздецкой, полюбившей крепостного,— это, конечно, достаточно занимательная, романтическая история, но она к вашим изысканиям отношения не имеет, к тому же хорошо известна. А вот кто был тот талантливый художник, написавший натюрморт,— эту загадку

---

¹ Вот этот рецепт: три стакана белой муки и 200 граммов сливочного масла смешиваются, затем рубятся ножом, затем кладут одно яйцо, полпалочки дрожжей и полстакана молока; снова рубят ножом. Комок теста топят в ледяной воде. Через сорок пять минут комок почему-то всплывает. Сыплют на стол 250 граммов сахарного песка и 200 граммов грецких орехов и с этой смесью раскатывают тесто. Полученный валик режут на куски и ставят на противне в духовку на 15 минут.

пока еще не разгадал никто. Ни отец мой много лет назад, ни мы все — изыскатели. Подождем, что окажется в найденном вами письме. Будете завтра осматривать музей, покажу вам другое письмо об этом натюрморте. А теперь спокойной ночи!

Спать в мягком, душистом сене было очень приятно, только все нестерпимо толкались, наезжая один на другого.

Утром Номер Седьмой повел нас в музей.

Здесь, на высоком берегу реки, художник когда-то построил этот дом, здесь он прожил всю жизнь. Он бродил по этим лесам, по полям, вдоль реки. Здесь он создавал свои картины.

Невольно я вспомнил Третьяковку...

Я хожу туда два-три раза в год и останавливаюсь только у немногих картин.

За день ее не осмотришь — слишком много богатств хранится в шестидесяти залах галереи. Как хорошо, что совсем недавно я провел целый час в зале художника Ситникова!

Больше всего я люблю два пейзажа Ситникова: один — темный, заросший пруд, а за ним суровые ели и золотые поникшие березы, освещенные заходящим солнцем, и другой — холодная голубая река, а по высокому берегу осенний березовый лес.

Кажется, ничего особенного не изобразил художник, а всмотришься в его картины и диву даешься — как он сумел так передать красоту русской природы!..

...Люблю я пышное природы увяданье

В багрец и в золото одетые леса...—

неожиданно продекламировал звучным грудным голосом Номер Седьмой.— Ясными осенними днями мой отец любил повторять эти слова Пушкина.

Мне вспомнился тот пейзаж реки в Третьяковке. И я увидел из окна музея эту же реку. Только сегодня лес был не золотой, увядающий, как много лет назад, а зеленый, наполненный сиянием солнца.

В комнатах музея было много интересных личных вещей художника — его письменный стол, археологические коллекции, множество самой разнообразной посуды, портреты бабушек и дедушек, старинное оружие... По стенам висели его картины и пейзажи. Я рассеянно оглядывал вещи, мебель. Для меня лично пейзажи на стенах и эта прекрасная окру-

жающая природа, которую художник запечатлел в своих пейзажах, вот что было самое интересное и самое главное в музее и его окрестностях.

Ситников умер после революции. Целая комната в музее была посвящена его занятиям со школьниками: как он учил ребят рисовать в здешней сельской школе, поправлял их неумелые рисунки, как рисовал декорации для школьных спектаклей. Двоих мальчиков даже устроил в Москву, в Художественное училище.

— Такой знаменитый художник и с мальчишками водил, — шепнул мне Женя-близнец.

— Я смотрю, ты, кажется, сам хочешь быть художником? — спросил я его.

— Очень, — признался тот, — только молчок, никому...

Мы окончили осмотр музея, столпились в бывшем кабинете Ситникова.

— Вы нам обещали показать какое-то письмо, — не утерпела Люся.

— Сперва покажу одну книгу, — ответил Номер Седьмой.

Он неторопливо подошел к огромному книжному шкафу, отпер его и достал небольшой толстый томик в синем переплете: «Указатель селений и жителей уездов Московской губернии — 1852 год».

Я перелистал книгу. Она была разделена на главы. Сколько уездов, столько и глав. В каждой главе списки: «Особы, проживающие в городе и в уезде». По городам — список чиновников, купцов, по уездам — список селений, сколько в каждой деревне душ мужского пола (женщины, очевидно, не считались), а также фамилия, имя, отчество и чин помещика, который владел этими мужскими душами.

— Неинтересная книга, — заметил Володя.

— Я считаю, для наших поисков она не понадобится, — самоуверенно заявил Витя Большой.

— Берите, берите — пригодится, — улыбнулся Номер Седьмой. — Вы изыскатели, почти что историки, а это справочник, тут есть Любецкий уезд. Только с условием: кончите изыскания — успешно ли, нет ли, — мне книгу обратно по почте. А теперь слушайте... — Он вынул из того же книжного шкафа папку и достал оттуда пожелтевший листок бумаги. — Письмо моего отца моей матери, посланное им из города Любца летом 1901 года.

Старичок надел очки и начал:

— «Бесценный друг мой, дорогая Настенька! Наконец попал я в славный город Любец. Город старинный, с белокаменным кремлем...»

Далее следовали подробные описания достопримечательностей кремля и города и рассказ о том, как художник остановился в гостинице.

— «...Побеседовав с полчаса с любезным хозяином гостиницы,— продолжал читать Номер Седьмой,— узнал я от него, что много любопытных старинных вещей хранится у некоей госпожи Чистозвоновой, здешней купчихи, владелицы богатейшего имения и бутылочного завода.

Я тотчас же отправился пешком. По дороге увидел кирпичные трехэтажные корпуса, называемые казармами. Оказывается, в них весьма скученно жили мастеровые бутылочного завода, по два и по три семейства в каждой комнате.

Печальное зрелище являли бесчисленные дети, роющиеся в дорожной пыли. Я не преминул отметить их весьма тощее, вроде лягушиного, телосложение и грязные лохмотья их одежды. Взрослые мастеровые — мужчины, женщины — попадались все худые, чахоточные, одежонка их была в заплатках и дырках, видно в жару стеклянных печей прожженная.

Поднялся я по ступенькам дворца, принадлежащего госпоже Чистозвоновой. Вышел навстречу лакей в голубой с серебряными галунами ливрее, с пышными усами на надутой физиономии.

Долго я пытался втолковать ему, что мне требуется видеть госпожу Чистозвонову. Наконец он отправился и в скором времени возвратился, низко мне кланяется и говорит:

«Барыня вас очень просят».

Прошел я пять комнат, а в шестой, представь себе, дорогая Настенька, сидит в кресле не старая еще женщина, да такая пышная, розовая, рыхлая, словно твой именинный пирог. Ручку мне протянула, а на пальцах всё кольца с драгоценными камнями сверкают. Я ручку поцеловал, ножкой шаркнул. Да вот конфуз: от сапогов моих пыль так облачком и вверху.

«Что вам угодно?— спрашивает.— Не желаете ли кофею?»

Я объяснил — дескать, стариной интересуюсь.

Она и отвечает:

«Вы сперва кофею откушайте, а потом пожалуйста, я вам всё сама покажу».

Тот усатый лакей принес нам кофею в чашечках фарфо-

ровых размером с наперсток и ей наперед чашечку поставил. Как она зашипит:

«Болван! Разве ты не знаешь? Сперва гостю подавать надо!»

Лакей только поклонился низенько да уйти заторопился.

И тут совершил я великую оплошность — полез в карман за платком да уронил его на ковер, хотел было нагнуться — поднять, а барыня меня за руку: «Подождите».

Я испугался: почему «подождите»?

Взяла она со стола серебряный колокольчик и позвонила. Лакей чуть не бегом прибежал...

Барыня пальчиком ему мой платок показала и говорит: «Подними и подай господину».

Я рот разинул. Вот, думаю, так барыня! Поважнее царицы. А девчонкой небось у прежних господ Загвоздецких по пыли босиком бегала...

Долго меня водила барыня по залам. Прекрасных вещей у нее во дворце действительно множество. Особенно примечателен старинный хрусталь, но лучше всего одна картина — натюрморт.

И на все мои вопросы: «Что это за вещь?», «Откуда?» — барыня отвечала:

«Не знаю, после господ Загвоздецких досталась»...

С досадой спрашивал я себя мысленно: «Ну на что тебе, толстухе, вся эта драгоценная старина, этот поразительной красоты неизвестный натюрморт, когда ничегошеньки ты ни в чем не разбираешься!»

Так и ушел я от нее ни с чем»...

— Я бы этой барыне метлу в руки, да уборщицей в наш Дом пионеров! — воскликнул Витя Перец.

— Милый мальчик, революция и без тебя саму барыню метлой, — засмеялся Номер Седьмой.

— Читайте, читайте дальше! — теребила Люся.

— «Прослышал я, что господин Загвоздецкий до сих пор проживает в Любце. Я отправился к нему с целью выяснить — не известно ли ему, кто же художник, написавший столь примечательный натюрморт.

И представь себе, душа моя Настенька, едва отыскал я господина Загвоздецкого в скверной каморке под лестницей. Сидит на кровати старик, давно не чесанный, с седой бородой, хмельной, с красными, опухшими глазами, в рваном засаленном кафтанишке.

Я ему:

«Доброго здоровьяца, ваше благородие, стариной чрезвычайно интересуюсь. Не расскажете ли что?»

Он в ответ:

«Рублик пожалуйста — расскажу».

Как взял у меня рубль, глаза его заблестели. Кое-что любопытное о хрустальном заводе рассказал, вспомнил, какие безумные кутежи устраивал.

Задал я ему вопрос:

«А простите, ваше благородие, если не секрет, сколько вы прокутили да в карты проиграли? Миллион?»

«Да нет, побольше будет», — засмеялся он.

«Два миллиона?»

«Не скажу».

И тогда спросил я его о художнике, и сам был не рад, что спросил. Он не своим голосом закричал:

«Берите свой рубль и уходите сейчас же!»

«Да за что? Простите, почему?»

«Не спрашивайте меня! Ненавижу того человека! Злодей, погубил ту единственную, которая меня любила. Ничего не скажу, уходите!» — Он закрыл лицо руками и зарыдал.

Пришлось мне уйти ни с чем».

Вот, собственно, все письмо, — сказал Номер Седьмой, кончив чтение. — Отсюда я делаю выводы, что автор натюрморта и последний Загвоздецкий любили одну и ту же девушку. Но она, видимо, предпочла художника. Произошла какая-то тяжелая, неизвестная нам драма. Кто была та девушка, мы не знаем. Автор натюрморта, возможно, был соседний помещик или городской чиновник. Вот в этой самой синенькой книжечке, — Номер Седьмой поднял над головой «Указатель селений и жителей Московской губернии», — наверняка представлена его фамилия... Но ведь тут десятки тысяч фамилий! Эх, кабы мне на пятнадцать лет помолодеть — с каким бы порывом и жаром мы бы с вами вместе искали! — Номер Седьмой тяжело вздохнул. — Я вам дам адрес своего сына Иллариона. Он живет в Москве, он художник. Однажды сын мне говорил, что очень жалеет, почему мы так скоро бросили поиски автора натюрморта. Пусть он заменит меня. А теперь, — Номер Седьмой посмотрел на часы, — вам пора.

Мы попрощались с обоими гостеприимными старичками и заторопились на пристань. Пора было возвращаться домой.

Снова на обратном пути с великими треволнениями четы-

ре раза пересаживались, снова с боем брали билеты. На последний пароход Люся ухитрилась даже мне и Магдалине Харитоновне взять детские билеты, а восемь мальчишек вообще зайцами проехали.

Наше путешествие было, конечно, очень интересное, но поиски портрета не сдвинулись ни на шаг. Хуже того — клубок неизвестности запутывался все больше и больше.

Одно меня утешало: все изыскатели были так захвачены любецкими тайнами, что никто и не думал приставать ко мне с просьбами рассказать о моих путешествиях.

Глава тринадцатая

КОГДА ПО ТЕЛЕФОНУ НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО СЛЫШНО

Погода совсем испортилась. Все дни сыпал мелкий, серенький и теплый дождик. Соня бегала каждый день в Дом пионеров. Вместе со всеми девочками она или вышивала, или раскрашивала картинки, или дремала под монотонное чтение Магдалины Харитоновны.

Я сам предпочитал сидеть в своей квартире, а то еще, чего доброго, опять пристанут ко мне с рассказами о путешествиях. Отправился я в Дом пионеров, только когда пришло наконец из Любца долгожданное письмо от Номера Первого. В конверт была вложена вырезка из местной газеты с заметкой под названием: «Интересные находки».

«Группа юных туристов-пионеров из Золотого Бора, недавно посетившая наш город...» — так начиналась заметка. Далее подробно рассказывалось, как нашли кинжал мы и как нашла «марсианка». Заканчивалась заметка следующими строчками:

«Редакция газеты от имени граждан города Любца выражает глубокую благодарность золотовборским пионерам и технику-топографу Екатерине Веселовской. В беседе с нашим корреспондентом заведующий Любецким краеведческим музеем сообщил, что он надеется в скором времени порадовать читателей нашей газеты новыми интересными сведениями, связанными как с расшифровкой письма, так и с найденными кинжалами».

«Здравствуйте, дорогие! — писал Номер Первый. — Посылаю вам газетную вырезку. Заведите специальный альбом и

наклейте эту вырезку на первой странице. Очень хочу, чтобы с этого похода в Любец началась ваша настоящая изыскательская деятельность. Не знаете ли вы, в Золотом Бору или в Москве сейчас находится тот симпатичный доктор со своей курносой дочкой? Он меня очень любезно приглашал к себе в гости, а я как раз собираюсь ехать в Москву в командировку за расшифрованным текстом того таинственного письма. Обещаю все время держать вас в курсе событий. Пишу эти строчки, а сердце у самого так и прыгает от нетерпения. Мечтаю посетить в Москве художника Иллариона — изыскателя Номер Шестой. Майкл передает вам свой пламенный собачий привет. Желаю всего наилучшего. Ваш Номер Первый».

Когда я пришел в Дом пионеров, то застал ребят в большом возбуждении, все бегали, суетились. Я узнал, что они собираются в Москву.

Мне тоже очень хотелось отправиться на три-четыре дня. И не только из-за портрета. Надо же проведать свою жену и немного подбодрить бедного, истомленного предстоящими экзаменами Мишу.

Ответ Номеру Первому писали коллективный: дескать, очень хотим встретиться с вами в Москве.

В конце письма я приписал, что в такие-то дни буду очень рад увидеть его в своей квартире.

Адрес на конверте пришлось написать несколько необычный:

«Гор. Любец, Музей, Номеру Первому». Никто из нас не знал ни фамилии, ни даже имени-отчества непоседливого старичка.

Мы сели обсуждать подробности поездки на целых три дня в Москву. Не только поиски портрета и расшифровка письма интересовали нас. Большинство ребят никогда не бывало в столице. Я вызвался быть главным советчиком, даже будущим проводником. Метро, Кремль, Выставка достижений народного хозяйства, Зоопарк, Центральный парк культуры и отдыха, новое здание университета и просто ходьба по московским улицам... Все было так захватывающе интересно!

Наши увлекательные разговоры о Москве прервала Магдалина Харитоновна:

— Вас очень просит директор.

Елена Ивановна сидела за письменным столом, справа и слева от нее разместились Магдалина Харитоновна и Люся.

Я присел на стул напротив. Все трое изучающе-вниматель-

но разглядывали меня. Елена Ивановна чуть улыбалась, две ее соседки смотрели чересчур серьезно. Мне что-то сделалось не по себе.

— Доктор, вы не могли бы нам помочь? Мы в большом затруднении.

Елена Ивановна пояснила, что золотоборские пионеры — все дети текстильщиков, рабочих и служащих местной фабрики. В Москве имеется такая же фабрика. Раньше каждый год здешние юные туристы летом ездили в Москву и останавливались в фабричном клубе. По плану летних экскурсий, еще весной составленному Еленой Ивановной и Магдалиной Харитоновной, как раз наступило время отправляться ребятам в Москву. И Елена Ивановна написала письмо заведующему клубом той московской фабрики с просьбой разрешить приехать.

Сегодня наконец пришел ответ. Елена Ивановна протянула мне бумажку на фирменном бланке.

ДИРЕКТОРУ ЗОЛОТОБОРСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

НАСТОЯЩИМ СООБЩАЕМ, ЧТО КЛУБ НАШЕЙ ФАБРИКИ ПОСТАВЛЕН НА РЕМОНТ. СОГЛАСНО УКАЗАННОЙ ВЫШЕ ПРИЧИНЕ, РАЗМЕСТИТЬ ТУРИСТОВ-ПИОНЕРОВ МЫ В ДАННЫЙ МОМЕНТ НЕ ИМЕЕМ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ. ПО ПРОШЕСТВИИ ДВУХ НЕДЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ СОЗВОНИТЬСЯ С НАМИ, И ТОГДА, В СЛУЧАЕ ОКОНЧАНИЯ РЕМОНТА, ВОПРОС О РАЗМЕЩЕНИИ ТАКОВЫХ, ВЕРоятно, БУДЕТ РАЗРЕШЕН ПОЛОЖИТЕЛЬНО.

З а в к л у б о м (непонятная закорючка вместо подписи).

— Как будут огорчены бедные «таковые»!— посочувствовал я, отдавая эту скверную бумажку.— Значит, из-за этого ремонта лопается вся поездка?— спросил я.

— Самое ужасное, что не будет выполнен наш летний план!— вздохнула Магдалина Харитоновна.

— Просто ребят жалко до невозможности, и, я чувствую, портрет найдут без нас!— горячилась Люся.— Какие же мы тогда изыскатели?

Все три руководительницы продолжали глядеть на меня. Почему они так на меня смотрят? Черные глаза Елены Ивановны буквально меня гипнотизировали.

— Скажите, доктор, а у вас нет какого-нибудь знакомого завклубом, или директора школы, или управдома? Или, возможно, при вашей поликлинике... Или еще где-нибудь?..— Елена Ивановна смолкла.

— А если...— начал я и запнулся.

— Что «если»?— переспросила Люся.

— Да просто у меня на квартире, у нас две комнаты...— сказал я и тут же испугался своих слов.

Елена Ивановна вопросительно подняла тонкие брови.

— Нет, нет!— замахала руками Магдалина Харитоновна.— Это невозможно, мы вас так стесним!

— Ваша жена вряд ли на это согласится,— задумчиво сказала Елена Ивановна,— но, может быть, она даст нам дельный совет.

— Давайте вызовем Москву, и я позвоню к себе на квартиру,— предложил я.

Елена Ивановна сняла телефонную трубку.

Пока дожидались междугородного разговора, я похвалился своей прекрасной московской квартирой и милейшими соседями — Тычинкой и Газелью.

И вдруг Елена Ивановна испытующе посмотрела на меня и спросила:

— А если действительно, в самом-самом... крайнем случае, хоть на одну ночь, ну просто на полу... Ребята весь день будут ходить по Москве и, право, вас не так уж стеснят. Словом, скажите откровенно, что привезти вашей жене особенно приятное?

И тут меня осенила мысль о третьем изыскательском поручении, которое я еще и не начинал выполнять; грибы, их сушка, маринование, ягоды, фрукты, варка варенья.

И я рассказал, чем наверняка можно усадить мою хозяйственную супругу.

— Только-то!— Люся подпрыгнула на стуле.

— Это же мой конек!— воскликнула Магдалина Харитоновна.

Оказывается, Магдалина Харитоновна была самая большая специалистка в Золотом Бору по варке варенья, а Люся была такая же специалистка по сбору грибов и знала самые заповедные грибные места.

— Смотрите!— Люся подбежала к окну.— Небо на западе совсем очистилось. После этих дождей белые так и ползут. Завтра же всем отрядом — за грибами!

— У каждого золотоборского гражданина имеется великолепный фруктовый сад. Хотите центнер?— спросила меня Магдалина Харитоновна, сняла очки и попыталась очаровательно улыбнуться.

— Какой центнер?— не понял я.

— То есть сто килограммов любых фруктов, от вот такой дыни до малюсенькой смородины.— Магдалина Харитоновна красноречиво показала на пальцах.— Ребята завтра же нанесут. Вы давайте сахар, а варить буду я сама и никого не подпущу, а то еще пенки слижут.

— Что вы, что вы! Хватит килограмма три разных сортов варенья.— Я даже испугался, поняв, что переборщил с этим центнером.

— Ну, там видно будет,— загадочно ответила Магдалина Харитоновна и подмигнула Люсе.

Резкий телефонный звонок прервал нашу беседу. Я взял трубку и издалека, будто со дна глубочайшего колодца, услышал голос своей жены.

— Ты послушай!— завопил я.— Послезавтра приезжаю, везу очень много варенья и грибов и гостей везу, но не очень много... юных пионеров...

Я замолчал прислушиваясь. В трубке так неприятно затрещало, словно мне в ухо заползла гусеница, и жена ответила что-то вроде «трум-тум-тум», а потом спросила: «Сколько?» Но чего сколько — грибов, варенья или пионеров,— я не понял и потому выдумал самый фантастический ответ на все возможные варианты вопросов:

— Варенья — десять банок, грибов — пять корзин, а ребят... ребят...— Я силясь подсчитать: да, да, Галя отправится к своим родителям, захватит обоих дядюшек. Верно, и у других есть в Москве родные... — Человек двенадцать пионеров с двумя руководительницами. Хорошо?— закричал я.

А в телефоне снова невыносимо затрещало, и на этот раз уже не из колодца, а из бездонной шахты я услышал сперва «спасибо», а через некоторое время — «пожалуйста».

— Что — спасибо? Что — пожалуйста? — завопил я.

Трум-тум-тум!.. И деревянный голос телефонистки:

— Заканчивайте разговор, пять минут истекло.

Я положил трубку.

— Ну что?— нетерпеливо спросили все трое.

— Жена сказала: «За грибы и варенье — спасибо, и вообще...— не совсем уверенно добавил я,— пожалуйста, очень буду рада».

— Ну вот и прекрасно!— улыбнулась Елена Ивановна.— Какая ваша жена милая, отзывчивая женщина!

— Магдалина Харитоновна!— воскликнула Люся.— Действуйте! Вы — на своем фронте, я — на своем. Договоримся:

к четырем часам утра ребята — к вам на квартиру с фруктами и ягодами. Доктор, а вы — с корзиной и Соней. Магдалина Харитоновна, вы варите варенье, а мы — в атаку на грибы.

— Только, пожалуйста, не так уж много,— попросил я.

Но на мою просьбу, кажется, никто не обратил внимания.

Я возвращался домой вместе с Люсей.

— Доктор,— спросила она,— а вы не боитесь? Мы не мешаем вашему Мише готовиться к экзаменам?

Я схватился за голову. Как я мог забыть, что в эти дни решается судьба моего сына?! «А хорошо ли я услышал мамин ответ?» — с ужасом усомнился я. Но отступать было уже поздно.

* * *

За буйной сиреновой зарослью в тихоньком переулочке спрятался домик Магдалины Харитоновны. Восходящее солнце сотнями тонких косых лучей пронизывало кусты. Пар поднимался от мокрой железной крыши, алмазики росы блестели в листочках манжеток, на метелках мятлика, на колосках пырея...

Еще не было и четырех утра, когда я и Соня, в шароварах и куртках, невыспавшиеся, взъерошенные, дрожащие от холода, подошли с двумя пустыми плетеными корзинками и с увесистыми мешками сахарного песка.

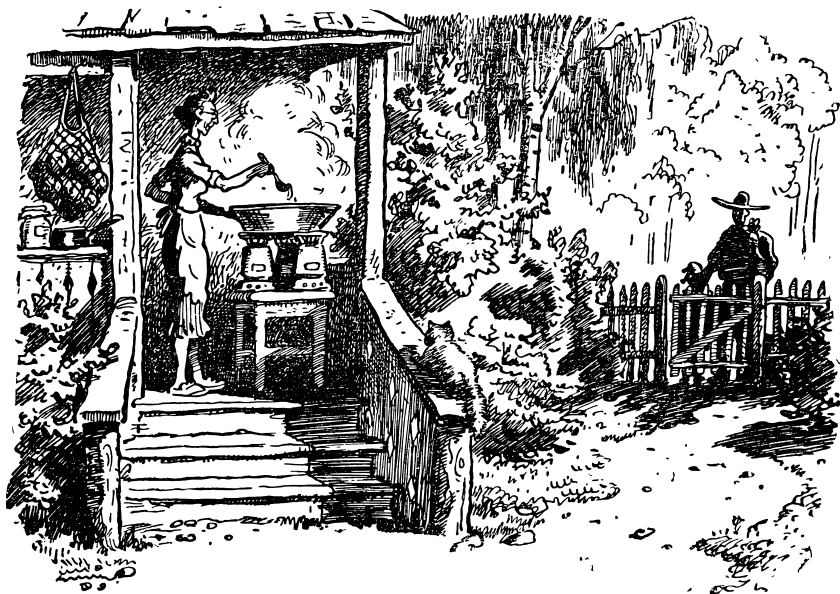
Магдалина Харитоновна, важная, надменная, варила на крыльце варенье. Она сдвинула вместе три керосинки и поставила на них огромный, ослепительно блестящий медный таз, напоминавший щит римского легионера. Как древнеримская жрица, она священнодействовала; тоненькие струйки пара поднимались над «треножником», запах был божественный, ни с чем не сравнимый.

Увидев меня, она милостиво разрешила мне подняться на крыльцо и заглянуть в розовую жидкость, клокотавшую в тазу. Соня получила столовую ложку пенки.

— Слива ренкрод, своего сада,— гордо объявила Магдалина Харитоновна.— Давайте скорее сахар. Учтите, килограмм шестьсот граммов я положила своего, потом рассчитаемся.

Стали подходить мальчики и девочки, такие же заспанные, в такой же походной форме, как и мы, с такими же корзинками. Но их корзинки были совсем не пустые.

Каждый, когда подходил, улыбался, говорил приветливое

«здрaсте» и отдавал корзину Магдалине Харитоновне, стоявшей на верхней ступеньке. На самое крыльцо она не пускала никого.

Напрасно я сказал, что мне нужно варенье. Мне просто сделалось неудобно. В корзинах ребят были самые разнообразные фрукты и ягоды. Видно, сегодня до рассвета сорвал Витя Перец эти еще влажные светло-восковые, с красными прожилками яблоки. Такие же свежие, нетронутые были мелкие темно-пунцовые яблоки близнецов. Витя Большой явился с целой корзиной крупной, как вишня, черной смородины. Володя притащил сливовую падалицу, уже начавшую гнить, с живыми муравьями.

Магдалина Харитоновна, стоя на крыльце, принимала корзины, нюхала, трясла, хмурилась или улыбалась и сортировала продукцию, а через минуту поворачивалась к нам спиной и помешивала священное снадобье. Подошла запыхавшаяся Люся с чудесной оранжево-полосатой дыней.

— Здравствуйте, ребята! Здравствуйте, доктор! Это лично вам,— шепнула она.— Все в сборе? Стройся!

С палками и пустыми корзинами мы отправились за грибами. Километров через пять подошли к лесу. Белые стволы берез от самой опушки уходили в нескончаемую глубину леса. Мы свернули с тропинки и по мокрой от росы траве приблизились к березам.

— Нашел!— на весь лес крикнул Витя Перец и поднял руку с двумя маленькими, на толстых ножках оранжево-говыми подосиновиками.

Все бросились к нему и окружили его.

— Условились,— скомандовала Люся,— ни подберезовиков, ни подосиновиков не брать! Только белые!

Эти два грибочка были прехорошенькие. И все же Перец без сожаления нанизал их на палочку и забросил за макушки деревьев.

— Кажется, белый,— радостно прошептала Галя.

Я было собрался бежать глядеть, как вдруг заметил под перьями папоротника темно-коричневую шапочку. Быстро нагнулся и сорвал великолепный боровик. Я с наслаждением оглядел белую и чистую губку на изнанке, чуть желтый, словно разлинованный в клетку, крепкий, толстый, как рука, корень, осторожно погладил бархатистую темную шапочку, ощутил запах, чуть кисловатый и пряный. Но мне что-то не хотелось кричать: «Нашел!» Нет, потихоньку, чтобы никто не увидел, я стал шарить возле пенька, под мохом, в зарослях папоротника и черники и заметил, что хвоя на земле в одном месте словно приподнялась. Я тронул пальцами эту небольшую припухлость и вдруг ощутил что-то твердое. Встав на колени, я осторожно отогнул хвойное одеяло и увидел в своей первозданной нетронутости круглую, никогда не знавшую солнца шляпку нежно-песочного цвета. Этот маленький толстенький грибочек, честное слово, чем-то смахивал на Соню... И тут только я победно закричал: «Белый!»

Ребята сперва искали грибы довольно бестолково, суетились все вместе. Как кто находил, так неистово кричал: «Белый!» Все к нему сбегались и теряли драгоценные минуты.

Нет, я искал иначе. Мне теперь некогда было любоваться березами, солнцем, свежей травой — мои глаза рыскали под кустами орешника, в лиловых зарослях вереска, среди блестящей листвы брусники. Я осторожно приподнимал ветки елок, раздвигал траву и искал, искал до самозабвения темные или светлые шапочки. Впрочем, считать найденные грибы я не забывал.

И ребята переменяли тактику. Правее и левее меня, изредка перекликаясь и посвистывая, они также лихорадочно и спешно искали. Корзинки начали заметно тяжелеть. У меня было пятьдесят два белых, у Сони — тридцать.

Прошли насквозь березовый лес и вступили в мелкий сосняк. Маслят тут было бесчисленное множество, но эти грибы считались второго сорта, да к тому же они были сплошь червивые. Мы их презрительно поддавали ногами. Но, если раскопать бугорок, выпиравший из прошлогодней бурой хвои, можно было найти приземистый розовый рыжик с капелькой воды в углублении посреди шляпки.

Набрав порядочно рыжиков, мы переправились через заржавленное болото, поросшее худосочными березками и сосенками, вышли на дорогу и сели отдохнуть. Тут только мы заметили дневную жару и мокрые ноги, вспомнили про усталость и почувствовали, что голодны. Пора было возвращаться домой.

Глава четырнадцатая

**В ЭТОЙ ГЛАВЕ НИЧЕГО НЕ ПРЕУВЕЛИЧЕНО. НА САМОМ ДЕЛЕ
ВСЕ ПРОИЗОШЛО ИМЕННО ТАК, КАК НАПИСАНО**

Какие они все нарядные! Мальчики боятся шагнуть и неподвижны, словно часовые. Складки на их брюках будто вычерчены рейсфедером, начищенные гуталином туфли сияют, как солнце. У всех мальчиков и девочек алые галстуки и совершенно безупречной белизны рубашки или блузки с короткими рукавами. У девочек синие юбки и белые носки. У Люси новое штапельное платье и новая шелковая цветная косынка. Но самый элегантный — это, конечно, Володя-Индюшонок. Даже его всегдашний вихор, смазанный чем-то сильно пахучим, теперь старательно приглажен, а его небесно-дымчатые коверкотовые брюки просто верх совершенства. Да как же им всем не быть нарядными! Мы стоим на платформе железнодорожной станции. Сейчас будем садиться в поезд, поедем на три дня в Москву.

Золотой Бор — это конечный пункт железнодорожной ветки. Здешние вагоны больше похожи на зеленые коробки с маленькими окошками. Тридцать километров до главной магистрали поезд тащится целых два часа.

Груза у нас порядочно: пять корзин грибов, заботливо прикрытых березовыми ветками, несколько банок варенья, свежие фрукты, геологические образцы; да еще у каждого авоська или сумка с продуктами на дорогу — пирогами, пышками, помидорами, яблоками, яйцами...

Нас провожают Елена Ивановна и восхищенные мамыши.

Десять минут до отправления поезда, пора садиться в вагон. Магдалина Харитоновна пересчитывает ребят.

— А где же Витя Перцов?

— Перец, Перец, где ты?

— Странно, куда он мог запропасться?— удивляется Елена Ивановна.

Выясняется — мальчики видели его, когда рано утром он как угорелый промчался через базарную площадь. А сейчас уже два часа дня.

— Ну вот, если он не явится, значит, один билет лишний!— восклицает Магдалина Харитоновна.

— Что-нибудь с ним случилось?— спрашиваю я.

— Вообще-то он не такой, чтобы пропасть,— недоумевает Люся.

Все шумно вскакивают в вагон, сразу же открывают окна, выглядывают из них, толкая один другого. Смотреть на своих родителей и на станцию из окна вагона очень интересно, а тут еще Перца надо не пропустить.

Проходит к паровозу дежурный по станции в красной фуражке.

Пронзительный свисток, потом гудок, вагоны лязгают и со стоном, со скрипом дергаются с места.

Мамы машут платочками и что-то неслышное, но, наверное, очень важное пытаются внушить своим отъезжающим деткам.

Метров через двести асфальтовое шоссе на Москву пересекает железнодорожные пути.

— Перец! Перец!— вскрикивает кто-то.

Я расталкиваю толпящихся у окна ребят и вижу: вдали по асфальту несется во весь дух его шуплая фигурка.

— Перец! Перец! Быстрее, быстрее!

Поезд набирает скорость. Наш вагон минует переезд, а Перец бежит, бежит. Все высовываются из окон...

— Сумасшедший! Он меня погубит!— Магдалина Харитоновна молитвенно всплескивает руками.

— Вскочил! Молодец! Ура!

Перец каким-то чудом цепляется за подножку заднего вагона и через две минуты, торжествующий, потный, уже стоит среди нас. Задорно блестят его черные, похожие на смородины глаза.

— В каком он виде! Доктор, доктор, скорее! — кричит Магдалина Харитоновна.

Я подбегаю.

Ах ты! Аптечку-то я позабыл!

У Вити кожа на правой руке от кисти до локтя здорово содрана. Кровь каплет на пол. Необходимо срочно залить йодом и перевязать. Йод, я знаю, мальчишкам не очень нравится, но надо хоть бинты где-то достать.

Девочки наперерыв предлагают галстуки, платочки. Соня вытаскивает свое полотенце и раздирает его на ленты.

Я делаю Вите перевязку. Все сосредоточенно следят за движениями моих рук. Впереди всех — Соня. Лицо ее выражает горячее сочувствие, она готова великодушно отдать все, что имеет, лишь бы раненый перестал страдать.

Чувствуя себя героем, Витя садится на лавку, самоуверенно оглядывает всех, вдруг вспыхивает и съеживается в комочек. Он в рваных штанах, босиком, а ноги чернее угля — верно, целый месяц не мыл.

Соня морщит брови.

— Приедешь к нам, получишь рубашку, галстук, тапочки, а сейчас до Москвы терпи. Папа, а как же штаны?

Да, уж тут Соня помочь не в состоянии, а в Мишиных он утонет.

Что же случилось с Витей? Почему он чуть не опоздал?

Еще с вечера мать выгладила ему брюки и галстук. Он нацепил на рубашку пять значков, до блеска начистил гуталином ботинки, и все это сейчас без толку разложено в его комнате.

Он большой охотник до голубей: трех самцов и двух голубок держит в курятнике, кормит их, чистит им клетки, иногда выпускает... Какой-то Колька Свистун задолжал ему за голубей порядочную сумму. А в Москву-то ехать — на мороженое,

на газировку деньги ведь нужны. Ранним утром отправился Перец к Свистуну за долгом и, к ужасу своему, узнал, что тот еще на рассвете ушел за орехами. Недолго думая Перец устремился в лес, разыскал Свистуна, притащил его домой, получил долг и, не забегая к себе на квартиру, помчался на станцию.

Поезд идет медленно. Вагоны кряхтят, стонут, стучат, покачиваются. Ребята облепили окна. Каждая железнодорожная будка, каждый стог сена или развесистое дерево вызывают у них радостные восклицания. Едем все больше березовым лесом. Я стою у окна и вдыхаю полной грудью свежий, бодрящий лесной запах. Солнечные блики играют на белых стволах берез, на яркой зелени листвы, на ровной скошенной траве.

Наконец подъезжаем к конечному пункту железнодорожной ветки, отправляем родителям Перцовым телеграмму, чтобы не беспокоились о своем сорванце-сыне, и идем на московский автобус. Ехать по шоссе будет еще интереснее, чем по железной дороге.

Автобус подходит совсем пустой. Все рассаживаются на мягкие сиденья у окошек.

До Москвы далеко — сто двадцать километров.

Путешествовать по гладкому асфальтовому шоссе одно удовольствие: проносятся встречные машины, и легковые и грузовые; деревни сменяются полями, поля — лесом; какая-то фабрика, санаторий, совхоз, а дорогу вперед видно далеко-далеко; серой блестящей линейкой прорезает шоссе леса и поля, то поднимается в гору, то спускается к речке.

Все смотрят в окна не отрываясь. Мелькают черные с белым километровые столбы с цифрами. До Москвы — сто километров! До Москвы — девяносто километров... восемьдесят, пятьдесят!..

Скорее, скорее! Почему так медленно? Мы обгоняем солидные грузовики, но нас обгоняют легковые — серые и коричневые обтекаемые «Победы», черные изящные «ЗИЛы», разноцветные «Волги». Несколько секунд едет рядом юркий «Москвич» кофейного цвета.

В «Москвиче» возле шофера — бородатый профессорского вида пожилой дядя, сзади — толстая профессорша с кудрявым маленьким мальчиком. Отстает, отстает «Москвич»! Профессор злится, трясет головой, мальчик-кудрявчик машет рукой и улыбается. Ура, обогнали «Москвича»!

Скорее, скорее! А машин, и встречных и попутных, все больше, приходится замедлять ход. Проезжаем мимо громадных кружевных мачт высоковольтной линии электропередачи; едем мимо завода с невиданными блестящими металлических башнями. А какие высокие и красивые дома пошли! Иные только еще строятся. Бывалые москвички Соня и Галя объясняют, как высокие журавли — подъемные краны поднимают отдельные куски готовых стен.

До Москвы — сорок километров! Остановка! Красный светофор. Придется нам обождать. Вон сколько автомашин впереди. Справа вливается такое же гладкое шоссе.

Кофейный «Москвич» становится рядом, профессор усмехается в бороду, профессорша что-то объясняет кудрявому мальчику, а тот серьезно уставился на нас и кивает головой. Зажегся сперва желтый, потом зеленый огонь, противный «Москвич» разом трогается и перед самым нашим носом обгоняет нас.

До Москвы — тридцать километров! Сбоку мчится электричка, переполненная пассажирами, и кричит тоненьким протуженным голосом.

До Москвы — двадцать километров! Сколько же машин навстречу и скольких обгоняем мы! В Москву везут кирпич, капусту, мешки с мукой, живых коров... Из Москвы едут машины со станками, с ящиками, пустые самосвалы, тяжелые бензовозы; промчался на мотоцикле милиционер; а сколько людей едет в обе стороны в автобусах, грузовиках, легковых!..

До Москвы — десять километров!

— Смотрите, смотрите! — показывает в окно Соня.

Далеко-далеко на фоне розовой зари пронзает небо хрустальный сказочный шпиль розового тридцатидвухэтажного здания университета.

А справа и слева — дома в шесть, восемь, двенадцать этажей. Это сама Москва. Автобус едет медленнее. Улица необычайной ширины, как река в Золотом Бору. Машин и людей на улице великое множество. Магазины с большими цветными вывесками, плакаты, объявления... Время от времени автобус останавливается, и тогда поперек улицы двигаются в два три ряда нескончаемые вереницы автомашин.

Заметно стемнело. Сотни тысяч, миллионы огней, белых, красных, зеленых, — на улицах, в окнах, на вывесках — горят, переливаются, сверкают...

Наконец въезжаем на площадь и останавливаемся возле большого серого здания с огненно-красной буквой «М» под крышей. Это станция метро.

— Ура! Приехали!

— Дети, только строим! Если отстанете — погибнете! — кричит Магдалина Харитоновна.

Ребята присмирели, идеально послушны, сразу становятся в два ряда и идут следом за Люсей. Магдалина Харитоновна замыкает шествие.

Все с восхищением оглядывают станцию метро. Какой высокий потолок! Сколько белых колонн! Перед эскалатором — самодвижущейся лестницей-чудесницей — все невольно останавливаются: вроде бы страшно скатываться куда-то в пропасть... Но другие-то спускаются и при этом спокойненько разговаривают.

Поехали и мы. Внизу столько света! Лампы в матово-белых, похожих на лилии абажурах; мраморные колонны с бронзовыми украшениями... Никому не верится, что дворец запрятан глубоко под землю.

Сейчас десять часов вечера.

«Хорошо, что мы явимся на квартиру поздно, — думаю я, — когда Тычинка с Газелью уже спать залягут».

Вдруг Соня дернула меня за рукав:

— Папа, я хочу очень серьезно с тобой поговорить.

— Да, что такое?

— Галя тоже у нас ночует.

— Но ведь у нее в Москве родители.

— А у нас ей интереснее. И еще знаешь что? Я уже договорила с Магдалиной Харитоновной: они будут жить у нас все три дня. Да, да, да, не спорь! Мама пойдет ночевать к Ивану Ивановичу, Миша — на раскладушке в кухне, Люся с Магдалиной Харитоновной — на диване, Бэла с Галей — в моей кровати, я с остальными девочками — в большой комнате на полу, мальчишки — в маленькой, тоже на полу, а трех мальчишек ты возьмешь к себе в кровать: один — с тобой рядышком, двое — ногами к вам... И всем будет очень удобно и весело.

Соня тараторила так быстро, что я никак не мог вставить слово возражения. Впрочем, я понимал — возражать было уже поздно.

Подъехал поезд, открылись сами собой двери, все, толкаясь, устремились в вагон... Девушка в красной фуражке

подняла руку с жезлом... Вновь захлопнулись двери, и поезд ринулся в туннель.

Живу я возле станции «Маяковская». Мы приехали, поднялись по эскалатору наверх. Москва под черным звездным небом, сверкающая мириадами разноцветных огней, предстала перед нашими глазами. Ребята совсем притихли, идут строем, никто не балуется, не разговаривает. Один бедный Витя Перец уныло плетется в стороне, босиком, в своих латаных, выцветших штанах.

Тоскливые мысли охватили меня: а если управдом узнает, что в квартире ночуют двадцать девять непрописанных граждан? А как отнесутся Тычинка с Розой к такому нашествию? А как это отразится на Мишиных экзаменах? А что скажет мама — моя жена?

Впрочем, о маме я почти не беспокоюсь. Она всегда отличалась гостеприимством. Я уверен, она будет исключительно приветлива и любезна со всеми гостями. Вдобавок эти гости преподнесут такие вкусные подарки.

Строем вошли во двор; поднялись по лестнице на третий этаж.

Соня нажала кнопку звонка. Дверь открыла мама. Она прислонилась к косяку и застыла неподвижно, пропуская мимо себя вереницу ребят. Я смутился, увидев ее бледное, окаменевшее лицо, ее испуганные глаза.

Впоследствии я выяснил причину маминого испуга. Миша, заслышав топот множества ног во дворе, высунулся в окно и закричал: «Мама, их человек шестьдесят!»

А самое главное, когда я разговаривал с мамой по телефону из Золотого Бора, она категорически потребовала: «Никаких грибов, никакого варенья, не больше семи ребят! Если привезешь больше, Мише негде будет заниматься, он не поступит в вуз».

А я этого ничего тогда не расслышал.

— Вот мы и приехали,— неестественно развязно сказал я и поцеловал маму в щеку.

— Тройка по сочинению,— шепнула мама.

В первую секунду я даже не понял всего ужаса ее слов. Миша, веселый, растрепанный, здоровался со мной как ни в чем не бывало.

В эту минуту я не мог не только переживать Мишино несчастье, но даже думать о нем. Надо было немедленно проводить всех ребят из передней в комнаты и усадить. Правда,

обе руководительницы так их вышколили, что они ходили на щипочках и даже шептаться боялись.

Я представил маме Магдалину Харитоновну и Люсю. Мама вежливо улыбнулась, а когда увидела увесистые корзинки с грибами и фруктами и грандиозные банки с вареньем, улыбнулась по-настоящему и поцеловала Люсю.

— Послушайте! Ну мне, честное слово, неудобно! Ну нельзя же так много!— ахала мама.

Она тут же поставила на плиту сразу три чайника.

А Миша уже успел перезнакомиться с мальчиками. Вместе с ними он развязывал рюкзаки, бережно вынимал и распаковывал минералы и окаменелости и о чем-то оживленно беседовал.

Осмотр Мишиных минералогических коллекций решили отложить: завтра у него экзамен по химии и ему надо идти в кухню готовиться.

Я усадил всех ребят вокруг стола, на окнах, на диване, на кровати. Соня как хозяйка занимала девочек, показывала им все наши альбомы с фотографиями, книжки с картинками, своих кукол.

Мама, Миша и я уединились на кухне.

— Ну что?— спросил я.

— Что «что»?— с тоской ответила мама.— Сочинение написал очень хорошее, да не на ту тему и в слове «гуманизм» поставил два «м».

Миша с книгой в руках потянулся, зевнул.

— Ну, не поступлю в этом году, пойду работать, через два года выдержу,— равнодушно бросил он.

— Миша, ну как ты не знаешь: гуммигут — краска, гуммиарабик — клей — два «м», а гуманизм — одно. Неужели из-за какой-то одной буквы рухнет вся твоя будущность? Сам виноват,— накинулся я на него,— учиться надо, а не гонять с неподъемными рюкзаками по разным буеракам да оврагам! Какой же ты изыскатель? Изыскатели пятерки приносят.

— Погоди, папа, нападать. Только первый экзамен. Впереди еще пять,— повысил голос Миша.

— Давайте лучше думать, как их всех устроить,— перебила мама.

Решили уложить именно так, как распределила Соня, только маме пришлось постелить в ванной на сундуке. Тычинка с Розой уже спали; их запертая злобная дверь была похожа на ворота вражеской крепости.

Чай пили из чашек, кружек, стаканов, блюдечек, соусника, солонки, ковшика, чайника, пустых консервных банок, вазочек, рюмок, стаканчика для бритвы, пепельницы. Несколько самых больших банок с вареньем мама поставила прямо на стол.

Никогда в жизни я не видел, чтобы можно было так здорово уничтожить варенье. Ребята ели его просто столовыми ложками, как манную кашу, только потом все носы и пальцы поизмазали.

После чая обеденный стол опрокинули набок, стулья и кресло водрузили на мой письменный стол — тот самый, в котором Миша держит свои камни. Две кадки с пальмами вынесли на кухню. Один мамин священный туалетный столик с флакончиками и зеркалом оставили нетронутым.

Соня хлопотала вовсю. Она открыла буфет, комод, гардероб, вытащила оттуда зимние вещи, разное старье.

— Мама, вот это можно постелить?.. Мама, а вот это сюда под голову... Мама, а это в ноги...

Мобилизовали все: шубы, пальто, одеяла, перины, подушки, матрасы, половики, скатерти, простыни, ковры, покрывала... Наша изобретательная мама с помощью Люси и Сони сумела устроить такие постели, что всем было и мягко, и тепло, и удобно.

Только мне, пожалуй, пришлось туговато. Мальчишки, спавшие со мной, вертелись и толкались и все норовили сунуть мне в нос свои ноги.

Вдруг среди ночи раздался ужасный стук в дверь. Именно стук, настойчивый, упорный, а не звонок. Молотил кто-то чужой.

Босиком, в одних трусах, завернувшись в простыню, выскочил я в переднюю. Мне уже представилось — явился управдом с милицией.

— Кто там?

— Это я, откройте, будьте добреньки,— послышался очень знакомый сладкий голос.

Я открыл. На пороге стоял кругленький, румяный Номер Первый и держал на цепочке улыбающегося Майкла.

— Я к вам. Надеюсь, нам с песиком местечко найдется?

— Найдется.— Я немножко закашлялся.

Пока Номер Первый снимал пальто, галоши, с Майкла — намордник, он без умолку рассказывал, объяснял. Я только слушал.

— Вы представьте, какое безобразие: я покупаю два билета в метро; иду, а меня не пускают: «Гражданин, с собакой нельзя». Я говорю: «Собака породистая, серебряная медалька», а курносая контролерша: «Мне наплевать, что породистая». Пришлось от Комсомольской площади пешочком по Садовому кольцу... Знаете, последний раз я еще до войны был в Москве. Я шагал рот разинув. Такие здания — даже в двадцать два этажа! Бывало, улица узенькая да трамвайчик-букашка тарыхтит и звонит, а теперь... На той стороне даже не видно, кто идет. И сколько огней! Час поздний, а все сверкает и так светло! И троллейбусы, автобусы, светофоры!.. А наш брат пешеход туда-сюда — тух-тух... Да, так помните, зачем я приехал? Завтра в институт иду за расшифрованным письмом. Вы понимаете, как это интересно!

— Да, да, да, действительно очень интересно,— жалобно бормотал я, переминаясь с ноги на ногу. Я дрожал от холода, закутанный в простыню, как в римскую тогу.— Ну что ж, пройдемте в комнаты,— нерешительно добавил я.

Мы прошли. Я щелкнул выключателем. В обеих комнатах пол был устлан бездыханными телами. Номер Первый долго стоял неподвижно, склонив голову набок.

— М-м-да!— промычал он, полез в авоську и достал стеклянную банку рыбных консервов.— Вот смотрите.

Я нагнулся: сквозь стекло в банке виднелись рыбки.

— Читайте: «Кильки пряного посола Рижского рыбзавода». Сравните!— Номер Первый протянул указательный палец сперва в сторону спящих мальчиков, потом в сторону спящих девочек.— Тоже пряный посол.

О Майкле мы позабыли. Пес этим воспользовался, незаметно освободился от ремешка и проник в первую комнату. Понюхав раскрытые рты спящих мальчиков, он перешел в следующую. Девочки разлеглись в два ряда, один ряд ближе к двери, другой ближе к окнам.

Майкл осторожно перешагнул через «трупы» девочек, стараясь не задеть не только их самих, но и их косы и даже ленточки от их кос, залез под столик и улегся там.

И я и Номер Первый тщетно звали его, манили; он только вежливо улыбался из-под столика, но к нам не шел.

Я уложил Номера Первого на свое место на кровати — пускай беспокойные соседи ему суют ноги в нос. Сам я выбрал шелку между остальными мальчиками и улегся прямо на полу.

Глава пятнадцатая

СКОЛЬКО МОЖНО СЪЕСТЬ МОРОЖЕНОГО?

Таких неслыханных неприятностей мы никогда не причиняли своим соседям. Миша вторгся на нейтральную территорию — он устроился на ночь на раскладушке поперек кухни. Уже одно это было преступление: ведь Тычинка не смог добраться до градусника.

Утром своего соседа я увидел мельком, издали. Как только я вышел в переднюю, Тычинка сейчас же скрылся у себя в комнате. Я не мог разглядеть выражение его глаз, спрятанных за толстыми стеклами очков.

Ко мне подбежала Соня и обиженно сказала:

— Папа, я поздоровалась с Иваном Ивановичем, а он отвернулся.

Когда ребята проснулись и начали вставать, они хоть и на цыпочках, но все же задвигались по кухне и передней. Толпиться в ванной комнате и умываться над раковиной ведь нужно? Нужно. А становиться в очередь у одной маленькой дверки уже совершенно необходимо. Тычинка ушел на работу, кажется даже не помывшись.

Перед походом по Москве мы наскоро напились чаю. Миша ушел сдавать экзамен по химии, а мама занялась солением и маринованием грибов.

От моей квартиры до Научно-исследовательского института судебной экспертизы можно добраться и на метро и на троллейбусе, но мы решили идти пешком, хотя путь предстоял немалый. Кто хочет по-настоящему смотреть Москву, должен ходить только пешком.

Магдалина Харитоновна собрала всех ребят вокруг себя. Она убедила их вести себя совершенно идеально, слушаться ее, Люсю и меня совершенно беспрекословно, шагать только строем, ни в коем случае не отбегать в сторону, останавливаться только для осмотра достопримечательностей.

— А как же мороженое?— воскликнул Витя Перец.

Одетый в Сонину кофточку с вышивкой, старательно припрятанной за красным галстуком, в Сонины тапочки, в штаны соседского мальчика, он был так же наряжен и весел, как и все.

— И газировочка,— протянула Галя.

Решили: будем останавливаться на интересных местах, не пропуская тележки с мороженым и газировкой.

* * *

О нашем дальнейшем странствии по Москве лучше всего расскажут любопытные листочки, найденные много времени спустя в кармане брюк соседского мальчика. Эти листочки не имели подписи, но я и Соня сразу убедились, что автором их мог быть только Витя Перец, и, конечно, эти черновые записи предназначались для небезызвестного голубого ВДОДа.

Первая наша остановка — площадь Маяковского. Смотрим — мороженщица. Мы к ней бегом. Какие вафельные стаканчики вкусные! Я таких никогда не ел.

А какие широкие улицы! Улица Горького — прямо, а Садовая — поперек. Синие троллейбусы, красные с желтым автобусы, разноцветные легковые мчатся по Садовой в семь рядов и в туннель ныряют; а туннель весь из серого камня, широченный, освещенный электричеством и очень красивый. А по улице Горького автомашины над туннелем поверху несутся. Люди улицу под землей переходят. А один дяденька в белой рубашке захотел на другую сторону перескочить. Он между машинами прыгает, а милиционер свистит. Вдруг дяденька на другого милиционера нарвался, руками размахивает, пустой карман выворачивает, а милиционер что-то в книжечке пишет.

Мы пошли по улице Горького. Впереди доктор, Номер Первый и Майкл, потом все мальчишки по два в ряд, потом девочки, а сзади Люся и Магдалина Харитоновна. Как прохожие толкаются! Некогда им, что ли?

В каждом доме в нижнем этаже магазины. Самые интересные — гастрономы. Там настоящие горы из бутылок, из фруктов, из консервных банок.

А Номер Первый сказал:

«Как все изменилось! Сколько домов новых! Так бы и ходил по Москве да любовался!»

Мы опять встретили мороженщицу и купили еще по два стаканчика и Майклу дали мороженое, а он двумя лапами за стаканчик, нос — туда... и все вылизал.

Потом смотрим — памятник Пушкину темно-серого цвета. Дома кругом высокие, а Пушкин совсем маленький. Он стоит в зеленом садике, руку — за пазуху и глядит сверху на прохожих.

Вдруг одна маленькая девочка к памятнику подбежала, на ступеньку букетик белых гвоздик положила и опять убежала.

Эх, жалко, цветов не захватили! Я подошел к Пушкину, вынул из кармана красненькое яблочко и спрятал его в самую серединку девочкиного букета. А Володька засмеялся. Я страшно рассердился, думал стукнуть его. Только на московских улицах драться запрещается. И опять мы купили мороженое и пошли дальше.

А доктор сказал:

«Я вас лучше переулками проведу. Так будет гораздо ближе и быстрее».

И повел. В переулках прохожих совсем мало, а дома тоже высоченные, сами переулки какие-то кривые. Доктор то сюда повернет, то туда. А мы за ним.

Номер Первый ему крикнул:
«Доктор, да вы что-то пугаете!»

Я смотрю — и правда доктор стал красный, как яблочко, и все бормочет:

«Какие ненормальные переулки! всю жизнь в Москве живу и никак их не запомню».

Номер Первый очень рассердился:

«Я в институт спешу; может, уже прочли письмо, а из-за вас только время теряю».

И нам тоже охота поскорее узнать, прочли там письмо или нет.

Да еще ни одной мороженщицы в этих переулках не видно.

А доктор никак не хочет сознаться, что заблудился, идет молчит и губы кусает. Мне бы месяц в Москве прожить — я бы всюду правильную дорогу отыскал. Пришлось нам прохаживать спрашивать. Оказывается, мы совсем в другую сторону повернули. Наконец вышли на широкую улицу.

Доктор очень обрадовался и сказал:

«Я знаю про каждый дом занятную и длинную историю. Хотите, расскажу?»

А Номер Первый все нас торопит:

«Некогда, некогда, я чувствую, в том письме столько интересного. Идемте дальше».

Наконец увидели мороженщицу, снова купили, Майкла угостили.

А доктор спросил:

«Не много ли мороженого?»

А мы в ответ:

«Очень давно не ели».

Доктор сказал:

«Я очень беспокоюсь, как бы у вас животы не заболели».

Тут как раз мы увидели высокую красную кремлевскую стену, я стал на нее смотреть и сделал вид, будто этих докторских слов не услышал. Через садик мы подошли к Москве-реке. А в Золотом Бору река еще шире. Мы перешли по мосту на другую сторону.

Здесь Номер Первый сказал нам «до свидания». Он с Майклом заторопился узнавать насчет письма.

И я тоже иду и все думаю: а что в том письме написано?

Мы остановились в конце моста. Какой отсюда Кремль красивый! Но мы его давно знали. Я еще помню — в букваре есть картинка, только не раскрашенная. Над рекой кирпичная

кремлевская стена с зубчиками и башни с острыми макушками. А за стеной — зеленая гора, а на горе — большой белый дворец с красным флагом, рядом — белые соборы. Как ярко горят на солнце золотые купола! А красные звезды на башнях горят еще ярче.

И опять мороженщица. Мы все ее окружили.

«Послушайте! Послушайте!» — кричали доктор и Магдалина Харитоновна.

А мы кричали: «Во рту совсем пересохло!» — и всё покупали и покупали.

Вдруг Володька как заорет и кувырком на асфальт и ногами забрыкал. И у меня в животе такая страшная боль, точно меня кольщиком проткнули, и в глазах сразу потемнело. Я упал, глаза закрыл, только слышу — Магдалина Харитоновна на всю улицу:

«Доктор, доктор, спасите!»

Я чуть-чуть один глаз приоткрыл и опять закрыл — пускай думают, что я умер. Доктор мне рубашку кверху и изо всей силы как начал кулаком тискать и мять живот. Ну в точности как моя мама, когда сдобное тесто в квашине месит. Спер-

ва было ужасно больно, а потом только щекотно. Живот стал проходить. И я опять чуть-чуть один глаз открыл.

А вокруг нас целая толпа! Милиционер стоит, никого близко не пускает.

Прохожие спрашивают:

«Двух мальчиков задавили? Кто задавил? Где машина? Удрала? А номер записать успели? «Скорую помощь» вызвали?»

Вдруг страшный гудок! Я опять сквозь ресницы посмотрел. Вижу — светло-серая машина, и оттуда два доктора в белых шапочках и халатах выскочили, сумку с красным крестом и носилки тащат... Ой! Да это «скорая помощь»!

«Где раненые? Костя, давай поднимай».

Володька как завопит: «Не хочу «скорую помощь!»— и в воздухе ногами.

А я прыг, поддернул штаны и драла: так и убежал. «Скорая помощь» уехала пустая. Все чужие люди ушли. Я подошел к нашим и узнал: Володька-то восемь стаканчиков слопал, а я сколько — не скажу.

Магдалина Харитоновна собрала всех нас и строго-настро-го приказала:

«Девочкам больше пяти, а мальчикам больше четырех стаканчиков за день не есть. Видите, бедный Володенька из-за мороженого костюмчик испортил».

А доктор сказал:

«Вы с этим мороженым в больницу попадете, и портрет без вас найдут. Знаете, есть такая очень страшная болезнь «глационит». «Глацио» — значит лед. Если съесть очень много мороженого, желудок и кишки превращаются в ледышку. Оттого так больно в животе. Нужна немедленная операция. Но если вот эдак тискать живот, лед растолчется, растает и все пройдет очень быстро».

Я не знаю, правда ли есть такая болезнь или доктор нарочно выдумал — захотел нас напугать; только я решил: больше ни одного стаканчика покупать не буду.

Люся сказала:

«Пока Номер Первый ходит за письмом, поедemте в Зоопарк».

А доктор головой покачал:

«Я не интересуюсь зверями».

Он поехал домой на метро, а мы поехали в Зоопарк на троллейбусе...

ИСТОРИКИ ПОКА ТОЛЬКО ПУТАЮТСЯ

Я открыл дверь своей квартиры и увидел на кухне маму, старательно укладывавшую мелкие белые грибочки в банку для маринования. Глаза ее были заплаканы.

— Что случилось?— с дрожью в голосе спросил я.

— Этот страшный зверь чуть не съел Розу,— прошептала она, закрыв лицо руками.

— Какой зверь? Как съел? Когда? Где?

Вот что рассказала мама.

Часам к двенадцати Номер Первый вернулся вместе с Майклом. Вид у него был очень расстроенный. Мама обоих накормила обедом. Вскоре вернулся на обеденный перерыв Тычинка. Старички познакомились друг с другом, и оба очень долго и оживленно о чем-то беседовали на кухне. Потом Тычинка ушел, а Номер Первый занялся чтением. Потом...

Последняя собака в нашей квартире жила в незапамятные времена, еще до моей женитьбы.

Уважаемая Газель — Роза Петровна — привыкла днем нежиться на трех перинах. Она безмятежно дремала, как вдруг услышала шум отодвигаемого стула. Она открыла глаза и, как это ни покажется невероятным в центре столицы, словно бабушка Красной Шапочки, увидела свирепо оскаленную волчью пасть. Отвратительное чудовище с лаем бросилось к ее постели. Роза Петровна не имела сил закричать и только пискнула по-цыплячьи. Никто ее не услышал. Чудовище понюхало одеяло и подушки и, злобно рыча, вышло из комнаты.

Часа в два дня Номер Первый, предупредив, что уходит по очень важному делу, взял Майкла на ремешок и ушел. Почему он приходил и вновь уходил, мама не знала.

Ей не терпелось показать Розе Петровне золотоборские гостинцы, а та словно примерзла к своей комнате. В конце концов маме это показалось подозрительным. Она легонько постучала в дверь — ответа не последовало; тогда она решилась войти и увидела бедную Розу, лежавшую с закрытыми глазами на постели. Чуть слышный стон вылетел из уст больной.

Услышав столь трагический рассказ, я решительно вошел

к Розе в комнату. Я врач. Я помогу внезапно захворавшей несчастной соседке. Увидев меня, она болезненно простонала и посмотрела кротким нечеловечески скорбным взглядом. Какой ужас! У нее инфаркт, она сейчас умрет! Я попробовал пульс, приставил стетоскоп к области сердца... Да нет, кажется, к счастью, она совсем здорова.

— Роза Петровна,— сказал я,— успокойтесь, ничего страшного я у вас не нахожу. Вы только напугались. Обещаю вам, что песик никогда не переступит порога вашей комнаты. Умоляю вас, потерпите еще два дня и две ночи. Мы ищем одну очень важную вещь.

Кроткая Роза Петровна смотрела на меня своими невыразимо печальными глазами умирающей газели и покорно кивала головой. Я понимал — она согласилась терпеть всевозможные неудобства, лишь бы не портить добрососедские отношения со мной. Наша «важная» вещь, конечно, ее ни капельки не интересовала.

Плотно пообедав, я улегся отдохнуть. Проснувшись, я узнал, что еще никто не приходил.

Изыскатели, верно, разинув рты, стоят перед очередной клеткой с невиданным заморским зверем. А где Миша? А где Номер Первый с таинственным письмом? Почему его до сих пор нет? Или опять Майкл что-нибудь натворил?

Наконец явились все изыскатели, растрепанные, потные, смеющиеся, с горящими глазами... Следом за ними прибыл и Миша; он благополучно получил пятерку по химии.

Мама с Магдалиной Харитоновной увлеклись беседой о приготовлении различных кушаний.

Миша стал показывать свою коллекцию минералов. Он выдвигал и открывал многочисленные ящички и перечислял замысловатые названия разноцветных образцов, собранных со всего света. Каждый камень лежал в особом гнездышке из ваты, с приложением этикетки с надписью, где и когда он был найден, и его название.

Гордостью Мишиной коллекции была маленькая пробибочка, на дне которой едва виднелись крохотные темные песчинки. Они были из чистого золота, собственноручно намытого Мишей. Да, да, в одном овражке, на дне пересыхающего ручья, недалеко от Москвы, если целый день полоскать в тазике песок, можно намыть крупинки золота.

Мальчики тесным кружком обступили ящики. Им, конечно, было очень интересно смотреть на образцы горных пород,

и все же я замечал: то тот, то другой оглядывался на дверь. Я понимал: они тоже нетерпеливо ждали Номера Первого.

Куда же он все-таки запропастился?

Рабочий день давно кончился.

Я начал серьезно беспокоиться. Хоть бы по телефону позвонил, что ли!

Прошел еще час.

«Могут быть три варианта,— рассуждал я.— Первый: в институте еще и не начали расшифровывать документ и предложили зайти через неделю. Второй: там сказали — так все расплылось, ни одного слова прочесть невозможно. А если третий вариант?..»

Соня увела девочек в ванную. Что они там делали, не знаю, но визжали то ли от холодной, то ли от горячей воды невероятно.

Роза Петровна постучалась и вызвала меня в переднюю. Она, видно, собрала свои последние силы, встала с постели и теперь глядела на меня с таким упреком...

— По-моему, они нехорошо себя ведут,— сказала она и глубоко вздохнула.

Я понимал состояние бедной Розы Петровны. Но как утихомирить четырнадцать девочек, одновременно залезших в одну ванну?

— Особенно мальчики,— еще глубже вздохнула Роза Петровна.

— Мальчики?— удивился я.— Но ведь они молчат.— Я поспешил в кухню.

Однако, оказывается, куда опаснее и вреднее не те, которые визжат, а те, которые молчат.

Есть такой металл барий, и есть такой металл стронций. Если камень, содержащий барий, поднести к огню, он накаляется и дает пламя ярко-зеленого цвета; если в камне содержится стронций, пламя получается малиновое. Только сперва нужно на эти образцы накапать немножко соляной кислоты. Люди давно пользуются удивительными свойствами этих двух веществ и изготавливают из них осветительные сигнальные ракеты.

И тех и других образцов у Миши было достаточно. Все мальчишки пробрались потихоньку в кухню и на газовой плите одновременно на всех горелках принялись жечь камни.

Зрелище получалось очень красивое и эффектное, приглушенные восклицания время от времени доносились из кухни.

Но Розу Петровну не интересовали зеленые и малиновые вспышки. Она только чувствовала не особенно приятный едкий запах.

Пришлось мне решительно вмешаться и, несмотря на огорченные физиономии мальчиков, опыты категорически запретить.

Наконец раздался звонок. Несколько человек бросились открывать.

Явился он — долгожданный Номер Первый. Его лицо было серьезно, губы сжаты, щеки надуты.

— Принес,— глухо и загадочно сказал он, отирая пот с лица и лысины.

— Где же вы пропадали?— спросил я Номера Первого.

— Утром не застал директора,— лихорадочно дыша, объяснял он,— а противная напудренная секретарша из-за Майкла вообще не хотела со мной разговаривать. Он, видите ли, ее напугал. Только к вечеру мне наконец отдали это письмо, и я побегал к Номеру Шестому — художнику Иллариону,— хотел с ним посоветоваться. Два часа битых прождал у его порога, так и не дождался. А потом знаете, какие концы по Москве приходится с Майклом делать? Такая несправедливость — собак ни в автобусы, ни в метро не пускают!

— Так расскажите, что же в письме?— не утерпела Люся.

— Пять дней они работали и с большим трудом расшифровали. Мало того, что все расплылось,— почерк оказался исключительно неразборчивый. Автор письма находился в крайнем волнении — так мне объяснили в институте.

— Читайте, читайте! — запросили самые нетерпеливые.

Прошмыгнул Тычинка и, ни с кем не здороваясь, потихоньку уселся в уголочке.

Вот уж кого я никак не ожидал увидеть у себя! После нашествия изыскателей, после ужасов, пережитых Розой Петровой, я думал, он три года не будет со мной разговаривать.

Пока Номер Первый полез за платком, пока протер очки, пока платок спрятал, надел очки на нос, прошло еще две томительные минуты. Вот что он нам прочитал:

— Дорогая моя Иринушка, может, не свидимся больше, прощай, буду о тебе помнить и любить тебя вечно. Будь покойна. Вещь спрятана у Прохора. Оставляю тебе кинжал — может, пригодится. Твой навсегда — Е г о р. Лета 1838 июля 18-го дня.

Мы долго молчали, ожидая продолжения.

— И все письмо?— спросила Люся.

— Все,— ответил Номер Первый.

Я задумался. Я ровно ничего не понял.

Такие запутанные истории встречаются только в очень толстых шпионских романах.

— Под словом «вещь» понимают любой предмет мужского, женского или среднего рода,— глубокомысленно изрекла Магдалина Харитоновна.

— Эта спрятанная вещь несомненно чрезвычайно ценная, раз о ней вспоминают в минуты расставания навеки,— осторожно заметил Тычинка.

— Это кольцо,— предположила Магдалина Харитоновна.

— Это ружье!— выпалил Витя Перец.

— Нет, это портрет!— Люся порывисто вскочила.

— Прощальное письмо адресовано Ирине Загвоздецкой. Это факт бесспорный. Вспомните альбом. А кто же Егор? Не тот ли ученик академии, которого полковник Загвоздецкий вызывал из Петербурга? — неуверенно высказал свое мнение Номер Первый.

— Ключ в наших руках. Попытаемся начать не с Егора, а с Прохора.— Тычинка порывисто схватил Номера Первого за руку.— Вы живете в Любце всю жизнь. Зачастую из поколения в поколение новорожденных младенцев называют в честь их отцов и дедов. Припомните-ка, не проживает ли в данный момент в Любце какой-либо Прохор или Прохорович?

В это время в дверь постучали. Вошла Роза Петровна. Тычинка сделал нетерпеливый жест ладошкой.

— Ванюшечка, иди ужинать!

— Оставь меня в покое! Не мешай!— гаркнул он.

Несчастливая ухватилась за косяк двери, собираясь, кажется, упасть в обморок, и молча исчезла.

Я просто опешил: мой милый сосед — аккуратнейший, уравновешенный Тычинка, отказался от ужина в девять тридцать да еще прикрикнул на свою супругу!

— Так не припомните?— Тычинка продолжал теревить Номера Первого.

— Не помню, ни одного Прохора не помню,— ударял себя по лысине тот. Его покрасневшее, надутое лицо выражало крайнее напряжение.

— Можно, конечно, перелистать старые метрические книги...— размышлял Тычинка,— выбрать всех Прохоров, ро-

дившихся в Любце за двадцать... нет, мало — за тридцать лет.

— Это адский труд. Так мы всю жизнь проищем! — проstonал Номер Первый.

— Можно мне сказать? — Витя Большой встал и потрянул чубом. — Номер Седьмой, когда мы к нему приехали на пароходе, дал нам синенькую книжечку, — начал он, заметно волнуясь.

— Какую такую книжечку? — презрительно померщился Тычинка.

— «Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. Справочник 1852 года», — отчеканил Витя Большой.

— Ах да, есть такой справочник, — снисходительно улыбаясь, сказал Тычинка. — Вы, молодой человек, проявляете способности к историческим изысканиям.

Витя Большой сел, сияя от счастья.

— Возьмите! — Соня быстро выбрала из книжного шкафа томик и передала его Номеру Первому.

Тот вскочил, схватил синенькую книжечку и начал быстро-быстро листать ее:

— Вот, вот! «Любецкий уезд. Краткая история города. Список чиновников и должностных лиц по городу и уезду. Городничий, секретарь, городской голова, судья, столоначальник, приходорасходчик...» Нет Прохоров! «Особы, проживающие в городе и селениях Любецкого уезда...» Опять ни одного Прохора! «Фабрики и заводы. Фабрика жилетных материй купчихи Беянкиной. Фабрика азиатских платков купца третьей гильдии Нашивочникова Прохора Андреевича...» Слышите, Прохора! Это имя не очень часто встречается. Несомненно он!

— Предположим, что он, — уныло поправил Тычинка.

— Нашивочников — старинная любецкая фамилия. Сейчас несколько семейств осталось, — заметил Номер Первый.

— А возможно, кое-кто уехал? — выпытывал Тычинка.

— Иные уехали. Иван Павлович на Камчатке крабов ловит, Петр Харитонович в Афганистане в нашем посольстве, Семен Петрович как будто в Москве, еще двое в Донбассе, а есть такие, которые уехали совершенно неизвестно куда. Один из них даже изыскателем прозывался. Но куда он делся, честное слово, не знаю.

— Но неужели портрет может очутиться в Афганистане или на Камчатке? — с отчаянием воскликнула Люся.

— Тише, девушка, тише! В исторических изысканиях нужно величайшее терпение,— утешал или, наоборот, огорчал ее Тычинка.— Вы не забудьте, рано еще портрет искать. О портрете мы пока не знаем ничего. Мы только пытаемся нащупать сведения о какой-то вещи, переданной сто с лишним лет назад на хранение неизвестным Егором неизвестному Прохору.

— Уравнение с пятью неизвестными,— вздохнула Магдалина Харитоновна.

— Ну-с,— опять обратился Тычинка к Номеру Первому,— предположим, что эта неизвестная вещь и по сей день действительно находится у кого-либо из Нашивочниковых, проживающих в настоящий момент в Любце.

— Просто не представляю,— разводил руками Номер Первый,— один — агроном в совхозе, другой — бухгалтер в банке, третий — сапожник, четвертый...

— У внука может оказаться другая фамилия,— нерешительно вставила Магдалина Харитоновна.

— Обычно в старое время дома переходили от отца к сыну, реже — к дочери,— возразил Тычинка,— а дочерям давали приданое. Если это портрет, мне кажется, он в приданое не годился.

— А если это кольцо или брошка, любой отец подарит эту драгоценность только дочери,— возразила Магдалина Харитоновна.

Тычинка не обратил никакого внимания на ее слова.

«Нет, с этими поисками мы зашли в какой-то тупик. Вот так загвоздка!— думал я.— Нашивочников, Нашивочников»,— бормотал я про себя. Эта не совсем обычная длинная фамилия все время вертелась у меня на языке. Как ни странно, она мне была почему-то удивительно знакома. Откуда? Может, кто-либо из моих юных пациентов? Нет, нет! Я закрыл глаза, мне ясно представилась четкая надпись высокими худосочными буквами: «Нашивочников». Я посмотрел на Соню, сидевшую напротив. Она уставилась в одну точку, нахмурилась и сосредоточенно что-то шептала.

— Краткие выводы.— Тычинка глубокомысленно приставил пальцы ко лбу.— Владелец Любецкой фабрики азиатских платков из справочника 1852 года, купец третьей гильдии Прохор Андреевич Нашивочников, и некий Прохор, у которого за четырнадцать лет до того, в 1838 году, то есть, заметьте, в год смерти Ирины Загвоздецкой, некий Егор спрятал неизвестную вещь, возможно, одно и то же лицо. Если это не так,

я на сегодняшний день не представляю, какими путями продолжать поиски. Еще предположение: эта вещь, видимо, осталась у внуков или правнуков, носящих фамилию Нашивочниковы. Конечно, все это догадки, но отчего же вам не пойти к тому правнуку, который живет в Москве? Ведь это отнимет у вас не более двух часов. Кстати, имеются некоторые шансы, что эта неизвестная вещь действительно портрет.

Все изыскатели решили завтра же с утра отыскать этого самого Семена Петровича, а затем пойти к Номеру Шестому — художнику Иллариону, — познакомиться с ним и пригласить его в нашу компанию изыскателей.

— А теперь садитесь пить чай, — решительно сказала мама.

Снова пили чай из тех же оригинальных сосудов, снова проглотили небывалое количество варенья и фруктов.

После чая стали укладываться спать. Соня хлопотала еще больше вчерашнего и сама проверяла постели.

Все улеглись на тех же местах, как и накануне. Я предпочел устроиться на полу вместе с мальчиками. Тычинка пригласил Номера Первого к себе.

Оба историка долго не могли уgomониться. Они, что называется, дорвались друг до друга, принесли из кухни табуретки, поставили их посреди передней, и я все слышал сквозь сон, как они перебирали различные исторические факты.

Несколько старинных книг и справочников и, конечно, синенькая книжечка лежали перед ними прямо на полу. Время от времени то один, то другой схватывал одну из книг, лихорадочно перелистывал и, отыскивая нужную строку, запальчиво тыкал пальцем и что-то доказывал.

Когда они разошлись, я не слышал — я заснул.

Глава семнадцатая

ЧТО ЗНАЧИТ «ОТЪЕЗД НАВСЕГДА»

Утром с умыванием и прогулками по кухне повторилась та же суতোлка, что и вчера. Но Тычинка так был захвачен общеизыскательскими интересами, что снисходительно улыбался, глядя на ребячью суету, и ушел на работу, кажется позабыв о квартирных неурядицах. Уважаемая Роза Петровна вообще не показалась из своей комнаты.

Самый простой способ узнать адрес нужного человека — отыскать его фамилию в телефонной книжке. Еще не было восьми часов, а мы уже столпились на переговорном пункте.

Я повел пальцем по строчкам книги.

Нашкинзон, Нашивкин, Нашивочкин... Вот, Нашивочкиков! Батюшки! Да тут их двое! О любецком уроженце С. П., то есть Семене Петровиче, Номер Первый смутно что-то припоминал. Но откуда взялся совершенно неизвестный А. М.? Решили начать именно с него.

Как самый опытный по телефонным разговорам, я забрался в будку, опустил монету, набрал номер.

— Я слушаю вас, дорогой,— послышался, как мне показалось, чересчур развязный мужской голос.

— Мне бы товарища Нашивочкикова.

— Он самый.

— Мне нужно вас видеть по исключительно важному делу. Разрешите к вам прийти через часочек.

— Через часочек поздно будет. Давай-ка поспешай. Преду-прежду, браток, через полчаса уезжаю, притом навсегда.

— Как — навсегда? — переспросил я.

— А так: значит, никогда сюда не заявлюсь и по этому телефону в последний раз в жизни разговариваю. Понял? Давай беги, еще поспеешь, машины не приехали.

Я бросил трубку. Мне не совсем было понятно, что значит

«навсегда». Я знал только одно: надо спешить на всех парах, иначе не успеем. Неизвестный А. М. исчезнет навсегда, и все следы пропадут.

Наскоро списали номера телефонов и адреса обоих Нашивовичниковых и помчались. Хорошо, что бежать предстояло не особенно далеко.

Мы помчались по Садовой, сбивая прохожих, пугая автомашины, удирая от милицейских свистков. Я слышал за спиной учащенное дыхание Номера Первого, Майкла и всех ребят. Бедная Магдалина Харитоновна опять отстала; я видел, как она вдалеке отчаянно размахивала руками.

— На поезд опаздывают, что ли? — слышалось сзади.

Вот нужный переулочек! Вот ворота! Мы очутились посреди большого, запутанного двора.

Дома теснились в полном беспорядке, всё старые, деревянные, облезлые, покосившиеся, кое-где с подпорками. Ряды скверных деревянных и железных сараюшек прилепились к заборам. Всюду было развешано разноцветное белье, ребятишки бежали, старушки грелись на солнышке.

— Ну, куда? Ну, который дом?

Появление конницы изыскателей произвело большое впечатление: ребятишки нас окружили, старушки прекратили оживленную беседу и тревожно стали нас оглядывать.

— Скажите, где тут квартира двадцать два? — тяжело дыша, спросил я старушек.

— Опоздали мы или не опоздали? — волновалась Люся.

Старушки разом заговорили. Одна посылала в один дом, другая указывала на соседний; они заспорили друг с другом, даже поспорились.

Мы стояли в полной растерянности. Куда нам идти? Наконец я догадался назвать фамилию Нашивовичкова.

— А! Александр Максимович! — Старушки даже подскочили от радости и тут же любезно показали на самый дальний, самый старый дом.

Возле крыльца стояли два грузовика, но проникнуть в квартиру мы не смогли.

Посреди старой, косо́й лестницы застрял шкаф. Вообще-то от шкафа мы увидели только громадный прямоугольник дна. За нижнюю его кромку судорожно уцепился тощий растрепанный человечек в растерзанном пиджачке, согнувшийся под тяжестью груза. Какой длины был шкаф, сколько народу его держало с другого конца, мы не знали.

Я нагнулся к растрепанному человечку и спросил его:

— Вы товарищ Нашивочников Александр Максимович?

— Я, я. Уходи, гражданин, не мешай! — сердито бросил он и тут же отчаянно закричал кому-то невидимому: — Васька, заламывай, заламывай! Выше заноси!

— Они переезжают на другую квартиру, — сообразила Люся.

Человечек под застрявшим шкафом кряхтел и изо всех сил старался сдвинуть с места непослушный груз.

— Осторожнее, дети! Запачкаетесь!

Но Магдалина Харитоновна запоздала: Люся, а за нею мальчики исчезли под шкафом, а через минуту шкаф вылез из дверей и медленно поплыл по воздуху. Изыскатели вместе с Александром Максимовичем и высоким парнем Васькой облепили шкаф, как муравьи облепляют дохлую гусеницу, приподняли и водрузили на грузовик.

— Раз, два, взяли! Еще взяли! — слышалась звонкая команда Вити Большого, и шкаф установили на место, возле кабины.

А девочки между тем тащили из квартиры узлы, книги, стулья. Мальчики не теряли времени зря. За шкафом последовал такой же громоздкий буфет, за буфетом — стол. Номер Первый, привязав Майкла к крыльцу, тяжело отдуваясь, стал помогать мальчикам, также таскал, «заносил» и «заламывал» мебель.

Маленький Нашивочников, стоя на верху грузовика, едва успевал принимать и сортировать вещи.

Я и Магдалина Харитоновна предпочли наблюдать за всей этой суетней издали. Вместе с нами скучал и Володя-Индюшонок. Он уже успел с помощью Сони вычистить и отутюжить свои небесно-дымчатые брюки.

Я терпеливо ждал, когда наконец смогу обратиться к неугомонному Нашивочникову со своими столь важными вопросами.

— Дана команда потихоньку осматривать все барахло, — шепнула мне Люся, — но пока ничего не видно.

— Они получили квартиру в новом доме, а все эти домишки будут сносить, — объявила мне Соня.

— Тут построят новую школу, — добавила Галя.

— А в школе будет физкультурный зал, как футбольное поле, — подхватил Витя Перец. — Я только не знаю: а как же окошки?

— Будут из небьющегося стекла, — деловито пояснил Витя Большой.

Из дома вышли оба близнеца. Они тащили, как мне сперва показалось, большое зеркало, завернутое в пестрое, сшитое из разноцветных лоскутков, стеганое одеяло, старательно обвязанное веревками.

— А-а-а! — ахнула Люся, указывая на тяжелую ношу Гены и Жени.

И я понял, и все остальные тоже поняли, что близнецы несли не зеркало, а кажется... кажется... портрет.

— Осторожнее! — закричал Нашивочников. — Смотрите не разбейте!

Можно разбить и зеркало, можно разбить и стекло на портрете...

Неизвестный предмет поместили на втором грузовике между ножками кухонного стола.

Изыскатели, взобравшись на обе машины, старательно увязывали вещи.

Юркий Нашивочников, потный, еще более растрепанный и грязный, прыгал и суетился внизу.

Никак не удавалось его спросить, что же было закутано в одеяло.

— Закидывай конец сюда! Захватывай за ножку стола! — кричал Нашивочников.

Витя Большой, стоя наверху, перебрасывал веревку с одного борта на другой, закидывал, зацеплял, увязывал...

Последней выплыла из дома древняя, как старая коряжистая ветла, бабушка. Четыре девочки держали ее под руки.

— На десятом этаже! Туда и сорока не залетит, сыночек мой любимый! Ох, грехи мои тяжкие! — кряхтела бабушка.

— Мамаша, не беспокойтесь, там воздух чище. А погулять захочется — на лифте за пять секунд, а то на балкончик кресло вынесу, — утешал любимый сыночек Нашивочников, бережно усаживая мамашу в кабину.

— Они сейчас уедут! — ужаснулся я.

Мальчики самым невежливым образом поймали Нашивочникова за полы пиджака.

— Дяденька, что там такое? — запищал Витя Перец, указывая на неизвестный предмет в одеяле.

— Портрет, портрет, — вырываясь, бросил на ходу Нашивочников. Голос у него был самый будничнейший и невозмутимый. А мы? Мы так опешили, что даже ртов не могли раскрыть.

Шоферы завели машины.

— Не уезжайте! Мы с вами поедем! Выгружать поедем! Поможем вещи таскать! — завопила Люся.

Удивленный Нашивочников обернулся:

— Поедете с нами?

— Да, да! — повторяла Люся. — Вам одним будет трудно.

— Какие же вы славные ребята! Какое же вам большое спасибо! — Нашивочников крепко пожал мне руку. — Папаша, благодарю. Садитесь скорее! Тетенька, айда в кабину! — кивнул он Магдалине Харитоновне.

Некогда было обижаться на столь непедагогичные прозвища. Все ребята полезли в кузова, подняли растерявшегося Майкла. Володя, стараясь не запачкаться, тоже осторожно полез наверх. Я сам впервые в жизни занес ногу на колесо. Меня потянули за руки, принялись толкать снизу. Я уселся вместе с Номером Первым у заднего борта на кадку с кислой капустой.

Рукой я схватился за край одеяла, скрывавшего великую тайну.

Обе машины выехали из переулка на Большую Садовую. Мы покатали мимо Планетария, мимо Зоопарка, мимо высотного здания на площади Восстания. Ярко горели на солнце новые золотые многоэтажные дома. На передней машине изыскатели затаили песню. Маленький Нашивочников, сидя верхом на шкафу, дирижировал и руками и ногами.

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!..

Мы, сидящие на второй машине, молчали, время от времени косясь на одеяло.

Женя и Гена попробовали было на ходу развязать веревку на портрете, но только намертво затаили узел.

— Оставьте, приедем — развяжем, — сказала им Люся.

Мы повернули направо, переехали Москву-реку.

— Ага, им дали квартиру в новом, Юго-Западном районе Москвы, — догадался я.

Мы поехали через кварталы строящихся домов. Подъемные краны, похожие на допотопных чудовищ, высились там и сям. Дальше, за поворотом, дома уже были построены. Специальная автомашинa с помощью лебедки сажала в сквере порядочной толщины липы. Каток медленно двигался по черной асфальтовой дорожке.

Наконец приехали, начали разгружать вещи. Шкаф не влезал в лифт. Снова бесчисленные муравьи потащили его по лестнице.

Я и Люся взяли в руки портрет и поднялись на лифте на десятый этаж.

— Я так волнуюсь, как никогда в жизни, — прошептала она.

Дверь в квартиру была открыта. Мы вошли внутрь, поставили портрет в углу большой комнаты.

Там на подоконнике сидела заплаканная молодая женщина с младенцем на руках. Дитя орало, как тысяча поросят...

— Почему так долго? — сердилась женщина.

Нашивочников бережно вытащил из-за пазухи кастрюлечку с манной кашей.

— Уберег еще горячую, — оправдывался он.

Дитя моментально замолчало.

— Ты только посмотри, какая красота! — улыбнулась женщина; одной рукой она вытирала слезы, другой кормила с ложечки ребенка.

— Да я уже три раза видел, идемте, идемте смотреть.

Маленький Нашивочников повел нас по всей квартире, хлопая себя по коленкам, весело отбивая чечетку. Две большие, светлые комнаты были пусты.

В кухне Нашивочников невыносимо долго показывал нам многоцветный кафельный пол, ослепительную газовую плиту, два белых стола с бесчисленными шкафчиками и полочками, холодильник, мусоропровод.

Мы перешли в блистающую белизной и чистой ванной. Вежливость требовала восхищаться кранами, трубами и прочими коммунальными чудесами. Но по ребячьим лицам я видел, что все изыскатели готовы были лопнуть от нетерпения.

Пришла на кухню бабушка, посмотрела направо, посмотрела налево и прошептала:

— Как в раю!

— Большое, большое вам спасибо! Приходите к нам на новоселье, — благодарили нас улыбающиеся супруги.

«Теперь пора!» Я улучил момент и схватил Нашивочникова за руку:

— Вашу прекрасную квартиру мы осмотрели, теперь покажите ваш портрет, — сказал я и вдруг почувствовал, как учащенно забилось мое сердце.

— Портрет? — переспросил Нашивочников. — Портрет у меня правда знаменитый.

Все столпились вокруг. Мальчики в несколько ножей безжалостно разрезали веревки. Одеяло упало...

Это был не портрет, а огромная увеличенная фотография бравого дяди с галстуком бабочкой, с закрученными усищами и пышными завитыми волосами. Усач стоял во весь рост, опираясь на спинку роскошного кресла.

— Мой отец, — торжественно произнес Нашивочников.

Минуты две мы смотрели на фотографию молча; первой начала смеяться Соня, а за нею Галя, потом самым бесцеремонным образом захохотали все остальные. Только Номер Первый и Магдалина Харитоновна сердито нахмурились.

Принялся хохотать и сам Нашивочников.

— Удивляетесь, какие усы раньше носили? В пять оборотов завитки! Шестьдесят лет мой батя был мужским парикмахером, а сам я парикмахер дамский.

— Расскажите возможно подробнее все, что знаете о своих предках, о старинных вещах, спрятанных в городе Любце,— строгим голосом начал допрос Номер Первый.

— Любец? — удивленно переспросил Нашивочников.— А где же этот Любец? Я что-то не слышал.

— Вы ничего не слышали о Любце? — с негодованием спросил Номер Первый.

— Я там никогда не был. Вы, папаша, меня, наверное, с кем-нибудь спутали...

Магдалина Харитоновна очень расстроилась:

— Подумать только! Мы два часа потеряли зря.

— И вовсе не зря! — воскликнул Витя Большой.

— Мм-да... — проговорил Номер Первый,— историки иногда сворачивают на неправильный путь. Идемте, идемте искать следующего Нашивочникова,— заторопился он.

Мы пожали руки счастливым новоселам, спустились вниз и подошли к ближайшему телефону-автомату.

Глава восемнадцатая

ПОКА ОЧЕНЬ ДОВОЛЬНА ОДНА ЛЮСЯ

Я бросил в щелку автомата две копейки, набрал номер.

— У телефона,— услышал я женский голос.

— Я прошу Семена Петровича.

— А кто спрашивает?

Ну как ответить на этот вопрос, да еще заданный таким раздраженным тоном?

— Знаете, это ужасно долго объяснять. Можете ли вы позвать Семена Петровича самого?

Я волновался и почему-то энергично жестикулировал.

— Еще раз повторяю: кто спрашивает?

Я чувствовал, эта женщина на другом конце провода начинает злиться все больше и больше.

— Я человек вам незнакомый, но мне крайне необходимо видеть Семена Петровича. Пожалуйста, позовите его.

Должно быть, подействовали мои мольбы и оригинальная просьба — «видеть» по телефону. Голос в трубке несколько смягчился.

— Семен Петрович подойти не может. Что ему передать?

— Тогда разрешите нам к нему прийти. Право, ненадолго.

Мы изыскатели. Если бы вы знали, как это важно и для нас и для него самого!

— А сколько вас? — Голос в трубке опять начал раздражаться.

Почему я не соврал! Почему сказал правду!

— Нас только тридцать два человека и еще собачка.

— Вы с ума сошли! Он три года лежит в постели! — завопил телефон, и трубку повесили.

Пропали две копейки!

— Ну как, договорились? — спросил Номер Первый.

— Да не совсем,— неуверенно ответил я и дословно передал наш телефонный разговор.

— Что же делать-то? — Номер Первый задумчиво потер лысину.

— А вот что,— сказала Люся.— Мы туда пойдем, позвоним, нам откроет эта злюка, не будет нас пускать. Вы начнете вести с ней переговоры, а я одна незаметно проскользну к тому большому старичку и скажу ему: «Дедушка, милый, не пугайтесь, простите меня» — и быстро-быстро все ему объясню.

— Нет, нет! Врываться в чужие квартиры — это может окончиться таким скандалом! — запротестовала Магдалина Харитоновна.

— Никто не будет врываться. Войдет одна Люся. Что тут такого? — сказал я.

— Другого выхода нет! — вздохнул Номер Первый.

К счастью, Семен Петрович жил недалеко, и мы пошли к нему также пешком.

Майкл всегда был исключительно вежливым псом. За эти дни он видел на улицах много собак, со всеми ними любезно здоровался, приветственно помахивая хвостом.

Но когда мы уже подходили к дому Семена Петровича, нам встретилась пожилая дама в кособокой красной шляпке. Дама держала на ремешке пучеглазую, тонконогую черную собачонку.

Эта собачонка ни с того ни с сего с неистовым лаем набросилась на Майкла. Не ожидавший нападения Майкл оторопел и оскалил зубы.

— Трильби, назад!

Дама удержала собачонку, Номер Первый удержал Майкла, мы благополучно разошлись и тотчас же позабыли и даму и собачку Трильби.

Мы подошли к дому, где жил Семен Петрович, и поднялись

по лестнице на второй этаж. К нашему удовольствию, дверь в квартиру оказалась незапертой. На двери была прибита медная дощечка. Я с удивлением прочел фамилию известного писателя, автора нескольких исторических романов о далеком прошлом нашей родины.

Есть романы, которые прочтешь очень быстро и, кажется, с интересом, а на другой день позабудешь. А попало мне однажды в руки произведение этого писателя, и я так уткнулся в книгу, что, несмотря на протесты жены, всю ночь не отрываясь читал. И потом мне всё снились славные витязи, страшные битвы, победы, походы, осады и другие героические картины далекого прошлого нашей родины.

— Дети, мы не туда попали! — с ужасом воскликнула Магдалина Харитоновна.

Но было уже поздно. Сперва прошмыгнули в темную прихожую оба близнеца, за ними двинулись остальные. Мы, взрослые, не успели их удержать и тоже вошли в темноту. Куда идти дальше?

Вдруг что-то металлическое со звоном покатило по полу. Витя Перец приглушенно фыркнул, за ним прыснули остальные.

— Кто здесь? Кто здесь, я повторяю! — послышался откуда-то из тьмы старчески надтреснутый голос.

— Это мы, — пискнула Соня.

И все засмеялись.

— Слева от наружной двери — выключатель, — продолжал тот же невидимый голос.

Лампочка вспыхнула под потолком и осветила просторную мрачную переднюю с вешалками, шкапами, с громадным зеркалом. Две высокие темные двери вели в комнаты.

— Теперь идите сюда, — приглашал таинственный голос.

Мы открыли правую дверь и невольно зажмурились от яркого солнечного света.

Ни стен, ни даже пола почти не было видно в этой большой странной комнате. Все мало-мальски свободное пространство заставили книги. Вдоль стен в десять рядов, от пола до самого потолка шли книжные полки, за стеклами шкафов выстроились тома в пестрых, тисненых золотом переплетах. На столах, под столами, на креслах, под креслами, просто на ковре стояли аккуратными стопками книги всех размеров.

А посреди комнаты лежал на диване, прикрытый белой лохматой медвежьей шкурой, старый-престарый Дед-Мороз с

длинными белыми волосами, с длинной белой бородой. Его белые с синими жилками руки держали книгу. Вокруг него на подушке, на одеяле, на столике между пузырьками с лекарствами тоже были разбросаны книги. Ножки у стола почему-то были в виде лебедей, а на спинке дивана висели старинный татарский колчан с громадными стрелами и богатырский шлем.

Мы глядели на Деда-Мороза молча и испуганно; он глядел на нас с любопытством и улыбался.

Ужас охватил меня. Нам нужен некто Нашивочников, а мы попали к знаменитому писателю. Магдалина Харитоновна дернула меня за рукав. Она переживала то же, что и я.

— Ну-с, мальчики и девочки, так кто же вы такие, откуда? Сядьте и расскажите.

Из-под белых косматых бровей на нас глянули ласковые серо-голубые глаза.

Мы все, стараясь не шуметь и ничего не задеть, осторожно расселись по креслам, по книжным стопкам, просто на полу на ковре.

Выступила вперед Магдалина Харитоновна.

— Произошло весьма прискорбное недоразумение. В телефонной книге перепутано, нам нужны не вы, а Семен Петрович Нашивочников.

Старик долго смеялся ласковым смешком.

— Да, это моя настоящая фамилия, а на дощечке, на дверях — мой литературный псевдоним.

Наступило напряженное молчание. Я просто не знал, как начать разговор.

— Что ж вы молчите? — Полузакрытые глаза Деда-Мороза продолжали глядеть на нас ласково и чуть с усмешечкой.

— Какая гибель книг! Вы не боитесь, что они вас придавят? — первым задал вопрос Витя Перец.

— Неужели вы их все прочли? — спросила Галя.

Дед-Мороз усмехнулся:

— Да. Чтобы написать одну тоненькую книжку, иногда надо прочесть тысячу толстых.

Белые пальцы старика забарабанили по одеялу.

— А у вас, наверное, есть и очень редкие книги? — спросил Витя Большой.

— Да, вот здесь, — Дед-Мороз оживился и кивнул на пол, подле изголовья, — мои величайшие богатства: «Речи Цицерона» — французская рукопись четырнадцатого столетия, «Российская Вивлиофика», «Притчи Эссоба» 1700 года¹. Всю жизнь я собираю книги.

В эту минуту в комнату влетела та самая пожилая дама со своей ничтожной собачонкой на ремешке. Выпуклые слезящиеся глаза собачонки снова уставились на Майкла с неистовой злобой. Трильби дрожала и рычала. Такие же черные выпуклые глаза дамы глядели на ребят с явной враждебностью.

— Так это вы к нам шли со своим отвратительным псом? И вас я предупреждала по телефону? Вы слышите — мужу необходим покой! Он очень больной человек, — шипела дама.

— Успокойся сама и успокой Трильби. А лучше иди на кухню и не мешай мне разговаривать с моими гостями, — размеренно и твердо сказал Дед-Мороз.

---

¹ Писатель называет различные редкие книги. Цицерон Марк Туллий (106—43 годы до н. э.) — выдающийся оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима. Его речи — образец стиля и литературного латинского языка. «Древняя Российская Вивлиофика» — собрание разных древних сочинений — нечто вроде краткой энциклопедии; издавалась в 1773—1775 годах известным русским просветителем, общественным деятелем, писателем Н. И. Новиковым (1744—1818). Эссоб, или Эзоб (VI—V века до н. э.) — полупоупендарный древнегреческий баснописец. Сюжеты его отдельных басен (притч) легли в основу некоторых басен И. А. Крылова.

— Никак не больше десяти минут,— послышалось шипение возле моего уха, и дама с собачонкой исчезли.

— Ну-с, уважаемые гости, расскажите же наконец, откуда вы.— Дед-Мороз продолжал приветливо улыбаться.

— Мы из Золотого Бора,— ответила Люся.

— А я из Любца, значит, почти что ваш земляк! — воскликнул старик и очень обрадовался, узнав, что мы только что побывали в его родном городе. Он уехал из Любца еще в юные годы и никогда туда не возвращался, хорошо помнит белые кремлевские стены.— А дворец Загвоздецких цел? Как приятно слышать, что там теперь школа!

Узнав, что мы ищем портрет Ирины Загвоздецкой, он приподнялся на локтях.

Рассказывала Люся все подряд, точно, быстро, без запинки, словно отвечала урок.

Дама с пучеглазой собачонкой раза три заглядывала в дверь, но Дед-Мороз резким движением руки каждый раз отсылал ее на кухню. Не отрываясь глядел он на Люсю и тяжело дышал, его длинные пальцы нервно перебирали бороду.

— Послушайте, дети мои, да вы знаете, что рассказали? У меня хранится старинная рукопись. Я всегда считал, что это собственное сочинение моего прадеда, Прохора Андреевича. Он видел в Любце известный натюрморт, знал легенду об Ирине Загвоздецкой, полюбившей крепостного, приукрасил эту легенду и написал поэтичную повесть, якобы от имени этого самого крепостного. Я даже собирался издать эту повесть. Но я никогда не подозревал, что все события, описанные там, сущая правда. Действительно, в рукописи упоминаются оба кинжала, и натюрморт, и портрет...

— Он у вас? Где спрятан портрет? — воскликнула Люся.

— Где портрет? — растерянно переспросил старик.— Я тоже не знаю. Я никогда и не слыхал о спрятанном портрете. Ни теперь, ни в детстве. Только что в рукописи. Впрочем, я всех родных давным-давно порастерял.

— Э-э-э-э!.. — Номер Первый заикался.— А вы не предоставите нам возможность ознакомиться с этой рукописью?

— Вон там.— Старик протянул свою белую руку и указал на самый верх правой стены.— Подставьте лесенку, прочтете указатели — «полка семь, отделение Д». Ищите папку с надписью «Бумаги моего прадеда».

Витя Большой поднялся по маленькой стремянке на самый верх.

Вошла дама в сопровождении своей противной Трильби. В руках она держала блестящий никелированный поднос с двумя такими же блестящими тазиками с горячей водой.

— Вы его мучили целый час! — сказала она. — Тебе надо делать процедуры.

— Потом, потом, умоляю тебя, немножко подожди! — отмахивался Дед-Мороз.

Далее события развернулись с невероятной быстротой.

Трильби прошмыгнула под нашими ногами и тянула Майкла возле хвоста.

Нет, такую обиду наш благородный пес не мог снести. Он бросился на Трильби, та увильнула и подкатилась под стремянку. Майкл прыгнул за ней, Витя Большой, стоявший на самой верхней перекладине, не удержался и вместе с толстой папкой «Бумаги моего прадеда» полетел вниз. Дама, испуганно вскрикнув, отскочила в сторону, поднос и оба тазика с оглушительным звоном упали, горячая вода разлилась по ковру. А ведь на ковре, рядом с диваном, лежали самые ценнейшие книги.

Дед-Мороз охал, бессильно показывая на поток, грозивший погубить библиографические редкости. Майкл с рычанием рвался к Трильби, Витя Большой оттаскивал Майкла, дама спасала Трильби, мы все без толку суетились по комнате.

Вода между тем подобралась к самым книгам...

Люся самоотверженно сорвала с головы цветной шелковый платок и бросилась вытирать лужу. А ведь этот платок был ее гордостью, перед каждым зеркалом она его поправляла.

— Цицерона не замочили? — простонал Дед-Мороз.

— Нет, нет, не беспокойтесь.

— А Эссопа?

К счастью, Люся спасла все редкости.

— Девушка, милая, — обратился Дед-Мороз к ней, — большое, большое вам спасибо! А что это у вас в руке? — вдруг испуганно спросил он ее.

Люся грустно глядела на свой безнадежно испорченный платок.

Дед-Мороз быстро повернулся к даме:

— Сейчас же принеси оба сари.

Та удивленно посмотрела на мужа.

— Принеси, прошу тебя, принеси.

Дама пожала плечами и вышла.

Все очень быстро успокоились. Лужа была вытерта стары-

ми газетами. Трильби забилась между книжными стопками. Витя Большой крепко ухватил Майкла за ремень.

Вернулась дама с двумя свертками материи и попросила Люсю помочь. Обе они развернули поперек всей комнаты длинные шелковые полотнища. Мы все буквально разинули рты.

Одно было цвета зари, с золотой бахромой, с вышитыми золотом причудливыми узорами. В дрожащей руке Люси оно все переливалось алыми, оранжевыми, желтыми, огненными красками.

Другое было нежно-сиреневое, вышитое серебром. Даже сама сирень не бывает такого нежного оттенка. Только на весеннем небе пред утренней зарей иногда на мгновение можно поймать подобные тона.

— Эти сари, одежда индийских женщин, — подарок моих друзей индусов, — объяснял Дед-Мороз. — Девушка, вы спасли мои любимые книги. За это я вам дарю одно сари...

— Что ты! — невольно вырвалось у дамы.

— Не спорь! Все равно они в шкафу без толку лежат. Не спорь, пожалуйста. Иначе не буду принимать твои лекарства. Лучше помоги ей одеться. Девушка, выбирайте.

— Да что вы, что вы! — бормотала оторопевшая Люся.

— Я повторяю — выбирайте, — настаивал Дед-Мороз.

Едва дыша, Люся выбрала сиреневое.

Дама завертела Люсю, забинтовала ее с ног до пояса, перебросила материя через плечо.

— Повернитесь еще раз, моя милая. — И сколько мышьяку было в этой фразе дамы.

— Существует тридцать два способа одевания сари, — объяснял старик.

Наконец Люся предстала перед нами, изящная, тоненькая, зардевшаяся от радости.

— Остается только поставить красную точку на лоб, — более чем любезно встала Магдалина Харитоновна.

Еще в самый разгар переполоха Номер Первый завладел папкой «Бумаги моего прадеда», развязал тесемки и в укромном уголке стал перелистывать пожелтевшие страницы. Сейчас он подошел к Деду-Морозу.

— Я вас очень прошу... Для нас это так важно! — От волнения он чуть не плакал. — Пожалуйста, дайте нам на время эту рукопись.

— Вы хотите взять папку с собой?

— Мы вам, честное слово, скоро вернем. Мы ее будем беречь,— умолял Номер Первый.

— Ну, берите, под вашу личную ответственность. Только осторожней обращайтесь. Вернете, когда... когда все найдете.

Наконец мы ушли, провожаемые милой и доброжелательной улыбкой Деда-Мороза и не особенно дружелюбным взглядом его сердитой супруги.

Номер Первый нес под мышкой драгоценную папку. Люся несла завернутое в газету сари. Мы все удивлялись: из шестиметрового куска материи сверток получился размером с белую булку средней величины.

Где же нам устроиться читать рукопись вслух? На сквере, что на площади Восстания? Да там каждая лавочка занята то старичком, то старушкой, то мамашами с малыми детками. Усесться в кружок на травке? Запрещается.

— Пошли в гости к Номеру Шестому, художнику Иллариону,— предложил Номер Первый.

Снова решили идти пешком.

— Нашивочников, Нашивочников,— бормотал я.

Где, когда слышал я эту фамилию? Словно крошечный буравчик ввинчивался в мой лоб. Я шел сзади всех и силился припомнить. Соня шагала в паре с Галей. Ее бровки были нахмурены, она сопела и, видно, тоже припоминала.

Глава девятнадцатая,

В КОТОРОЙ ЧИТАЕТСЯ СТАРИННАЯ РУКОПИСЬ

Нам открыл дверь молодой человек, высокий, сутулый, лохматый, тощий, с длинным, острым носом, с длинной шеей, украшенной острым кадыком. Его небритое лицо загоразивали очки, оправа которых в двух местах была неумело скреплена суровыми нитками. Одет он был в зеленый балахон, весь испачканный красками. На его светлых волосах боком сидел синий дамский берет. Только большие серые глаза... Впрочем, о глазах лучше расскажу позднее.

Он стоял на пороге своей квартиры, с чрезвычайным удивлением оглядывал всех нас из-под очков и никак не мог понять: собственно, кто мы такие и зачем явились?

— Ларюша! Что же ты меня не узнаешь! — воскликнул Номер Первый.

Оба бросились на шею друг другу и многократно облобызались.

— А это кто ж такие? Всѣ ваши дети?

— Не совсем мои,— ответил Номер Первый,— только мои бывшие друзья.

— Пройдемте, пожалуйста,— несколько растерянно произнес хозяин.

Удивительная квартира представилась нашим глазам: кухня, передняя и одна-единственная огромная, в пять окон, комната вроде школьного физкультурного зала.

Все мы с чрезвычайным любопытством оглядывали помещение. В углу стояла раскладушка, застланная старым стеганым одеялом, а все остальное скорее напоминало подвал художественной школы, куда сваливают разное разломанное скульптурное барахло: гипсовые туловища, головы, обломки гипсовых рук и ног.

Мебель выглядела несколько странной: старые, изъеденные короедом табуретки, облезлая зеленая лавочка, верно в незапамятные времена притащенная с бульвара, стол из нестроганных досок на козлах и рядом — редкой красоты вычурное бюро XVIII столетия красного дерева с перламутровыми блесками, а на бюро — старинные бронзовые часы со змеей, обвивающей вазу. У окна стояло такое же старинное резное кресло, обитое золотой, несколько засаленной парчой. Мольберты, большие и маленькие, цельные и разломанные, с какими-то хитроумными приспособлениями, валялись там и сям...

А на полу... Боже мой! Когда в последний раз подметался этот пол? Многочисленные, свернутые в трубки холсты для картин, куски картона, вороха бумажек, старых газет, книги, растрепанные и сравнительно новые... Среди мусора попадались тряпки, черепки посуды, корки хлеба, селедочные скелеты, пустые консервные банки и уж не знаю что — за слоем пыли невозможно было разобрать.

Мы столпились у двери и, не решаясь садиться, с любопытством разглядывали обстановку. Я видел — здесь читать руюкось нам было просто негде.

Только Майкл не растерялся: вытащил из кучи здоровенный говяжий мосол и с аппетитом принялся его разгрызать. За Майклом последовал и Женя-близнец. Он один из всех ребят бочком-бочком подобрался к мусору и начал в нем копать; вытащил треснутую палитру, старые кисти, тюбики с высохшими красками и все это стал складывать в кучу.

Оригинальный хозяин словно не замечал нашего удивления. Он снял очки и начал разглядывать нас. Меня поразили его чуть прищуренные живые серые глаза, они не глядели, а будто обшаривали нас, и я понял: эти глаза не интересуются нами самими, а ищут на смуглых лицах ребят, на их белых рубашках, на красных галстуках игру света и тени, рассматривают нас с точки зрения той будущей картины или тех эскизов и набросков, какие удастся нарисовать.

Я вспомнил статью, недавно напечатанную в «Комсомолке», о молодых художниках. Автор написал несколько очень хороших слов об этом человеке, предсказал ему большое будущее, если только он не перестанет неустанно и усердно работать над своими произведениями.

— Покажи нам, Ларюша, что ты рисовал все эти годы, — сказал Номер Первый и обернулся ко мне. — Рукопись придется читать на вашей квартире, — шепнул он.

— У меня тут немного, покажу разве только последнюю картину, — ответил Ларюша.

Он отдернул покрывало с самого большого мольберта: белокурый юноша в засаленной гимнастерке, в сапогах, с гаечным ключом в руках, верно тракторист, стоял рядом с молодой загорелой девушкой в белом платочке и кофточке, в темно-синей юбке, в тапочках на босу ногу. Видно, юноша застиг ее врасплох на тропинке, и она как шла с пруда с ведрами на коромысле и с тазом выполосканного белья, так и остановилась и поставила ведра и таз на травку. Полузадумчиво, полунасмешливо она грызла былинку, ее губы и глаза чуть улыбались. Видно, в душе она была очень довольна, что вот такой хороший парень робеет перед ней и так неумело объясняется в любви. А позади столпились радостные зеленые березки, ярко освещенные косыми утренними лучами солнца; за березками виднелся конец деревенской улицы — два деревянных дома с палисадниками...

— Это вы, вы всё сами нарисовали? — Женя уже успел вооружиться кистями, выдавил на палитру краски и теперь стоял перед Ларюшей и во все глаза глядел ему в рот.

— Конечно, сам нарисовал, — удивился Ларюша.

Картина всем нам очень понравилась.

— Вот только... — начала было Люся и осеклась.

— Что — только? Говорите, говорите, я всегда прислушиваюсь...

— Неужели девушки всегда так бывают довольны, когда им объясняются в любви? По-моему, они должны очень смущаться, — сказала Люся и сама смутилась и густо покраснела.

— Вы так полагаете? — очень серьезно спросил Ларюша. — Во всяком случае, большое вам спасибо за совет. Я подумаю. Возможно, я недостаточно знаком с психологией девушек, — добавил он.

— А очень долго вы рисовали картину? — спросил Женя.

— Больше двух лет.

— Ой ли?

— Сейчас докажу, — улыбнулся художник.

Он нагнулся и из кучи в углу стал выбирать холсты и куски картона и показывать нам эскизы и наброски.

Вот тракторист: то он стоит подбоченясь, то опустив руку. Вот девушка: то совсем босая, то в тапочках, то былинку грызет, то платочек вертит... Потом пошли детали: куст чертополоха на первом плане, отдельно — сапоги тракториста, два картона тропинки, несколько холстов домов, мокрое белье в тазу, ведра с водой и рядом — лежащее коромысло. Видно,

художник много разъезжал повсюду, наблюдал, искал и, когда наконец находил, накидывался и рисовал с натуры то, что, по его мнению, могло пригодиться для задуманной картины.

Всем нам очень понравились произведения Ларюши. Но Женья-близнец, кажется, позабыл все на свете. Он так и вцепился в рисунки, рассматривая внимательно все подробности.

Я наконец начал различать обоих черненьких близнецов не только по цвету их ремней. Гена, тот, что с рыжим ремнем, был просто мальчик как мальчик — бегал, прыгал, смеялся вместе со всеми, а у Жени-художника глаза были то чересчур задумчивые, то, наоборот, неестественно блестящие от возбуждения.

— А где эти ведра, которые вы так здорово тут изобразили? — улыбаясь, спросила Люся.

— Ведра? Вот тут, на кухне.

Неожиданно Люся стала перед художником во фронт, приставила руку к виску и отрапортовала:

— Товарищ Номер Шестой! Пионеротряд Золотоборского дома пионеров просит вас разрешить нам заняться генеральной уборкой вашей художественной мастерской.

— Да что вы, что вы! — бормотал сконфузившийся Ларюша. — Ко мне одна бабушка приходила убирать, теперь заболела. А я очень много разъезжаю, очень много работаю над картинами и думаю о них с утра до вечера и, кажется, правда иногда забываю о чистоте. Разве уж так грязно?

— Потрясающе грязно! — воскликнула Люся.

— Надо лопату и носилки, — деловито добавил Витя Большой.

— А где у вас во дворе мусорный ящик? — спросила Галя.

Оказывается, беззаботный Ларюша даже не знал, куда выносят мусор. Ведь он сам никогда ничего не выбрасывал.

— Ладно, найдем, — сказал Витя Большой.

Из старых картинок, из планок от разломанных мольбертов мальчики смастерили, правда, не лопату, а совок и нечто вроде носилок.

— Девочки, осторожнее: на полу осколки стекла и посуды, — предупредила Магдалина Харитоновна, выходя с нами, во двор.

Мы, взрослые, решили прогуляться по тротуару вдоль ряда чахлах липок. Володя-Индюшонок, стоя под деревом, скучал в своих небесно-дымчатых брюках. Ребята тем временем протращили мимо нас не менее десяти носилок мусора.

Номер Первый стал подробно рассказывать Ларюше о наших поисках, о расшифрованном письме, о рукописи.

Ларюша слушал, но, по-моему, не очень внимательно. Его глаза безучастно скользили по сторонам.

На крыльце появилась Люся.

— Скоро кончим! Можно будет читать! — крикнула она.

Ларюша сразу оживился. И я понял, почему он так переменялся и просиял.

Уж очень картинна была Люся на крыльце, ярко освещенная солнцем, тоненькая, жизнерадостная, раскрасневшаяся от работы, с растрепавшимися светлыми волосами.

Вдруг раздался отчаянный вопль Володи-Индюшонка.

Оба близнеца потом уверяли, что они споткнулись с носилками и нечаянно, честное слово нечаянно, уронили консервную банку с желтой краской как раз возле прислонившегося к палисаднику Володи. Так это было или не так, но на небесно-дымчатых брюках Володи появилось несколько ярко-желтых пятен.

— Не стой без дела на дороге! — говорил Витя Большой. — Мы убираем, а он руки в карманы!

— Первый раз надел! — со слезами на глазах жаловался Володя.

Наконец нас позвали. Пол в комнате был еще сырой, мебель расставлена и блестела, книги лежали стопками, свертки холстов превратились в аккуратную поленницу.

— Чрезвычайно вам всем благодарен, чрезвычайно благодарен, — повторял несколько смущенный Ларюша и прижимал руку к сердцу. — Да, что же это я вас ничем не угощаю! — вдруг встrepенулcя он и побежал на кухню.

Он поставил на газовую плитку громадный жестяной чайник с отвалившейся ручкой, из бюро XVIII столетия вытащил несколько связок сушек, очевидно прошлогодней давности. Мы так проголодались, что сейчас же набросились на угощение; через две минуты от связок остались одни веревочки.

А Номер Первый наконец уселся на кончик бульварной скамейки и уткнул нос в папку «Бумаги моего прадеда». Он положил ногу на ногу. Вся его поза выражала величайшее наслаждение, ноздри и щеки раздувались.

Мы все запротестовали:

— Читайте, читайте вслух!

— Одну минуточку! — Ларюша вскочил. — Вы... — обратился он к оторопевшей Люсе, — я очень хочу вас писать.

— Меня? — удивилась и покраснела Люся и стала быстро причесываться.

— Вы ее рисуйте не в этом платье, — выскочила вперед Соня. — У нее есть другое, гораздо лучше.

Девочки тут же развернули пакет и начали закутывать смущенную Люсю в сари.

— Как это красиво! Какой нежный тон! Как гармонирует с цветом вашего лица! — повторял восхищенный Ларюша.

У девочек что-то не ладилось с одеванием Люси.

— Скоро вы? — нетерпеливо спрашивали мы.

— Сейчас, сейчас! — Теперь и Ларюша бросился на помощь.

Он усадил очень довольную, сияющую Люсю в кресло XVIII столетия, стал поправлять складки материи.

Люся положила обе обнаженные руки на подлокотники кресла.

Ларюша еще раз перекинул бахрому на конце сари, отошел в сторону, прищурился, взял кисть и палитру... Сейчас он забудет все на свете...

— Можно, можно? Милый художник, я тоже... Дайте картон и мольберт.

Неужели Ларюша скажет «нет» на эти бессвязные мольбы Жени?

— А ты сумеешь? — улыбнулся он.

— Я только немножечко попробую.

Ларюша дал мальчику все необходимое. И оба они, один высокий, другой маленький, стали рядом за свои мольберты и начали писать картины.

— А теперь читайте, — попросила Люся Номера Первого.

— Ну-с, я приступаю! — сказал тот, повернулся лицом к окну, надел очки и начал читать:

«КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Родился я в семье крестьянина-хлебопашца близ древнего и славного города Любца. О, если бы остался я на всю жизнь крестьянином и пас телят господина своего, сколь бы счастливее и радостнее протекала жизнь моя! Но, увы, удел мой оказался иным!

У барина моего, помещика и отставного полковника Загвоздецкого, в городе Любце имелся хрустальный завод, на какой и определили меня, двенадцатилетнего мальчонку.

Первый год с метлой в руках ходил я по заводскому двору и возле печей, а потом один мастер заметил мое любопытство к рисовальному и граверному делу и стал меня по вечерам обучать, как владеть карандашом и резцом. Также обучил он меня и грамоте.

И столь велики у меня оказались способности и к грамоте, и к рисовальному искусству, что я уже на третьем году смог скоро читать и писать и по арифметике до сложных процентов достиг, а по рисованию любые узоры от руки и на стекле иглою и на бумаге пером выводить научился.

Барину главный приказчик и подсказки: чем заезжих немец-художников со стороны выписывать и им большие деньги платить, не сподручнее ли из своих крепостных умельца выискать, для каковой надобности послать его в Санкт-Петербург обучаться? И указал приказчик на меня.

Барин велел тотчас же меня привести. Я пришел, барин милостиво к руке своей меня допустил. А в те поры дочка барина, девочка лет двенадцати, вся в кружевах, в платье голубеньком, как птичка лазоревая, из парка прилетела, к отцу ласкаться начала и на меня взглянула. А очи у нее были как две вишни спелые. Тех-то очей я вовек не забуду. Барин потрепал дочку свою по щеке, она засмеялась и вновь в сад упорхнула.

А барин мне кулаком пригрозил: ты смотри там у меня, учись, не балуй, выучишься — человеком сделаю. А кулак у барина был вроде конского копыта. Он этим кулаком у своих дворовых не один десяток зубов повыбил.

Так и привелось мне попасть в Санкт-Петербург. А было мне тогда четырнадцать лет. Жительство я имел при собственном доме своего барина, у его тамошнего управителя — Пантелеймона Петровича Семикрестовского. Ах, какой это был редкостной души человек! Коли бы все господа были такими, как легко крепостным рабам жилось бы при них! Он меня по голове два раза погладил и сам повел в подготовительное отделение при Академии художеств определять.

Обучался я четыре года. Сколь счастливо и радостно жилось мне в ту пору! И сейчас глаза мои наливаются горькими слезами, как вспоминаю я те годы. Вставши утречком раненко и закусив хлебом с луком, бежал я по морозу в тот дворец с колоннами. С утра до позднего вечера обучался я наукам разным — закону божию, истории, геометрии, астрономии, анатомии, мифологии, обучался и живописи, и рисовальному.

мастерству, и граверному. Бывало, все давно уже разойдутся, а я все сижу и гипсовую статую с натуры списываю. Вместе со мной на одной скамье сидели и дворянские дети, и поповские, и чиновничьи; были и крепостные вроде меня.

Сдружился я с одним крестьянским сыном с Украины — Тарасом звали его... Много мне о своей отчизне он рассказывал, о синей реке Днепр, о белых хатах, о вишневых садах и песни украинские пел, больше печальные. Видно, и на Украине тяжка была участь поселян. Сей Тарас читал мне и стихи собственного сочинения, столь же прекрасные, как и его живописное искусство.

Ах, Тарас, Тарас! Куда теперь закинула тебя судьбина? Спусти много лет рассказал мне про тебя один разжалованный в солдаты гвардейский поручик, будто твоими талантами заинтересовались два великих мужа: господин стихотворец Жуковский и господин живописец Брюллов.

Господин Брюллов своей чудодейственной кистью написал портрет господина Жуковского. Этот портрет был разыгран в лотерею, а на вырученные деньги друзья выкупили Тараса на волю у помещика¹.

А в те поры господин мой решил не дожидать, как я закончу обучение свое, и приказал мне явиться в город Любец; пожелал он на своем хрустальном заводе поскорее для пользы дела употребить мастерство мое.

Благодетель мой Пантелеймон Петрович отписал тогда барину, почтительнейше советуя хоть годик еще погодить меня вызывать».

Тут Номер Первый прервал чтение и нервно полез во внутренний карман своего пиджака.

— Помните то письмо, которое я откопал в архиве Загвоздецких? Я вам уже его читал: управитель пишет полковнику из столицы, уговаривает его не вызывать какого-то Егора в Любец, просит — пусть мальчик продолжает учиться в Академии художеств. Вот так, по кирпичикам, по кусочкам, историки восстанавливают истину. И я знаю, мы с вами в конце концов доберемся до этой истины, — торжественно заключил Номер Первый и вновь вернулся к чтению рукописи.

— «Барин и во втором письме приказал немедля меня на-

---

¹ Речь идет о великом украинском поэте и одновременно талантливом художнике Тарасе Григорьевиче Шевченко, выкупленном именно таким путем в 1838 году у своего помещика Энгельгардта.

править в Любец. И вот я после пяти лет разлуки вновь на родине, целую крест на могиле моего покойного родителя, обнимаю плечи многострадальной моей матери.

Столь непривычна показалась мне темная жизнь поселян! Спать вместе с братьями и сестрами моими на полатах; телята и ягнята внизу топчутся, окошко — только руку просунуть, а дым из печи прямо в избу идет и выходит через сени на улицу.

Каждое утро отправлялся я на хрустальный завод. Там отвели мне уголок, в коем я трудился.

В ту весну случилось в нашем Любце небывалое происшествие: удивительная птица объявилась, песочно-желтого оперения. Без особого страха летала она вместе с грачами и галками по садам городских мещан и в барском парке.

Увидели сие чудо наш барин и молодая барышня и приказали изловить. Барин пообещал рубль серебром за добычу, но поймать ее живьем не удавалось, и барин тогда ее застрелил.

И тут меня позвали во дворец. Барин спросил меня, смогу ли я эту птицу запечатлеть на картине совместно со многими иными предметами. Я сказал, что написать картину на манер голландского натюрморта берусь, только осмелился возразить: не слишком ли много предметов желает барин на картине поместить.

Барин кулаком стукнул по столу и приказал мне молчать.

— Как пожелаю, так ты, холоп, и выполняй!

А в эту пору молодая барышня появилась. Она сама выбрала те предметы, каковые по ее воле я должен был на картине изобразить.

Имелось у барина два драгоценных турецких кинжала с вделанными в серебряные рукояти камнями яхонтами-рубинами. Еще когда генерал Кутузов мир с турками заключал, а барин при нем состоял, он привез те кинжалы из дунайских стран.

Барышня положила один кинжал на стол, немного правее птицы.

Дня за два ранее управитель принес с завода нового образца бокал с моим узором. Барышня поставила этот бокал сзади, Барин было заспорил, хотел переставить бокал правее, но барышня вырвала его у своего родителя, да столь неловко, что выпустила бокал из пальчиков своих, и он покатился на ковер и край его отбился».

Тут Номер Первый чуть-чуть кашлянул, но взял себя в руки и продолжал чтение:

— «Так я стал писать натюрморт, составленный всего из трех предметов — птицы, кинжала да бокала с отбитым краем.

Какое наслаждение писать! Ни о чем ни думы, ни заботы. Очертания предметов на картине еще не четки, и цветные пятна еще расплывчаты, а ты, забыв обо всем на свете, тонкой кистью переносишь краски с палитры на холст. Блеск на бокале долго мне не давался, а потом я поставил белилами лишь два пятнышка размером с гречишные зерна, и бокал тотчас же заиграл, будто роса на солнышке.

Барышня всякий день приходила и садилась молча в углу на скамеечке и наблюдала, как я пишу. И все чаще, и все пространнее заговаривала она со мной о живописи, о книгах разных... Осмелился я однажды рассказать ей о злосчастной участи мастеровых на нашем заводе. Она и не ведала, что несчастные по шестнадцать часов кряду стекло выдувают в столь тесном, душном и темном подвале, наполненном ядовитыми свинцовыми парами.

Как закончил я картину, явился барин. Он было даже руку свою мне для поцелуя протянул, а как увидел, что я в углу картины расписался, весь побагровел и приказал подписать замазывать — не приличествует-де холопу свое имя на картине ставить. А все же я барина перехитрил: такую подпись-загадку поставил, что он и не заметил ее.

Барин на другой день вновь приказал мне прийти и спросил, смогу ли я написать портрет его дочери...»

Номер Первый остановился, налил себе чаю, выпил.

— Вы слышите, слышите? — закричал он, подняв руку кверху. — Значит, портрет Ирины Загвоздецкой действительно существует!

— И мы его найдем во что бы то ни стало! — подхватил Витя Большой.

— Поиски возможны лишь до окончания школьных каникул, — добавила Магдалина Харитоновна.

— Вы устали? — спросил Ларюша Люсю. Не отрываясь, он писал ее портрет.

— Нет, нет! — сказала Люся.

Номер Первый продолжал:

— «У меня от счастья даже дыхание остановилось и голова затуманилась. Мог ли я мечтать, что три месяца кряду буду видеть и писать самое прекраснейшее лицо, какое я только встречал. Слышал я, что мать барышни была пленная татарка. Всю благоуханную красу Востока передала она дочери.

Барышня сама выбрала платье под цвет бледной сирени, с дорогими французскими кружевами. Она села в кресло, слегка наклонила вперед свой тонкий стан; ее обнаженные руки, словно изваянные из мрамора великим Фидием¹, облокотились на ручки кресла...

Так, сидящую в кресле, и задумал я ее писать. За три дня я набросал углем очертания фигуры и приступил к письму красками. Всякий день по три часа утром и по три часа после обеда писал я портрет. И все это время я ни о чем другом не мыслил, не рассуждал; иной день позабывал кусок хлеба проглотить. Я плохо спал. Лицо мне никак не давалось, особенно глаза. Три раза я принимался и три раза соскабливал. Выходило лицо будто каменное, неживое.

А глаза у барышни, видно, тоже были от матери. Наружные края верхних век шли полукругло и чуть закрывали карие зрачки. И оттого разрез ее глаз был как два полумесяца.

Барышня видела мои незадачи, но молчала и с превеликим терпением продолжала сидеть в кресле. Пришлось мне на время оставить лицо; стал я писать платье, руки, задний план...

Однажды позвала барышня меня с собой гулять. И все чаще и все смелее заговаривал я с нею, госпожою своей.

Как-то барин уехал в Москву. Теперь мы обедали с барышней за одним столом, и я осмелился принимать пищу в ее присутствии.

Жительство мне она устроила во дворце, в небольшой камерке, близ кухни. Весь день мы проводили вместе — или я писал портрет барышни, а коли погода была отменная, гулял с нею по полям и в парке; а то садились мы рисовать акварелью пейзажи — нашу речку, наш кремль; в дождь и по вечерам мы беседовали в библиотеке и читали книги.

Был у барышни брат маленький. Жестоко ревновал он меня к ней. Глядел он на меня, как волчонок, и я чувствовал: ненавидит меня, как врага своего. А однажды подскочил он ко мне и чуть палец не укусил. Это чтобы не смог я портрет писать. Видно, он-то и сказал отцу обо мне и барышне.

Барин приказал мне явиться к нему в кабинет, стукнул кулаком по столу и запретил мне видеться с его дочерью не иначе как во время писания портрета.

Я сказал барышне, она ответила:

«Не бойся ничего. Я одно слово произнесу, и отец голову

---

¹ Ф и д и е — великий древнегреческий скульптор (V век до н. э.).

покорно склонит и всегда мою волю исполнит. Мы будем всегда вместе».

Слово «всегда» она произнесла дважды с особым ударением и на меня взглянула.

Мною овладело чувство сильное и страшное, о каковом я даже боялся и помыслить. И я понял: и она питала ко мне такое же чувство.

И тогда я взял кисть и за три часа написал ее лицо и глаза-полумесяцы. Портрет был закончен. Лучше я не смог бы написать. Долго барышня стояла, задумавшись, перед портретом.

«Неужели я такая красавица?» — тихонечко спросила она.

«Нет, много прекраснее!» — ответил я.

«А почему глаза такие грустные?»

Я молчал.

Мы отправились гулять в парк.

«Вот что, Егор,— сказала она,— много юношей знатнейших фамилий искали руки моей, ни на кого я не хотела взглянуть, а у тебя увидела я то, что не нашла у них: душу увидела живую».

Ах, если в голове моей имелась хоть капля рассудка, я бы ответил: «Я — раб, крепостной, ты — госпожа моя, дворянской крови, стена между нами выше кремлевской. Как могу я тебя любить?» А я обнял ее и поцеловал, и она прильнула устами своими к моим устам. И поцелуй этот был один-единственный между нами...

«Пойдем к папеньке вместе», — сказала она.

Видно, гордость дворянская оказалась сильнее любви родительской. Как бросились мы оба к ногам барина, он поволок барышню и запер ее в спальне. А обо мне, по крайней мере на тот час, забыл, и я скорыми шагами вышел из кабинета, не преследуемый никем. Первое мое дело было — спрятать портрет куда ни на есть дальше, ибо боялся я, что барин в гневе своем разорвет портрет на куски. Свернул я его в трубку и отнес другу своему, купеческому сыну Прохору. У него в саду, в малиннике, я сам схоронился до вечера. С наступлением тьмы ночной проник я во дворец. Собаки знали меня и не залаяли; сторож-старик меня окликнул; я с ним побеседовал немного и понял, что он ничего о нашем несчастье не знает, и что барышня в заточении сидит, не ведает. Страстно желал я увидеть узницу, но добрался лишь до запертой на тяжелый замок двери спальни; тогда я прошел на цыпочках в гостиную, ощупью в темноте отыскал стеклянный шкафчик, открыл его, взял

кинжал и потихоньку прокрался в спальню барина. Барин спал, лежа на спине с открытой шеей, и легонько храпел. Я встал у его изголовья. При свете лампы явственно различил я его лицо. Мне только руку поднять и ударить кинжалом что есть силы...

Но тут вспомнил я, что он родитель барышни, и не поднялась моя рука. В открытое окно далеко в парк забросил я кинжал и быстрыми шагами вышел из спальни...

Как же передать барышне свое последнее письмо, чтобы стражники не перехватили? Вспомнил я тайник в угловой кремлевской башне, под окном, какой знал, еще будучи мальчиком. Ход туда был по внутренней лестнице, барышня знала тот ход. Эту башню на прошлой неделе мы вместе рисовали. Взял я из шкафчика второй кинжал, чтобы камень им отвернуть, и ушел из дворца. Картинку-то любая сенная девушка не побоится передать, подумает — на память я послал. Так и не узнал я никогда, догадалась ли барышня, получила ли мое последнее, спрятанное в тайнике письмо и кинжал.

А моя участь, видно, влачить горестное существование крепостного раба, по воле господина своего отданного в солдаты на сей погибельный Кавказ. Вот уже пятый год, как не держал я кисти в руке, как не видел я красок и холста подходящего. Величайшая мука для живописца — оставаться в безделии. Тут, у подножия синих гор Кавказских на знойном берегу бескрайнего Черного моря, видно, окончится жизнь моя.

И никогда не узнаю я, забыла меня Иринушка моя любимая, утешилась с каким добрым молодцем или всечасно тоскует по мне и все глаза повыплакала.

Дописал до конца свою повесть. Лежу на соломе в сырой землянке, прикрытый солдатской серой шинелью. Солнце палит, злая лихорадка треплет меня, руки-ноги немеют...

После смерти моей прошу переслать по почте сию тетрадь в город Любеч, Прохору сыну Андрееву Нашивочникову, в дом, что насупротив пожарной каланчи.

Егор С.»

Что бы ему фамилию свою дописать...—Номер Первый кончил чтение, сложил тетрадь и сунул рукопись в карман.—Страшное времечко было!—задумчиво сказал он.

— Так где же портрет? — воскликнула Люся.

— Мы узнали очень многое, кроме самого главного. Мы не знаем, где портрет и как фамилия художника Егора,— ответил

Номер Первый.— А все-таки мы выясним истину до конца! — заключил он, стукнув ладонью по скамейке.

Мы собрались уходить. Ларюша подошел к Люсе:

— Вы останьтесь, пожалуйста.

Люся молча кивнула головой и покраснела. Женя также остался. Ни он, ни Ларюша ни за что не хотели нам показать, как у них получается Люсин портрет.

— Будет готово — покажем, — говорили они.

Ларюша вышел на крыльцо нас провожать.

— Да, я забыл спросить... — Как всегда, самые важные разговоры начинаются после прощания... — Как поживает Номер Четвертый, наш бывший хозяин? Не развел еще голубых георгинов?

— Иван Тихонович-то? — спросил Номер Первый.— Представь себе, Ларюша, пропал он куда-то, понятия не имею. Да, кстати, он ведь тоже Нашивочников.

— Нашла! — Соня завизжала на всю улицу и кинулась ко мне.— Нашла! Это наш сердитый Нашивочников!

И я вспомнил:

— Ну конечно, он! Я его знаю!

Под крышей дома нашего хозяина в Золотом Бору прибита дощечка: «Улица Белородничная, дом номер 5, Нашивочников И. Т.».

Номер Первый схватил меня за руку:

— Вы его знаете? Где он сейчас?

— Иван Тихонович, угрюмый, неразговорчивый, волосатый? Вы его тоже знаете? — И я схватил Номера Первого за руку.

— С такими бровищами, с такими усищами и бородащей?.. — показывая руками, кричала Соня.

— Это Номер Четвертый! Изыскатель Номер Четвертый! — От избытка чувств Номер Первый кричал еще громче Сони.

— Гм-гм! — глубокомысленно промычал Ларюша.— Но я никогда не видел у нашего любецкого хозяина портрета. Никогда и разговоров о портрете не было.

— И я у своего не видел, а я был и в комнатах, и в чуланах, и в кладовке,— подтвердил я.

— Так-то он и повесит вам портрет на стену, если только портрет у него! — горячился Номер Первый.— Он его в подвале спрятал, в сундуке за семью замками запечатал. Вот куда Иван Тихонович делся! В Золотом Бору теперь его логово! Голубые георгины еще не вывел? Он с ума сошел с этими георги-

нами! Знаменитый цветовод! Это из-за георгинов, Ларюша, твой отец прозвал его изыскателем, а какой он изыскатель? Он вроде улитки, запрятался в свою раковину, ни с кем знаясь не хотел! Что он там у вас делает? Показывал он вам свой сад? — возбужденно восклицал и спрашивал Номер Первый.

— А действительно, он меня в свой сад никогда не пу- скал,— растерянно ответил я.

— Я один раз в щелочку сквозь заборчик подглядывала, а он меня прогнал,— пролепетала Соня.

— Никогда никто на свете,— возбужденно рассказывал Номер Первый,— не мог вывести голубые георгины, а он гово- рит: я выведу. А тут наш завод бутылочный решили пере- страивать: новый хрустальный цех возводить. В какую сторону расширять: где целую улицу сносить или где один дом меша- ет? Участок отвели Ивану Тихоновичу на другом конце горо- да, в два раза лучше прежнего. Нет, не захотел переселяться, жаловался всем и каждому, даже в Москву ездил. Мои геор- гины, говорит, в мировом масштабе открытие, я этому де- лу всю жизнь посвятил. Так и уехал из Любца, даже ни с кем не попрощавшись. А оказывается, совсем недалеко пере- брался... Вот что! Завтра же в Золотой Бор. Нагрянем к нему в гости.

— Я тоже поеду с вами. Будем вместе искать! — восклик- нул Ларюша. Он быстро обернулся к Люсе: — Я там допишу ваш портрет. Хорошо? — тихо спросил он ее.

— Хорошо,— прошептала Люся.

Мы все по очереди пожали руку Ларюше. Я дал ему свой адрес, завтра с утра он явится к нам, а после обеда мы отпра- вимся в Золотой Бор.

Должен сказать: после виденного и слышанного за день у меня голова кружилась и ноги едва двигались. С Номером Первым и Майклом мы покатали на такси домой обедать, а не- утомимые изыскатели отправились на троллейбусе и на метро на Выставку достижений народного хозяйства.

Плотно пообедав, улеглись мы с Номером Первым немнож- ко подремать. Проснулся я только к вечеру. Нашего гостя в комнате не было, только Майкл, привязанный к ножке стола, тоскливо поглядывал на меня. Из кухни слышалось отдален- ное журчание голосов. Видно, опять оба историка сели на сво- его любимого конька.

Ребята явились поздно и до такой степени утомленные, что

не стали ни обедать, ни чай пить. Они хотели только спать, спать и спать.

Люся и Женя явились еще позднее.

Ночь прошла без всяких приключений.

Утром Тычинка взял меня под руку и шепотом сообщил такую новость, что от удивления я даже зашатался.

— Я спешу на работу: сегодня же беру отпуск и еду с вами в Золотой Бор.

Тычинка, который никогда не ходил ни в кино, ни в театр, потому что «далеко», который двадцать лет никуда из Москвы не выезжал, этот самый благонамеренный, пунктуальный Тычинка вдруг задумал к нам присоединиться!

Несмотря на ранний час, неожиданно из своей комнаты выплыла Роза Петровна и объявила мне страдальчески-дрожащим голосом, что она никогда в жизни в минуты опасности не покидала своего супруга и тоже отправляется вместе с нами путешествовать. Глаза бедной Розы выражали такую невыразимую безысходную скорбь, точно ее вели на казнь и уже палач занес над ее головой топор. Она никого стеснять не будет, мешать нам не будет и намеревается только заботиться о своем любимом Ванюшечке. Остановятся они в гостинице.

Что ж, мне оставалось только не очень веселым голосом сказать:

— Как я рад, что вы тоже будете нам помогать!..

Явился Ларюша с чемоданом, ящиком с красками, мольбертом и складным стульчиком и сейчас же вместе с Женей уселся рисовать Люсю, закутанную в сари.

А после обеда вся наша веселая изыскательская компания, а также Тычинка и Роза Петровна сели в поезд и покатали в Золотой Бор.

Оглядел я всех изыскателей, когда они сидели в вагоне. Куда делся их прежний нарядный вид? Запыленные, измятые рубашки, измятые брюки и юбочки. Но зато как они весело смеются, как возбужденно переговариваются, стоя у открытых окон! Люся и Ларюша уединились в конце вагона и оживленно о чем-то беседуют. Один Володя-Индюшонок с кислым лицом сидит рядом с Магдалиной Харитоновной и рассматривает свои безнадежно испорченные небесно-дымчатые брюки.

Глава двадцатая

У НЕГО ИЛИ НЕ У НЕГО?

Группа самых любящих мамаш торжественно встретила нас на перроне золотоборской станции с букетами цветов. Мы все разошлись в разные стороны. Гостиницы в Золотом Бору никогда не существовало, и Тычинка с супругой и с двумя увесистыми чемоданами направился в Дом колхозника. Я и Соня повели Номера Первого и Номера Шестого (Ларюшу) к Номеру Четвертому (нашему хозяину).

Я, признаться, удивился: еще сегодня утром Номер Первый так неодобрительно отзывался о золотоборском Нашивочникове, а тут оба они встретились, как старинные друзья, обнялись и расцеловались. То ли тогда Номер Первый сгоряча маленько переборщил, то ли сейчас готовился плести тончайшую дипломатическую интригу. Так же крепко чмокнулся Номер Первый и с нашей хозяйкой, наконец-то вернувшейся домой после месяца свадебных торжеств.

Ларюша с высоты своего страусинового роста наклонился и нежно клюнул в макушку сперва хозяина, потом хозяйку...

Пиршество с яичницей, с оладьями, с заветной прошлогодней вишневой наливочкой, с вареньем, с расспросами, с восклицаниями, воспоминаниями затянулось до поздней ночи.

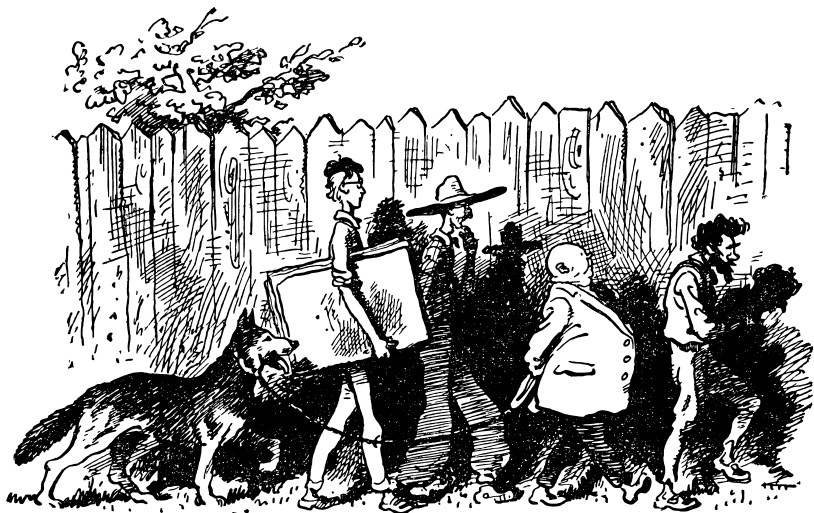
Но о портрете, разумеется, мы ни гугу.

Самовар еще пел свою тонкую комариную песенку, когда, вспотевшие, красные, мы поднялись и, слегка пошатываясь, направились спать: я — в свою комнату, Номер Первый с Ларюшей — на пышные пуховики и подушки в прохладную светелку, всю пропитанную освежающим смоляным духом.

Утром после вкуснейшего чая со сливками, ватрушками и вареньем мы попытались повести разведку.

— Ну, Иван Тихонович, покажи нам свои владения, — сказал Номер Первый.

Процессия с хозяином во главе и с Майклом в хвосте двинулась из комнаты в комнату. В зале по стенам висели плакаты с тракторами и кукурузой; единственная картина масляными красками изображала двух лупоглазых красавиц, плававших на лодочке по ярко-лазурному озеру, окаймленному деревьями, похожими на кочаны капусты. В моей и Сониной спальне вообще, кроме кроватей, стола да старинного зеркала-трюмо, ничего не стояло.

Мы увидели светелку, пропахшие мышами два чулана, кладовую, сени; один из чуланов, более грязный, был набит разной запыленной рухлядью: разломанными стульями, старой упряжью, ржавым металлоломом — койками, дырявыми кастрюлями и прочей дрянью. В другом чулане, почище, стояли три громадных, кованных железом сундука. На эти сундуки и Номер Первый и я сейчас же обратили внимание. Мы молча обменялись красноречивыми взглядами.

В кладовой угол занимал неуклюжий ларь с мукой, на полках выстроились бесчисленные банки с вареньем, по стенам висели сита, решета, медный безмен, на полу стояли ведра, бидоны, чугуны.

Процессия перешла во двор, побывала в коровьем хлеву, у поросенка, в курятнике, в погребе, осмотрела дом снаружи, заглянула под крыльцо. Номер Первый деловито оценивал добротность бревен и дома, и надворных построек — стучал пальцем по торцам, пробовал отколупывать щепочки. Взгляд Ларюши рассеянно блуждал по сторонам.

В конце концов мы подошли к калитке, ведущей в сад. Номер Первый протянул было руку, чтобы отодвинуть щеколду, как вдруг хозяин, толкнув меня, встал перед калиткой и загородил дорогу.

— Туда не ходить! — отрывисто сказал он. Его короткие пальцы крепко вцепились в щеколду.

— Что так? — деланно-спокойно спросил Номер Первый.

— Бойтесь, яблоки буду таскать, как двадцать лет назад? — пошутил Ларюша.

— Ну, давай, давай, покажи, что у тебя там растет. — Номер Первый бесцеремонно взялся за руку хозяина.

Но тот решительно держал щеколду. Казалось, скорее калитка сорвется с петель, чем он пропустит нас в сад.

— Нельзя, и всё, — дважды упрямо повторил хозяин. — Потом, может, покажу.

Что ж, нам осталось только пожать плечами и вернуться в дом.

— Обнаружены два весьма и весьма подозрительных места, — шепотом сообщил Номер Первый, тяжело отдуваясь от волнения. — Искать — либо в этих сундуках, либо в неизвестной постройке в саду.

— Я с вами вполне согласен, — подхватил я. — Но как организовать поиски? Надо подумать, посоветоваться с изыскателями, с нашим Тычинкой — Иваном Ивановичем.

— Да, да, пойдёмте к нему. Кстати посмотрим, как они там с женой устроились, — предложил Номер Первый.

Розу Петровну мы встретили на улице. Ее тоскливый взгляд говорил, что снова случилась какая-то неприятность. Умирающим голосом она поведала нам длинную и унылую историю.

В Доме колхозника имелись четыре большие комнаты — три мужские, одна женская. В каждой комнате стояло по шесть коек. Неприятности начались с самой первой минуты, когда неумолимая дежурная администраторша разлучила любящую супружескую пару.

— Впервые за сорок лет! — жаловалась кроткая Роза Петровна. — Бедный Иван Иванович совершенно изнемог. Он ценит только классическую симфоническую музыку и не выносит гармошки... Происходит слет молодых колхозников. Они являются так поздно, шумят, смеются, хлопают дверями...

Сейчас Роза Петровна пыталась найти частную квартиру. Она заходила подряд во все дворы, но, увы, безуспешно. В одном дворе ее защипали гуси, в другом — обрызгал грязью грузовик, въезжавший с дровами, в третьем — залаяла на нее собака...

— Не беспокойтесь, — утешала Розу Петровну Соня, — я

вам найду чудесенькую комнату у кого-нибудь из пионерских родителей.

Гордая принятым на себя поручением, задрав нос, она увела Розу Петровну.

Потбежал Женя-близнец и о чем-то оживленно зашептался с Ларюшей. Оба они с мольбертами и прочим багажом художников отправились рисовать Люсю. Майкл увязался за ними.

Номер Первый и я поспешили в Дом колхозника. Молодые постояльцы сейчас были на своем слете. Тычинка одиноко лежал на койке с мокрым полотенцем на лбу. Хриплые выкрики булькали из репродуктора, подвешенного над его изголовьем. «Левую ногу поднять! Опустить. Правую ногу поднять! Опустить». В такт музыке расслабленный Тычинка мог поднимать и опускать только свои красные от бессонницы веки. Увидев нас, он повернул голову набок и, страдальчески улыбаясь, признался, что ради искусства готов вытерпеть даже урок гимнастики из этого испорченного репродуктора.

Мы сейчас же увели Тычинку с собой. Возле крыльца нашего дома толпились все мальчишки-изыскатели, а из девочек — только Соня. Моя дочка объявила, что отдельная комната найдена у близнецов и Роза Петровна уже там устраивается. Соня повела туда Тычинку.

Витя Большой прерывающимся от волнения голосом начал рассказывать:

— Мы, мальчишки, давно знаем, кто такой ваш хозяин. Никто в его доме не бывает, сам он в гости никуда не ходит. А раньше он был настоящий разбойник. Знаете, сколько у него награбленного добра: три серебряных сундука! Наверняка портрет спрятан в сундуках. Мы сейчас разрабатываем план, как их отпереть.

И я и Номер Первый забеспокоились, предвидя недоброе, и сказали, что единственно достоверное в рассказе — это существование трех сундуков, и то не серебряных, а деревянных, окованных железными полосами. А есть ли в этих сундуках портрет или нет — это еще вопрос. В заключение мы посоветовали мальчикам потерпеть — может, нам удастся уговорить хозяина показать портрет.

Вряд ли удовлетворились они нашими советами. Витя Большой оглядел своих спутников, свистнул, и все они куда-то поскакали мелкой рысцой.

Вечером Тычинка и Роза Петровна пили у нас чай. Ларюша

еще не приходил. Номер Первый решил подъехать к нашему хозяину с другой стороны:

— А скажи, Иван Тихонович: Прохор Андреевич Нашивочников, живший лет сто назад в Любце, кем тебе приходится?

Хозяин подозрительно посмотрел на нас из-под колючих бровей:

— Прадед родной.

Верных два часа бился Номер Первый, поминутно вытирая лысину платочком. Фразу за фразой, словно клещами, он вытягивал из неразговорчивого Ивана Тихоновича скудные сведения о его предке.

Вот что мы узнали.

О молодости своего прадеда Иван Тихонович не смог ничего рассказать. Он только вспомнил, что после смерти отца Прохор Андреевич получил в наследство маленькую фабрику азиатских платков. Ткались узорчатые платки из разноцветной пряжи, на ручных деревянных ткацких станках, по окрестным деревням и в подвале дома Нашивочникова. Эти платки скупщики перепродавали в Среднюю Азию, в Персию (Иран), в Турцию. Впоследствии новые фабрики, с механическими станками, вытеснили кустарное ручное производство, и Прохор Андреевич разорился. Однако наш хозяин еще помнил в детстве на чердаке у деда разломанные деревянные станки.

Номер Первый не унимался:

— А скажи, Иван Тихонович, не осталось ли у тебя каких предметов от того времени? Они могут иметь историческую ценность.

Мы притихли, ожидая ответа. Только Роза Петровна и хозяйка потихоньку жужжали на гастрономические темы. Они уже успели подружиться.

— Покажу азиатский платок,— отрывисто сказал хозяин, встал и вышел.

И тут меня взяла досада на свою нерасторопность. Соня выскочила, но слишком поздно. Платок-то лежал в одном из заветных сундуков. Издали мы слышали, как хозяин очень быстро открыл с мелодичным звоном сундук и так же быстро его запер. Что еще лежало в сундуке, Соня подсмотреть не успела.

Платок был очень яркий, весь в пестрых полосках крест-накрест, с длинной красной бахромой, но уже старенький, просвечивал насквозь и с многочисленными дырочками от моли.

— Ценный экспонат для раздела истории раннего русского капитализма,— заметил Тычинка.

— Может, еще какие музейные вещи у тебя хранятся? — спросил Номер Первый, понюхав платок.

Хозяин нахмурился и не сказал ни слова.

Нет, не удалось подъехать к упряму.

Мы молча встали из-за стола, проводили Тычинку и Розу Петровну домой и уже собирались ложиться спать, как вдруг около одиннадцати вечера в мое окошко легонько постучали.

* * *

Происшествия этой ночи красочно описаны в дневнике Вити Перца. Поэтому я решил прервать свой рассказ и привести отрывок из этого сочинения. Кстати, мальчики не решились его показать Магдалине Харитоновне.

ИЗ ДНЕВНИКА ВИТИ ПЕРЦА.

Мы сидели в кустах сзади Дома пионеров и совещались. Витя Большой сказал:

«Наверняка портрет в сундуках. А доктор с Номером Первым целую неделю будут думать, как сундуки открыть, как портрет достать, да еще попросят разбойника: «Пожалуйста, покажите». Давайте, ребята, организуем операцию «Сатурн». Сундуки откроем сами. А то он еще портрет в другое место перепрячет».

Вдруг Володька из-за угла высунулся:

«А я все слышал! А я Магдалине Харитоновне скажу!»

Ух, я б его сейчас!.. А Витька Большой подошел к нему и потихонечку:

«Расскажешь — на кусочки тебя изрежем, в мясорубке вместе с луком три раза провернем. Понял? Будешь ябедничать?»

«Нет, не буду».

Володька убежал, а мы — айда к разбойникову дому. Постучали в то окошечко, где доктор живет. Доктор вместе с Номером Первым к нам в темный проулок вышли.

Витька Большой им сказал:

«Мы в два часа ночи опять сюда придем, возьмем с собой два охотничьих ружья, пугач, веревки, шпаги. Мы постучим, вы нам откроете, а мы вас всех свяжем — и доктора, и Номера

Первого, и художника, и Соньку. Потом прямиком к разбойнику и к его жене. Мы на них накинемся, они испугаются, мы им тоже — руки назад. А сундуки топором взломаем».

Доктор слушал, слушал да, видно, испугался.

«Это,— говорит,— прямо бандитский способ изысканий!»

А Номер Первый как закричит:

«С ума можно сойти! Это в десять раз хуже ограбления башни!»

А Витька Большой им в ответ:

«А прятать портрет в сто раз хуже бандитизм! Ведь мы не для воровства. Отнесем портрет в Дом пионеров, и все будут им любоваться. А у этого разбойника в сундуках, я думаю, штуки почище портрета схоронены».

Какой хитрый Номер Первый! Таким добреньким прикинулся, ругать нас не стал.

«Знаете, ребята, что? У этого старика есть другое ужасно подозрительное место,— это его сад. Он своих гостей ни за что туда не пускает. Вы лучше завтра с утра залезайте на те деревья, что в проулке, и организуйте наблюдение за садом. Всё нам потом расскажете: какая там постройка, и почему разбойник весь день торчит в саду, и что он там делает».

Витька Большой ответил:

«Ладно, операция «Сатурн» откладывается, организуем наблюдение за садом. Только уговор: коли за три дня ничего не узнаем, все равно на ваш дом нападём».

А Номер Первый ответил:

«Хорошо, хорошо. Там видно будет, а теперь уходите».

Эх, жалко — не удалось нападение! Я бы и Соньку и доктора морским узлом скрутил.

А этот Женька-близнец настоящий изменник.

«Я,— говорит,— только ночью могу с вами водиться, а днем с Номером Шестым картины рисую и на ваш наблюдательный пункт не полезу». Тоже художником заделался! Это я ему припомню, как в школу начнем ходить! И Володьке припомню. Ладно, и без них портрет сыщем.

* * *

Утром Номер Первый, Тычинка, Роза Петровна, Соня и я сидели на лавочке перед домом. Ларюша со своим оруженосцем, захватив Майкла, снова с утра ушел рисовать. Мы потихоньку переговаривались.

— Я не вижу никаких законных путей, чтобы обнаружить портрет,— разводил руками Тычинка.

— Да, такого твердолобого не прошибешь,— надувая щеки, добавил Номер Первый.

Мы просто терялись в догадках: как быть дальше?

— Прятать такой портрет, когда искусство является достоинством народа! — горячился Номер Первый.

— Хотите, я вам попробую помочь? — невозмутимым голосом произнесла Роза Петровна.

«Помочь? — недоверчиво подумал я. — Что-то сомневаюсь... Скорее, помешать».

Роза Петровна поднялась и ушла в дом, а через десять минут вновь появилась на веранде.

— Вы пока сидите здесь, а мы с хозяйкой проветрим во дворе все вещи из сундуков и пересыплем их нафталином. Соня, пойдем, ты нам поможешь носить и развешивать.

Безразличный голос Розы Петровны прозвучал для нас, как бодрый победный марш. Мы, мужчины, остались одни. Я ходил взад и вперед по дорожке, Тычинка усердно рисовал палочкой узоры на песке. Номер Первый сосредоточенно потирал свои мягкие пухлые руки...

Соня высунулась из калитки:

— Первый сундук уже пустой — только разные пальто и шубы! — И она исчезла.

Я забегал быстрее, палочка в руках Тычинки стала рисовать еще более замысловатые узоры, пальцы Номера Первого лихорадочно забарабанили по коленям.

Снова Соня выскочила:

— Второй сундук пустой — одни непонятные одежды!

Палочка Тычинки, руки Номера Первого запрыгали в бешеном танце.

И в третий раз появилась вестница, появилась молча, понурив голову.

Мы и без слов поняли всё, встали и медленно двинулись в дом.

Я мельком взглянул на все эти шубы, полушубки, тулупы, шали, полушали, пальто, шинели, кафтаны, шушуну, салопы и прочие теплые одежды, верно, столетней давности, развешанные на веревках по всему двору.

Профессиональный интерес музейного работника потянул Номера Первого к этому старью.

— Кокошник! Смотрите, смотрите! — Номер Первый вернул

меня с крыльца.— Так украшали свою голову наши прабабушки!

Кокошник с золотой парчовой каймой был весь вышит зеленым и красным шелком и бисером.

Номер Первый надел этот старинный женский головной убор на лоб подвернувшейся Сони.

— Здравствуй, Марья Моревна! Где твой Аленький цветочек?

Соня кокетливо улыбнулась.

— Иван Тихонович,— обратился Номер Первый к хозяину,— у нас в музее нет старинной крестьянской одежды: мы у тебя с удовольствием купим.

— В Любец? Ничего не продам! — буркнул тот.

Обедали мы плохо, так чуть-чуть потыкали вилками в котлеты, и все.

Перед заходом солнца явились мальчишки, сильно огорченные и сердитые. Весь день они по очереди дежурили на двух кленах в проулке. Никаких построек в саду нет, а есть только яблони, груши, сливы, вишни, кажется, крыжовник и смородина, огородные грядки и клумбы с цветами.

Хозяин с утра полон грядки, собирал в кошелку поспевшие огурцы, тяпал мотыгой, а к вечеру поливал из шланга свои владения.

Словом, ничего таинственного ни в саду, ни в занятиях нашего хозяина мальчишки не заметили. Все доказывало: никакого портрета у нашего хозяина вообще не было нигде.

Один Номер Первый колебался — ему казались странными некоторые недомолвки старика: бросит отрывистую фразу — и молчок. Наконец, почему-то не пустил нас в свой сад.

Я отвечал, что хозяин всегда такой угрюмый, за день больше дюжины слов не скажет. А в сад не пустил — верно, боится за свои ягоды и фрукты.

Мальчишки ушли от нас, понутив головы.

Ларюша снова вернулся только поздно вечером.

Должен сказать, что и я и Номер Первый серьезно сердился на него. Мы переживаем, волнуемся, а он с рассвета забирает Майкла и Женю-близнеца и уходит на весь день то рисовать портрет Люси, то рисовать пейзажи. Возвращаясь, Ларюша восторженным голосом рассказывает, что положительно влюбился в здешнюю реку. Конечно, мы понимаем — он художник, его тянет рисовать пейзажи... Правда, я сомневался, только ли в реку влюбился Ларюша.

На ночь он ставил свои произведения в светелке лицом к стенке и просил нас не смотреть на них.

Я и Номер Первый честно выполнили его просьбу, а Соня каждое утро не ленилась вскакивать на заре, подглядывала и говорила, что пейзажи очень красиво получаются, а портрет выходит просто чудный.

Но, оказалось, не только Соня подглядывала.

Как-то она хотела прошмыгнуть в светелку и вдруг услышала такой разговор.

— Смотри, похожа,— говорил хозяин.

— Да ничуть не похожа. Та чернявая, а эта вон какая светлая, только что в платье сиреновом,— отвечала хозяйка.

Соня тут же разбудила меня и Номера Первого и пересказала нам этот разговор.

Номер Первый побледнел и схватился за сердце.

Я поспешил разочаровать и его и Сою. Я вспомнил, как хозяйка, вернувшись со свадьбы, все возмущалась, что невеста была не в традиционном белом платье, а в сиреновом. Конечно, теперь она сравнила Люсин портрет с той невестой.

И Соня и Номер Первый ничего мне не ответили, только недоверчиво покачали головами.

Глава двадцать первая

ГДЕ ЖЕ «СОВСЕМ ГОРЯЧО»?

На следующий день с утра мы отправились в Дом пионеров. Собрались все мальчики и девочки, Люся, Номер Первый и я. Сопевание открыла Магдалина Харитоновна. Лица сидевших за столом не предвещали ничего доброго. Еще иные девочки смотрели на нас с затаенным ожиданием, а нахмуренные мальчики сидели мрачные и молчаливые.

Выступила Люся:

— Товарищи, все мы, конечно, надеялись, что портрет найдем в Золотом Бору. Надежды лопнули. Мальчики, выше головы! Виктор, как не стыдно! Остались считанные дни до конца каникул! Будем продолжать поиски или нет?

— Будем, будем! — зашумели, но не очень бурно и мальчики и девочки.

— Тогда завтра же после обеда снова в Любец. Обойдем всех любецких Нашивочниковых. Вы нам поможете? — обратилась Люся к Номеру Первому и ко мне.

— Ну конечно! Всей душой! — воскликнул Номер Первый.

— Само собой разумеется, — согласился я, однако не с таким энтузиазмом.

Вспомнились мне ночевки на голой земле да в школе на соломе, и сердце у меня зануло. Но я тут же опомнился. «Нет, я изыскатель! — твердо сказал я самому себе. — Нечего падать духом, пойду в поход».

— Надо и с Ларюшей договориться, позвать его с собой, — предложил Номер Первый.

— А я уже с ним договорилась. Он тоже пойдет, — чересчур безразличным голосом ответила Люся.

— А если портрет не в Любце, а на Камчатке? — съехидничал Володя.

— Да ну тебя! — замахнулись на него остальные.

— Найдем и на Камчатке, — отрубил Витя Большой.

— Придется тогда пересоставить план дальнейших наших летних мероприятий, — объявила Магдалина Харитоновна.

— Условились, — не слушая ее, продолжала Люся, — завтра в два часа дня! Форма походная — курточки, шаровары. Картошки побольше захватите. Чья очередь топоры, ведра нести?

— Мальчишки, червей не забыть! — крикнул Витя Большой.

Мы пришли с совещания уже в полной темноте. Ларюши еще не было.

Сели пить чай. Уныло пел самовар, лица у нас были печальные, даже Соня едва облизывала ложку из-под варенья.

— Иван Тихонович, — грустно промолвил Номер Первый, — последнюю ноченьку в Золотом Бору ночью, завтра в Любце собираюсь. Благодарю за гостеприимство.

— Не торопись, — отвечал хозяин, — через три дня покажу и сообщу «нечто». Советую остаться.

Словно бомба взорвалась невдалеке. Мы все вздрогнули, но даже переглянуться не решились.

— Коли так, — прохрипел Номер Первый, — я останусь. — Он тяжело откинулся на спинку дивана и, кажется, готов был упасть в обморок.

— А что это «нечто»? — высунулась Соня.

— Любопытному нос прищемили! — отрезал хозяин.

Соня вспыхнула и спряталась за самовар.

В течение последующих трех дней в Доме пионеров никто ничего не делал. Поход в Любце отменили, все кружки, все игры забросили. Изыскатели то взбегали по лестнице на вто-

рой этаж, то с гусиным гоготом низвергались по перилам, то задумчиво расхаживали по коридору и сосредоточенно перешептывались. По три раза в день всем отрядом и поодиночке ребята прибегали к нашему крыльцу и, ничего не узнав, снова исчезали.

Мы, взрослые, к огорчению нашей хозяйки, от волнения даже обедать перестали. Один невозмутимый Ларюша по-прежнему пропадал все дни у Люси или на реке, а вечером уничтожал сразу два обеда и два ужина.

Накануне долгожданного третьего дня Иван Тихонович за вечерним чаем торжественно объявил:

— Завтра в полдень. Согласен и саранче показать. (Саранчой наш нелюдимый хозяин называл наших друзей-пионеров.) И чтобы порядок! — Он резко отрубил пальцем.

— Ну конечно! Будет полный порядок.

* * *

Утром нас ожидало столь поразительное зрелище, что мы все — Номер Первый, Ларюша и я с Соней — остолбенели в безмолвии.

Явился наш хозяин. И в каком неожиданно преображенном виде: одетый в старомодный черный сюртук, в ослепительно белую накрахмаленную рубашку с черным галстуком, гладко — до блеска волос — причесанный, гладко выбритый, только с маленькими усиками. Бывший «волосатик» предстал перед нами, поздоровался и пригласил пить чай. От него пахло нафталином и духами.

Следом за ним явилась его принаряженная супруга.

Во время торжественного чаепития с пирогами и пышками мы молчали, изнывая от нетерпения.

Но до полудня было невыносимо долго. Время тянулось томительно медленно.

Уже с одиннадцати часов все изыскатели расположились на травке против нашего дома.

Наконец вышел хозяин, широко раскрыл ворота, словно для въезда свадьбы, и рявкнул:

— Сюда!

На чисто выметенном дворе стояли полукругом скамейки и стулья.

— Сюда! — коротко указал хозяин на сиденья.

Толкая друг друга, мы поторопились занять места и сесть.

Все глядели на нашего нарядного хозяина с удивлением и поражались его элегантным видом.

Хозяйка встала сбоку и с обожанием уставилась на своего супруга.

Кто-то из девочек приглушенно фыркнул. Глаза Магдалины Харитоновны сверкнули и вновь потухли, не найдя виновницы.

Хозяин вытащил из-за пазухи синюю школьную тетрадку и обратился к Номеру Первому:

— Я — нескладно. Пожалуйста, читай.

Номер Первый весь просиял. Он достал очки, надел их и начал читать:

— Будучи с юных лет любителем цветоводства, занялся я на доставшемся мне по наследству участке, на улице Базарной в городе Любце, разведением различных сортов георгинов, каковых имеется несколько тысяч. В скором времени я убедился, что при многократном перекрестном опылении цветов, а также с помощью пересадки глазков на клумбах удаётся получать новые, до сих пор не описанные сорта. Существующая расцветка георгинов чрезвычайно разнообразна, но, поскольку цвет голубой в природе является весьма стойким, никто еще до сих пор не смог вывести георгинов голубых.

Следует отметить, что не выведено также голубых роз и голубых флоксов.

Подбавляя в почву в малом количестве химические соединения различных металлов — меди, кобальта, бария, стронция, — я убедился, что каждый год получают новые изменения в расцветке георгинов. Мне удалось добиться получения совершенно черного сорта цвета воронова крыла, и наоборот — сахарно-белого с голубым оттенком. Я надеялся, что еще два-три года усилий — и я наконец получу столь длительное время не дававшийся мне голубой цвет. Но враги мои надумали расширять и перестраивать расположенный близ моего дома бутылочный завод и захотели заставить меня переехать на другой участок. Тщетно я боролся, тщетно доказывал величайшую важность своих опытов — враги были неумолимы. Так и пришлось мне оставить работу, оставить родимый город и переехать в Золотой Бор и начинать свои опыты на почве иного состава, сызнова. После пятнадцати лет настойчивого труда в Золотом Бору, путем добавления в почву соединений указанных выше металлов я наконец в этом году получил определенные положительные результаты.

Номер Первый кончил читать, облегченно вздохнул и обвел слушателей несколько недоумевающим взглядом.

— Позвольте, какие такие результаты? — не вытерпел Тычинка.

— Прошу в сад, идите направо, по дорожке.— Хозяин открыл заветную калитку и любезно пропустил нас по одному вперед.

В другое время я бы с большим интересом тщательно осмотрел этот недоступный сад и этот огород с посыпанными песочком дорожками, с аккуратнейшими грядками моркови, огурцов, свеклы, петрушки, ровные ряды помидоров, яблони, обвешанные плодами.

Но сейчас чувство не то чтобы разочарования, а скорее недоумения охватило меня. Махровые шары только что распустившихся георгинов нежно-голубого цвета были и правда очень красивы, но какие-то холодные и бесстрастные. Их росло на клумбе кустов двенадцать, часть цветов была еще в бутонах. Но я-то ожидал увидеть не георгины.

Все толпились вокруг клумбы с такими же недоумевающими лицами и молчали.

Галя и Соня стояли впереди обнявшись.

— А еще что у вас есть интересное? — спросила тоненьким голоском Галя.

Хозяин оглянулся, его медное лицо слегка побледнело. Только одна верная жена продолжала подобострастно смотреть на него.

Номер Первый сделал еще один шахматный дипломатический ход, который Тычинка впоследствии назвал гениальным.

— Конечно, я понимаю, Иван Тихонович, этому делу ты посвятил всю жизнь. Всю жизнь добивался и наконец достиг цели. Голубые георгины! Посмотрите, какая красота!—Он оглянулся на всех.— Я так думаю, цветоводы-любители специально к тебе за клубнями поедут. Но только я немножко опасюсь — напишем мы в газету о твоих георгинах, а обыкновенные читатели не очень тобой заинтересуются. Георгины, конечно, большое достижение, но только для специалистов. А для читателя одних георгинов мало. Как жаль,— продолжал приторно-ласковым голосом Номер Первый,— что у тебя ничего больше не сохранилось музейного, сверхвыдающегося, чтобы написать обширную статью обо всей твоей жизни, обо всех твоих достижениях... ну, и об этом самом сверхвыдающемся;

дать эту статью сразу в несколько газет и журналов, да еще с фотографиями. А как ты думаешь? Видишь, у всех такие физиономии, точно они рябину жуют. Сказать тебе по правде, Иван Тихонович, ведь мы думали — ты нам другое покажешь.

Глубоко запавшие маленькие свиные глазки нашего хозяина вдруг забегали, брови беспокойно и сердито сдвинулись. Тишина наступила такая, что явственно было слышно, как в глубине сада упало яблоко. Хозяин почесал затылок, прокашлялся и сказал:

— Запретительное завещание есть прадеда моего Прохора Андреевича.

— Какое еще завещание? — взволнованно спросил Номер Первый.

Подняв палец, хозяин мрачно проговорил наизусть:

— «Сей предмет доверил мне на хранение друг мой Егор Иванович Спорышев. Детям моим повелеваю: никогда никому его не показывать».

— Да ведь это было во время крепостного права, при царе Горохе! Твой прадед опасался козней полковника Загвоздецкого! — Лицо и лысина Номера Первого сделались огненно-пунцовыми.

Вдруг Люся, растолкав ребят, подскочила к упряму.

— Послушайте, не скрывайте! Мы знаем — портрет у вас. Вот тут сколько народу, мы очень просим, покажите портрет!

И все мальчики и девочки обступили несговорчивого хозяина и, умильно заглядывая ему в лицо, загалдели, как грачата:

— Покажите, пожалуйста, покажите!

— Я, Иван Тихонович, давно тебе говорила — чего его прятать? — неожиданно поддержала нас хозяйка.

— Хочешь прослыть знаменитым со своими георгинами, так покажи, что прячешь, — глухо шепнул Номер Первый.

— Идемте! — Ни на кого не глядя, хозяин быстро зашагал в дом.

Мы всей толпой, толкаясь, бросились за ним.

Я вспомнил детскую игру: «Холодно, холодно!», «Теплее, теплее!», «Горячо, горячо!». Мы прошли через сени по коридору, мимо чулана с заветными сундуками, мимо другого чулана, через зал... Батюшки! «Совсем горячо» оказалось в моей и Сониной комнате!

— Клещи! — кинул хозяин жене.

Громадное зеркало-трюмо стояло против моей кровати. Мне оно ужасно надоело. Соня вечно вертелась перед ним.

— Сюда подвинуть! Повернуть! — между тем командовал хозяин.

В десять рук схватились мальчики за зеркало и повернули его задней стороной к нам. Мы увидели пыльное полотнище брезента, прибитое к обратной стороне трюмо. Штук двадцать гвоздиков с бумажными квадратиками намертво держали края брезента. Хозяин стал вытаскивать гвоздики один за другим, вытаскивал невыносимо медленно, клещи срывались. Лево́й рукой он придерживал брезент, чтобы полотнище не откинулось и мы не увидели бы раньше времени то, что было спрятано за брезентом.

— Давайте я вам помогу! — выскочил Витя Большой.

— Уйди! — огрызнулся хозяин.

Наконец последний гвоздик упал. Хозяин быстрым движением руки сорвал брезент и отошел. Мы увидели написанный на холсте большой портрет стройной, тоненькой девушки в сиреневом платье. И надпись различалась в правом нижнем углу: «Я не могу даже подписаться».

Это был портрет Ирины Загвоздецкой.

Она присела на край широкого кресла, обитого темно-зеленым с золотом атласом. Ее обнаженные смуглые руки с тонкими, розовыми у ногтей пальцами оперлись на резные подлокотники кресла. Длинное светло-сиреневое шелковое платье, обрамленное у открытой шеи и на рукавах старинными желтоватыми кружевами, было туго стянуто у пояса и спускалось широкими складками на ковер. Кончики крохотных туфелек чуть выглядывали из-под платья...

Я внимательно и медленно разглядывал портрет.

Темные волосы Ирины были заплетены в косы, свернутые кренделечками, точно так, как порой их свертывают нынешние девочки-школьницы старших классов. По-восточному смуглое лицо, высокий лоб, черные дуги бровей, тонкий, чуть неправильный нос, тонкие полуоткрытые губы, точеный подбородок... Все это создавало неповторимую гармонию. Просто невозможно было оторваться от портрета.

— Прелесть как хороша! — прошептала за моей спиной Люся.

А глаза! Создатель портрета называл их полумесяцами.

В Третьяковской галерее есть несколько особенных портретов — Брюллова, Иванова, Крамского, Репина... Каждый раз, когда я там бываю, то подолгу стою перед этими произведениями, всматриваюсь в глаза тех женщин и тех девушек и всегда нахожу в них нечто новое. Про каждый портрет можно написать целую поэму — как любила, как страдала или радовалась та женщина или та девушка.

Именно такой особенный портрет видел я сейчас, портрет, написанный несомненно выдающимся, замечательным художником.

Первое впечатление от него было: ох и плутовка, верно, эта юная худенькая девушка, почти девочка! Набедокурила где-то, что-то разбила или пролила и, спасаясь от строгой наставницы, убежала в эту комнату, присела на краешек кресла...

Но, взглянув повнимательнее в ее глаза, я увидел в них глубоко скрытую тайную печаль... А взглядевшись еще раз, я

уже ничего не замечал — ни ее блистательного платья, ни ее тонкого, изящного стана, а видел только бесконечно скорбные карие глаза-полумесяцы.

— Почему она такая грустная? — шепнула Соня.

— А какая она была несчастная и как рано умерла! — напомнила Галя.

На девочек зашикали. Да, на такой портрет надо смотреть очень долго и молча, чтобы никто-никто не мешал. И все — взрослые и дети — стояли, смотрели, не проронив ни слова...

— Иван Тихонович, отдай его в наш музей, — вполголоса, но с большим чувством произнес Номер Первый.

— Отдам, — также вполголоса ответил наш хозяин.

С этого момента он на все сто процентов заслужил свое прозвище — «Изыскатель Номер Четвертый».

* * *

Перед тем как поместить портрет на вечные времена в любецкий музей, его выставили в Голубом зале Золоторборского дома пионеров. Под ним поставили две хрустальные вазы с голубыми георгинами, а вокруг развесили маленькие этюды Ларюши.

Вот река на закате и силуэт лодочки с рыбаками, другой этюд — раннее утро, и розовый туман поднимается с перламутровой воды, третий — ярко освещенный солнцем красный бакен на песке, а сзади — сияющая голубая гладь реки, и еще несколько этюдов, изображающих Люсю на фоне реки.

Мы умоляли Ларюшу и поодиночке и в пятьдесят голосов, просили выставить также портрет Люси. Художник категорически отказывался и даже ни за что не хотел показать его нам.

Он говорил, что портрет никуда не годится, что он не закончен, что его невозможно ставить рядом с портретом Ирины.

Произведения Жени-близнеца для тринадцатилетнего мальчика были безусловно удачны, но еще слишком по-детски неумелы. Их решили не выставлять.

— Рано, дорогой. Учиться надо еще лет десяток, тогда станешь художником, — попробовал его утешить Номер Первый.

Мальчик молча опустил свою черную голову. Он сознавал, что старик был прав.

— Осенью поеду в Москву — поступать в Художественное училище, — неожиданно объявил он.

Жители Золотого Бора и района — служащие учреждений, рабочие фабрик, колхозники, домашние хозяйки, учителя и школьники — приходили на выставку, восхищались портретом, внимательно слушали рассказы дежурных пионеров о трагической судьбе Ирины Загвоздецкой и ее возлюбленного крепостного художника Егора Спорышева. И все посетители одновременно любовались этюдами Ларюши, который так прекрасно и правдиво изобразил их любимую родную реку.

Конечно, рядом с портретом эти этюды были очень скромны, но в них угадывалась верная кисть будущего мастера. И я и Номер Первый простили Ларюше его не слишком энергичное участие в поисках портрета. От всей души нам хотелось ему пожелать стать большим, настоящим художником, певцом нашей реки, нашей природы и всей нашей жизни.

Из Любца примчались три автобуса, переполненных желающими посмотреть найденный портрет — будущий самый ценный экспонат их музея. Приехали: Номер Второй — заведующий музеем, Номер Третий — директор школы. Из своего музея прибыли, проклиная пароходные порядки, Номера Седьмой и Пятый.

Номер Второй объявил Ивану Тихоновичу, что статью о портрете и о голубых георгинах он отсылает в московские газеты и в «Огонек». Узнав об этом, Иван Тихонович без колебаний подарил музею в Любце кокошник и азиатский платок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тычинка и Роза Петровна вернулись в Москву, а Номер Первый с Майклом уехали в Любец. Мой отпуск был на исходе, у ребят кончались каникулы.

В последний раз мы собрались в Доме пионеров. Всем нам было чуть-чуть грустно. Не пришла только Люся. Ларюша у нее на квартире ежедневно по двенадцати часов подряд писал ее портрет. Какой выходит портрет, никто не знал: художник упорно не показывал его никому.

Я принес письмо Миши. Кроме первого экзамена по русскому письменному, на остальных он получил одни пятерки и, набрав двадцать восемь очков, поступил на первый курс геологического факультета Московского университета.

В своем письме Миша передавал большой привет золотоборским пионерам и предлагал им будущим летом вместе участвовать в походах за минералами.

Магдалина Харитоновна подсела ко мне, держа нагогове свой изрядно потрепанный за время походов голубой альбом ВДОД.

— Ну, теперь, когда все треволнения так счастливо кончились, когда мы, изыскатели, победили, расскажите нам наконец о своих прежних самых интересных приключениях.

Как неприятна ее «очаровательная» улыбка!

— А вы уже всё знаете!—ответил я.— Самое интересное — это повесть о найденном портрете, о сорока изыскателях, о тех, которые ищут, находят и снова бросаются на поиски...

— ...на земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе,— продекламировали хором все ребята.

* * *

Мой рассказ будет неполным, если я не упомяну о дальнейшей судьбе двух наших изыскателей.

В начале зимы я увидел афишу: «В Московском Доме художника открывается выставка молодежи».

Вместе с Соней я отправился ее смотреть.

Много там было впечатляющих и талантливых полотен. Ничего не подозревая, я шел от картины к картине, внимательно разглядывая их.

— Папа, смотри! — вдруг закричала Соня.

Перед одной картиной стояла толпа. Вслед за Соней я пробрался вперед и увидел, к своему удивлению, портрет Люси. Я всмотрелся. Портрет был написан смелыми, может быть, чересчур смелыми мазками. Я убедился — да, это был по-настоящему замечательный, безусловно самый лучший на всей выставке портрет.

По непостижимому совпадению Люся сидела точно в такой же позе, как Ирина Загвоздецкая, так же положив обнаженные руки на кресло; даже сиреневое сари было в тон платью Ирины.

Только в глазах той виделась грусть и печаль. А на этом портрете Люсины глаза горели таким нескрываемым счастьем, такой любовью!.. Невозможно было девушке не позавидовать. Тоненькая, устремленная вперед, она смело и вдохновенно глядела куда-то вдаль...

— Что ж не узнаёте старых друзей? — вдруг услышал я за своей спиной веселый голос.

Ларюша, чисто выбритый, в великолепном темно-синем костюме, стоял и улыбался. А на его руку опиралась такая же улыбающаяся, такая же счастливая Люся.

— Вы ведь знакомы? Моя жена,—сказал он.— Мы уже целых две недели как женаты.

Люся, пряча свое смущение, бросилась целовать Сою.

КОНЕЦ

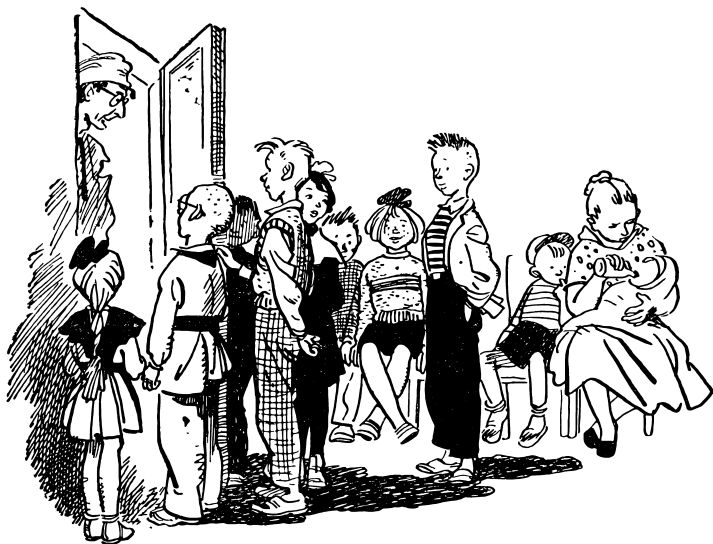

ЗА БЕРЕЗОВЫМИ КНИГАМИ

Повесть

Всем непоседливым ребятам-изыскателям, с которыми много лет подряд я бродил и, надеюсь, еще буду бродить по бесконечно прекрасным просторам нашей Родины, эту повесть посвящаю!

Автор

Глава первая

НАЧИНАЕТСЯ РАЗГОВОР О БЕРЕЗОВЫХ КНИГАХ

Я еще не помню такого нашествия московских школьников в нашу поликлинику, как этой весной. Никогда работа не казалась мне столь напряженной.

Ежедневно приходя на работу, я с ужасом оглядывал нетерпеливую толпу ребят, ожидавших меня. С каждым днем их являлось все больше и больше...

Я надевал белый халат и начинал прием. То мальчики, то девочки появлялись в моем кабинете, смущенно раздевались, складывали кучкой одежду и нерешительно подходили ко мне.

Румяные щеки, налитые мускулы, крепкие грудные клетки неоспоримо доказывали, что все эти непоседы абсолютно здоровы, однако им нужны были справки о здоровье... Зачем?

Все они страстно, неудержимо мечтали куда-нибудь уехать на лето из Москвы.

Раздавая десятками справки, я наслушался столько волнующих, интересных рассказов о будущих путешествиях на Волгу, на Кавказ, на раскопки курганов, об экспедициях за редкими минералами... В конце концов я не выдержал и начал остро завидовать счастливым.

А те, получив желанные бумажки, выскакивали на улицу и, наверное, тут же забывали обо мне.

Сын мой, Миша, улетал в вулканологическую экспедицию на Курильские острова, а дочка, шестиклассница Соня, собиралась в туристский поход в Крым.

И никому не было никакого дела, где я, пожилой детский врач, проведу свой летний отпуск. Неужели придется отправиться в подмосковный дом отдыха? Это значит: с утра до вечера стучать в домино с чересчур болтливыми соседями или дремать с удочкой у заросшего тиной пруда...

Я поделился своими грустными мыслями с соседом по квартире, работником исторического архива Тычинкой.

Так его прозвал Миша за малый рост и худобу.

Пытливые глазки Тычинки ласково засветились сквозь толстые очки.

— Я вам давно хотел предложить одно дельце, — чуть улыбаясь, сказал он и тотчас же скрылся за дверью, а через десять минут легонько постучал в мою комнату. — Не угодно ли взглянуть на сию статеечку? — Он показал тускло-зеленый журнал «Библиограф» за 1889 год и, полистав пожелтевшие от времени, пахучие страницы, ткнул пальцем.

— «Об остатках библиотеки тринадцатого века», — прочел я заглавие.

Статья была о найденных автором в башне одного монастыря четырех рукописных книгах на пергаменте. На заглавных листах удалось прочесть, что эти книги принадлежали князю Василько Ростовскому.

— А кто такой был Василько? — робко спросил я.

— Василько был сыном Константина Мудрого — владельца самой богатой библиотеки того времени. В ней, кроме книг на пергаменте, несомненно, имелись также березовые книги.

— Ах, березовые книги!..— подхватил я, тут же смолк и еще более робко спросил: — А кто такой был Константин, которому принадлежали эти...— я запнулся,— книги?

— Константин был старшим сыном Всеволода Большое Гнездо — великого князя Владимирского, внуком Юрия Долгорукого. А о березовых книгах, точнее, о книгах, не напечатанных в типографии, не переписанных от руки на пергаменте, а процарапанных на бересте, я вам расскажу впоследствии,— снисходительно улыбнулся Тычинка.

Из всего услышанного мне были хорошо знакомы только одно имя и одно событие: «Юрий Долгорукий построил в Москве первый дом», как сказала однажды моя дочка Соня, когда еще не поступила в школу. Пришлось мне признаться, что я ничегошеньки не знаю.

За несколько вечеров Тычинка прочитал мне целый курс русской истории.

Засунув руки в карманы брюк, он поднимал седую взъерошенную голову и, шагая между газовой плитой и холодильником, вел свой рассказ. Он с такими подробностями говорил о летописях, о мирных переговорах, о бесконечных битвах, об основании городов, о страшном татарском нашествии, точно сам жил в те давние времена и со всеми теми бесчисленными князьями воевал, пировал и считал их своими закадычными друзьями.

Однажды он принес несколько книг в желтых переплетах о раскопках в Новгороде и начал рассказывать:

— В этом древнем городе под толстым слоем насыпной земли, на старых пожарищах, в щелях между бревнами древней деревянной мостовой археологи стали находить странные трубочки из бересты. Когда эти трубочки распарили и с величайшей осторожностью развернули, на них увидели надписи.

Тычинка показал мне многочисленные фотографии этих замечательных находок: темных, с оборванными краями полосок, с нацарапанными на них вкривь и вкось каракулями. Оказывается, на этих берестяных полосках новгородцы писали друг другу письма и записки самого разнообразного содержания. Прочтет новгородец такое письмо, скажем,— приглашение в гости и бросит записку, а через семьсот лет археологи ее найдут и будут в восторге от своей ценнейшей находки.

— Раньше историки считали,— пояснил Тычинка,— что в древней Руси только духовенство было грамотным. А эти ничтожные обрывки березовой коры неоспоримо доказывали

существование высокой культуры тогдашнего Новгорода: там даже простые посадские люди и ремесленники, даже их жены, даже ребятишки умели читать и писать! Замечательное, потрясающее открытие — грамоты на бересте! — Тычинка поднял очки на лоб, закрутил тонкие усы и прищурил подслеповатые, но вдохновенные глаза.

— Что мы знаем о литературе, созданной до татарского нашествия? Почти ничего не знаем. «Слово о полку Игореве» — величайшее творение безвестного древнерусского поэта, и только оно одно не забыто в наше время. Но, несомненно, имелись у «Слова» и братья и сестры, жила и процветала прекрасная литература двенадцатого столетия. Долгими зимними вечерами русские люди собирались вместе и слушали дивные поэмы, славные сказания о богатырях — Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Садко... Церковные книги писались на дорогом пергаменте из телячьей кожи. Эти поэмы и сказания считались произведениями как бы второго сорта. Их процарапывали острыми тетеревиными косточками на содранной с берез бересте. Из таких берестяных листов шивались березовые книги. Самая богатая библиотека была в городе Ростове Великом, у князя Константина Мудрого. Константин считался, несомненно, выдающимся ученым. Он

знал несколько языков, основал первое на северной Руси училище.

— Куда же делась та знаменитая библиотека? — спрашивал, горестно вздыхая, Тычинка и сам же себе отвечал: — Страшные пожары то и дело сплошь опустошали города: ведь деревянные избушки и землянки лепились одна к другой. А нашествие татар варварски уничтожило последние сокровища.

— По правде говоря, я никогда не слышал о березовых книгах, — признался я.

— Не все ученые верят в их существование: ведь до сегодняшнего дня никто никогда их не находил, — печально ответил Тычинка. — «И самые книги не на хартиях писаху, но на берестях», — торжественно произнес он. — Вот единственное, вполне достоверное упоминание в старинных источниках о березовых книгах! Но я убежден: не все сгорело, хранятся в укромных тайниках, в подземельях спрятанные рукописи, быть может, остатки библиотеки Константина. Надо их только разыскать... — Вдруг Тычинка схватил меня за руку и страстно зашептал: — Милейший доктор, вы захотели путешествовать — вот вам великолепная цель туристского похода: ищите березовые книги. Познакомьтесь с пионерами из какой-нибудь московской школы и отправляйтесь бродить по Владимирской и Ярославской областям. В старинных городах вы всегда найдете ученых-археологов, которые с радостью возьмутся вам помочь, а возможно, будут руководить раскопками.

И с тех пор каждую ночь мне снились прелестные березовые рощи. Мелкие листочки трепетали от ветерка, белые стволы деревьев так ярко сверкали, что на них было даже больно смотреть. А шагая по утрам в свою поликлинику, я все повторял про себя: «Березовые книги! Березовые книги!»

* * *

Однажды, придя утром на работу, я заметил белокурую, кудрявую девочку лет тринадцати. Все сидели на скамьях, а эта девочка стояла, притом у самой двери в мой кабинет.

Я невольно натыкался на нее каждый раз, когда выходил в приемную. Я успел заметить ее длинные-предлинные, густые ресницы и выжидающие большие серые глаза.

Казалось, девочка вот-вот должна была войти ко мне на

прием. Но нет — она не шла и продолжала покорно стоять у двери. А на мой вызов: «Кто следующий?» — вскакивали и торопились другие ребята.

В конце концов я не вытерпел и спросил ее:

— Что ты тут стоишь с самого утра?

Неподдельный испуг показался в глазах девочки, задвигались губы, но я не услышал ни слова.

— Иди сюда! — Я пропустил ее вперед в кабинет.

— Она без очереди! — воскликнул кто-то из мальчиков.

Я сделал вид, что не слышал, запер дверь, сел и стал перелистывать карточки.

— Не ищите. Моей карточки у вас нет, — прошептала девочка.

— Почему нет?

— Я не ваша, я чужая, я из другого района...

— Так зачем же ты явилась ко мне? — рассердился я.

Любой врач немедленно выгнал бы несносную девчонку. Но я всегда считал себя внимательным и чутким. К тому же ее настойчивость меня заинтересовала. Заметив мои колебания, девочка начала скороговоркой.

Она мячом прямо в школьный медпункт запустила, три лекарства разбила, и докторша теперь ужас как на нее сердита и ни за что не хочет дать справку о здоровье, а без этой справки в дальний туристский поход не берут. Тогда девочка достала справку и — сама виновата! — всем разболтала, сказала — от докторши, соседки по квартире. А ей говорят: «По знакомству не годится». Вст она и пришла сюда ко мне.

В конце своей длинной речи кудрявая девочка, видя, что я ее внимательно слушаю, совсем ободрилась, умоляюще взглянула на меня и дрожащим голосом попросила:

— Пожалуйста, милый доктор, дайте мне справку, что я совсем здорова. Я и в волейбольной секции, и в баскетбольной самая натренированная...

— А какова цель вашего похода? Что вы собираетесь искать? — спросил я девочку.

— Ничего мы не будем искать. Мы пойдем просто так.

— Но это же совсем неинтересно! — воскликнул я. — Туристы обязательно должны иметь определенную цель похода. Самое интересное — если они будут искать что-нибудь неизвестное, редкое, таинственное. — И, не думая о каких-либо последствиях своих слов, я добавил: — Может быть, вы захотите искать вместе со мной березовые книги?

— Березовые книги? — несколько не удивившись, деловито переспросила девочка. — Хорошо, мы созовем заседание штаба похода, и я доложу.

Она замолчала, потом снова умоляюще взглянула на меня лучистыми глазами:

— Так, пожалуйста, справку...

— Нет, сперва я тебя прослушаю, — как можно суше ответил я.

Ничего у нее не было — ни в горле, ни в легких. Только было собрался я выслушать сердце, как в дверь постучали.

— Не дыши, не дыши... Ну, что они там стучат? Просто невысказанно работать в такой обстановке!

Я подошел к двери, повернул ключ, высунул голову в коридор. Несколько мальчишек тут же отскочили.

— Сейчас, сейчас, подождите еще три минуты! — закричал я, захлопнул дверь и вновь повернулся к девочке. — Так, не дыши, не дыши. Гм-м... А в сердце-то у тебя шумок.

Вообще у ребят переходного возраста так называемый «функциональный» шум в сердце встречается довольно часто. Объясняется это явление тем, что рост и развитие сердца отстают от роста и развития всего организма. Нисколько это не страшно, и через два-три года такой шум бесследно исчезает.

— А что-нибудь еще у тебя болит?

— Нет, нет. Нигде, нигде не болит, — упорно твердила девочка, глядя на меня подкупающе правдивыми глазами.

Опять раздался резкий стук...

— Ну ладно. Одевайся скорее и уходи.

Я расписался, подал девочке справку и пошел открывать дверь. Девочка тут же исчезла...

«Кроме справки, ничего ей от меня не было нужно», — горько признался я самому себе.

В тот же момент в кабинет вбежало несколько чересчур шумливых мальчиков, и я позабыл об этой девочке и думать,

Глава вторая

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

На следующий день была суббота. Я пришел домой рано и только уселся читать газету, как зазвонил телефон.

— Здравствуйте, доктор,— услышал я звонкий и самоуверенный тоненький голос.— Девочки восемнадцатой школы шестого класса «Б» вас очень благодарят. Мальчишки, наверное, тоже вас бы благодарили, но они ничего не знают, мы с ними уже неделю как не разговариваем, с тех пор как они мою кофусу засунули в чернильницу.

Безобразие! Какая-то назойливая девчонка из-за какой-то чернильницы оторвала меня от газеты! Я хотел было повесить трубку, но услышал такие слова:

— Мы очень заинтересовались поисками березовых книг.

— Что, что, что?

— Мы, девочки шестого «Б», благодарим вас за справку, которую вы дали нашей подруге Гале. Теперь она вместе с нами отправится в большой туристский поход.

— А куда вы идете?— начиная волноваться, спросил я.

— Под вашим руководством за березовыми книгами,— невозмутимо и звонко ответил телефон.— Штаб нашего туристского похода мне поручил с вами договориться.

Мы условились: ко мне на квартиру сейчас придут члены этого самого штаба.

Жена обиделась на меня. Она купила два билета в кино, а я отказался идти. Пришлось ей пригласить Розу Петровну — нашу соседку, Тычинкину супругу.

Миши, как всегда, не было дома. Соня готовила уроки.

Наконец раздался долгожданный звонок и явились три чинные и учтивые девочки в синих туристских шароварах, в синих куртках и с красными галстуками.

Они смущенно поздоровались и сели рядком на диванчик, положив руки на колени. Одну из них я узнал — это была та самая кудрявенькая, что приходила за справкой.

Соня сидела в пол-оборота и изредка окидывала девочек критическим взглядом, и те так же критически щурились, поглядывая на нее.

— Ну-с,— начал я,— итак...

— Итак,— подхватила самая большая, белокурая, в очках с толстыми стеклами.

И я узнал тот самоуверенный и звонкий голос, который слышал по телефону.

— Всю зиму наш класс тренировался, мы собираемся в многодневный туристский поход...

Белокурая рассказывала очень быстро и без запинки; между прочим, искоса взглянув на Соню, ввернула, что она отличница, а сверх того — председатель драматического, астрономического и кролиководческого кружков, председатель волейбольной и хоккейной секции, заместитель председателя какой-то коллегии.

Словом, я понял, что она самая деятельная и самая примерная девочка в классе.

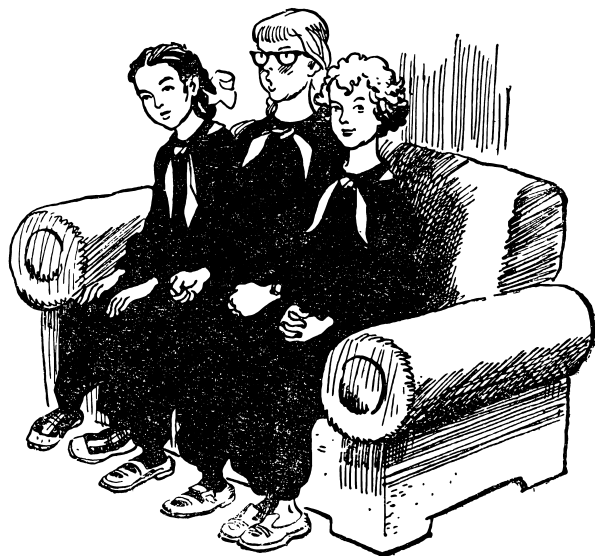
Она занята по горло, но все же нашла время, разыскала меня по телефону и сейчас явилась ко мне вместе с двумя подругами.

Звали ее Лариса.

«Когда же успевает готовить уроки эта Лариса Примерная?» — удивился я про себя, а вслух спросил:

— А скоро ли вы собираетесь идти в поход?

— Вы думаете: надели рюкзаки и пошли? — Очки Ларисы Примерной презрительно заблестели. — Это так сложно, нужно столько приготовлений!

И тотчас с невозмутимой самоуверенностью она принялась рассказывать о том, как в январе организовался штаб туристского похода. Зимой школьники собирали бумажную макулатуру и металлолом, сдали государству кроличьи шкурки, детская туристская станция обещает дать палатки, кое-что дадут родители, и, наконец, как только кончатся школьные занятия, их класс поедет жить в сельскую школу. Ребята будут ходить в тренировочные туристские походы, купаться, играть и, самое главное, работать в колхозе по три часа в день. Ребята дали честное пионерское не бездельничать. И только в середине июля тридцать школьников шестого «Б» смогут отправиться в путь.

— А сколько дней мы будем путешествовать? — робко спросил я. В душе я уже решил, что непременно пойду с ними в поход.

— Пока не найдем березовых книг, — твердо ответила Лариса Примерная. — Вы, доктор, заранее запомните, что должны взять с собой: ложку чайную, ложку столовую, кружку, миску, зубную пасту, зубную щетку, мочалку, одеяло, две смежные белья, два полотенца, три пары носок. — Лариса Примерная, по-видимому, вызубрила туристский справочник. — А еще мы положим в ваш рюкзак груз общественный — десять банок мясных консервов. Мы рассчитываем ходить по двадцать километров в день.

— Пустяки! Я и тридцать проходила, — словно куда-то в сторону сказала Соня.

Лариса Примерная сжала тонкие губы, но смолчала.

Чернокосая девочка Таня, худенькая и изящная, как трюстинка, давно уже порывалась также что-то сказать. Сейчас, воспользовавшись паузой, она подняла на меня чуть выпуклые черные глаза и начала:

— И я считалась бы отличницей, да в одной задаче надо было помножить, а я разделила... И я тоже доктор. — И, опустив свои длинные серповидные ресницы, она скромно добавила: — Будущий. Я буду лечить во время похода. А вы мне можете, если я к вам обращаюсь за консультацией?

— У меня возникла идея, — неожиданно перебила Лариса Примерная, — пойдете в школу прямо сейчас. Вы застанете всех участников похода.

Я посмотрел на часы. Что же, до обеда оставалось еще много времени. Мы встали, я надел плащ, и мы отправились в путь.

По дороге рассказывала одна Лариса Примерная. Я узнал — сегодня они отправятся в тренировочный поход с ночевкой. Никто не имеет права жаловаться, хныкать и, самое главное, просить пить. Все должны доказать свою выносливость. Даже за одно словечко «вода» или «пить» любого могут посчитать слабым или даже не годным к походу.

Мы свернули сперва в один переулок, потом в другой и неожиданно очутились перед громадным, ослепительно белым зданием школы.

На залитом асфальтом дворе выстроились по четыре в ряд мальчики и девочки, все в синих майках и длинных синих шароварах.

— Раз, два, три, четыре... — бесстрастным голосом командовал конопатый, щупленький и беловолосый мальчик.

И все изгибались то вправо, то влево, приседали, вытягивая обнаженные руки то вперед, то вверх, то в стороны...

— За опоздание ставлю на вид! — сердито крикнул беловолосый.

— Надо же! — возмутилась Лариса Примерная.

— У нас уважительная причина! — вспыхнула Танечка.

Девочки торопливо скинули свои куртки и галстуки и встали в строй.

— Раз, два, три, четыре!

Тридцать синих мальчиков и девочек выпрямлялись и нагибались, снова вскидывали руки вверх, вперед...

— Раз, два, три, четыре! Не задерживать дыхание! Руки в стороны! — командовал беловолосый, которого звали Вовой.

Я чувствовал себя несколько неловко: на меня никто не смотрел, никто не обращал внимания...

У крыльца лежала грудка туго набитых рюкзаков, ведра, какие-то длинные темно-зеленые свертки — верно, палатки...

Вдруг во двор школы въехал грузовик и повернул прямо на ребят. Гимнастические упражнения пришлось прервать.

Из кабины выскочил здоровенный детина в ковбойке и стал командовать шоферу:

— Так, так, разворачивай! Задний ход! Сюда! Еще сюда! Так!

Машина то пятилась, то поворачивалась, то двигалась вперед, наконец, встала у крыльца.

Ребята столпились вокруг машины, с любопытством загля-

дывая за борта. В кузове я увидел большой токарный станок. Дитина в ковбойке, очевидно грузчик, лязгая засовами, быстро открыл боковой борт. Мальчики тут же полезли на верх машины, перекинули две деревянные лаги с кузова на крыльцо, взяли в руки ломы и стежки...

— Слушать мою команду! — закричал великан-грузчик. — Гриша, поддевай отсюда! Миша, дай сюда лом! Раз, два — взяли!

Я начал раздражаться — столько потерял времени зря! К тому же я с утра ничего не ел. А жена сегодня обещала жареную скумбрию под белым соусом...

— Раз, два — взяли! Еще взяли! — командовал грузчик.

Девочки тоже устремились к машине. Будущие туристы дружно со всех сторон облепили станок и кто ломом или стежкой, а кто просто плечом попытался продвинуть его в дверь.

Растрепанный, успевший где-то загореть, краснощекий грузчик подсунул под станок толстый лом, напряглись мускулы его рук...

Ох и силы же у него!

Станок перевалился через порог, и вскоре вся масса ребятишек во главе с грузчиком, толкаясь, исчезла вслед за станком за дверью школы.

— Уйду, и все! — в досаде пробормотал я. — Никому до меня нет никакого дела.

А есть так хотелось, что я подошел к цветнику, сорвал молоденькие листочки настурции и стал их жевать.

В эту минуту из двери школы выскочил грузчик, за ним ребята. Все тотчас же окружили меня.

— Простите, я не знал, что вы должны прийти. А нам так нужно с вами встретиться! Вы представляете — шефы подарили токарный станок. Директор меня и попросила его забрать. Разрешите познакомиться — старший пионервожатый и начальник похода Николай Викторович...

Свою фамилию он произнес нарочно невнятно. Получилось нечто вроде «Кап-кап-ко».

— Первый вопрос — меня крайне интересует, что это за березовые книги?

— Начала тринадцатого века, до татарского нашествия, — без запинки ответил я.

— Очень хорошо! Мы собираемся организовать в школе музей. Найденные экспонаты поместим в исторический отдел.

Я было хотел заметить, что разговор идет о редкостях ми-

рового значения, которые ни за что не отдадут в школьный музей, но подумал, что надо еще сперва найти эти редкости.

— Да, о скольких вещах нам предстоит предварительно переговорить, сколько подробностей рассчитать,— задумчиво сказал Николай Викторович и взглянул на часы.— Простите, мне ужасно неудобно перед вами,— быстро сказал он,— нам пора в тренировочный поход.

Что ж, мне оставалось только пробормотать: «Ничего, ничего...» И я снова вспомнил о скумбрии.

Мы договорились, что во вторник я опять приду в их школу к последнему уроку. Николай Викторович еще раз попросил у меня прощения и дал честное слово, что ни за каким станком больше не поедет.

— Гриша, подойди сюда,— позвал он.

Небрежно заложив руки за спину, к нам подошел высокий толстогубый мальчик. Его светлые волосы торчали, как петушиный гребешок. Видимо, мальчик очень гордился своей прической и постоянно взбивал ее кверху.

— Командир отряда, видишь часы? — Николай Викторович постучал по левой кисти.— Если через десять минут не будете готовы, мы опоздаем на поезд. Знаешь, как в армии командуют?

— Есть как в армии! — звонко крикнул Гриша и подбежал к мальчикам.— Ребята, этот конец сюда заложить! Этот отсюда давай! Держи веревку!

Руки мальчиков и девочек забегали. Одна палатка, другая исчезли в недрах чехлов, кастрюли и ведра загремели...

Николай Викторович отвел меня в сторону.

— У меня к вам есть одно дело,— прошептал он.— Школьный врач сегодня из-за вас наговорила мне кучу неприятных слов. Вы же Гале выдали справку?

— Вообще при шумах в сердце подобного характера я обычно разрешаю заниматься туризмом,— холодно возразил я.— Но школьный врач, постоянно наблюдающий за девочкой, лучше меня ее знает. Я мог недостаточно внимательно ее осмотреть.

— Позвольте,— загорячился Николай Викторович,— Галя мне дала честное пионерское, что была у вас на приеме целых полчаса и даже другие ребята начали волноваться. Неужели она мне все наврала?

— Нет, вам она говорила чистейшую правду.

— А я так обрадовался вашей справке,— сказал Николай Викторович,— я считал, Галя может идти с нами в поход.

— Раз школьный врач возражает, я просто не имею права оспаривать ее мнение.

Я начал раскаиваться, что поторопился тогда с Галиной справкой.

— Ну что ж, нельзя так нельзя,— вздохнул Николай Викторович.— Хотя я никогда не сумею убедить Галю, что мы поступили с ней справедливо,—с досадой добавил он и отошел от меня к ребятам.

А с дальнего конца школьного двора давно уже с каким-то испуганным ожиданием глядела на меня Галя. Она, несомненно, понимала, что говорят о ней.

Ко мне, крадучись, подошла Лариса Примерная.

— Я знаю, это вы о Гале совещались,— возбужденно прошептала она.— Неужели вы тоже не пустите ее в поход?

Я молча пожал плечами.

— Ну не обидно ли — изо всего класса только одну ее. А хотите, она достанет третью справку?

— Ты ничего не понимаешь, никакие справки не помогут,— оборвал я.

Лариса густо покраснела.

В это время в воротах показалась очень толстая, краснощекая девочка. Она еле шла, согнутая под тяжестью рюкзака, переваливаясь, как гусыня.

— Ну вот, видели нашу красавицу? Все давно в сборе, а Лида только сейчас является. Почему опоздала? — строго спросил Николай Викторович.

— Да я...— едва шевеля губами, жалобно оправдывалась девочка.— Мама ушла за покупками, я никак не могла одна...

— А почему мама? Сама должна была еще с вечера все собрать. А почему рюкзак такой большой? Чем ты его набила? Сейчас же покажи.

Лида медленно сняла рюкзак с плеч, еще медленнее начала выкладывать на крыльцо его содержимое.

Николай Викторович по-разному оценивал вынимаемые предметы.

— Так, пирожки — очень хорошо! Колбаса — еще лучше! Шерстяной платок совершенно не нужен! А это что, подушка? Товарищи, видели? — Он высоко поднял над головой большую подушку в белой с кружевами наволочке.

Все захохотали.

— Отнеси немедленно подушку и платок в учительскую!
К нам подскочил Гриша:

— Товарищ начальник похода, все готовы, прикажете строиться?

— Приказываю строиться!

— Отряд, становись! — отрывисто скомандовал Гриша.

Все быстро надели рюкзаки и встали по росту. Видно, каждый хорошо знал, за кем он стоит.

— Первый! Второй! Третий! Четвертый! — по очереди выпаливали ребята, рывком откидывая голову налево.

Гриша приставил руку к бумажному колпаку на голове и лихо отрапортовал:

— Товарищ начальник похода, отряд в количестве тридцати человек выстроен, больных нет, опоздавших нет, разрешите начать поход?

— Дай сигнал, — коротко ответил Николай Викторович.

— Рюкзаки за плечи! Отряд, вперед! — выкрикнул Гриша.

Юные туристы сразу оживились, вскинули рюкзаки и, гремя посудой, один за другим двинулись налево. Я остался стоять.

— До сви-да-ни-я! — проскандировали ребята.

Шедшая позади всех Галя помахала мне издали рукой. Вскоре туристы скрылись за углом дома.

Как же я им всем завидовал!

Глава третья

ПРИГОВОР ОБЪЯВЛЕН

Во вторник, точно в назначенный час, я открыл дверь школы.

Меня встретил Николай Викторович, солидный, серьезный, одетый в безукоризненный, темный в полосочку костюм с красным пионерским галстуком. Но, честное слово, ковбойка грузчика и шаровары туриста ему шли гораздо больше.

— Здравствуйте, с вами хочет познакомиться наш директор.

Мы пошли по коридору. Из крайней двери высунулись знакомые рожицы. Николай Викторович сердито нахмурил брови.

— Не шуметь! Через две минуты мы придем.

Мы вошли в кабинет директора.

— Вера Ильинична, разрешите вам представить врача, о котором...— начал Николай Викторович.

Высокая полная брюнетка встала из-за стола, энергичным жестом протянула мне руку.

— Здравствуйте. Очень приятно!— отрывисто бросила она и тут же резко обернулась к Николаю Викторовичу:— Мне все известно! Это ваши затеи! Туристский поход? Очень хорошо! Прекрасно! Инициативу молодежи всецело приветствую, всецело поддерживаю! Но вы перегибаете палку!— Директор, видно, очень сердилась.

— Вера Ильинична, я ничего не понимаю!— попытался защищаться Николай Викторович.

— Только что я разговаривала с Елизаветой Павловной, она крайне возмущена. И я тоже крайне возмущена!— Директор быстро обернулась ко мне:— Елизавета Павловна— школьный врач. Она категорически запретила брать одну девочку в поход. У той что-то с сердцем. Вы со мной согласны? Я молча кивнул головой...

— И что же, вы думаете, затеяла эта скверная девчонка безусловно по наущению старшего пионервожатого?

— Вера Ильинична, только не по наущению,— взволнованно перебил Николай Викторович.— Я очень жалею Галю, но я никогда ни в чем...

— Да будет вам!— Директор снова обернулась ко мне:— Так вот, эта самая Галя— удивительная проныра! Она спер-

ва достала справку от врача, любезной соседки по квартире. Мы говорим: «Не годится!» Она отыскала какого-то другого, совершенно безответственного врача...

Я невольно вздрогнул. Мне вдруг захотелось убежать.

— Вера Ильинична, все ясно,— снова чересчур поспешно перебил Николай Викторович.— Разрешите, я сам объявлю Гале ваш приговор.

— Пожалуйста! — пожала плечами директор и неожиданно очень любезно взглянула на меня.— Ничего не поделаешь, иногда приходится одергивать чересчур непоседливых пионервожатых,— шутливо сказала она.— Как я рада, что вы идете в поход с нашими ребятами! Я буду спокойна за их здоровье.— Она приветливо улыбнулась.

Мы попрощались, вышли в пустой коридор.

— А вы знаете — Галя лучшая спортсменка нашего отряда,— со вздохом заметил Николай Викторович.

— Ничем не могу помочь,— сухо ответил я.

Николай Викторович промолчал.

Нас уже заметили через шелку двери; галдеж прекратился. Когда мы вошли в класс, все чинно сидели за своими партами. Ребята тотчас же вскочили. Их алые галстуки ярко выделялись на фоне серых курточек и коричневых платиц.

— Здравствуйте, садитесь, пожалуйста,— сказал я.

В самом дальнем углу я заметил Галю. Она была так же беззаботна, как и все остальные. Она и не подозревала, какой тяжелый разговор только что велся в кабинете директора.

— Привести класс в походное положение! —скомандовал Николай Викторович.

И тотчас же начались, наверное, уже много раз повторенные, почти бесшумные маневры с партами — четыре передние поставили у стен, учительский стол убрали в угол. Все тесно расселись вокруг по ближним партам. Николай Викторович положил прямо на пол большой зеленый лист.

Голоса смолкли, ребячьи шеи вытянулись, головы наклонились. Николай Викторович сел на корточки перед этим листом.

— Товарищи, вот карта! Мы начинаем обсуждение маршрута нашего похода,— сказал он и нагнулся.

— В поход! В поход! С палатками, с компасом, с большими рюкзаками! —Черноглазый мальчик, которого звали Миша, видимо сверх меры переполненный жизненной энергией, выскочил из-за парты и, расталкивая всех, лег на живот посреди пола.

Следом за Мишей сорвались другие мальчики, сели на пол вокруг карты.

Вскочили и девочки, но, увы, все лучшие места уже были заняты, и девочки столпились сзади.

— Вечно мальчишки лезут вперед! — обидчиво бросила Лариса Примерная и демонстративно села за парту во втором ряду.

Хорошо бродить по родной стране с тяжелым рюкзаком за плечами, но и хорошо помечтать о будущем походе, глядя на карту. Зеленые пятна — это леса, черные линии — это дороги, синие извилистые ниточки — это реки, большие многоугольники — города, маленькие кружки и точки — деревни... Николай Викторович начал прикидывать линейкой по карте и так и эдак, мерял, диктовал Ларисе Примерной цифры; та

множила и делила. Ребята заспорили — хотелось побольше пешком, поменьше по железной дороге.

В конце концов после длительных обсуждений «за» и «против» мы наметили примерный маршрут: от Москвы до Владимира поездом, далее пешком — через города Суздаль, Юрьев-Польской¹, Ростов и до Ярославля. А из Ярославля до Москвы снова поездом. Мы прошагаем двести с лишним километров или больше. Если нападём на следы березовых книг, то свернем по этим следам куда-нибудь в сторону.

— Ну как, ребята, пройдем? — оглядел всех Николай Викторович. — На каждый день уж не так много придется.

— Пройдем! Непременно пройдем!

— Итак, обсуждение закончено, — торжественно объявил Николай Викторович, — сейчас доктор будет нам рассказывать о березовых книгах.

Все вскочили, отряхнулись, бесшумно и быстро сдвинули парты на прежние места и сели.

Теперь, после бесед с Тычинкой, я знал древнюю русскую историю назубок. Невольно подражая Тычинке, я так же принялся расхаживать по комнате и говорить особенным, торжественным голосом.

Все сидели тихо. Лариса Примерная усердно записывала.

Я рассказал о Владимиро-Суздальском княжестве и его могучих государях — Андрее Боголюбском, его младшем брате Всеволоде, за свое многочисленное потомство прозванном Большим Гнездом, о старшем сыне Всеволода — Константине Мудром и его бесследно исчезнувшей библиотеке.

Ребята меня слушали внимательно, и я начал рассказывать о недавно открытых при новгородских раскопках берестяных грамотах и о никогда и нигде еще не найденных березовых книгах.

Когда я кончил, сразу все зашумели. Больше всех был возбужден черноглазый Миша. Николай Викторович дал ему слово; он вскочил, тяжело дыша:

— Ребята! Ребята! Мы непременно... Мы... — Видно, он хотел сказать очень много, но от волнения не смог продолжать, покраснел и сел на место.

Бедняжка Галя была увлечена и возбуждена не меньше

---

¹ Юрьев-Польской, а не Польский, основан в 1152 году Юрием Долгоруким. Название города происходит от владимирского Ополья и к Польше, полякам никакого отношения не имеет.

других. Она тоже попыталась что-то сказать, но от смущения замолкла.

Наконец слово взяла Лариса Примерная. Она неторопливо встала и, сверкая очками, начала говорить так долго и так нудно, что я не понял, как она предлагала организовать поиски березовых книг.

Собрание кончилось. Все с шумом выбежали из класса. Я спустился по лестнице, окруженный толпой ребят. Миша тербил меня за рукав, снова пытаюсь сказать что-то необыкновенно важное, но только заикался от волнения.

Мы обменялись телефонами с Николаем Викторовичем, крепко пожали друг другу руки и договорились, что он мне позвонит в начале июля, когда вернется из летнего лагеря,— дня за четыре до нашего отъезда во Владимир. Будущие изыскатели березовых книг что-то возбужденно мне рассказывали. Мы вышли на улицу, вновь меня окружила толпа.

— Галя, мне нужно с тобой поговорить,— услышал я за спиной тихий, но твердый голос Николая Викторовича.

Издали я увидел, как будущий начальник похода и Галя остановились на крыльце школы. Галя стояла низко опустив голову, а Николай Викторович что-то ей доказывал.

Глава четвертая

РАССКАЗ О РЮКЗАКАХ

В середине июля наконец раздался долгожданный звонок Николая Викторовича:

— Доктор, не раздумали ехать?

— Нет, нет, что вы! Я весь месяц мечтаю о нашем будущем походе.

— То-то же,— засмеялся Николай Викторович.

— Как отдыхали? — спросил я.

— А мы не только отдыхали. Деньги в колхозе на весь поход заработали,— похвалился он и повесил трубку.

Всю организационную подготовку к походу Николай Викторович взвалил на свои выдерживающие любой груз плечи. Каждый день он мне звонил и рассказывал:

— Оформили путевку в детской туристской станции. Закупили продукты и перевезли их в школу...

Наконец он радостно объявил:

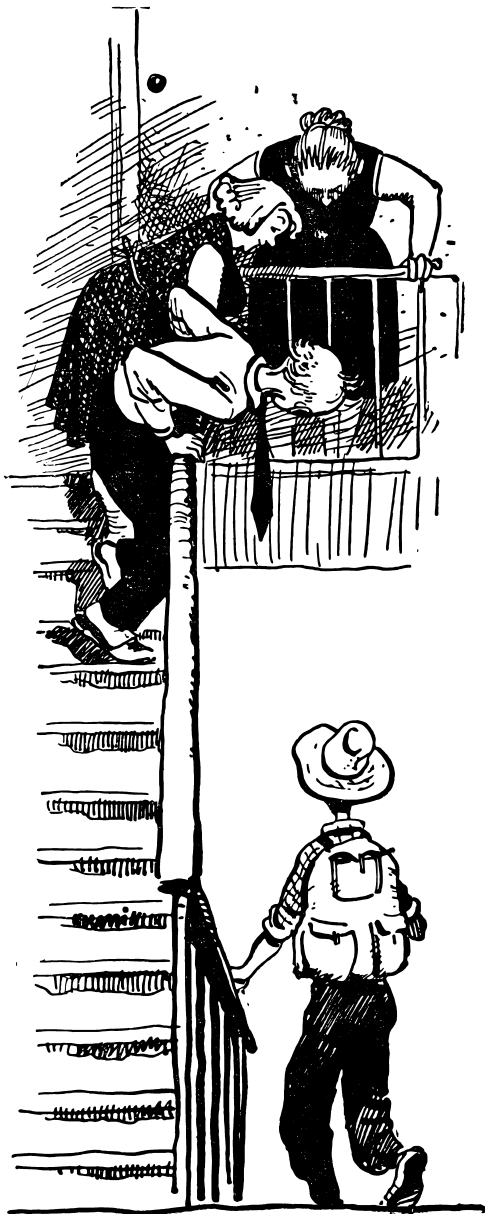
— Взяли тридцать один билет до Владимира, завтра в шесть часов вечера выезжаем.

На следующий день я был готов отправиться в путь. В соломенной шляпе, в белых кедах, с громадным рюкзаком за плечами я вышел на площадку лестницы. Меня провожала вся наша квартира.

— Я надеюсь, что ваша расторопность и природная сметка... — горячо пожал мне руку Тычинка. (Где это он откопал во мне такие качества?) — Я надеюсь, принесут большую пользу исторической науке.

— Берегись дождя, — кинула жена, когда я спускался по лестнице.

Сбор всех участников похода был назначен в школе. Там, в просторной прихожей, толпилось двадцать девять изыскателей, двадцать девять изыскательских мамаш да еще сколько-то папаш, учительниц и нянечек. Взрослые разговаривали, спорили, цыкали на ребят, а те носились без толку взад и вперед, прыгали, хохотали.

Все пришли, кроме Гали.

Вдоль стены валялись распотрошенные рюкзаки; в углу громоздились горы консервных банок, мешочки с крупами, сахаром, макаронами, батоны лежали на скамейках, как штабели дров; темно-зеленые эмалированные ведра выстроились в ряд, на столе стояла огромная кастрюля.

В дальнем углу сидел Николай Викторович, всклокоченный, потный, даже не красный, а лилово-багровый, словно он только что выскочил из бани.

Один за другим подходили к нему мальчики и девочки со своими рюкзаками, и он выдавал каждому по несколько банок консервов и какие-то мешочки. Возле него стоял, поставив ногу на табуретку, завхоз — длинноногий горбоносый Вася, нахохлившийся, важный, похожий на аиста. Он держал на колене кожаную, набитую до отказа полевую сумку и время от времени что-то записывал.

— До поезда два часа! Я в четвертый раз спрашиваю, кто взял четвертый топор? — Зычный баритон Николая Викторовича переключал остальные голоса.

Вася бросился трести подряд все рюкзаки и обнаружил четвертый топор вместе с третьим — у Танечки.

— Ни капельки не тяжело! Донесу, мама, донесу! — уверяла раскрасневшаяся Танечка.

Танина мама с негодованием подняла дочкин рюкзак.

— Чтобы моя детка тащила такую несусветную тяжесть!

Николай Викторович тут же переложил из Танечиного рюкзака в свой часть вещей. И мама успокоилась.

Со мной торопливо поздоровалась Вера Ильинична. Она заметно нервничала, подходила то к одному, то к другому, гладила по голове, говорила не то ободряющие, не то сердитые слова...

— До поезда один час! — загремел Николай Викторович.

Пора было ехать на вокзал.

Миша обладал исключительной способностью дудеть в кулак, подражая пионерскому горну. Трель переливалась, звенела, раскатывалась весело и призывно.

Ребята отцепились от своих мамаш, надели рюкзаки и, толкаясь, вышли во двор; взрослые поспешили вслед за ними.

Будущие изыскатели березовых книг выстроились по росту в один ряд, все в одинаковых синих куртках и шароварах, все в белых кедах. Они отрывисто кидали один другому:

— Двадцатый... Двадцать первый... Двадцать второй...

Очевидно, Гриша несколько дней специально репетировал. До чего же здорово он подскочил к Николаю Викторовичу!

— Товарищ начальник похода, отряд в количестве двадцати девяти человек выстроен! — звонко отрапортовал он, отчеканивая каждое слово. — Разрешите начать поход?

— Снять рюкзаки! — скомандовал Николай Викторович.

Вперед вышла Вера Ильинична. Она говорила совсем не по-директорски, а как любящая мать, отпускающая своих дорогих деток в далекое странствие.

— Ну, ребятки, счастливого вам пути! Набирайтесь сил, возвращайтесь домой такие же бодрые и веселые, какими я вижу вас сегодня. И старших слушайтесь... — Она замолкла, вдруг спохватилась и помахала рукой. — Да, и эти самые книжки непременно найдите.

Меня очень обидела последняя фраза — «книжки», да еще «эти самые».

— Отряд, рюкзаки за плечи! В поход за березовыми книгами шагом марш! — скомандовал Николай Викторович.

Эти слова мне очень понравились.

Николай Викторович пошел направляющим, Миша — замыкающим, я — сзади всех. Гурьбой торопились мамы.

Меня догнала Вера Ильинична.

— Я вас очень прошу, — взволнованно заговорила она, — вы видите, какой Николай Викторович? Я его люблю и ценю, но иногда он еще сам как маленький ребенок. Пожалуйста, очень вас прошу...

— Да, да, — ответил я, не совсем понимая, что от меня требуется.

Мы приехали на Курский вокзал, вышли на перрон, с шумом забрались в вагон и заняли несколько скамеек. Николай Викторович и мальчики закинули рюкзаки на багажные сетки.

Ребятам не сиделось на месте. Они то выскакивали на платформу к родителям, то снова вбегали в вагон.

Наконец до отправления поезда осталось пять минут. Путешественники в последний раз обнялись с родителями, вскочили в вагон и тотчас же высунулись в открытые окна...

— Ура-а-а! Поехали!

Родители замахали руками и платочками, побежали вдоль поезда, но скоро отстали.

— Все! Уф! — Николай Викторович в полном изнеможении сел на скамью. — Теперь можно отдохнуть. Вася, дай полевую сумку.

Он взял у Васи сумку и показал мне большой разноцветный бланк с печатями. Это был наш путевой лист. Я прочел: «Цель похода — поиски старинных рукописей. Руководитель похода — Николай Викторович... Научный консультант...» Ого! Это я — научный консультант. Ниже был список всех ребят; фамилию бедной Гали кто-то зачеркнул жирной синей чертой.

Против меня села Лариса Примерная и вынула тетрадку. Оказывается, ей поручено было вести дневник похода с самого начала и до самого конца. Штаб ее освободил от всех дежурств.

— А почему ты одна будешь вести дневник, а не все по очереди?

Лариса молча пожала плечами, и я догадался — это пожатие означало: «Неужели вы не понимаете, что лучше меня никто не сможет выполнить такую ответственную задачу?»

Подошла Танечка:

— Я хочу посоветоваться с доктором.

Лариса поморщилась, но уступила место. Танечка мягко, по-кошачьему, под села ко мне, открыла санитарную сумку и начала вынимать по очереди все, что ей надавал школьный врач. Тут был и жгут для остановки кровотечения, грелка для живота, индивидуальные пакеты, бинты двойной и тройной ширины, скальпель, пинцет, шприц, множество пузырьков и пакетов с лекарствами... Танечка увлеченно показывала, объясняла, поминутно вскидывая на меня свои большие черные глаза.

Поезд начал тормозить.

— Первая остановка! Сейчас будет первая остановка! — загредел Миша и побежал через весь вагон.

Все тотчас же вскочили и побежали в тамбур. Только один самый маленький и щупленький мальчик Ленечка остался сидеть, аккуратно держа ладошки на коленях. Он читал «Капитан Сорвиголова».

Сразу наступила тишина.

— Слава те господи! Угломонились! — облегченно вздохнула в углу старушка в пестрой шали.

Николай Викторович сел против меня.

— Смотрите, они просто кипят весельем. И ведь ни один не вспомнит о Гале. Я думал, она провожать нас придет. Не пришла — видно, с утра уткнулась в подушку...

Поезд остановился.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — заорали ребята, столпившись в тамбуре.

— Безобразники, право слово! — рассердилась какая-то женщина.

Она вошла в вагон только сейчас и с трудом пробралась с двумя чемоданами сквозь толпу ребят.

— Пойти навести порядок, что ли? — Николай Викторович было привстал, но раздумал, махнул рукой и остался сидеть. — Ладно, пусть лучше в тамбуре беснуются, чем в вагоне.

Мы с ним потихоньку задремали...

Нас разбудили бесцеремонные мальчишки. Они притащили какой-то большой коричневый рюкзак, вспрыгнули на скамейку, скинули несколько рюкзаков, а этот, коричневый, сунули под самый низ на сетку, заложили его сверху остальными вещами и вновь с хохотом выбежали в тамбур. Оттуда опять послышались приглушенные крики и смех.

— Кто тут старший над этими туристами? — Грозное предупреждение железнодорожника снова заставило нас открыть глаза.

— Я старший, — поднялся Николай Викторович. — А что такое?

— А то, что пассажиры жалуются!

Николай Викторович вскочил, выбежал в тамбур...

И вдруг воцарилась полная тишина, такая, как в лесу перед грозой...

Николай Викторович быстро вернулся в вагон; он вел за собой...

— Не может быть! — невольно вырвалось у меня.

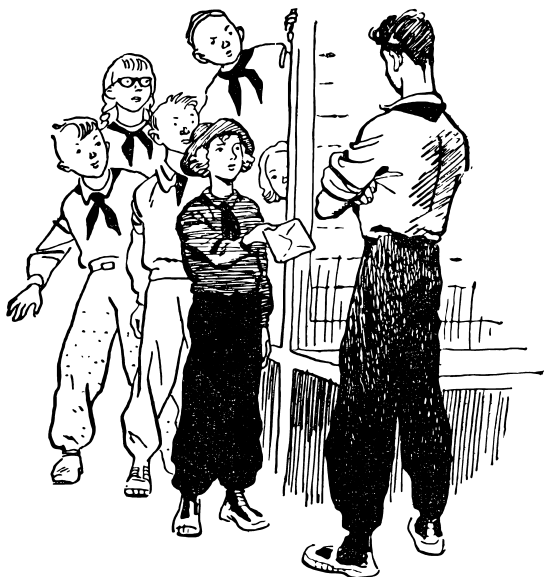
Николай Викторович тащил за руку... Галю.

Ленечка, сидевший против меня, выронил книжку, снял очки и разинул рот. Кажется, я тоже открыл рот почти так же широко, как Ленечка.

Николай Викторович с силой взял Галю за плечи и поставил ее в проходе между скамейками. Сам он встал напротив нее, скрестив руки на груди. Он глядел на Галю в упор, и Галя глядела на него также в упор. Эта кудрявая тринадцатилетняя девчонка, не моргая, выдержала взгляд своего пионервожатого.

В полном молчании ребята столпились вокруг и ждали, что будет. Все пассажиры, не понимая, что происходит, с любопытством глядели на Николая Викторовича и на Галю.

Николай Викторович молчал.

Галя была одета в такие же, как и мы, синие шаровары и куртку, обута в такие же белые кеды. Она первой начала говорить, слова произносила медленно, с расстановкой, но без запинки. Одновременно она протянула Николаю Викторовичу конверт и деньги:

— Вот вам от мамы письмо, а вот вам десять рублей семьдесят копеек. Десять — это мама передает, а семьдесят копеек я сама накопила.

Николай Викторович по-прежнему стоял, скрестив руки на груди, и по-прежнему молчал.

— Я с мамой до первой остановки на электричке проехала, а потом меня мама к вам в вагон посадила. А в моем рюкзаке килограмм колбасы ветчиннорубленой, очень хорошей... А где мой рюкзак? — Галя вдруг спохватилась, беспокойно оглядела ребят.

— Цел, цел твой рюкзак, — шепнул Миша.

Невыносимое молчание Николая Викторовича длилось уже несколько минут.

— А как же Галя сюда попала? Значит, она тоже пойдет с нами в поход? — вдруг выскочил Ленечка.

Гриша щелкнул его по носу.

Николай Викторович все еще удручающе молчал. Наконец, не говоря ни слова, он протянул руку, взял от Гали письмо. Она хотела передать ему деньги... Он отмахнулся, будто от горящих углей, и начал читать письмо про себя, потом молча передал листок мне.

Я прочел:

Дорогой Николай Викторович, простите, пожалуйста, но иначе поступить я не могла. Вера Ильинична меня не хочет и слушать, а я убеждена, что ваше замечательное путешествие послужит только на пользу моей дочери. Никогда она ничем особенным не болела. Если бы вы знали, как безумно она хочет идти в поход! По-сылаю с ней...

Затем шли две строчки про колбасу.

Я прочитал письмо и отдал его Николаю Викторовичу.

— Вы как считаете, может ли она идти с нами в поход или нет? — Николай Викторович пристально взглянул на меня.

— Мм-м, с одной стороны, нельзя не считаться с мнением школьного врача,— начал я,— но, с другой стороны, мать утверждает, что ее дочь совершенно здорова, а шум в сердце достаточно частое явление среди детей переходного возраста, с третьей стороны, медицинские инструкции, случается, разрешают, а случается — не разрешают...

— Вы мне ответьте прямо: может Галя идти с нами в поход или не может? — очень невежливо перебил меня Николай Викторович. — Иначе я высажу ее на следующей остановке.

Многие ребята ахнули.

— И что это Галкино сердце вдруг вздумало шуметь?! — воскликнула Танечка.

— Я вам дам ответ после того, как самым внимательным образом выслушаю Галю,— стараясь быть каменно-твердым, ответил я.

— Так это же очень просто сделать! — обрадовалась Танечка. — Мы вытащим из рюкзаков одеяла, девочки встанут с ними на скамейки — вот здесь и здесь, все загородят, и получится прехорошенькая комнатка.

Николай Викторович одобрительно кивнул головой, но я горячо запротестовал:

— Нельзя выслушивать сердце на ходу поезда.

В конце концов договорились: Галя едет с нами до Влади-

мира, там я ее осматриваю и решаю, взять ли ее с собой в поход или безжалостно отправить в Москву.

Я оглядел ребят. Впереди стояли Лариса Примерная, Танечка, Миша, Гриша, Вова... Галя успела уже спрятаться за спины подруг — ее не было видно. Только невозмутимый Ленечка вновь уселся в сторонке со своим «Капитаном Сорвиголова». Он, видимо, пришел к убеждению, что весь переполох благополучно разрешился.

— Как эти книги найдем, ничего ему не скажем. Пускай возвращается с пустым рюкзаком.— Эти угрожающие слова Миша явно бросил в мой огород.

Ух, как они на меня неприязненно смотрели! Неужели это те самые мальчики и девочки, которые совсем недавно вместе со мной с таким увлечением мечтали о походе?!

«Наш поход вот-вот сорвется,— с ужасом подумал я.— А вообще кто меня связал со школой? Она».

И мне сделалось нестерпимо жалко девочку, но как врач я знал, что не имею права ее жалеть.

Ко мне обратилась Танечка:

— Доктор, милый, я стану за ней ухаживать. Мы ее будем так беречь, только пустите ее...

Лариса Примерная сняла очки, и я впервые увидел ее серые живые глаза. Обычно сдержанная, даже суховатая, сейчас она волновалась, смотрела на меня так выразительно.

— Доктор, не выгоняйте Галю,— попросила она.

— А я никаких книг искать не буду,— пробурчал про себя беловолосый Вова.

Темнело. Мы закрыли окна. Постепенно ребята успокоились, расселись по скамьям. Галя безмятежно дремала на плече Танечки. Лариса Примерная неистово строчила в свой дневник. Да, сейчас ей придется наверняка не меньше пяти страниц накатать.

Николай Викторович подозвал Гришу:

— Знали вы про Галю?

Гриша молчал и ерошил свой чубчик.

— Ты мой ближайший помощник, давай признавайся.

— Знали, только Ленечке боялись рассказать,— ухмыльнулся Гриша.

— Ах вот как! У вас настоящий заговор был? — притворно повысил голос Николай Викторович.

Кажется, сам он больше, чем ребята, хотел, чтобы Галя пошла с нами в поход...

А поезд все мчался, колеса вагона мерно стучали. За окном в полной тьме мелькал совсем черный лес. Ребята спали, кто сидя, кто лежа на скамьях...

Глава пятая

ГОРОД ВЛАДИМИР

Еще перед нашим отъездом Николай Викторович связался по телефону с Владимирской областной туристской станцией. Там устроимся ночевать.

Мы приехали во Владимир ночью. Вокзальная площадь была пустынна, дремали темные автобусы, молчаливые дома стояли один за другим... Немногие случайные прохожие объяснили нам, как пройти. Мы двигались молча, беспорядочной толпой, хотелось спать. Лида ковыляла сзади всех с закрытыми глазами. Слева и справа стояли дома, большей частью белые, каменные, с магазинами в нижних этажах.

Идти ночью по обезлюдевшим улицам незнакомого города было немного страшно и вместе с тем любопытно.

Прямо посреди улицы неожиданно возникло перед нами большое белое, не похожее ни на какие другие постройки здание.

Высокая арка соединяла две могучие башни с маленькими оконцами. Эту не то церковь, не то сказочный терем из тридевятого царства венчал золотой купол, исчезавший в высоте, в таинственной тьме ночи.

Такова была знаменитая крепость двенадцатого века — Золотые Ворота, построенные еще Андреем Боголюбским. Ни один враг никогда не сумел взять их приступом. Даже в страшные дни татарского нашествия, когда хан Батый жег Владимир, здесь, в башнях Золотых Ворот, грудью оборонялись отважные русские дружинники и выстояли против полчищ завоевателей.

Наконец после долгих блужданий мы нашли в тихом полутемном переулке туристскую станцию. Молчаливая, заспанная старушка открыла нам дверь, зажгла свет, показала две комнаты. В каждой комнате стояли в два ряда койки, покрытые серыми одеялами.

— Девочки, — крикнул Николай Викторович, — быстренько заходите и сейчас же спать! Если начнете хихикать...

Какое там хихикать — половина девочек спала стоя.

Мы с мальчиками направились в соседнюю комнату.

— Нас семнадцать, а коек пятнадцать... Кому-то придется спать на полу.— Николай Викторович оглядел ребят.

Черноглазый Миша выскочил вперед, поднял руку:

— Можно, я буду спать на полу?

За Мишей выдвинулся белобрысый Вова, за Вовой — еще двое.

— Я тоже хочу на полу!..

— И я!..

— И я!..

Все мальчики, кроме Гриши, Васи и Ленечки, решили устроиться на полу. Гриша и Вася, как начальники, выбрали самые лучшие места у дальнего окна.

А Ленечка удивленно пожал плечами и изрек бесспорную истину:

— Зачем я буду спать на полу, когда столько свободных кроватей?

Остальные мальчики сдвинули койки к одной стене, сняли

с них матрасы и прочее, устроили себе на полу постели и улеглись все подряд.

Утром Миша оглушительно продудел «подъем» в свой кулак-рожок. Все умчались во двор на утреннюю зарядку; я повернулся на другой бок и задремал.

Не успел я забыться, как все девочки с пронзительным визгом, хлопая дверью, влетели в нашу спальню.

— Доктор спит, не видите, что ли! — крикнул на всю комнату Вова.

— Он нам так нужен,— с дрожью в голосе ответила одна из девочек.

Я сразу понял: они прибежали узнать, скоро ли я встану, и, наверное, хотели еще раз замолвить словечко за свою подругу. Они снова затопали босыми ногами мимо моей койки и выскочили в коридор.

Делать нечего, приходится вставать.

Я неторопливо оделся, умылся в сенях из рукомойника и вошел в соседнюю комнату.

За длинным столом сидели все наши и, собираясь завтракать, о чем-то возбужденно разговаривали. Как только я вошел, все моментально стихли.

Я поздоровался; мне сдержанно ответили и сказали, что бабушка-сторожиха любезно предоставила для медицинского осмотра свою комнату.

Мы пошли: бабушка впереди, потом очень бледная Галя, потом я, потом Танечка как консультант.

Николай Викторович кинул мне вслед:

— Вы не очень-то верьте этой болтушке. Учтите: она врет больше, чем все наши девочки, вместе взятые.

— Пожалейте, девчоночку,— улыбаясь, прошептала сморщенная бабушка-сторожиха, закрывая за нами дверь.

Выслушивая Галю, я понял, почему школьный врач запретила ей идти в поход. Дело было не только в безопасном «функциональном» шуме в сердце. Просто девочка была слабенькая, малокровная, узкогрудая. Да ведь таким-то туристский поход особенно полезен. К сожалению, не все врачи это сознают. Правда, меня несколько смущала Галина простуда — сильный насморк. Но Галя давала честное пионерское, что насморк у нее начался только вчера. «От сильных переживаний», как она старалась меня уверить.

И я решил: буду за Галей следить, и вернется она из похода неузнаваемо окрепшая.

Я нарочно сделал сердитое лицо и заворчал:

— Не мочить ног, не бегать босиком, не перегреваться на солнце, не ходить в мокрой одежде, без моего разрешения не купаться.

Галя, глядя на меня своими лучистыми, безмерно счастливыми глазами, покорно повторяла:

— Обещаю, обещаю...

Мы вернулись к своим. Они по-прежнему сидели за столом; перед каждым была миска. По нашим сияющим лицам все тотчас же догадались, как решилась Галина судьба.

Какими ликующими криками и смехом встретили нас ребята, иные девочки даже повскакивали с мест и бросились обнимать подругу.

— Ура-аа-а! Галя с нами пойдет! — закричал Миша.

— Николай Викторович, у меня колбаса может испортиться, — неожиданно сказала Галя.

— Ах, да-да-да! Ты хвасталась, у тебя колбаса мировая, — засмеялся Николай Викторович.

Миша и Вася бросились к вещам, сложенным в кучу, выкопали снизу коричневый рюкзак, бесцеремонно залезли в него. Гриша стал резать колбасу.

— Николай Викторович, а деньги у меня возьмете? — попросила Галя.

— А как же! Давай сюда десятку, а семьдесят копеек оставь себе на мороженое.

Насупившаяся Лида между тем раздавала манную кашу из ведра.

— Вам каши побольше положить?

— Да, пожалуйста, — ответил я и протянул миску Лиде.

Манную кашу я вообще очень люблю, а сегодня она имела такой заманчивый кофейный оттенок.

Но когда я проглотил первую ложку, то понял происхождение этого оттенка. Каша безнадежно подгорела, и вторая ложка застряла на полдороге между миской и моим ртом.

— Вот видишь, доктор тоже морщится. — Николай Викторович гневно взглянул на Лиду.

Взглянул на Лиду и я. Она была вся пунцовая. Я пожалел оплошавшую дежурную и через силу начал есть.

Все ребята молча жевали один хлеб.

— За такой завтрак надо строгий выговор, — проворчал Гриша.

— Я не виновата, что электроплитка... никогда в жизни...— Голос Лиды задрожал, она готова была разрыдаться.

— Пока не доедите каши, не встанете из-за стола. Что это такое — колбасу за две минуты, а кашу и не начинали? — повысил голос Николай Викторович.— Имейте в виду, каша стынет и с каждой минутой делается все более невкусной.

— Девочки, давайте есть, ничего не поделаешь,— вздохнула Лариса Примерная и наклонилась над миской.

Кое-кто, бурча себе под нос, тоже стал шевелить ложкой в каше. Со всех мест послышалось негромкое позвякивание ложками. Первой встала Лариса Примерная. Лицо ее одновременно выражало и страдание и самодовольство. Дескать, посмотрите на меня, какая я хорошая, я силком заставила себя проглотить такую невкусную кашу.

В конце концов, грустно вздыхая, доели кашу все, кроме Гали. Она даже не дотронулась до миски.

Николай Викторович пересел на другое место, напротив Гали.

— Ты что? И не начинала?

Галя взглянула на него и молча опустила глаза.

— Все тебя ждут.

— Галька, давай кончай как-нибудь,— сказал Миша.

Галя только подняла одну бровь, взглянула на Мишу и вновь опустила глаза.

— Я никогда не ела, даже с изюмом, а тут эту подгорелую,— негромко, но упрямо бросила Галя.

— А ты что доктору обещала? — строго спросил Николай Викторович.

— Так это я про мокрые ноги, про купание, а насчет манной каши мы не договаривались.

— Будешь есть манную кашу?

— Нет, не буду.

— Будешь?

— Не буду.

— Ребята, придется нам подождать, пока наша Принцесса не кончит завтракать.— Николай Викторович встал.— Иду звонить в музей.

Как только он вышел из комнаты, Миша крикнул:

— Лидка, выручай.

Лидка кротко вздохнула, села за стол и взяла ложку.

Николай Викторович вернулся.

— Экскурсовод нас ждет, будет показывать музей.

Вдруг он увидел невозмутимо чавкающую Лиду. Он на миг остановился, кашлянул.

— Гриша, давай команду строиться! — приказал Николай Викторович, искоса взглянул на Галю и вышел во двор.

За ним последовали мы все.

Николай Викторович вызвал вперед Галю и деревянным голосом начал:

— За отказ съесть завтрак, который все остальные нашли очень вкусным, объявляю выговор и предупреждаю, что в случае повторения подобных капризов будут приняты более строгие меры.

Галя как ни в чем не бывало вернулась в строй. Ее лицо не выражало ничего.

В эту минуту вышла на крыльцо Лида, вытирая губы платочком и облизываясь.

Николай Викторович посмотрел на нее и продолжал тем же деревянным голосом:

— За нерадивое отношение к своим обязанностям ответственного дежурного, выразившееся в изготовлении недоброкачественного завтрака, объявляю выговор. — Николай Викторович на секунду остановился. — Одновременно за добровольное уничтожение подгорелой манной каши объявляю благодарность, — закончил он.

Громкий хохот всех ребят приветствовал Лиду.

— Отряд, в музей! Шагом марш! — крикнул Гриша.

* * *

Молодая, сухощавая брюнетка-экскурсовод рассказывала просто и понятно и сумела нас увлечь. Ребята шли за нею, не отставая, по залам музея, внимательно слушали объяснения.

Вся история города Владимира прошла перед нашими глазами. В первой витрине мы увидели древнейшие глиняные черепки, кремневые ножи, наконечники для стрел и многое другое, найденное в раскопанных курганах и городищах. А в последнем зале стоял настоящий, очень чистенький, свежеращенный трактор.

— Пойдемте смотреть старину, — сказала экскурсовод и повела нас к выходу из музея.

Мы очутились на краю высокой горы.

Но не старину мы увидели прежде всего, а раскинутый

внизу и по соседним холмам огромный промышленный город со многими высокими зданиями, белыми и желтыми, весь в зеленых садах. Голенастые краны вздымали кое-где на стройках свои журавлиные шеи; белый дым клубился из черных труб заводов...

И только здесь, рядом с нами, по обеим сторонам длинного и желтого дома высились белокаменные соборы, направо — пятиглавый Успенский, налево — одноглавый Дмитриевский. Стары были соборы: один стоял семь с половиной веков, другой — восемь; много событий видели их белые стены... А сейчас мимо проносились автомашины, торопились по своим делам прохожие, да мы, московские туристы, разинув рты глядели на великолепные творения древнерусских зодчих.

Мы узнали, что купола бывают шлемовидные, ровно закругляющиеся, как шлем древнерусского богатыря, и луковичные, более вытянутые вверх и одновременно выпуклые с боков.

Серебряные купола соборов были шлемовидные. Будто богатыри русские поднялись верхом на конях на высокую гору и встали над обрывом — пять в одном месте и один на отлете.

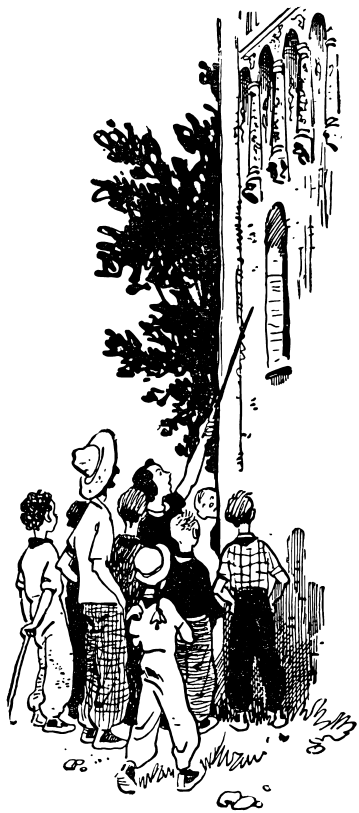
Экскурсовод подвела нас к Успенскому собору. Здесь, когда татары напали на Владимир, заперлась великокняжеская семья и многие женщины, дети и старики. Мы услышали страшный рассказ: враги не смогли пробить железные кованые двери собора, разложили под окнами костры, и все, бывшие внутри, задохнулись от дыма и погибли. Потом татары ушли, и несчастных похоронили под полом собора. Когда несколько лет назад вскрыли могилы, останки младенцев оказались завернутыми в берестяные полотнища.

— Берестяные? — переспросил я.

— К сожалению, — продолжала экскурсовод, — могилы вскрывали еще до новгородских находок. Младенцев вновь похоронили, а куски бересты исчезли неизвестно куда. Никто не догадался поискать, нет ли на них процарапанных надписей.

Мы с Николаем Викторовичем только молча переглянулись. Он принялся фотографировать собор, а Лариса Примерная записывать в свой дневник все, что услышала. Затем мы направились к одноглавому белокаменному Дмитриевскому собору.

Наверху, под крышей собора, шел ряд камней с изобра-

жениями святых, ниже по всем стенам сверху донизу на каждом отдельном камне были вырезаны бесчисленные звери и птицы. Я обошел здание кругом. Каких только я не увидел сказочных драконов, грифонов, кентавров, треххвостых львов, странных птиц. Мастера старались один перед другим: кто затайливее, прекраснее, тоньше высечет на камне чудище.

«А если,— думалось мне,— безвестные мастера-камнесечцы создавали такие удивительные существа, значит, в те времена пелись песни, сказки сказывались о таких зверях и птицах. А может, нашелся мудрый человек, который записал на пергаменте или на бересте древние сказания? Неужели за восемь веков погибли все записи?..»

Где-то на западе из далекой голубой лесной дымки возникала Клязьма. Она текла на восток по лугам и меж кустами, подходила под нашу гору и вновь исчезала в голубой дымке.

А за рекой, по холмам и ложбинам, тянулись темно-зеленые леса, кое-где проглядывали деревни, рисовалась на фоне облаков тонкая черточка фабричной трубы...

Ребята притихли и смотрели кто на реку, кто на лесные дали, кто на современный город, выросший внизу и по холмам.

Одна Лариса Примерная никуда не смотрела: она уткнулась в свой дневник...

И хотелось верить, да наверняка оно так и было, среди нынешних строителей вон тех заводов и тех белых и желтых жилых зданий Владимира немало имелось потомков прежних талантливых умельцев.

— Расскажите что-нибудь таинственное, историческое,— попросила Танечка.

— А ведь есть одна такая загадочная, но вполне достоверная история,— засмеялась экскурсовод.

Вот что она нам рассказала:

— В начале пятнадцатого века татары напали на Владимир. Церковный ключарь Патрикей ночью собрал ризы с икон в драгоценных каменьях, священную утварь, сосуды серебряные и золотые, старинные книги, вынул один из камней в стене Успенского собора и замуровал за этим камнем все драгоценности. Татары, когда взяли Владимир, узнали о спрятанных сокровищах, схватили Патрикея и стали пытаться: они жарили его на сковороде, забивали под ногти щепки и гвозди, в конце концов привязали несчастного за ноги к конскому хвосту и пустили коня вскачь. Патрикей умер, не сказав ни слова. С тех пор в течение многих лет делались попытки разыскать клад Патрикея, но до сих пор никто ничего не сумел найти.

Я был просто ошеломлен:

— Как! В самый первый день нашего похода, и вдруг мы узнаем, что буквально в десяти шагах спрятаны драгоценности и книги, может быть, даже березовые книги!

Ребята переглянулись между собой, подтолкнули друг друга локтями.

— Вряд ли клад был высоко замурован,— задумчиво сказал Николай Викторович,— скорее, в нижних рядах камней спрятано.

— А давайте попробуем искать,— предложил Миша.

— А если топорами простукать подряд по всем камням? Как пустота — значит, стой! Что-то есть! — предложил Гриша.

— Мальчик, учти,— заметила экскурсовод,— во время постройки собора кладка велась одновременно в две стены, и снаружи и внутри, а середину засыпали мусором и щебнем, потом заливали известковым раствором. Пустоты нигде нет.

— А мы все-таки попробуем, сперва хоть один ряд простукаем,— не унимался Миша.

— А если вы вздумаете стучать, да еще топором,— рассердилась экскурсовод,— вашим руководителям будут очень большие неприятности. Эти соборы — замечательные памятники древнерусского искусства, недавно их восстановили такими, какими они были до татарского нашествия. Памятники старины беречь надо, а не портить.

Я вновь взглянул на соборы. Издали особенно прекрасны-

ми казались их удивительно четкие и стройные очертания. Да, экскурсовод права: это величайшее варварство — даже дотронуться обухом топора до белых камней их стен.

— А если вам очень хочется что-нибудь искать, идите вон туда, в сквер.— Экскурсовод показала на юные топольки за голубым палисадником.— Увидите большую яму, где-нибудь возле ямы обязательно ходит наш археолог. Он в соломенной шляпе, в сером костюме. Он ведет раскопки.

Ребята помчались, забыв даже сказать «спасибо». Николай Викторович сердечно поблагодарил экскурсовода, и мы распрощались с нею. Обидно было отступать от клада ключаря Патрикаея, но что же делать: я не видел никаких возможностей поисков.

И действительно, в сквере мы увидели археолога, еще не старого человека, с желтоватым, болезненным лицом, с прищуренными глазами. Он задумчиво стоял на краю небольшого котлована, глубиной около трех метров. На дне котлована кое-где торчали колышки с номерами.

— Здравствуйте, нам сказали, вы ведете тут раскопки,— обратился к археологу Николай Викторович.

— Да, веду, но сегодня у рабочих выходной день,— сухо ответил тот.— А в чем дело?

— Мы московские туристы,— сказал Николай Викторович.— Хотите, мы вам будем копать?

— Копать? — Лицо археолога ожило.— Если вы желаете потрудиться для науки, пожалуйста!

— Мы собираемся организовать школьный музей,— сказал Николай Викторович,— вы не могли бы...

Археолог нахмурился и замотал головой:

— Нет, я разрешу копать только при условии, что вы все найденные предметы передадите мне.

— А не объясните ли вы нам, что вы ищете? — спросил я.

Археолог, словно нехотя, рассказал нам, что недавно стали копать тут яму для телефонного столба. Один из музейных работников случайно проходил мимо, заглянул и увидел так называемый культурный слой. Археолог протянул палец по направлению котлована. На его дне, возле светло-желтого песка, мы ясно увидели более темные, неправильной формы пятна. Мы узнали, что светлый песок — это естественный грунт, там, разумеется, искать нечего, а темные пятна — это и есть культурный слой: весь тот мусор, который за сотни лет накопился вокруг человеческого жилья. Много веков подряд

люди выбрасывали остатки пищи, разбитую посуду или теряли какие-нибудь предметы — монеты, рыболовные крючки, бусины, пуговицы, разные украшения. А теперь археологи находят все то, что не успело сгнить.

Мы наклонились и увидели дно когда-то выкопанной тут землянки. Землянка состояла из трех комнат. Археолог показал колышки. Я следил за движениями его рук, мысленно соединяя отдельные колышки линиями. И тут неожиданно эти неопределенной формы темные пятна превратились в три прямоугольника.

— Подождите, никак не успеваю записывать,— жалобно попросила Лариса Примерная.

Археолог не расслышал мольбы Ларисы и объяснил нам, что по найденным характерным голубовато-зеленым бусам и по немногим черепкам посуды землянку можно отнести к двенадцатому веку. Судя по обнаруженным углям, землянка сгорела, видимо, во время татарского нашествия.

Лопат, спрятанных в кустах, было три. Николай Викторович, Гриша и Миша начали копать осторожно, только там, где виднелся темный грунт — культурный слой,— и каждую вынутую горсть земли передавали на лопате наверх. Остальные ребята тщательно перебирали землю между пальцами, стараясь не пропустить даже самый маленький твердый комочек. С горящими глазами все молча расселись по краям котлована.

Я подошел к археологу и спросил его:

— Скажите, пожалуйста, а берестяные грамоты вам не попадались?

— Разумеется, нет! Какие могут быть грамоты во Владимирской области? — сказал археолог и презрительно пожал плечами.

У меня захватило дыхание.

— Но почему же? Ведь вот в Новгороде..

— В Новгороде совершенно другое дело. Береста в земле сохраняется только в том случае, когда постоянно очень сухо или когда постоянно очень сыро. А здесь, в песке и суглинке, где так близки подпочвенные воды, уровень коих то поднимается, то вновь опускается, конечно, ничего не сохранится.

Я не считал себя побежденным:

— Позвольте, а как же младенцы, погибшие в Успенском соборе? Ведь они были завернуты в бересту.

— Совершенно верно: под полом собора всегда было абсолютно сухо,— начиная раздражаться, ответил археолог,—

Да хотя бы эта землянка. Она, несомненно, стояла на деревянных, возможно, даже дубовых столбах. Но, как видите, никаких следов дерева не сохранилось.

— А что вы скажете о библиотеке Константина?

— Библиотека Константина вся сгорела во время одного из многочисленных пожаров. Это очевидная истина,— равнодушно пожал плечами археолог, и вдруг, не окончив фразы, неожиданно заторопился к ребятам, которые, собравшись в кучу и сидя на корточках, что-то разглядывали.

— Дайте сюда! — потребовал археолог.

Девочки протянули ему что-то.

— Иголка! — Желтое лицо археолога просветлело. — Пожалуйста, осторожнее! — предупредил он копавших.

Эта ржавая иголка, пролежавшая в земле восемьсот лет, напоминала прошлогоднюю, полусгнившую сосновую иглу. Даже нельзя было понять, с какого конца было ушко.

«А пожалуй, в стогу сена легче отыскать иголку», — подумал я.

Вскоре Вова передал грязный круглый камешек.

Археолог вынул из кармана зубную щетку, расчистил находку и показал нам большую зеленоватую бусину.

Ребята искали в земле сосредоточенно и молча, только пальцы их быстро двигались.

Ко мне подошла Лида.

— Обедать пора, а они всё копают,— хмуро сказала она.

— До самого вечера будем копать, потом обедать,— отмахнулся Миша.

Остальные молча и с еще бóльшим усердием продолжали перебирать комочки земли.

Нашли еще семь иголок, пять бусин и остатки гребня.

Археолог бегал то к одному, то к другому, находки тут же заворачивал в газеты, что-то записывал и прятал пакетики в маленький чемоданчик.

— Ну, довольно, уже три часа. Благодарю вас! — Он пожал мне руку, видимо считая меня за начальника, и, несколько волнуясь, добавил: — Между прочим, ваши поиски оказались весьма удачными: вы подтвердили правильность некоторых моих предположений. Отсутствие остатков кухни и, наоборот, наличие типично женских предметов, найденных вами в землянке, особенно несколько иголок, доказывают, что здесь в двенадцатом веке существовало не жилье, а, возможно, княжеская швейная мастерская. Ведь дворец Всеволо-

да Большое Гнездо стоял тут, недалеко, — он показал рукой, — где теперь выстроен этот длинный трехэтажный дом.

Вежливо приподняв соломенную шляпу, археолог распрощался с нами и зашагал к калитке.

А мы заторопились в столовую. Ребята шли и весело болтали с Николаем Викторовичем, обмениваясь впечатлениями о раскопках.

Я брел сзади, низко опустив голову. Хорошо, что никто, кроме меня, не слышал разочаровывающих слов археолога о березовых книгах и о библиотеке Константина.

Глава шестая

ОБ АНДРЕЕ БОГОЛЮБСКОМ

Еще Тычинка настоятельно советовал побывать в Боголюбове, где сохранилась часть великокняжеского дворца двенадцатого века, построенного Андреем Боголюбским, и находится замечательный памятник архитектуры того времени — церковь Покрова на Нерли. Не нападем ли мы там на следы березовых книг?

Ехали мы, ехали на автобусе по асфальтовому шоссе и все не могли выехать из Владимира. Кончался один завод, начинался другой. Из-за свежей зелени тополевых аллей виднелись то многоэтажные корпуса цехов с широкими, горевшими на солнце стеклами окон, то какие-то высокие металлические сооружения, то горы каменного угля...

Доброе село упоминается в летописях с тринадцатого века — там велись раскопки древнего городища. А какое же это было село — все тот же огромный и нарядный новый Владимир. Веселые и светлые высокие дома с яркими вывесками магазинов мелькали за окнами автобуса. А недавно возле последней троллейбусной остановки экскаватор неожиданно выкопал захоронение древнейшего во всей Владимирской области человека, жившего десятки тысяч лет назад.

Наконец приехали мы в Боголюбове, тоже современный город, и только там, на задворках монастыря, сзади белого здания школы, отыскивали старину.

Какая-то бабушка вышла из-за угла Госбанка, отирая о фартук руки.

— Сторожем я при музее. Пойдемте за мной, покажу вам,— заговорила она с сильным ударением на «о».

Ребята засмеялись, услышав непривычное владимирское оканье, засмеялась и бабушка. Маленькие, живые глазки ее ласково оглядели нас.

— Откуда вы, граждане хорошие?

— Московские мы, московские,— нарочно так же на «о» ответил Николай Викторович.

— Вот дворец Ондreja Боголюбского,— показала сторожиха.

Я всегда считал: раз дворец — значит, это нечто огромное, со множеством окон, с массой вычурных украшений, с роскошными залами... А тут за палисадником запрятался небольшой, с узкими оконцами, белокаменный двухэтажный терем.

Украшений на нем почти не было; только поперек стен шел выпуклый пояс с маленькими полуколонками, свисавшими вниз. Оконца разместились как будто беспорядочно: то здесь одно, то там два вместе.

Бабушка тут же нам объяснила, что сам дворец давно был разрушен до основания, а от старины сохранились только сени дворца и башни перехода к собору; сам собор тоже давно погиб.

Вид очень портила колокольня, воздвигнутая над этими сенями вместо уничтоженной крыши. Впрочем, сразу можно было догадаться, где сохранилась истинная старина, где в прошлом столетии надстроили безвкусицу.

Я припоминал свои знания по русской истории: когда-то отец Ондreja — Юрий Долгорукий — убил боярина Степана Кучку, владевшего землями по Москве-реке. На месте усадьбы убитого боярина Юрий основал небольшую крепость Москву, а сыновей Кучковичей принял в свою дружину. Кучковичи, казалось бы, верно служили Юрию, а впоследствии сыну его — Ондрею; но в сердцах своих они таили злобу и месть... Ондрей, прозванный Боголюбским, основал на северо-востоке Руси сильное государство. Города Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Муром — все земли между Окой и Волгой были под его властью. Но Кучковичам и другим боярам не по нраву пришлось тяжелая рука Ондreja...

Ребята между тем обступили бабушку, и она начала рассказывать:

— А они-то, братья Кучковичи, шурьями приходились Ондрею. Их сестра Улита была за ним замужем. Кучковичи и по-

вели меж собой такой разговор: «Князь-то Ондрей приказал нашего брата¹, тоже Кучковича, зарубить, значит, и до нас доберется». Анбал, ключник, с вечера пролез в княжьи покои и выкрал меч Ондреев. Ондрей этот меч всегда на ночь возле своей постели клал. Их, злодеев, было человек, верно, двадцать. Подошли они к этой дверце...

Мы, юные туристы, пройдя под тяжелыми сводами перехода, с невольным трепетом так же подошли к этой самой, маленькой, вросшей в землю железной дверце. В величайшей спешке Лариса Примерная застрочила в своем дневнике.

— ...Враги стали стучать. Ондрей изнутри спрашивает: «Кто там?» А какой-то из злодеев говорит: «Это я, Прокопий». А Прокопий был самый верный слуга князя, только злодей Анбал услал Прокопия в ту ночь во Владимир. Ондрей и открыл дверь...

Сторожиха огромным, размером с полено, ключом открыла эту самую, массивную железную дверь. Мы увидели узкую, крутую лестницу с поворотами, с узкими, крошечными оконцами то справа, то слева. Каменные ступени, исчезающие в полутьме, вели в верхние покои. Мы стали медленно подниматься по лестнице...

Бабушка продолжала рассказывать, как здесь, на этих ступеньках, и выше, в первой горнице, завязалось страшное побоище двадцати вооруженных против одного безоружного. В тесноте злодеи не могли наброситься на свою жертву все вместе. Андрею удалось выхватить меч у одного из убийц и тяжело его ранить.

¹ Б р а т а н — двоюродный брат.

Но враги перебили Андрею руку, перебили ногу, ударили мечом по голове. Он упал, потеряв сознание. Враги сочли его мертвым, спустились во двор. Андрей между тем очнулся, пополз вниз по лестнице и спрятался в небольшой нише стены...

Сторожиха показала нам эту историческую нишу. Мы увидели засохший березовый веник, прислоненный к задней стенке ниши.

— Никак не успеваю записывать,— простонала Лариса Примерная.

— И не записывай! — огрызнулся на нее Миша.— Только слушать мешаешь.

Враги, видимо, желая ограбить, вторично поднялись по лестнице и, не найдя трупа Андрея, испугались. При свете факелов по кровавым следам обнаружили они в нише раненого, выволокли его во двор и там добили. Тело несчастного шесть дней пролежало в огороде, пока его не похоронили.

Владимирские горожане жестоко расправились с убийцами: они поймали их, связали, положили в просмоленные гробы и бросили в озеро, которое называется поэтому Плавучим. А княгиню Улиту, подозреваемую в соучастии, утопили в другом озере. И с тех пор то озеро называется Поганым.

Бабушка так картинно рассказывала, с такой уверенностью водила нас по всем тем закоулкам, где шел смертный бой, точно жуткое убийство произошло не в 1174 году, а совсем недавно, и она сама видела обезображенный труп Андрея и хоронила его.

Мы притихли, подавленные этим рассказом, и направились смотреть две низкие полутемные, холодные и такие неуютные горницы дворцовых сеней со сводчатыми расписными потолками, с толстыми, чуть ли не метровой толщины, такими же расписными стенами, увидели замурованную дверь, которая когда-то вела в исчезнувший дворец Андрея. Потом мы вновь спустились во двор. Хватит с нас этих ужасов!..

Бабушка нам показала, где несколько лет назад велись раскопки.

Возле древней стены увидели мы траншеи глубиной свыше двух метров. На дне траншеи различались каменные плиты — мостовая двенадцатого века.

Сейчас и сени и башня перехода как бы вросли в землю. Чтобы войти внутрь, мы спустились на две ступеньки вниз. А раньше какими они казались высокими! Тут, несомненно,

стояло ныне не существующее крыльцо. Конечно, оно было резное, из того же белого камня, с острым чешуйчатым деревянным верхом... А равнодушные к старине монахи, когда крыльцо начало разрушаться от времени, не стали его подновлять, а безжалостно снесли, так же как снесли сам дворец...

Бабушка, видя, что мы ее внимательно слушаем, вошла во вкус и принялась рассказывать о раскопках.

— Тут копали студенты и нашли разные железки, бусины, черепки, монеты и костяное шило.

— Это не шило, это чтобы писать на бересте! — воскликнул Миша.

Спросили мы бабушку о березовых книгах и о берестяных свитках, скатанных в трубочки.

Наш вопрос несколько ее не удивил. Она тут же начала рассказывать, что произошло на Руси после убийства Андрея Боголюбского.

Два года во владимирской земле была великая смута. Рязанские князья, воспользовавшись беспорядками, напали на Владимир, забрали разные драгоценности, в том числе и книги, и увезли к себе. Но потом, когда великокняжеский престол занял младший брат Андрея — Всеволод Большое Гнездо, — он заставил рязанцев вернуть все эти драгоценности. Но какие там были книги, березовые или другие, — этого бабушка не запомнила.

— А то костяное шило где? — спросил Гриша.

Бабушка ответила, что шило взял начальник над раскопками, Аркадий Данилович Курганов. Он сейчас в Суздале живет, только вы от него все равно никакого толку не добьетесь. Он-то, Аркадий Данилович, ведь совсем глухой.

Бабушка призналась, откуда у нее такие богатейшие сведения из русской истории и откуда она знает такие подробности убийства Андрея Боголюбского: тот же Курганов много раз привозил сюда экскурсантов из Владимира, из Москвы и даже из Америки, и она всегда с большим интересом слушала его рассказы.

Лариса Примерная, потерявшая было надежду что-либо занести в свой дневник, тотчас же записала фамилию Курганова.

— Нашел! — раздался гулкий крик откуда-то снизу. Мы все бросились бежать. Я почувствовал, как у меня екнуло сердце.

Траншея раскопок заворачивала за угол. Там под башней виднелась черная дыра. Оттуда-то и вылезал сейчас Миша.

— Смотрите! — победно закричал он и протянул нам снизу большой, свернутый спиралью бараний рог.

Николай Викторович засмеялся:

— Ну вот, барана зарезали, из головы холодец сварили, а рог бросили.

— Я рог нашел на каменном полу двенадцатого века, значит... — не задумываясь, воскликнул Миша, — значит, э-э-э, это первый экспонат нашего музея!

— Так весь поход и потащишь? — усомнилась Лариса Примерная. — Тебе никто помогать не будет.

— Так и потащу! — заупрямился Миша.

На этом мы распрощались со сторожихой. Она показала нам, как пройти к церкви Покрова на Нерли.

Глава седьмая

ДВЕ ЭПОХИ

Уже солнце клонилось к закату. Мы двигались цепочкой один за другим. Кроме одеяла, белья, чего-нибудь теплого и других личных вещей, мы несли за спиной трехдневный запас продуктов — консервные банки, крупу, сахар, компот, хлеб. В руках у нас были свернутые в чехлы восемь палаток да еще три громадных кастрюли, четыре ведра, сумка с медикаментами, топоры, саперные лопатки. За плечами я ощущал весьма и весьма солидную тяжесть.

И все-таки... И все-таки, несмотря на впивающиеся в плечи лямки рюкзака, до чего же мне было хорошо и легко на душе!

О Москве не хотелось и думать.

Возле станции мы перешли рельсы и зашагали по маленькой тропинке через нескошенный луг. Слева виднелись два моста — один шоссейный, другой железнодорожный. Там текла невидимая Нерль, впадавшая где-то недалеко в Клязьму. Качались от ветра колокольчики, ромашки, розовые луговые васильки, желтые бубенчики. Бабочки летали с цветка на цветок. Стрижи носились высоко в небе. Животворящий воздух, насыщенный запахами травы и цветов, свободно входил в легкие...

Мы двигались один за другим. У девочек на головах были шапочки и косынки, у мальчиков — панамки и бумажные колпаки. Никто из нас не говорил ни слова — все понимали важность этого часа: началось наше странствие пешком.

Нерли по-прежнему не было видно: она угадывалась налево, совсем недалеко, где росли ветлы на ее берегу.

Поперек речной поймы шли мачты линии высоковольтной передачи. Словно древний богатырь наставил на лугу вереницу огромных и воздушных кружевных башен. Эти башни появлялись со стороны Владимира, перешагивали через Нерль и исчезали за лесом, возле той дальней фабрики.

Вдруг впереди, в небольшой рощице, мелькнуло что-то ослепительно белое и ослепительно золотое.

Белокаменная, с большим золотым куполом над крышей, церковь стояла окруженная группой столетних ветвистых вязов на берегу небольшого озера и гляделась в его зеленые, покрытые ряской воды. Белые водяные лилии и золотые кувшинки заслоняли опрокинутое отражение белых стен, золотого купола и темных ветвей вязов.

Мы подошли ближе.

Справа от высокой узкой двери я увидел белую мраморную доску с надписью:

Церковь Покрова на Нерли
построена в 1158—1165 гг.
Всемирно известный памятник
древнерусского зодчества

Я обошел вокруг церкви. Все четыре стены ее были удивительно просты, почти без украшений, преобладали вертикальные линии с полукружиями под крышей. Длинные, очень узкие окна, маленькие выпуклые полуколонки-пояски — все было удлиненной формы, как бы устремлено вверх.

Сзади церкви стояла одна из мачт линии электропередачи. Ее железные, удивительно легкие очертания также устремлялись к небу.

Это соединение двух столь различных эпох нисколько не резало глаз, наоборот, оно было совершенно, было прекрасно...

Мы сбросили рюкзаки. Кто сел, кто остался стоять. Все молчали.

— А где мы будем ночевать? — неожиданно спросил Лечка.

Да, вопрос был очень существенный. Ничего не поделаешь: пришлось нам спуститься на землю из царства сказок.

Рядом стояло два кирпичных дома, в одном жил сторож, а другой пустовал.

— Может, в палатках лучше? — нерешительно предложил Вова.

— Ну да, в палатках! — подхватил Вася.

— Погода совсем не жаркая, а Галя простужена, — твердо сказал я. — Она в палатке спать не может. А остальным совершенно все равно — в этом ли помещении или в палатках.

— Нет! — гневно ответила Лариса Примерная. — Мы Галю одну никуда не отпустим. Где она, там и остальные девочки.

Мальчики о чем-то оживленно зашептались. Миша горячо заспорил с Васей.

А бедная Галя, стоя в сторонке, наклонилась над своим рюкзаком. Конечно, ей были очень неприятны и очень обидны такие споры.

В конце концов солидарность с девочками победила. Мы великолепно переночуем в доме на полу. Все поместимся. Нарвем травы на подстилку, сверху разложим палатки, будет мягко и очень удобно.

За ночь погода сильно испортилась, подул сильный холодный ветер, с запада надвинулись низкие свинцовые облака, того и гляди, начнет накрапывать дождь.

Утром, после подъема, Николай Викторович заставил ребят скинуть куртки, шаровары, тапочки. Следом за ним вся команда помчалась вокруг церкви, мимо мачты, завернула к реке, закрутилась по мокрому лугу, подбежала к берегу. Николай

Викторович скинул майку и прыгнул в воду. Только Вова и Миша решились последовать его примеру. Озябшие девочки встали рядком, как овечки. Наконец все бегом вернулись к костру и сели завтракать.

После завтрака Гриша созвал внеочередное заседание штаба. Он предложил утвердить Мишу в должности директора будущего школьного музея. Миша больше всех интересуется раскопками, бегает, ищет, старается; нашел, например, бараний рог.

Принимая новую должность, Миша мне подмигнул, и я понял: раз он согласился весь поход нести тяжелый и, помимо, совершенно ненужный бараний рог, значит, он будет самым деятельным изыскателем березовых книг.

Вдруг за деревьями послышались чьи-то оживленные голоса.

Посланный на разведку Миша вскоре вернулся с широко открытыми глазами. Зелень травы испачкала спереди его майку и шаровары.

— Какие-то дяденьки на грузовике приехали,— задыхаясь от возбуждения, повторял он.

Ему удалось подползти совсем близко. Он увидел, что дяденьки выгружают...

— Да идемте, идемте скорее!

Мы тотчас же вскочили, плотной толпой двинулись следом за Мишей и увидели крытую грузовую машину. Несколько мужчин нагнулись над двумя таинственными приборами, напоминавшими соединенные между собой попарно «огнетушители».

Трое было одето в синие комбинезоны, а четвертый, высокий, черноволосый, в одни только огненно-красные плавки. Мы подошли поближе, заметили в чемоданчиках еще какие-то приборы...

Что собирались тут делать эти приезжие? Главным начальником у них, несомненно, был тот, высокий, голый, с толстым животом: он разговаривал громче всех, жестикулировал, расправлялся.

— А вон еще двое,— указала Галя.

В стороне стоял сутулый, пожилой человек, одетый в потертый серый костюм, и, прищурясь на церковь, с увлечением что-то объяснял худошавому юноше в ковбойке.

— Профессор, идите же, без вас мы не можем начинать съемку,— с раздражением позвал человек в плавках.

— Ага! — догадался Николай Викторович. — Это кино-съемка, а люди в синем — кинооператоры.

Пожилой, которого назвали профессором, недовольно оглянулся и продолжал увлеченно рассказывать.

Человек в плавках пожал плечами, сел на траву, открыл один из чемоданчиков и всунул ноги в длинные темно-зеленые ласты, напоминавшие лапы гигантских лягушек. За спиной ему укрепили на манер рюкзака эти «огнетушители». Он надел на голову резиновую маску с круглым стеклянным окошком впереди, похожим на автомобильную фару. Две резиновые трубки шли от «огнетушителей» к маске и соединялись вместе с помощью пластмассового мундштука. Человек взял в рот мундштук...

— Он сейчас ползет в озеро! — воскликнул Миша.

— В гости к русалкам, — добавила Галя.

— Тш-ш! — остановил их Николай Викторович.

Мы стояли затаив дыхание. Оказывается, и в наше время можно увидеть, правда, не русалку, но «русала» с широкими лягушиными лапами вместо рыбьего хвоста. Что он хочет искать?

Недавно я читал, как французские аквалангисты разыскали на дне Средиземного моря древнегреческий корабль, который две с половиной тысячи лет пролежал под водой.

Что же будет найдено в загадочной пучине этого озера-старницы?

Профессор и его собеседник в ковбойке приблизились к берегу. «Русал» начал осторожно спускаться в воду — кинооператоры наставили на него свои аппараты и завертели их.

Погода была холодная, и сейчас любое купанье было подвигом, а лезть в глубину... Я посмотрел на «русала» с искренним уважением. Он зашел по грудь, нагнулся, раздвигая желтые кувшинки, и исчез под водой; только пузыри забулькали возле большого белого цветка водяной лилии. Тут же вновь показалась голова в маске. «Русал» торопливо вышел из воды, сорвал маску и дрожа стал обтираться мохнатым полотенцем.

— На дне ключи нестерпимо холодной воды, — говорил он, натягивая штаны.

— Вдоль берега должна идти белокаменная отмостка¹, — сказал профессор.

---

¹ Профессор считает, что покатое дно озера возле берега должно быть замощено белым камнем.

— Ничего не заметил,— отмахивался полотенцем «русал»,— полное отсутствие видимости, ил, грязь, муть, холод. Валера, ползай ты в своем водолазном костюме,— повернулся он к молодому человеку в ковбойке.

Пока доставали из кузова автомашины водолазный костюм, пока молодой человек с помощью кинооператоров одевался, пошел мелкий дождь.

Кинооператоры тотчас же объявили, что, к сожалению, продолжать съемку не могут, спрятали свои аппараты и залезли в кузов — под брезентовую крышу.

Бывший «русал» укрылся под вязом и оттуда время от времени отдавал распоряжения и бранил дождь. Профессор остался на берегу.

Мы все, не обращая внимания на непогоду, приблизились к водолазу и с интересом стали разглядывать его темно-зеленый прорезиненный костюм. Миша даже осмелился дотронуться до черного, похожего на старушечий ботик, резинового башмака со свинцовой подошвой. Николай Викторович помог водолазу надеть на спину баллоны-«огнетушители».

— Постарайтесь нащупать, до каких пор тянется по отколу каменная отмостка,— говорил профессор.— Даже если вы ничего, кроме отмостки, не найдете, и то я вам буду бесконечно благодарен.

Николай Викторович и двое мальчиков спустили водолаза на веревке.

Наступила напряженная тишина. Дождевые капли падали на траву, на воду; между кувшинок булькали и лопались пузыри; тихо пересмеивались между собой под защитой брезента кинооператоры; веревка то натягивалась, то вновь ослабевала...

Не знаю, сколько прошло времени: может, час, может, десять минут. Наконец трижды дернулась веревка. Николай Викторович, Миша и Вова потянули и выволокли водолаза.

Лицо молодого человека было бледно-зеленое, как у русалки, губы виновато улыбались. Николай Викторович помог ему снять костюм. Кинооператоры не выдержали, соскочили с кузова и заторопились к нам.

— Ил жидкий, как сметана, в этой мути ничего не видно,— рассказывал водолаз, тяжело дыша.— Я пополз на животе, ощупывая дно руками; отмостка прослеживается до глубины трех метров.

Профессор тщательно вымыл в озере находку — два белых

камня — и стал рассматривать их в лупу. Наши мальчики окружили ученого и с разинутыми ртами глядели на него.

Камень побольше был вытесан в виде ровного, гладкого параллелепипеда, поперек одной из граней другого камня шла бороздка.

— Часть водосточного желобка, — говорил профессор. Его выразительные глаза блестели.

Мы узнали, что Клязьма текла раньше под самым Боголюбовом, оттуда заворачивала сюда, к церкви и, огибая ее слева, соединялась с Нерлью. Уровень воды в реках тогда стоял значительно ниже, чем сейчас в этом озере-старице. Холм, на котором высится церковь, искусственный — его воздвигли на самом мысе между обеими реками.

Церковь построили по воле Андрея Боголюбского в течение одного лета 1165 года в память его сына Изяслава, убитого во время похода. Позднее Нерль и Клязьма повернули свои русла, камни со склонов насыпанного холма были увезены.

— А скажите, — обратился профессор к молодому человеку, — вы под слоем ила еще ничего не нащупали?

— Какие-то мелкие предметы, кажется, просто камешки, — слабым голосом отвечал молодой человек. Он никак не мог прийти в себя.

— А маленькие трубочки из бересты вам не попадались?

Все наши тотчас же насторожились. Но водолаз ответил отрицательно.

Я решил выбрать подходящий момент и обязательно спросить профессора о березовых книгах.

В разговор вмешался бывший «русал». Он сказал, что раз из-за ледяных ключей нырять в плавках нельзя, ил мешает передвигаться по дну в водолазном костюме, а кинооператоры из-за пасмурной погоды не могут заниматься съемкой, значит, подводные археологические изыскания придется прекратить.

— Очень жаль! — сухо заметил профессор.

— Нашим мальчишкам водолазный костюм велик будет, — шепнул за моей спиной Миша.

Выступил вперед Николай Викторович:

— Дайте мне акваланг, я нырну.

Это было так неожиданно! Мальчишки одобрительно загудели. Глаза девчонок расширились от восторга и тревоги.

— А вы, собственно говоря, кто такой? — Бывший «русал» смерил Николая Викторовича не очень дружелюбным взглядом.

— Я начальник похода московских школьников,— с достоинством ответил Николай Викторович.— А подводным спортом занимаюсь несколько лет.

— Пусть попытается,— попросил профессор.

— Даю разрешение,— словно нехотя процедил бывший «русал».

— Мой водолазный костюм третьего роста, сорок восьмого размера,— предупредил молодой человек в ковбойке.

— А у меня пятый рост, пятьдесят второй размер,— конфузливо признался Николай Викторович.— Я нырну в одних плавках.

Он быстро разделся.

Мальчики, едва дыша от нетерпения, помогли ему закрепить на спине баллоны, на ногах ласты...

— Меня заинтересовали те небольшие предметы,— говорил профессор Николаю Викторовичу.

— Постараюсь найти,— ответил тот.

Он расправил свои могучие мускулы, надел маску, взял в

рот мундштук, решительно шагнул в воду и исчез под круглыми, как тарелки, листьями кувшинок.

Снова забулькали пузыри. Затаив дыхание мы ждали, следя за пузырями, передвигающимися куда-то влево. Дождь к этому времени перестал.

Скоро ли, скоро ли?

Пузыри беспрерывно булькали, теперь они передвигались вправо. Раз пузыри, значит, все в порядке, значит, человек дышит, человек живет... И все-таки невольно сжималось сердце.

Как невыносимо долго!

Наконец показалась голова, туловище... Николай Викторович, скользя по крутому откосу, вышел, что-то прижимая к груди. Мальчики тотчас же подхватили найденные предметы. Николай Викторович сорвал маску...

— Уф! До чего же там мерзко и холодно! — вздохнул он полной грудью и энергичными движениями стал растираться.

Профессор и мальчики занялись полосканием находок в озере.

Из-за голов наших ребят «русал» никак не мог рассмотреть пять белых камешков, рядом положенных на траву.

— Что они тут мешаются, уведите их отсюда! — раздраженно накинулся он на меня.

Мальчики и девочки испуганно отскочили, уступая место «русалу» и кинооператорам.

Увы, Николай Викторович не нашел берестяных трубочек, а только белые камни. Четыре из них оказались просто обломками, а пятый, самый большой, был вытесан в виде полуцилиндрика с выпуклыми поперечными поясками поверху и понизу. Профессор поднял этот камень к самому лицу, тщательно осмотрел.

— Пойдемте, — сдерживая волнение, позвал он и повел нас к самой церкви.

По алтарной стене храма, по трем апсидам¹, от подошвы и до крыши тянулись восемь тонких полуколонок. Именно эти прямые, устремленные вверх линии вместе с узкими щелями — окнами — создавали иллюзию особенной воздушности здания. Каждая полуколонка стояла на резном основании, диаметром чуть пошире, чем найденный нами полуцилиндрик.

— Знаете, откуда этот девятый — лишний? — сказал профессор. — Когда-то храм опоясывала с трех сторон белокамен-

---

¹ А п с и д а — полукруглая выступающая часть здания.

ная галерея. Несколько лет назад под моим руководством здесь велись раскопки, и мы нашли остатки фундамента, нашли несколько резных камней с изображениями грифонов, барсов, поднявшихся в прыжке, и других чудищ. Ну, а найденный полуцилиндр — лишнее доказательство существования этой галереи...— Профессор говорил все живее, все увлеченнее.— Я так ясно представляю себе на ярком солнце тот первоначальный белый храм, «измечтанный всею хитростью», как выразился летописец. Он возвышался, окруженный белокаменной галереей, на белом холме между Клязьмой и Нерлюю, на фоне зеленых лугов и деревьев. Иноземные послы, заморские гости-купцы, когда приплывали сюда на ладьях на поклон к великому князю Андрею, поражались и восхищались немеркнувшей красотой и великолепием русского зодчества...

— Нам пора ехать,— бесцеремонно вмешался бывший «русал».

Все наши изыскатели плотной стеной тотчас же окружили профессора.

О, мы понимали, мы чувствовали: он так много знает, он сможет нам помочь. Стараясь говорить короче, я рассказал ему о цели нашего похода.

Профессор, не обращая внимания на бывшего «русала», задал мне ряд наводящих вопросов, откинул голову, задумался немного, прищурил свои живые глаза и наконец заговорил:

— Да, пожалуй, я согласен с вашей теорией. Да, книги из бересты некогда существовали, хотя в летописях только однажды встречается упоминание о них. Да, кроме «Слова о полку Игореве», русские люди двенадцатого века, несомненно, создали иные, не дошедшие до нас поэмы и сказания. А вот сохранились ли в каких-нибудь укромных тайниках спрятанные березовые сокровища — это вопрос другой.

Бывший «русал» снова перебил профессора:

— Послушайте, скоро вы?

— Ну так поезжайте без меня, а я приеду на поезде,— резко ответил тот и снова с тем же увлечением продолжал нам рассказывать и давать советы.— Непременно разыщите в Суздале археолога Курганова. Редкой души человек, старый коммунист, крупнейший знаток древнерусской истории. Он наверняка вам поможет.

И, пожелав нам счастливого пути, профессор легко вскочил в кузов, за ним вскочили кинооператоры, молодой человек в ковбойке. «Русал» полез в кабину.

Машина поехала в сторону Боголюбова.

Пора было и нам двигаться в путь. Все встали в ряд, Гриша, как полагается, сбоку. Он провел перекличку, проверил имущество.

— У кого топоры, поднимите руки. У кого лопаты, поднимите руки. Покажите ведра и кастрюли. Покажите палатки...

Солнце раздвинуло облака, дождевые капли заблестели на каждой былинке. Оглянулись мы в последний раз на златокудрую царевну — белокаменную Покрова на Нерли — и пошли лугом по вчерашней тропинке.

Сегодня луга были иные — по всей Нерльской пойме начался сенокос. Народу было сравнительно немного. Тракторы на высоких колесах с веселым пыхтеньем тащили косилки, а высокая, как башня, машина захватывала охапки сена и навевала очередной стог.

Путь наш теперь лежал в город Суздаль. И сторожиха в Боголюбове и профессор — оба, не сговариваясь, назвали нам суздальского археолога Курганова. Нам обязательно нужно его отыскать.

Мы пересекли железную дорогу, пересекли шоссе и пошли отмахивать километры вдоль голубой тихоструйной Нерли.

Глава восьмая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Нет отдыха прекраснее, здоровее, интереснее и привольнее, чем дальний пеший туристский поход! Как тут красиво и просторно! Какие леса раскинулись на той стороне Нерли! Они начинались корявыми ветлами и серо-зелеными ольховыми зарослями у самого берега. На песчаных гривах их сменял медноствольный сосновый бор, а дальше уже не поймешь, какие породы лесов заслоняли редкие деревеньки. А еще дальше лесное море переходило в голубовато-лиловые тучи.

Мы двигались цепочкой по самому краю знаменитого Владимирского Опожья. Деревни следовали одна за другой, но мы проходили их стороной — возле крайних домов, вдоль берега реки.

Еще во времена Андрея Боголюбского Ополье славилось плодородием. Далеким предкам здешних жителей вырубали леса, раскорчевали пни и занялись тут хлебопашеством и разведением овощей. Здесь даже кустарника было мало. С холма

на холм перекидывались волнистые, лоснящиеся на солнце колхозные поля поспевающей ржи, еще зеленой пшеницы, тучные, черноземные, лучшие во всей Владимирской области...

— Галя! — негромко позвал Николай Викторович. — Походи сюда.

Галя вышла из цепочки.

Я уже успел подметить: начальник похода очень любит разговаривать со своими питомцами наедине, по душам.

Николай Викторович и Галя шли в сторонке. Он — высокий, широкоплечий, она — тоненькая, словно травка-овсяница. Остальные девочки с явной завистью поглядывали на свою подругу.

Но на этот раз, пожалуй, завидовать не стоило бы: слышался только приглушенный голос Николая Викторовича. А Галя шла, крепко закусив губу, вцепившись руками в лямки рюкзака. Кажется, она раскаивалась. Впрочем, у кончиков ее губ нет-нет да мелькала неожиданная озорная смешинка.

Какие же тут признания! Просто очередная, самая настоящая проборка. Нечего мне любопытничать! Я ускорил шаг и перегнал даже направляющего, Мишу. Он хихикнул. Я оглянулся. Вот он, быстроглазый, показал свои крепкие белые зубы и кинул выразительный взгляд в сторону Николая Викторовича и Гали.

— За то, что в поезд прыгнула, — не станет. — Миша поправил свой трофей — бараний рог, накрепко привязанный к верху рюкзака, покосился на меня и доверительно шепнул: — Знаю: за манную кашу.

Николай Викторович все читал Гале нравоучения, а Галя все вздыхала. Мы по-прежнему шли молча, невольно стараясь прислушаться к убеждающему шепоту начальника похода.

Возле старой мельницы выбрали место для большого обеденного привала.

Только мы скинули рюкзаки, как Николай Викторович неожиданно объявил, что с этого часа он в отпуску, он отдыхает и приказывать больше не станет, если только не произойдет какого-нибудь исключительного безобразия. Есть же штаб и командир отряда Гриша.

Гриша, услышав такую неожиданную, приятную для себя новость, тут же подтянул шаровары, вздернул чубчик и завертелся вокруг Танечки. Кажется, он не совсем был равнодушен к черным Таниным глазам... А еда? Едой пусть занимается Вова — он сегодня дежурный.

Солнце клонилось к закату. И опять Вася заспорил с Мишей. И опять мальчики уступили девочкам.

Решили искать ночлег в помещении.

Через час мы уже шагали по деревенской улице. Мальчишки сбегались со всех сторон, даже взрослые выходили на крылечки.

Мы узнали: в деревне есть клуб, где можно переночевать, и есть колхозный бригадир, у которого хранится ключ от клуба. Сейчас бригадир в поле; когда вернется, неизвестно.

Мы направились к этому самому клубу. Каждый наш мальчик и каждая наша девочка двигались в кольце ребятишек. Степенно и деловито отвечали мы на тысячи вопросов: «Откуда?», «Куда?», да «Как?», да «Почему?», да «В каком классе учишься?» На вопрос: «За чем мы идем?» — наши изыскатели делали большие глаза и загадочным шепотом говорили: «За березовыми книгами». Десятилетние ребятишки удивленно раскрывали рты, и Лариса Примерная со своим всегдашним апломбом на ходу разъясняла, откуда взялись березовые книги и почему их так важно найти.

Навстречу нам, поднимая пыль, двигалось колхозное стадо — коровы, овцы. Вдруг за избами застрекотала настоящая пулеметная очередь, и откуда-то с бокового прогона вылетел на деревенскую улицу мотоциклист самого воинственного вида: в темных очках, в кожаном шлеме. Мотоцикл так оглушительно трещал, так неистово пылил и дымил, что темно-серая завеса заволокла избы и палисадники. Коровы, овцы, куры шарахнулись в стороны, собаки с лаем кинулись в атаку.

Мотоциклист лихо подкатил к нам, лихо остановился, сорвал шлем и очки, прыгнул со своего стального коня.

Это и был колхозный бригадир, веселый, несколько смущенный, докрасна загорелый парень. Его старая военная гимнастерка, брюки, сапоги, его лицо, кудрявые, цвета пшеницы, волосы были напудрены дорожной пылью. Светлые глаза его устало щурились из-под запыленных ресниц. Видно, с самого рассвета он накатал немало километров и за свой большой, беспokoйный рабочий день вряд ли успел съесть краюшку хлеба.

— Николай Иванович, куда переходить моему звену? — приставала к бригадиру пожилая худощавая колхозница.

— Николай Иванович, а мы уже все скосили, — теребила другая,

— Николай Иванович, завтра нам две подводы, — дергала бригадира за рукав третья.

— Погодите, вот устрою сперва путешественников, тогда и вами займусь.

— Верно, заморились с дороги? — спросил он нас, когда мы шли по деревенской улице.

Новенький клуб, сверкающий янтарными бревнами стен, помещался на дальнем конце деревни. Бригадир подошел к голубой, только что выкрашенной двери, вынул ключ из щелки в косяке, обернулся и с хитринкой посмотрел на меня.

Разумеется, вся деревня знала это хранилище, но я понял: без хозяина никто не имел права открыть заветную дверь, а хозяином в деревне являлся, конечно, он — колхозный бригадир.

В зрительном зале стояли длинные лавки, дальше, в полутьме, возвышалась небольшая сцена с двумя фанерными комматками — кулисами.

Бригадир попрощался с нами и ушел, за ним разошлись все деревенские. Мы остались одни. Дежурные отправились за огороды разводить костер.

Две маленькие, очень смущенные и очень серьезные деревенские девочки принесли нам по кринке молока.

— Ужин будет во! — И Вова красноречиво поднял большой палец, а потом показал на большую кастрюлю.

Заикаясь и краснея, обе девчурки рассказали, что их послал дедушка не только с молоком: он хочет нам показать очень толстую и тяжелую березовую книгу.

Первой ахнула Галя, потом закричали остальные девочки, на крик сбежались мальчики. Ужин был тотчас же забыт. Мы тут же поспешили за девчурками. Побежали все. Один Вова не покинул своего ответственного поста дежурного повара и продолжал деревянной палкой помешивать суп.

Белобородый и высокий, похожий на древнего колдуна, дед медленно шел нам навстречу с громадной, толщиной с ладонь, книгой под мышкой.

Мы еще не успели приблизиться к деду, как поняли, что девчурки всё напутали. Книга-то была не рукописная, не на бересте, а просто напечатанная на обыкновенной бумаге. Вдобавок она была сильно испорчена: и коричневый кожаный переплет, и уголки всех страниц обгорели.

Но, перелистав книгу, мы убедились, что она была, пожалуй, тоже ценная. Вот что мы прочли на обложке:

СОВРЕМЕННОКЪ

Литературный журналъ,
издаваемый
Александромъ Пушкинымъ
1836

На первой странице стоял треугольный штамп:

В один толстый том был переплетен годовой комплект известного журнала.

На мой вопрос, откуда у старика эта книга, он не торопясь объяснил, что еще до революции ездил на подводе в город Ростов-Ярославский и просто купил ее там на базаре за двадцать копеек. Купил так дешево, потому что книга обгорела; продавцу, видно, невдомек было, что, может, сам Александр Сергеевич ее в руках держал.

— Пожалуйста, уступите нам ее для нашего школьного музея,— попросил Миша.— За банку мясных консервов.

Старик, важно расчесывая пальцами бороду, обидчиво нам ответил, что у него свой поросенок откармливается и такую ценную книгу ни за что не отдаст каким-то прохожим.

Теперь обиделись мы. Гриша сказал:

— Мы не прохожие, а туристы.

А Лариса Примерная добавила:

— В таком случае подарите вашу книгу Суздальскому музею.

— А возьмут ее там? — недоверчиво спросил старик.

— Возьмут, возьмут! — хором ответили мы и вернулись к закипавшим над костром ведрам.

Старик побрел домой со своей книгой под мышкой.

Утром бесцеремонные девочки разбудили меня очень рано, еще до подъема. Они расселись на клубной сцене, оживленно шушукаясь. Я посмотрел на них нарочно самым сердитым взглядом, какой только мог придумать. Девочки подползли ко мне.

— Доктор, пожалуйста, уведите куда-нибудь Николая Викторовича на полчаса, — попросили они меня.

— Сегодня его день рождения, — доверительно шепнула Танечка.

— А день рождения полагается праздновать, — пояснила Лариса Примерная.

Хотел было я сделать им замечание: «Почему так рано разбудили?» — но раздумал, обулся и вышел из клуба.

Очертания деревни едва проступали сквозь жемчужный утренний туман, дул теплый ветерок.

Николай Викторович стоял возле костра и критически, но молча наблюдал за приготовлением завтрака.

— Здравствуйте! Пойдемте умываться, — позвал я его.

Мы спустились вниз к реке. С нами увязался Ленечка.

— Как спали? — спросил меня начальник похода.

— Неважно, слишком рано пришлось подняться, — буркнул я.

— А я, представьте себе, спал великолепно.

«Да, с таким здоровьем всегда и везде вам будет великолепно!» — проворчал я про себя.

Мы подошли к самой реке. Под нашими ногами сквозь гальку проступала вода. Туман еще не успел подняться с реки, и тонкие сиреневые струйки его светились на солнце.

Я присел на корточки у самой воды, положил на камешек мыльницу, начал чистить зубы. Рядом со мной устроился Ленечка.

— Доктор, правда, умываться на реке очень приятно и очень полезно? — улыбаясь, спросил он.

С каждым днем этот милый шупленький мальчик мне все больше и больше нравился. Ему, как и всем прочим ребятам, исполнилось тринадцать лет. Но меня так и подмывало погла-

дить его русую головку. Я заметил: он чистил зубы порошком «Для самых маленьких» и умывался «Детским» мылом.

Глядя на его ласковые и безмятежные наивные голубые глаза, мне расхотелось сердиться, и я почувствовал, что мое дурное настроение быстро улетучивается вслед за утренним туманом.

Николай Викторович разделся до пояса. Играя своими бронзовыми мускулами, он нагибался, зачерпывал ладонью воду и растирал грудь и плечи. Я только чуть-чуть побрызгал себе на нос и на щеки.

— А вас, кажется, можно поздравить? — наконец догадался я сказать.

— Да,— ответил Николай Викторович.

Во всю ширь своей грудной клетки он вобрал воздух, выпрямился, расправил руки.

— Сколько же вам исполнилось лет?

Николай Викторович покраснел, как иногда краснеют девчонки нашего туристского отряда. Какой он счастливый! Я тоже скрываю свой возраст, но, увы, в другую сторону.

Я вспомнил просьбу девочек и предложил ему пройтись.

И мы медленно пошли вдоль берега. Песок и галька хрустели под нашими кедами. Туман поднимался. Река голубой дорогой уходила вдаль. Наш берег возвышался высоким глинистым обрывом...

Вдруг Николай Викторович покосился на меня, опять густо покраснел и признался, что до сих пор никак не мог урвать свободную минуту и рассказать о себе нечто очень важное. Оказывается, он уже три месяца как был женат на чудесной девушке. Она студентка. Учится на историческом факультете. И самое замечательное, если Ира (ее зовут Ирой) сумеет сдать досрочно последний экзамен, она присоединится к нам.

— Как хорошо! — с восторгом воскликнул я.— Девушка-историк превратится в изыскателя березовых книг!..

Сияющий Николай Викторович добавил, что осенью переезжает в новую квартиру.

— Еще лучше, поздравляю! — радостно ответил я.

— А сколько метров будет в вашей квартире? — неожиданно пискнул шедший сзади нас Ленечка.

Николай Викторович живо обернулся; он так был увлечен беседой, что совсем забыл о мальчишке.

— А ты не вмешивайся в разговор взрослых и не подслушивай,— недовольно бросил он.

Ленечка заморгал глазами и отстал от нас. Но разговор уже расклеился, мы замолчали, поднялись на гору и подошли к нашему клубу.

Под двумя березами ребята накрыли праздничный стол. Собственно, слова «накрыли» и «стол» не совсем точно передавали увиденное нами зрелище.

Как в сказке о трех медведях, у каждого из нас миска и кружка были разного цвета и разного объема. Николай Викторович вместо миски имел небольшой тазик и темно-коричневую литровую кружку, Галя — обливной глиняный горшочек, Ленечка — маленькую кружку цвета сметаны с изображением котят, играющих в мяч. На Васиной миске зияла вмятина от удара лопаты. Моя миска и моя кружка были неопределенного рыжего цвета, и я никак не мог их запомнить.

Сейчас все эти посудины выстроились на траве в виде аккуратного прямоугольника. Место, огороженное мисками, как раз и являлось нашим праздничным столом с зеленой скатертью. У каждого прибора лежало по горсти печенья, кучка разноцветного драже и соевая конфетка. У прибора Николая Викторовича я заметил букет полевых цветов и газетный фунтик с земляничкой. Где и когда успели набрать ребята землянику, мне было непонятно.

Празднество началось с выступления Ларисы Примерной. Она сказала:

— Дорогой и уважаемый наш старший пионервожатый, в знак глубочайшей любви...

Но тут Ленечка неожиданно перебежал через стол, торжественность момента оборвалась. Лариса негодуя блеснула очками, кашлянула и скороговоркой добавила:

— Одним словом, вот вам от всех нас подарок.

На полотенце она преподнесла своему пионервожатому складной походный столовый прибор — соединенные вместе ножик, ложку и вилку. На зеленой пластмассовой рукоятке была выгравирована изящная надпись: «Дорогому Николаю Викторовичу в день его рождения от пионеров».

Николай Викторович встал, поднял вместо бокала вина свою вместительную кружку чая.

— Должен сказать, я тронут, даже очень тронут. Никак не ожидал...

Оказывается, Миша, Вова и Вася на рассвете переплыли на лодке с деревенскими ребятами через Нерль и принесли с того берега три кружки ягод. А столовый прибор и все сла-

дости ребята потихоньку от взрослых запрятали в свои рюкзаки еще в Москве.

Галя, сидевшая рядом со мной, обернулась ко мне:

— Я вашу миску после завтрака вымою. А вы пустите меня в следующий раз в лес за ягодами? — заискивающе улыбнулась она.

— По утренней росе? Ни в коем случае!

Галя покорно наклонила голову и отошла от меня.

Миша приложил кулак ко рту и протрубил. Праздник окончился. Все вскочили, стали собираться в дорогу.

К вечеру мы должны попасть в древний город Суздаль.

Глава девятая

ГОРОД-МУЗЕЙ

Остались последние километры до Суздаля. Солнце уже клонилось к закату. Боковые долины и овраги прорезали коренной берег невидимой Нерли. Из лощин выглядывали деревни в садах. Наша дорога шла картофельным полем и постепенно поднималась в гору.

И вдруг я заметил: впереди из-за картошки начали выглядывать там и сям какие-то гигантские островерхие елки. Откуда тут, в Ополе, очутились елки? Но против солнца было так трудно глядеть! Я остановился, приставил щиток-ладонь к бровям... Вот это что такое!..

За полем, и правее и левее, вырисовывались вовсе не елки, а макушки множества колоколен.

Мы пошли быстрее, и по мере нашего приближения все вырастали из-за горы новые острия.

Как мешают солнечные лучи! Одни колокольни были повыше, другие поприместее, то желтоватые, то серые, то ослепительно белые, а рядом самые церкви в одну, в пять луковиц. Справа показался целый городок розовых стен и башен, еще правее — другой городок, совсем белый.

Еще во Владимире мы узнали, что ночевать в Суздале будем в Доме пионеров. Долго блуждали мы по переулкам, наконец отыскали белое трехэтажное здание. Двери его были заперты, молчаливые окна неприветливо темнели... И никого, ни души...

А между тем уже зашло солнце. Ребята сбросили рюкзаки и сели на них. Конечно, все страшно устали, хотели есть.

— Командир отряда, отдавай распоряжения, — повернулся Николай Викторович к Грише, который в это время оживленно шептался с Танечкой.

— Сейчас, сейчас, моментом. — Гриша вскочил, повел плечами туда-сюда, бойко посмотрел на Танечку, поправил свой чубчик и вдруг сразу поник и жалостно скосил глаза на Николая Викторовича.

— Ну что же, командир отряда, думай, думай, как ночевать устроиться. — Николай Викторович, прищурясь, продолжал насмешничать над Гришей. — Может быть, лучше вместе будем думать?

Гришу выручил кругленький, надутый мальчик лет десяти, который неожиданно вылез из лопухов овражка.

— Моя мамка в Доме пионеров главная начальница и старшая уборщица. Она гуляет на свадьбе, ночью придет, — важно объявил мальчик.

— Этого еще недоставало! Мы устали, а она на свадьбе! — неожиданно загредел и закипятился Николай Викторович. — Сейчас же веди меня на гулянье. Я ее вытащу, твою мамку, вместе с ключами.

— Ключи у меня. Я могу пустить туристов, — еще более важно произнес малыш. — Только в Доме пионеров на полу придется спать, а в интернате — на кроватях с матрацами и подушками.

Это сообщение мы выслушали с величайшим интересом.

— Где интернат? — быстро спросил Николай Викторович.

— Тут! — Мальчик гордо показал на второй этаж Дома пионеров.

— А интернатская хозяйка где?

— Там! — Малыш также гордо ткнул пальчиком на домик за огородом. И вдруг лицо его сразу приняло испуганное выражение. — Только, дяденька, не сказывай, что это я послал тебя.

Николай Викторович в два прыжка очутился у двери домика, скрылся внутри и через минуту вновь вышел, предупредительно уступая дорогу пожилой женщине с накрашенными, завитыми локонами и заплаканным красным носом.

— Интернат, конечно, не обязан, но раз вы очень устали, я считаю своей обязанностью... — тянула женщина сильно в нос.

— Да, да, да, — кивал Николай Викторович.

— Но вы, конечно, обязаны, чтобы полный порядок, чтобы чистота...

— Да, да, да, только, пожалуйста, поскорее,— торопил Николай Викторович.

Две комнаты с рядами коек пустовавшего по случаю летних каникул интерната были предоставлены в наше распоряжение. Спали мы в ту ночь на настоящих матрацах, на подушках, спали крепко, без просыпу — хоть из пушек стреляй.

Утром Миша приставил трубочку из кулака ко рту и протрубил «подъем». Николай Викторович вскочил и задергал подряд все одеяла мальчиков, потом выбежал в коридор и задубасил в дверь к девочкам.

Четверо очередных дежурных под руководством интернатской хозяйки уже давно возлились на кухне.

— Я, конечно, не обязана, но я все же вам предоставила и плиту, и титан, и даже дрова... — сквозь перезвон мисок и кружек слышались монотонные поучения хозяйки.

В одних трусах и майках мальчики и девочки выскакивали во двор. Девочки, сонно моргая, на ходу кое-как переплетали косы; мальчики, толкая друг друга, прыгали по лестнице через три ступеньки.

В четыре ряда ребята выстроились перед невозмутимым Вовой. Сейчас он будет проводить утреннюю зарядку.

После завтрака отправились мы в музей на поиски того самого глухого археолога Аркадия Даниловича Курганова.

От прохожих мы узнали, что музей находился в двух шагах от нас, внутри кремля.

Мы ожидали увидеть внушительные, вроде московских, кирпичные стены кремля, с зубцами, с башнями, но, к нашему разочарованию, наткнулись на размытый за девять веков существования земляной вал, поросший выжженной травой. Равнодушные козы, привязанные к колышкам, мирно щипали траву. Музей помещался в большом старинном здании бывших архиепископских покоев.

Молоденькая музейная кассирша, печально вздохнув, сказала, что Аркадий Данилович тут бывает очень редко, где он сейчас находится, неизвестно. Как его найти, тоже неизвестно. В конце концов она посоветовала нам просто походить по городу, расспрашивая подряд всех прохожих.

Совет кассирши был довольно-таки неопределенный, но мы были полны желания во что бы то ни стало отыскать Аркадия Даниловича.

Перед музеем нам попался вчерашний мальчуган.

— Аркадий Данилович? — быстро переспросил он. — Видел.

Только-только на машине проехал, кирпич повез... Знаю куда — в Покровский монастырь.

Мы свернули налево под гору и остановились на мосту через маленькую речушку Каменку, всю заросшую тростником и широкими листьями кувшинок.

— Сразу два кремля! — удивленно протянула Галя.

Да, такую тесную толпу луковиц, луковок, башен со шпильями вряд ли можно было увидеть, разве что в Большом театре на декорациях опер «Иван Сусанин» и «Борис Годунов». Я насчитал тридцать четыре острия. На левом низком берегу речки расположился весь снежно-белый Покровский монастырь — белые башни, белые стены. Напротив, на правом высоком берегу, стоял Спасо-Евфимиев монастырь. Розовые высокие стены опоясывали гору. Розовые башни с черными щелями бойниц, с зелеными островерхими крышами высились по углам стен. В речке ныряли и плавали гуси, ломая розовые отражения.

— А что, если березовые книги или в том, или в этом кремле? — мечтательно вздохнула Галя.

— В наступление на монастырь! — скомандовал Николай Викторович.

— Тру-ту-ту! — призывно загудел в свой кулак-рожок Миша, и все ребята во главе со своим пионервожатым понеслись по тропинке через картошку и капусту к белым стенам Покровского монастыря.

Я вынужден был тоже заторопиться, ворча на Николая Викторовича за его чересчур безудержную прыть.

Один милый мальчик Ленечка, увидев, что я запыхался и шагал сзади, тотчас остановился и сочувственно меня подождал.

— А неужели, чтобы искать березовые книги, всегда нужно так быстро бегать? — пискнул он.

— Конечно, нет, — раздраженно ответил я.

Большая, похожая на корабль белая церковь была вся в лесах. Маляры штукатурили стены и выведенные заново фигурные наличники вокруг окон. Две девушки лопатами сыпали на носилки известку.

В стороне два человека: один — пожилой и плотный, в очках, в соломенной шляпе; другой — молодой, краснощекий, с пушкинскими бакенбардами — стояли и потихоньку переговаривались. Затем пожилой кивнул молодому и торопливым шагом направился к воротам, а молодой подошел к нам.

— Интересуетесь реставрационными работами? Смотрите, как восстанавливаются памятники архитектуры? — спросил он.

— Интересуемся, это точно, только никто нам толком не объяснит, что к чему,— недовольно пробурчал Николай Викторович.

— Да вы бы Аркадия Даниловича спросили.

— Не найдем его никак.

— Вот он, только что пошел.

— Этот, в очках? Да он вовсе не глухой! — опешил Николай Викторович.

— Он, он! И учтите, очки у него такие, что он в них сквозь землю видит, знает, где клады закопаны. Да бегите скорее, догоните его.

— Айда за мной! — Николай Викторович, а за ним и все мальчишки помчались во весь дух.

Юноша с бакенбардами скрылся в глубине двора.

Через две минуты пожилой низенький человек в очках показался из-за угла. Мальчишки, окружив его, забросали вопросами. Рядом шагал высоченный Николай Викторович и что-то доказывал, размахивая руками. Вся согбенная фигура пожилого выражала полную покорность судьбе. Дескать, все равно от этих шустрых туристов не отвяжешься. Шествие приближалось к нам.

Николай Викторович уже успел рассказать Аркадию Даниловичу о теории Тычинки и о нашем походе за березовыми книгами. Разговор перешел на библиотеку Константина.

— Все книги, видимо, сгорели? — спросил Николай Викторович.

Аркадий Данилович сперва очень вежливо поздоровался со мной за руку, потом улыбнулся девочкам и только тогда не торопясь ответил:

— О том, что у нас в Суздале сожгли ценнейшую библиотеку,— это я знаю точно, во Владимирском областном архиве подлинная переписка хранится. А вот библиотека Константина, может, сгорела, а может, и нет.

— А почему вы так думаете? — быстро спросил Николай Викторович.

— О том, что у Константина была библиотека, мы знаем из летописей, а о том, что она сгорела, там нет ни слова.

— А из чего были сделаны те книги? — выскочил вперед Ленечка.

— Ну конечно, не из бумаги. Бумагу тогда еще не придумали.

мали. Из телячьей кожи выделявали пергамент, а на пергаменте писали и переписывали от руки. Писец по году, по два выводил букочки, разукрашивал их, рисовал картинку тончайшей кистью красками на яичном желтке. Царапали также и на бересте. Величайшими сокровищами были тогда книги. При пожарах их спасали в первую очередь.

— А в сгоревшей Суздальской библиотеке были книги на бересте? — Миша протиснулся поближе и встал разинув рот, как говорится, «съедая» глазами Аркадия Даниловича.

— Думаю, что были, — грустно вздохнул ученый. — Величайшее варварство произошло в нашем городе в конце восемнадцатого столетия. Протопопу собора понадобилась для хранения дров старинная пристройка к колокольне, где издревне береглись в связках многие неизвестные книги и рукописи. Он обратился с прошением к епископу, и тот «благословил» все сжечь. Снесли на площадь и сожгли.

— А что сейчас находится в той пристройке? — держа наготове карандаш, спросила Лариса Примерная.

— Ох! — еще более грустно вздохнул ученый. — В той пристройке я теперь живу. — И, словно желая переменить разговор, он добавил: — Интересное дело затеяли — найти в наших краях березовые книги. Береста — какой прочнейший материал! Знаете ли вы, например, что под башни и под стены Московского Кремля просмоленные берестяные листы подложены? Это чтобы сырость не проникла.

— Посмотрите, какие у него очки. Понятно, что он в них сквозь землю видит, — толкнул меня Миша, возбужденно сверкая черными бусинками глаз.

Я всмотрелся и понял загадку исчезнувшей глухоты Аркадия Даниловича: прозрачная оправка очков была толще обычной и внутри одного из крыльев за ухом спрятался крошечный слуховой аппарат.

Слушая археолога, все мальчики и девочки уставились не в его глаза, а именно в эти невиданные очки. Лариса Примерная нагнулась над своим блокнотом.

Аркадий Данилович стал рассказывать о суздальских археологических раскопках:

— Суздаль намного старше Москвы и Владимира. Он основан неизвестно когда, впервые упоминается в летописях в 1024 году. Понятно, что такой древний город битком набит историческими ценностями, копнешь — вот тебе старинная монета, или черепок, или гвоздик, которому семьсот с лишним лет.

Водопровод недавно проводили — меч заржавленный нашли, дом строили — и, представьте, детская свистулька двенадцатого века попалась...

Ух как загорелись глаза у мальчиков, у девочек, у Николая Викторовича да, наверное, и у меня!

— Э-э-э! Где клады копать? Вы нам только покажите, — затеребил Аркадия Даниловича Миша, а за ним и другие ребята.

— Какие вы скорые — копать! Да без меня ни одной ямки нельзя! Мало ли что, а вдруг на древнюю землянку наткнетесь, и, не зная археологии, разрушите ее.

— А если с вами? — робко спросил Миша.

— Со мной? — Аркадий Данилович насмешливо прищурил глаза. — Со мной можно. Давайте так договоримся: мне еще надо посмотреть, как наши девушки-каменщики работают, потом я вам дам лопаты и покажу, где копать. Может, на ваше

счастье, если не березовая книга, так грамота на бересте попадется. Разве не интересно такую диковину отыскать?

Мы пошли вслед за Аркадием Даниловичем и остановились против низенького кирпичного дома, очень невзрачного с виду.

— В этом доме сейчас наша кладовка помещается,— объяснил он,— а раньше была монастырская контора и архив. Видите, какой дом-нескладеха — окна широкие, вкривь и вкось пробитые. А теперь зайдемте сюда.

Мы зашли за угол и на стене этого дома увидели заново отделанное, перестроенное из подобного широкого, маленькое оконце с наличниками в виде двух белокаменных резных столбиков по сторонам и с затейливым треугольником наверху.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечером...—

вспомнились мне стихи.

Не такими ли наличниками были украшены окна в том старом тереме? Но времена царя Салтана давно миновали. Сейчас у окна сидели также три девицы, но не в кокошниках и сарафанах, а в запачканных известью синих комбинезонах. Девицы не пряли — они работали каменщиками и сейчас, сидя на корточках, усердно прилаживали справа от окна вылепленные под старинный лад узоры.

— Эх, вы! И не стыдно вам? — неожиданно рассердился Аркадий Данилович.

Девицы в комбинезонах вскочили, смущенно краснея.

— Сколько классов окончили?

— Десять,— пролепетали они.

— Очень хорошо! Два года поработаете, в вуз поступите, архитекторами сделаетесь, новые города строить будете. А знаете, сколько классов окончил неизвестный каменщик семнадцатого века? Ни одного! — И Аркадий Данилович любовно погладил соседнее узенькое оконце с побитыми и отломанными кое-где украшениями: видимо, подлинно старинное.— Смотрите, тот каменщик, словно игрушечку, оконце вывел, а у вас как наляпаном!

И правда, наличник девушек был и грубее, и толще старинного и немного косил.

— Все переделать! Не хочу смотреть.— Аркадий Данилович колюче посмотрел на девушек из-под очков и обернулся к нам.— Пойдемте за лопатами.

Он повел нас через низенькую дверь внутрь домика.

Мы спустились на три каменные ступеньки и увидели бумажные мешки с цементом и алебастром, ящики с гвоздями, топоры, пилы, банки с красками и многое другое, что полагается держать в кладовках на небольших строительствах.

— Сюда смотрите! — неожиданно восторженно воскликнул Аркадий Данилович и хлопнул ладонью по широкому столбу, стоявшему посреди комнаты...

Этот столб, как в Грановитой палате Московского Кремля, расширяясь кверху, четырьмя крыльями переходил в сводчатый потолок.

— Вот где искусство старинных каменщиков! Каждый ряд кирпичей выложен по-своему. А ведь тогда никаких чертежей в заводе не было — только мастерство, только руки золотые да глазомер тончайший. Так выкладывали своды триста лет назад. Весь потолок держится на одном столбе...

— Скоро ли мы начнем копать? — не вытерпел Миша.

— Идемте, идемте, — ответил Аркадий Данилович и показал на три лопаты, прислоненные к знаменитому столбу.

Мы вышли следом за Аркадием Даниловичем из домика. Через монастырский двор он повел нас к большой церкви. Мы увидели, что под ее полом в земле находится еще помещение — низкие сводчатые окна, едва заметные из-за бурьяна. Пахло на нас холодом и сыростью.

Аркадий Данилович нам объяснил, что здесь, в подземелье, похоронены в шестнадцатом и семнадцатом веках многие царицы и царевны, сосланные сюда московскими государями.

Придется пока отложить поиски березовых книг. Мы спустились вниз по каменным ступенькам в холодное и полутемное подземелье и не сразу разглядели ряды каменных прямоугольных возвышений на полу склепа.

Аркадий Данилович стал показывать нам одну гробницу за другой.

— Соломония Сабурова — первая жена Василия III, московского князя. Евпраксия Старицкая — жена двоюродного брата царя Ивана Грозного. Анна Васильчикова — четвертая жена Грозного. Александра Сабурова — жена царевича Ивана, убитого собственноручно своим отцом Иваном Грозным... — Голос Аркадия Даниловича гулко перекатывался под тяжежми сводами каменного подземелья. — Иных привозили сюда совсем юными, всю жизнь томились они за этими стенами, тут и умирали.

«Сколько же слез женских и девичьих было пролито за этими безмолвными стенами», — подумалось мне.

Наконец мы вылезли из подземелья и увидели солнце, синее небо, зелень деревьев.

— Как тут тепло! Как светло! — закричала Галя.

И мне так привольно показалось на солнце! Я вздохнул полной грудью.

Десятка два голубей, быстро перебирая малиновыми лапками, деловито сновали по траве у самых наших ног. У запасливого Васи нашелся в кармане кусочек хлебца.

Вдруг Миша потихоньку дотронулся до моего локтя. Его черные глаза озорно искрились.

— Смотрите, что я нашел!

Из его пазухи высовывались два желтоклювых грачонка с вытарашенными от ужаса голубыми глазками.

— На лестнице у входа в подземелье, смотрю — к стенке прибились. Только пока молчок! — шепнул он мне.

Один из грачат вдруг каркнул. Все захохотали. После мрачных могил нам хотелось особенно громко и беззаботно смеяться. Вместе с нами заразительно смеялся и Аркадий Данилович.

— Правильно! Живые грачата куда занятнее мертвых цапц, — воскликнул он. — А теперь давайте копать вот тут. — И он показал нам на небольшой холмик, сплошь заросший крапивой.

Николай Викторович, Гриша и Вася лихо начали сшибать крапиву и бурьян. Показалась черная, жирная, перемешанная с обломками кирпичей земля. Изыскатели принялись копать столь неистово, точно Аркадий Данилович сквозь землю увидел, что монеты, меч, детская свистулька и, самое главное, березовые книги были зарыты именно тут, именно в этой крапиве, левее старой башни и правее новенькой будки телефона-автомата.

Остальные мальчики, девочки и я смотрели на копавших затаив дыхание.

— Да что вы! Что вы! Разве так можно! — закричал Аркадий Данилович и полез напролом через крапиву. — Если вы стукнете лопатой по драгоценности...

Но копавшие не слышали его предостережений. Я дернул Николая Викторовича за рукав ковбойки.

— Археология не выносит варварства! — по-настоящему рассердился Аркадий Данилович. — Копайте сугубо осторожно,

землю выбрасывайте только сюда. А вы все,— подскочил он к нам,— тщательно перебирайте отвалы руками, не пропустите самую малую черепушку, самую крохотную заржавленную железину. Перебранную землю откидывайте в сторону.

Мы сели на корточки и в ожидании находок погрузили свои пальцы в рыхлую землю. Найдем или не найдем? Найдем или не найдем?

Галя робко подала что-то Аркадию Даниловичу.

— Вот, уже найдено! Подойдите все сюда! Черепок от горшка двенадцатого века! — торжественно провозгласил он.

Мы вскочили и с благоговением стали разглядывать грязный и темный плоский камешек, который держала на ладони сияющая Галя.

— Видите,— объяснял Аркадий Данилович,— черепок очень ровный, значит, горшок выделан на гончарном круге. Глиняная посуда до двенадцатого столетия в этих краях лепилась руками; следовательно, более древние черепки никогда не могли получиться столь ровными.— Аркадий Данилович безжалостно разломал Галину находку пополам.— Смотрите, ясно видны три слоя: по краям — два светлых, по середине — более темный с песком. Значит, горшки обжигались в маленьких печах, поэтому обжиг получился неравномерный.

— Где три слоя? Пустите меня вперед,— расталкивала всех вечно опаздывавшая Лариса Примерная.— Я прежде вас должна посмотреть.

Ее остро отточенный карандаш быстро-быстро забегал по блокноту.

— А можно нам... для нашего школьного музея? — спросил с дрожью в голосе Миша. Его круглые блестящие, напоминавшие две смородинки глаза выразительно взглянули на Аркадия Даниловича.

— Ну конечно, только вам. Все, что найдете,— только для вашего собрания древностей. Если попадется что-нибудь уж очень выдающееся, ну, тогда я попрошу для нашего Суздальского,— ласково улыбнулся сквозь очки Аркадий Данилович. То один, то другой подносили новые найденные черепки.

Аркадий Данилович их тут же определял: двенадцатый век, а этот — шестнадцатый, видите — однослойный, обожженный равномерно в большой печи.

— Посмотрите мой! Мой самый красивый! — подошла, ликуя, Лариса Примерная.

— Да, с глазурию, обливной.— Хитринки загорелись в гла-

вах Аркадия Даниловича, и вдруг он размахнулся и швырнул черепок в самый бурьян.

— Надо же! — обиженно дернула плечами Лариса.

— Бабушка вчера горшок разбила, — равнодушно бросил Аркадий Данилович и нагнулся над свежей ямой. — Довольно копать глубже, смотрите — культурный слой вы прошли, оказался песок. Теперь копайте в стороны.

Перебирая руками выброшенную землю, мы нашли еще несколько черепков и двенадцатого и шестнадцатого веков, и тех, что «бабушка вчера разбила», нашли два заржавленных старинных гвоздя, кованных от руки в кузницах.

Миша успел набрать для школьного музея целый мешочек находок.

— А вы знаете, ребята, где копали? В монастырской помылке. Семьсот лет подряд сюда монашки мусор таскали да ушаты выливали. Но увы! Монашкам грамота не больно требовалась. Ни одного берестяного листочка вы не нашли, а жаль. Я давненько эту помылку высматривал, все искал случая покопать. Ну, товарищи, извините, мне надо еще проверить, как мои камешники в городе работают. А сейчас вы идите в наш музей.

— Большое вам спасибо! Спасибо вам! Спа-си-бо!

* * *

В музее мы узнали, что древний Суздаль был известен не только своей славной историей и луковицами церквей, но и великолепным, самым лучшим в мире огородным луком. Нам показали золотые, как маковки церквей, луковицы величиною с кулак.

После музея и обеда мы пошли просто погулять по улицам.

Суздаль жил такой же рабочей, деловой жизнью, как все небольшие советские города. И вывески на домах были самые обычные: «Раймаг» и «Сберкасса», «Чайная» и «Школа», «Райисполком» и «Почта». Мимо нас проехали три машины с лесом, колхозные девушки сидели в кузове на бревнах и пели песенки. За углом юноши в запачканных спецовках красили здание школы золотой, как луковицы, краской и о чем-то смеялись. В магазины входили и выходили покупатели; позванивая, проносились велосипедисты; мальчишки, оживленно переговариваясь, бежали с удочками на рыбную ловлю; гуси чванливо вышагивали наперерез затормозившему автобусу.

В интернате хозяйка нам сказала, что заходил Аркадий Данилович и, не застав нас дома, попросил срочно прийти к нему на квартиру по важному делу.

Приход такого занятого человека всех нас очень удивил. Забыв об усталости, мы сейчас же отправились его искать.

К шатровой кремлевской колокольне прилепился старинный, розовый, с выпуклыми наличниками, небольшой каменный двухэтажный домик, где жил археолог.

Мы расположились в тени деревьев на траве, с невольной неприязнью глядя на тот дом, где когда-то сожгли драгоценные книги и рукописи. Наш посол Миша один поднялся по наружной лестнице прямо на второй этаж и осторожно постучал в дверку.

Аркадий Данилович быстро спустился к нам, лицо его заметно потускнело и потемнело. Да, за свой насыщенный рабочий день он, конечно, сильно утомился; сейчас посидеть бы ему в кресле, почитать бы книгу или газету, а не с изыскателями беседовать.

— Смотрите на мои злополучные хоромы? — спросил он. — Да, те сгоревшие сокровища мне то и дело снятся. Но не из-за них сейчас позвал я вас к себе. — Он обвел нас внимательным взглядом из-под очков и вновь заговорил: — Вот что, дорогие товарищи, я вспомнил, что видел еще до войны в Ростовском музее написанные от руки сочинения некоего крестьянина Артынова, жившего в прошлом столетии. Тридцать толстенных томов не поленился исписать этот любопытнейший самоучка; так вот, в одном из томов есть упоминание о книгах на берегу. То ли сам Артынов те книги видел, то ли говорил ему о них известный собиратель книг и древних рукописей купец Хлебников? Простите, пожалуйста, позабыл.

— Позвольте! — воскликнул Николай Викторович. — Вы сейчас упомянули о собрании книг ростовского купца Хлебникова?

— Хлебниковская библиотека также сгорела, это произошло задолго до революции, — сказал Аркадий Данилович.

— Да ведь мы вчера видели у одного деда книгу из этого собрания, — настаивал Николай Викторович.

— И она обгорелая, — робко добавила Галя.

— Дедушка, может быть, подарит ее вашему музею, — встал Миша.

— Ох, дорогие товарищи, вы что-то напутали. Повторяю,

собрание Хлебникова, как и наша библиотека, сгорело дотла,— ответил Аркадий Данилович и устало закрыл глаза.

Конечно, это было настоящее безобразие — спорить с таким отомленным человеком. Успеем узнать о купце Хлебникове в Ростовском музее. Пора было прощаться и уходить.

— Да! Не хотите ли, я вас немножко подброшу? — неожиданно предложил Аркадий Данилович.— Завтра в шесть утра я посылаю машину в Гаврилов-Посад. Ваш маршрут идет на Юрьев-Польской, вы попадаете на двадцать пять километров правее. Ну, а потом через Юрьев доберетесь до Ростова.

На машинах туристам, как известно, не положено кататься, но зато...

— Хотим! Хотим! — особенно рьяно закричали девочки.

От всей души поблагодарили мы этого очень хорошего и отзывчивого ребячьего друга и распрощались с ним.

* * *

Проснулись мы не в пять, а в четыре утра от пронзительно-го крика мерзких грачат. Миша успел приспособить для них специальный ящичек с ручкой и с дырками и поставил самодельную клетку в угол нашей комнаты. Николай Викторович приподнял голову с подушки:

— Миша, если ты сейчас же их не выкинешь, то...

Но я так и не узнал, чем грозило это «то». Миша вместе с ящичком стремглав выскочил из комнаты.

Заснуть уже никто не смог. Мы встали, наскоро позавтракали, вскинули рюкзаки за плечи и вышли на большую и пустынную главную площадь города.

Грузовик оказался с крытым брезентом верхом, с лавками по краям. Все расселись, в середку уложили рюкзаки; мы поехали.

Я устроился сзади. Хотелось взглянуть на Суздаль еще раз. Машина затряслась по камням мостовой.

И вот уже мы за городом, и я гляжу во все глаза на удаляющийся Суздаль. Там, на горе, вдоль берега Каменки, над домами, над зеленью садов вперемежку с мачтами телевизоров видны колокольни и луковичи многих церквей.

Теперь я понял, почему старый коммунист Аркадий Данилович Курганов так печется и заботится о ремонте и реставрации памятников прошлого. Ну, разрушится какая-нибудь церквушка, притом не имеющая архитектурной ценности; можно бы

снести ее, разобрать на кирпичи... Но Суздаль-то ведь славен не отдельными творениями древнего зодчества, а всем своим неповторимым созвездием полсотни церквей и многих башен.

Все равно как в букете: вытащить несколько цветков, хоть самых невзрачных — и букет поблекнет и потеряет свою прелесть. Пожалуй, несколько таких городов-музеев нужны. Пусть туристы, юные и взрослые, приезжают и приходят сюда: здесь они научатся любить старину и гордиться славными творениями и подвигами своих предков.

Постепенно город скрывается за горою. Наша машина катит по владимирскому Ополю. Всюду поля и поля, освещенные косыми солнечными лучами; по сторонам дороги то пшеница, то золотая рожь, дальше кукуруза и картофель, а вдали уже не видно, что посеяно, — желто-зеленый ковер уходит куда-то за бугор. А еще дальше, по ту сторону ручья, у самого горизонта, поля сливаются с голубой утренней дымкой...

Николай Викторович запевает удалую туристскую песню, ребята ее подхватывают... А машина, прыгая по ухабам, мчит-ся все вперед и вперед по черной, прибитой дождями дороге...

Глава десятая

ПОЧЕМУ ЛИДА НЕ ПОПАЛА В КИНО?

Фабричные корпуса, новые стандартные дома Гаврилов-Посада выглядели островами среди зелени садов. Вместо колоколен в небо устремлялись карандаши фабричных труб да водонапорная башня. Искать березовые книги здесь было бессмысленно.

Автомашина довезла нас до привокзальной площади; мы высадились и сложили рюкзаки в кучу под забором.

Тотчас же члены штаба турпохода собрались на совещание: ведь мы сегодня ничего еще не ели, надо срочно организовать завтрак.

— Ребята, сами думайте, как и где будем питаться,— сказал Николай Викторович,— а мы с доктором пойдем разговаривать по телефону с Москвой. Надеюсь, когда мы вернемся, вы нас покормите.

Я говорил с Москвой первым, пожелал жене здоровья, попросил передать Тычинке, что поиски березовых книг продолжаются с переменным успехом, и повесил трубку.

Николая Викторовича телефонные новости очень расстроили. Экзамен Ира сдала, сдала на «отлично», но заболела тетка Ириной подруги, и какого-то ребеночка она обещала провожать в детский садик и чьей-то бабушке приносить из молочной кефир.

Все причины были, как видно, вполне уважительные, поэтому Ира сможет присоединиться к нам не раньше чем через неделю.

Мы вернулись на площадь. Ребята со всеми нашими пожитками исчезли, оставив Галю ждать нас.

Галя рассказала, что к ним подошла неизвестная девушка, спросила, откуда мы, и увела всех в клуб. Первый же мальчишка-всезнайка нас проводил к деревянному небольшому зданию.

Там наши очередные дежурные уже хлопотали вокруг плиты. Их фигуры едва различались сквозь облака ароматного пара, витавшего над кастрюлями.

Девочки тут же нас познакомили с белокурой, дочерна загорелой, очень маленькой девушкой Люсей.

Она была секретарем комсомольской организации здешнего совхоза и одновременно участковым агрономом. Это она устроила ребят тут, в совхозном клубе, и сейчас ждет Николая Викторовича и меня, чтобы идти знакомиться с директором. После обеда мы пойдем полоть сахарную свеклу. Завтра утром совхозная машина отвезет нас в Юрьев-Польской, а сегодня вечером мы пойдем в кино.

Словом, наши ребята обо всем договорились как нельзя лучше.

Вася щелкал сумкой. Гриша тряс чубчиком, щурился, подмигивал, подергивал плечами.

— Видите, видите, это я придумал, это я предложил...

Танечка, сидя на рюкзаке, любовалась издали Гришей. Лариса Примерная уткнулась в угол и, ни на кого не глядя, усердно писала в блокноте.

Люся повела Николая Викторовича и меня в контору совхоза.

Оба мы были высокого роста. Шагая между нами, маленькая девушка застенчиво поглядывала на нас снизу вверх и рассказывала о своей не очень богатой событиями жизни: она москвичка, год назад окончила сельскохозяйственный техникум, приехала в совхоз на работу. Дел тут очень много — поля разбросаны, и за день нужно объехать на велосипеде километров пятнадцать. Совхоз передовой, скоро начинается уборочная...

Так, разговаривая, мы подошли к конторе совхоза. Директор, в очках на чугунно-загорелом лице, в черном, запыленном кителе, сидел в своем кабинете за письменным столом и кого-то крепко пробирал по телефону.

Наконец он с силой стукнул телефонной трубкой, поднял глаза, несколько секунд изучал нас, затем резким движением пожал нам руки:

— Здравствуйте! Поможете — спасибо скажем! Сейчас горячка, сенокос, рожь поспевает; прополка — наше слабое место. — Директор неожиданно улыбнулся по-отечески, ласково посмотрел на Люсю. — Молодец у нас агроном! Прямо на улице рабочую силу ловит.

Люся вся зарделась, застенчиво потупила глаза.

Директор повернулся к нам.

— Устроились хорошо? — спросил он.

— Великолпно! Спасибо! — поблагодарил Николай Викторович.

— А машину вам на завтра выделю. — Директор снова крепко пожал нам руки.

Мы поспешили в клуб.

После обеда наскоро собрался штаб турпохода.

Решили выйти в поле всем отрядом, за исключением двух дежурных.

Люся повела нас за три километра. Без рюкзаков идти было очень легко и приятно.

Мы шли и пели песни.

Совхозные земли протянулись вдоль речки. На бесконечных грядках в двух-трех местах пыхтели стоявшие на приколе

тракторы и качали воду для полива. Струи били косыми фонтанами далеко в стороны, радуги переливались в блистающих на солнце брызгах...

Люся, окруженная толпой девочек, вела велосипед.

— Какие вы счастливые, что путешествуете! — говорила она. — А у меня отпуск будет только зимой. Но ведь и зимой можно чудесно и весело отдохнуть. Я на лыжах побегая, на коньках...

Она показала нам борозды сахарной свеклы, сильно заросшие лебедой, осотом и другими сорняками.

Нам роздали четырехпалые «цапки», похожие на лапу рыси с выпущенными когтями. Каждый занял борозду и айда махать цапками, наперегонки теревить, вырывать с корнями зеленых врагов. Разумеется, надо было полоть подчистую, но иные спешили. Кто вперед? Кто дойдет до посадок капусты и начнет другую борозду?

Люся уехала на велосипеде, но через час вернулась, оглядела прополотые ряды и покачала головой. Она подошла к одному торопыге, к другому, к третьему и потихоньку, чтобы никто не расслышал, предложила им переделать работу.

Гриша было обогнал всех. Сейчас, смущенно опустив голову, он проследовал мимо меня к самому началу своей борозды.

Люся опять уехала, пообещав вскоре вернуться.

Наверное, ни у кого не попало таких густых и колючих сорняков, как у меня. Занозив руки в десяти местах, я полз позади всех. По соседней борозде ползла толстушка Лида. Она краснела, пыхтела и все же передвигалась быстрее меня. Однако я стал замечать, что она пропускает много сорняков... А что было совсем возмутительно — она кидала вырванную траву на мою борозду.

Как научный консультант похода, я имел право наказывать, но я еще ни разу не воспользовался своим правом.

Вдруг целый веник лебеды упал прямо перед моим носом. Я чихнул.

— Лида, строгий выговор!

Все обернулись, прекратили полоть, кое-кто привстал.

— Ого-го! — злорадно возликовал Вася.

Все это увидела незаметно подъехавшая на велосипеде Люся.

Лида сделалась вся пунцовая:

— Я вам никогда в жизни этого не прощу!

Мне тут же сделалось невыносимо жалко провинившуюся, но было уже поздно: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

— Какой у вас сердитый начальник! — слышалось за моей спиной удивленное замечание Люси.

— Хуже тигра! — с трудом удерживая слезы, прошептала Лида.

Я сделал вид, что не расслышал.

К четырем часам мы закончили весь заданный урок и снова с песнями отправились домой. Удрученная Лида молча плелась сзади всех.

Большинство ребят после обеда залегло спать. Члены штаба турпохода собрались на экстренное совещание.

— Лида, раскаиваешься ли ты в своем проступке? — спросила судья Лариса Примерная.

Лида всхлипывала, но виновной себя не признавала.

Мне было очень жалко Лиду. Я робко спросил:

— Нельзя ли отменить выговор?

— Нет, нельзя! — угрюмо ответила Лариса Примерная.

— Нет, нельзя! — подтвердили другие.

Взяла слово Танечка:

— Вечером мы идем в кино. А Лида пусть останется вещи стеречь.

Члены штаба единогласно подняли руки. Лариса Примерная тут же записала постановление штаба в свой блокнот.

Услышав столь жестокий приговор, Лида, всхлипывая, вскочила из комнаты.

Мы ушли в кино. Сегодня шел приключенческий фильм про шпионов.

Зрители смотрели картину и переживали: догонят — не догонят, поймают — не поймают... Вдруг — бац! — в ту самую секунду, когда шпион, спасаясь от погони, прыгнул в пропасть, оборвалась лента. Зажегся свет. Зрители неистово завопили, затопали...

— А бедная ваша Лида, верно, скучает и плачет, — заметила сидевшая сзади меня Люся.

Я так увлекся кинофильмом, что забыл про наказанную Лиду. Мне сделалось очень стыдно: я не мог больше сидеть в зале, вскочил и заторопился к выходу.

В клубе мне попала на глаза бедная Лида, крепко спавшая на постеленных посреди пола палатках. Лицо ее распухло, верно, от пролитых слез.

«Нет, никогда никого не буду наказывать»,— твердо решил я.

А между тем погода переменилась, тускло-серые тучи заслонили заходившее солнце. Пошел дождь, мелкий и упорный... Ребята вернулись из кино и легли спать.

Миша еще с вечера вынес грачат в сени. На рассвете птенцы принялись орать столь неистово, что их было слышно даже через три двери. Я открыл глаза и больше не мог уснуть.

А дождь, правда очень теплый, не переставая барабанил по стеклам окон.

Мы встали в восемь. Дождь все продолжал идти. Явилась сияющая Люся в широченном брезентовом плаще с капюшоном, в резиновых сапогах. Под дождем она успела прокатиться по шоссе на велосипеде вдоль ближайших участков полей и убедилась, как посвежели и оправились поникшие стебли пшеницы, посадки кукурузы, свеклы, картофеля... И вдруг Люся нахмурила свои тонкие брови и тревожно оглядела всех нас.

Дорога-то в Юрьев-Польской всегда была плохая: значит, никакая машина сейчас туда не проедет.

Что же делать? Хмурое небо серыми хлопьями нависло над деревьями. Казалось, дождь никогда не кончится.

Накинув розовую прозрачную накидку, принадлежавшую Ларисе Примерной, Николай Викторович зашлепал по лужам в контору. Вскоре он вернулся.

Нечего и думать о машине. Ждать, когда перестанет дождь, когда просохнет дорога,— невозможно. В конторе подсчитали, сколько мы заработали денег. Николай Викторович их получил. На эти деньги мы отправимся в Юрьев-Польской поездом.

Гриша приказал всем разуться. По грязи и дождю мы зашлепали на станцию.

Я уже лет сорок как не бегал босиком и сейчас испытывал величайшее наслаждение. Земля была теплая-теплая, а травка мягкая, ласковая, словно кошачья шерстка...

Через два часа поезд нас доставил в город Юрьев-Польской.

Глава одиннадцатая

ХУДОЖНИК И КАМНИ

В Юрьев-Польском мы ночевали в Доме пионеров. Я встал еще задолго до подъема и отправился один осматривать город.

Это был тот тихий утренний час, когда подоенных коров уже выгнали в стадо и одни голуби деловито перепархивали по пустынной улице, а местные жители еще не собирались вставать на работу. Голубое небо обещало ясную погоду, капли ночного дождя блестели на утреннем солнышке, на травке палисадников.

Я перебрался через древний земляной вал. Где-то здесь бережется жемчужина, о которой мне рассказывал еще Тычинка. Перед нашим отъездом он собственноручно вписал в мою записную книжку следующий текст из Тверской летописи: «И съсда ю Святославъ чюдну, рѣзанымъ каменемъ».

Надпись эта означала, что неведомый зодчий, а вовсе не князь Святослав — один из сыновей Всеволода Большое Гнездо — создал в Юрьеве-Польском в 1234 году церковь из резного камня — Георгиевский собор.

Не сразу позади других построек отыскал я эту белокаменную жемчужину, «церковь чюдну», или, скорее, чуднѹю. Маленькая, головастая, приземистая, как грибок боровичок, была она удивительно милой, забавной, уютной, совсем не похожей на другие, виденные нами гордые храмы двенадцатого столетия.

Я подошел ближе и поразился: каждый отдельный камень ее низких стен был настоящим вдохновенным творением художника. На каждом камне безвестные мастера вырезали неведомого сказочного зверя, или птицу, или святого.

Здесьние каменные чудища были куда хитроумнее и вычурнее владимирских. Ни одной пары камней я не нашел одинаковыми. Этот лев уперся в цветок всеми четырьмя лапами, другой — поднял одну лапу, а вон тот раскрыл пасть, и его язык превратился в пламя.

Камни по стенам были размещены в полном беспорядке: святой чередовался с треххвостым барсом, гирлянды стеблей вовсе обрывались.

Незадолго до нашего похода Тычинка мне рассказал историю этого беспорядка.

Двести с лишним лет простоял Георгиевский собор и неожиданно обрушился. Из Москвы был прислан мастер Ермолин с приказом восстановить храм. Мастер приехал и увидел только остовы стен и груды резных белых камней. Ермолин пытался в них разобраться, пытался подобрать узоры, переходящие с одного камня на другой. Но задача для него оказалась явно непосильной.

Он восстановил собор, не сумев разгадать гениального замысла того, первого, зодчего.

И снова, как во Владимире и в Боголюбове, я думал о том, что народ, создавший эти дивные каменные книги, одновременно создал замечательные поэмы и сказания о зверях, о птицах, о людях и записал эти сказания, но не на дорогом пергаменте, а на бересте. Но злосчастна была судьба древнерусского искусства: от многих пожаров, от татарского нашествия камни уцелели, а береста, а березовые книги...

Курганов называл бересту прочнейшим материалом. Да неужели беспощадное пламя погубило все, до последней березовой страницы?..

Самым тщательным образом, ряд за рядом, я рассмотрел каменный ковер одной стены, затем другой, зашел за угол третьей и неожиданно наткнулся на молодого человека, сидевшего на травке с альбомом для рисования в руках.

«Как это он не поленился встать в такой ранний час?» — подумал я и хотел обойти стороной.

Но меня проняло невольное любопытство, и я заглянул в альбом.

Художник очень тщательно срисовывал узоры с отдельных камней — цветы, зверей, птиц.

Я остановился недалеко от него. Он недовольно кашлянул, черная вьющаяся прядь волос упала ему на лоб, и он с раздражением откинул ее.

— Простите, не помешаю? — извинился я.

— Да нет, ничего. Мне скоро на работу пора.

Только сейчас я увидел глаза художника — круглые, черные, ну в точности, как у нашего Миши, — настоящие живчики. Художник изучающе и недоверчиво оглядел меня с головы до ног и наклонился к альбому. И тотчас же непокорная прядь вновь соскочила ему на лоб.

— Вы что же, работаете тут, в городе, а в свободное время карандашиком балуетесь? — спросил я.

— Это не баловство, а моя работа, — буркнул художник,

И тут же сердитые огоньки в его глазах померкли. Видимо, он раздумал обижаться. Да, в это солнечное утро, лицом к лицу с каменными чудесами, уж очень не к месту было хмурить брови.

Я отошел и начал разглядывать изображение сказочной птицы с головой девы.

— А рассказать, зачем я рисую? — неожиданно спросил меня художник.

— Расскажите. Это интересно, — попросил я.

— Хотите, приходите к нам на фабрику, в нашу мастерскую.

Я узнал, что мой собеседник всего несколько месяцев назад окончил художественный вуз и получил назначение на здешнюю текстильную фабрику.

Только вчера он вернулся из своей первой творческой командировки. Он налетал тысячи километров, побывал в Узбекистане и на Кавказе, в Костромских деревнях и в Ярославском музее...

— Что я там искал, сами увидите. Пойдемте, пойдемте! Ведь вы не здешний, приехали посмотреть наш знаменитый собор. Ваш поезд пойдет еще не скоро, и делать вам все равно нечего. Пойдемте!

Это порывистое приглашение меня озадачило. Но, видно, молодому человеку уж очень не терпелось как можно скорее показать свои произведения. Кажется, он принимал меня за своего собрата. Придется признаться.

— Простите, я не приехал сюда, а пришел пешком и ни на какой поезд не тороплюсь, и потом я не один.

— А сколько же вас?

— Пятнадцать девочек, пятнадцать мальчиков и двое взрослых.

Художник на секунду оторопел и вдруг радостно расширил свои и без того круглые глаза.

— Значит, с вами юные туристы! Как хорошо, что вас так

много! Тогда тем более побывайте на нашей фабрике — вы увидите такие волшебные выдумки! И обязательно зайдите к нам, художникам. Мне очень хочется, чтобы как можно больше народа полюбовалось тем, что я привез из командировки. А сейчас, — он посмотрел на часы, — мне пора уходить. Бегу, бегу! Так приходите непременно.

Художник ушел. Я окончил осмотр собора и заторопился к нашим.

Конечно, текстильная фабрика не имела никакого отношения к поискам березовых книг, но ребята и там найдут много интересного.

Сперва я повел их к собору. Все долго с удивлением рассматривали каменные чудища, некоторых срисовали. Миша ухитрился в зарослях крапивы разыскать обломок белого камня с изображением цветка и запрятал находку в свой рюкзак — пригодится для школьного музея.

Потом мы отправились на фабрику.

Девушка из конторы взялась нам показывать. Она провела нас в огромный белый зал. Света из окон не хватало, под потолком протянулись матово-голубые люминесцентные палочки. Весь зал был заставлен ровными рядами прядильных станков. И всюду на машинах — внизу и наверху — крутились, вертелись деревянные шпули и белые початки нитей. Нити перематывались с одной громадной катушки-бобины на другую, еще большую. Крутились, вертелись палочки-веретена и металлические части этих очень умных и очень сложных машин.

Девушки в синих халатах скользили вдоль рядов станков, удивительно точными движениями пальцев связывали равные время от времени нити.

Мы перешли в следующий, такой же белый зал. Тут крутились и вертелись уже цветные нити. Мы поднялись на третий этаж. Здесь стояли другие шумные станки — ткацкие. Невидимые челноки, щелкая, сновали справа — налево, слева — направо. Пучки цветных нитей, словно радужные струи водопадов, лились откуда-то сверху. А между станками беззвучно скользили девушки, изредка легонько перебирая движущиеся нити.

Восхищенные и зачарованные, во все глаза мы глядели, как поперек станков ползли вперед только что вытканная полотно.

И на каждом станке рождались свой узор и своя расцветка узора.

Так создавались гобеленовые ткани, те самые яркие цветные ткани для оконных портьер, для настенных ковров, для обивки мебели, которые придают квартирам уют и украшают их.

Но я все еще не понимал, зачем понадобилась художнику резьба с соборных камней.

Девушка открыла маленькую дверку, обитую толстым войлоком, и мы попали в светлую, залитую солнечными лучами комнату.

Я с облегчением вздохнул. Стук ткацких станков тут слышался как отдаленное журчание.

Всюду, на окнах и на столах, было много цветов; в углу раскинула свои перистые ветви большая пальма. За одним столом сидел маленький старичок в роговых очках, за другим — две девушки. В дальнем углу занимался мой молодой художник. Все четверо что-то старательно раскрашивали акварельными красками.

Увидев нас, молодой художник порывисто вскочил, подбежал к нам, показывая в широкой улыбке крупные белые зубы, поминутно поправляя падавшие на лоб волосы.

— Здравствуйте, дорогие юные туристы! А я боялся — не придете. Так вот вы какие!

Он нагнул голову набок и принялся самым бесцеремонным образом нас рассматривать веселыми и круглыми черными глазами.

Старичок поднял ершистые седые брови.

— Ну вот, еще целая рота ценителей явилась, — с добродушным ворчанием заметил он.

Молчаливые девушки одновременно поднимали кудрявые головы, одинаково лукаво поглядели на художника и на всех нас, но ничего не сказали.

— Поверите ли... — Старичок обратился ко мне. — За вчерашний день человек сорок советчиков привел наш непоседа.

Художник вскинул на старичка неугомонные глаза-смородины, еще раз поправил волосы, но смолчал и подошел к нам.

— Идите сюда и смотрите. — Он бережно положил перед нами большую папку.

Мы окружили стол и начали медленно разглядывать. На каждом отдельном листе было что-то изображено акварельными красками. Мы увидели сурово-простые или, наоборот, вычурно-затейливые узоры самых различных сочетаний цветов.

— Старинная набойка из Ярославля... Роспись мечети в Самарканде... Чеканка на рукояти грузинской сабли... Вышивка полотна из Костромской области... Вышивка из Ярославля,— объяснял художник, показывая рисунки.

Каждая новая картинка вызывала у нас возгласы восторга: тончайшей, в три волоска, колонковой кисточкой были тщательно нанесены на бумаге эти фантастические пестрые кружевные завитки, листья и цветы.

А сам художник, видимо очень довольный нашим вниманием и восхищением, то отбегал к шкафу за новыми раскрашенными листами, то, растолкав всех нас, пробирался вперед и горячо рассказывал нам о какой-нибудь детали узора.

— А вот виньетка¹ из рукописной церковной книги двенадцатого века.— Он положил на стол последний лист.

— А почему вы эту красивую картинку не dokonчили? — Галя показала пальчиком на виньетку.

И правда, яркий, красочный узор, в котором маленькие сказочные звери чередовались с пестрыми цветами, получился словно какой-то оборванный.

— Да потому, что пергамент, к сожалению, обгорел,— ответил художник.

— Посмотрите, как интересно! — Миша указал на угол страницы.

Оказывается, художник не поленился нарисовать даже черный треугольный штамп владельца той обгорелой рукописной книги.

Я был очень удивлен, когда прочитал на треугольном штампе ту же надпись, что и на обложке журнала «Современник» за 1836 год, принадлежавшего белобородому деду под Суздаlem:

— Где вы отыскиали эту старинную книгу?— спросил я.

Художник ответил, что видел ее у одного старика под Ростовом.

¹ Виньетка — украшение в книге или рукописи в виде небольшого рисунка в начале или конце главы.

«Впрочем, зачем мы будем забивать себе голову собранием Хлебникова,— подумал я.— Мы же ищем березовые книги».

Миша спросил художника:

— А скажите, во время путешествия вам не попадались книги на бересте?

— На бересте?— удивился тот.— Нет, не попадались. А это оригинально — такая виньетка и фон в виде березовой коры.

Я подумал: мы ищем березовые книги, мечтаем найти неизвестные и дивные старые поэмы, былины и сказания, процарапанные на бересте. А художник — ведь он тоже настоящий изыскатель, беззаветно влюбленный в свое дело,— он не только ищет, он находит и отбирает из этого найденного все то прекрасное, что создали в течение многих веков народные умельцы-чудодеи...

— Вот резьбу с нашего собора хочу применить для новой ткани. Не знаю, удастся ли? Больно сложен узор, к тому же камни бесцветны,— говорил художник.

— Удастся!— тихо сказала Галя.

— А то как же!— уверенно произнес Миша.

Художник благодарно посмотрел на Мишу и на Галю.

— Спасибо вам, девочка и мальчик,— улыбнулся он, откидывая прядь со лба.

На этом мы расстались.

«Удастся!» — повторил я про себя, выходя с фабрики.

И верил я: все резные камни собора пересмотрит художник, отберет пять или шесть и возьмет из тех немногих камней их неразгаданную прелесть. Сотни раз придется ему переделывать, подбирая цвета, переиначивая узоры, пока не найдет он единственно верное, ласкающее глаз сочетание красок для будущей гобеленовой ткани.

И выйдет та многоцветная нарядная ткань, лучшая из лучших. Разошлют ее по всей стране. Придут в магазины покупатели. Что ж, может, и мне она попадется на глаза. Тогда я куплю ее в подарок милейшему Николаю Викторовичу на новоселье, в память о нашем походе.

Глава двенадцатая

«БИТВЫ В ПУТИ»

В Доме пионеров мы провели и вторую ночь, а в Юрьев-Польской музей попали только на следующее утро.

На наши вопросы о березовых книгах все музейные работники, молодые и старые, не сговариваясь, делали удивленные лица и утверждали, что никогда ничего о них и не слыхивали.

Один предмет, выставленный в дальней комнате музея, привлек наше внимание. Это был наполовину кожаный, наполовину железный остроконечный шлем.

Из пояснительной надписи мы узнали, что шлем этот — точная копия другого шлема, хранящегося в Оружейной палате Московского Кремля и принадлежавшего князю Ярославу — одному из сыновей Всеволода Большое Гнездо.

Вот при каких обстоятельствах Ярослав потерял этот шлем, и вот как он был найден.

Великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо перед своею смертью в 1212 году разделил принадлежавшие ему земли между своими многочисленными сыновьями. Старший сын Константин, живший в Ростове, хотел получить великое княжение, не переезжая во Владимир. Он любил Ростов, основал там первое на Руси училище; именно в его знаменитой библиотеке, по теории Тычинки, хранились березовые книги... Тогда Всеволод, не хотевший, чтобы город Ростов стал выше города Владимира, завещал великое княжение второму сыну, Юрию. Юрий после смерти отца переехал во Владимир. Константин остался в Ростове, до поры до времени затаив обиду. Прошло четыре года, и Константин вступил в союз с новгородским князем Мстиславом Удалым, Юрий — со своими младшими братьями, Ярославом и Святославом. И пошла на Руси страшная и бессмысленная смута: одни русские дружины двинулись на другие русские дружины. Войска встретились на берегу речки Липецы, недалеко от Юрьев-Польского. Кровавая Липецкая битва закончилась страшным поражением Юрия и его младших братьев. Ярослав, спасаясь от врагов, даже потерял шлем.

А сто пятьдесят лет тому назад крестьянка Ларионова, улучив свободную минуту, захватила лукошко и пошла собирать орехи. Вдруг в траве под орешинной она увидела острый

конец шлема, торчавший из земли. Она подняла этот шлем, положила его вместе с орехами в лукошко и принесла домой. Потом она продала его старосте за пятнадцать копек. Тот, в свою очередь, продал его одному чиновнику за пять рублей. А чиновник в награду «за усердную службу» получил от Ярославского губернатора сто рублей. Губернатор послал шлем в Петербург известному знатоку древностей директору Императорской публичной библиотеки Оленину; тот понял, что держит в руках редчайшую находку, показал шлем ученым и повез его самому царю Александру I. Царь повелел отослать шлем в Москву в Оружейную палату Московского Кремля, где он хранится и до нашего времени.

— Крестьянка нашла на месте Липецкой битвы шлем побежденного Ярослава,— сказала Лариса Примерная,— а мы попробуем найти там другое оружие или березовые книги.

— Может быть, орехи уже спели,— добавила Лида.

Мы попросили девушку-экскурсовода объяснить нам, как добраться до места битвы. Девушка покраснела и призналась, что место это, к сожалению, до сих пор не найдено. Несколько раз предпринимались поиски, и все безрезультатно. Известно только, что битва происходила где-то недалеко, на севере. В летописи сказано, что звон мечей и крики раненых слышались даже в городе.

Дорога в Ростов шла почти что на север. Отчего же нам не попытаться по пути разыскать место Липецкой битвы?

Во второй половине дня мы вышли из города. Широчайшие горизонты раскинулись перед нами; направо по долине текла речка; за речкой поднималась гряда холмов. Лесов нигде не было. Мы видели только засеянные поля. Мне хотелось думать, что именно сейчас мы проходим через поле Липецкой битвы, хотя никакого орешника нигде не было видно. А что, если горка, на которой мы стоим, и есть Юрьева гора? Именно тут семьсот с лишним лет назад раскинули свои стяги — знамена — новгородцы Мстислава Удалого. Слева стояли жители Пскова и Смоленска, справа — ростовцы во главе с Константином. Тогда, значит, та невысокая гора за широкой сырой долиной и есть гора Авдова. Там некогда развевались великокняжеский стяг Юрия и стяги его младших братьев.

Новгородцы перед наступлением разулись и налегке, пешие, с кистенями, топорами, дубинами бросились в атаку на владимирцев через эту болотистую долину.

И пролилась алая кровь ни за что ни про что в этой бессмысленной битве русских против русских...

...Вдруг мы увидели вдаль, в кустах, семь зеленых, освещенных ярким солнцем палаток и дымок от костра. Кто бы это мог там раскинуть лагерь? Мы подошли ближе...

Да это тоже юные туристы! Они в таких же синих куртках и шароварах, как и мы, в таких же кедах. Иные из них лежали возле палаток, иные сутились вокруг костра. Над пылающим костром, на перекладине, надетой на две рога-тульки, висела огромная кастрюля.

Неизвестные туристы заметили нас, кое-кто из них встал. Из крайней палатки вылез пожилой плотный человек в синем комбинезоне; на его загорелом лице виднелись круглые очки с толстыми стеклами, блестящими на солнце. Быстрым шагом незнакомец направился к нам.

— Преподаватель физкультуры из Ленинграда,— отрекомендовался он, крепко пожимая мне руку.

Николай Викторович и я назвали себя.

Ленинградец пригласил нас в гости в свой палаточный лагерь, и мы пошли тесной толпой, слушая его рассказ.

Оказывается, они тут отдыхают уже третий день и тоже заинтересовались местом Липецкой битвы. Они ходили по окрестным деревням, расспрашивали стариков, где течет речка Липеца, где возвышаются горы Авдова и Юрьева? Никто этого не знал. За семьсот лет возникло много новых деревень с поселенцами из других краев, и старые названия давно забылись. Даже место, где рос тот орешник, в котором крестьянка нашла Ярославов шлем, теперь точно неизвестно. Впрочем, Ярослав мог потерять шлем не на месте самой битвы, а во время бегства. Никаких следов битвы — могил, курганов, старых рывин — ленинградцы не обнаружили. Всюду видели только гладкое поле, да луга, да болота.

Идут годы, и исчезают из памяти народной исторические события, имена и названия, связанные с этими событиями. Впрочем, нет, одно имя хорошо известно каждому советскому школьнику. Летописец, рассказывая о Липецкой битве, в числе участников называет славного воина Александра Поповича.

Не о князьях и боярах, а об одном только рядовом дружиннике Константина, лукавом пересмешнике, добром молодце и храбром богатыре Александре — Алеше Поповиче,— говорится в былинах и сказаниях русского народа.

Мы подошли к палаткам. Наши девочки церемонно кивнули ленинградским девочкам, наши мальчики несколько недоверчиво и также церемонно поздоровались за руки с ленинградскими.

Физкультурник нам рассказал о цели их туристского похода. К Липецкой битве она не имеет никакого отношения. Третий год подряд они путешествуют по разным областям нашей страны под девизом «Трудящиеся СССР имеют право на отдых».

Если на дороге им попадается Дом отдыха, они идут туда; находят там интересных людей и расспрашивают их. Им уже с двумя Героями Социалистического Труда удалось познакомиться.

Так в их школе постепенно составляется целая библиотека биографий обыкновенных советских людей. Каждая отдельная биография не похожа на другую и, как правило, очень интересна.

Ребята между тем успели уже перезнакомиться.

Гриша подошел к нам:

— Николай Викторович, у них мячик есть, хотим сыграть в футбол.

Пучками конского щавеля ребята ограничили поле и ворота.

Когда-то новгородцы, прежде чем броситься в атаку на своих братьев-владимирцев, скинули сапоги. И наши современные воины также договорились между собой: будем драться босиком.

Каждая партия собралась на тайное совещание.

— Победить, победить непременно! Ленинградцы на два класса старше, но зато у нас центр нападения «могучий Илья Муромец» — Николай Викторович. У нас на четыре игрока больше.

Но никто не захотел быть защитником. Долой все правила! Никакой защиты, только нападение, только вперед, только победить!

Поблудневший Ленечка, единственный, обутый в кеды, дрожа и моргая, встал вратарем. Судья — ленинградский физкультурник — бросил мяч в игру. Пятнадцать наших нападающих погнались мяч вперед. Миша дал пас Грише, Гриша — Николаю Викторовичу... Вперед, вперед, мимо оторопевших противников!..

Тактика ленинградцев была иная: у них, как у современных

футболистов, стерегли ворота пять защитников да вратарь. Высокий мальчик в лиловой майке отбил мяч, ленинградцы обвели Николая Викторовича и неудержимо устремились в прорыв.

Наши девочки рядком сидели возле края футбольного поля: ленинградки, также рядком, сидели на противоположном краю.

— Мальчишки, не подкачайте! — визжали наши девочки.

— Мальчишки, не подкачайте! — визжали ленинградки.

Прорыв! Прорыв к нашим воротам! Правила игры были забыты. Кто-то кого-то схватил за трусы, кто-то кого-то стукнул по спине, кто-то покатился кувырком, кого-то раздавил наш Илья Муромец. Судья свистел, никто его не слушал...

Высокий, в два раза выше Ленечки, парень ударил по воротам. Ленечка бросился вперед — мяч попал ему в живот. Словно пушинку, самого вратаря вместе с мячом швырнуло в ворота.

Первый гол — 1 : 0 не в нашу пользу.

— Губошлеп! — крикнул Вася.

— Шляпа! — крикнул Гриша.

За первым голом последовал второй, третий. Ленечка самоотверженно прыгал; он взял два безнадежных мяча, прозевал третий. Но что мог поделаться наш бедный, да еще потерявший очки, вратаренок, когда его осаждали три богатыря с усами! Николай Викторович, уже не надеясь на своих, обманным пасом повел мяч один и с ходу забил гол. Снова противники перехватили и прорвались. Бегали-то они куда быстрее. Опять они ударили по воротам.

Наши девочки стонали, жмурились, с досады закрывали глаза руками.

Ленинградки ликовали, кричали «ура!», хлопали в ладоши.

Первый тайм закончился со счетом 8:2 в пользу противника.

Ленечку уволили в запас, вратарем назначили Вову.

Вова встал в воротах, как скала. Он решительно сдвинул свои белые брови, насупился, напряжился, нагнулся, ладонями уперся в колени... И тут же прозевал мяч. Вова был, как скала, неподвижен.

Один за одним влетали вражеские мячи в наши ворота. Вова успевал только удивленно вертеть головой. Он никак не мог понять, как это мячи так быстро пролетали мимо него.

Второй тайм закончился со счетом...

Впрочем, не хочу смущать своих юных походных друзей. Пусть лучше никто не узнает о том счете.

После гонга судьи — он ударил ножом по миске — наши мальчики в полном молчании отошли в сторону. Наши, такие же молчаливые, девочки избегали смотреть им в глаза.

А ленинградцы хохотали, хлопали в ладоши, прыгали, подплясывали... Вдруг они разом смолкли и обернулись в нашу сторону.

К нам подошла высокая черноволосая девушка.

— Мы очень рады, что с вами познакомились, — дружески улыбнулась она. — Давайте переписываться. Мы вам будем писать, как собираем биографии советских людей. Вы нам пишите, как идут поиски березовых книг.

И тут же распри были забыты: оба туристские отряда соединились вместе, посыпались веселые перекрестные реплики:

— А вы в Ленинграде были?

— А вы в Москве были?

— А какой у нас поход!

— А наш еще лучше!

— А какой у нас начальник похода!

— А наш еще лучше!

Миша перещеголял всех своей похвальбой:

— А у нас есть научный консультант, а у вас нет!

Оба отряда выстроились друг против друга.

Протрубил в горн мальчик-ленинградец; протрубил в кулак Миша.

Ленинградцы нам пожелали счастливого пути. Мы стали подниматься на Юрьеву гору, а наши новые друзья долго еще стояли шеренгой вдоль палаток и махали нам вслед руками и платочками.

Глава тринадцатая

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Путь наш теперь лежал на Ростов — тот древний город, где некогда была библиотека князя Константина, где сгорело собрание старинных книг купца Хлебникова, где в музее хранятся рукописи крестьянина Артынова.

От Юрьев-Польского мы уже прошли километров двенадцать. Кончилось наконец Ополье, и мы вступили в долгожданное царство лесов.

Мы брели по проселочной дороге, поднимались на очередной пригорок, и тогда леса, освещенные солнцем, словно зеленое море, расстилались вокруг. Спускались мы в ложину, и сразу словно темнело, елки обступали дорогу, пышная моховая перина легко поддавалась под ногою.

Иногда наша дорога выходила на солнечную поляну. И на каждой такой поляне стога стояли, как шлемы великанов-богатырей.

Впрочем, по этой старой дороге, протянутой от одного старого города к другому, пролегли самые современные глубокие колеи с узорами следов от покрышек автомашин...

По карте не всегда было ясно, куда мы идем, но Лариса Примерная, шедшая впереди, проверяла направление по компасу. И вдруг дорога раздвоилась. Лариса посмотрела на компас, сверилась по карте — развилок нанесен не был. Направление азимута показывало куда-то между дорогами; правая выглядела более наезженной.

— Сюда! — скомандовал Гриша.

Мы повернули направо, прошли не больше трехсот шагов и неожиданно очутились перед высокой, красной, перевитой засохшими березками аркой. На арке было написано крупными белыми буквами: «Добро пожаловать!»

Уж очень не к месту поставили это странное сооружение среди елового леса.

— Посмотрите! — крикнула Лариса Примерная.

Налево к елке была прибита маленькая дощечка с надписью: «Вход посторонним строго воспрещается».

— Там пионерлагерь! — Миша тряс бараний рог, размахивал клеткой с грачатами; разбуженные грачата запищали. — Всегда у входа в пионерлагерь две такие надписи.

— Рюкзаки на землю! — скомандовал Гриша.

Неумело пришитая заплатка на штанине Николая Викторовича была слишком заметна, а многие наши туристы за время похода сильно оборвались. И потому штаб решил отправить вперед в качестве послов самых якобы нарядных — Ларису Примерную, Галю и меня.

Мы смело прошли под аркой, не обращая внимания на грозную надпись сбоку. Елки поределели, за стволами деревьев показались посыпанные песком дорожки, а еще дальше — несколько ярко-голубых зданий с широкими окнами. И везде, куда ни глянь, — на желтых дорожках, под голубыми навесами, под голубыми грибками — бегали, стояли, прыгали, кружились дети поменьше наших.

Всюду возле дорожек виднелись на столбиках голубые дощечки с надписями: «Цветы не рвать», «По траве не ходить», «На траве не лежать», «Громко не разговаривать», «Вне дорожек не ходить».

Пионерлагерь был построен в еловом лесу, на чудесном высоком берегу речки. Кудрявые зеленые березки сбегали по склону горы. Речка пряталась в ольховых зарослях, кое-где поблескивая голубыми зеркальцами.

Одна из девушек, облепленная ребятами, заметила нас, вскочила и загородила дорогу:

— Нельзя, нельзя посторонним!

Отовсюду к нам бежали мальчики и девочки в шароварах и тапочках. Они обступили нас со всех сторон, разинули рты, заглядывая нам в глаза. Показались взрослые — мужчины и женщины в белых халатах; круглощекий, красноносый повар в колпаке вышел из двери столовой; из медпункта выглянула врач в очках.

Полная и низенькая женщина, раздвигая толпы ребятшек, заторопилась к нам. Это была начальница лагеря.

Я стал неловко извиняться, объяснять. Вся теснившая нас толпа внимательно слушала меня.

— Мы московские туристы, идем в дальний поход. Я прошу прощения, мы попали в лагерь нечаянно. Видим — дорога, спросить было не у кого. Прошу разрешить нам пройти через вашу территорию.

— А вам зачем проходить через лагерь, — перебила меня одна из девушек, — вернитесь немного обратно и пойдите по другой дороге.

Начальница ничего нам не сказала и о чем-то зашептала с поваром и врачом.

— А у вас больные есть?— Врач испытующе посмотрела на меня из-под очков.

— Нет, нет!— замахал я руками.— Наши туристы совершенно здоровы, и с каждым днем их организм все больше крепнет и закаляется.

— В таком случае мы вас приглашаем обедать.— Начальница лагеря ласково посмотрела на меня.

Я оторопел: слишком неожиданно было приглашение.

— Что вы, что вы!— Я вновь замахал руками.— Мы всем сыты!

Я посмотрел на своих спутниц.

Лариса Примерная подняла брови и наклонила голову. Ее очки мешали мне понять, что говорят ее глаза. Галя исподтишка мне красноречиво заморгала своими густыми ресницами.

— Мы вам будем так рады,— настаивала начальница лагеря.

Лариса Примерная и Галя, не дожидаясь моего окончательного ответа, побежали за остальными нашими.

— А может быть, вы у нас переночуете?— приветливо спросила начальница лагеря.— Давайте проведем какое-нибудь совместное веселое мероприятие.— Она показала на голубое здание, стоявшее в стороне.— Это дом для «тихих игр». Вы там очень хорошо устроитесь.

Следом за Ларисой и Галей скорым шагом подошли наши.

— Купаться! Купаться!— кричали все.

Они едва-едва поздоровались с начальницей лагеря, свалили вещи в кучу и заторопились вниз на речку.

— Галя, вернись!— крикнул я.

Насупившись, Галя побрела ко мне.

Наконец первый раз за время похода можно было искупаться.

Выбирая подходящее место, все побежали вдоль берега и скрылись в кустах за поворотом речки.

Галя посмотрела на меня такими печальными глазами, что мне ее сделалось нестерпимо жалко.

Чтобы хоть немного утешить девочку, я предложил ей пройтись. Она покорно пошла рядом со мной.

— Как это называется?— спросила она меня, срывая былинку.

— Тимофеева трава.

— А кто такой был Тимофей? А почему назвали траву в честь него?

С тех пор как я ближе познакомился с Галей, я заметил, что она была ужасно любопытна. Своими вопросами она совершенно изводила меня.

Все эти дни мои миска, кружка и ложка всегда были чисто вымыты; вчера даже рубашка оказалась выстиранной и пуговица на вороте пришитой. Но я знал: эти мелкие услуги Галя оказывала неспроста. Однако я не поддавался ее чарам.

— Нет, дорогая, купаться тебя не пущу!

Так, прогуливаясь, Галя и я подошли к странной голубой постройке на самом берегу реки. Через навес вели мостки к огороженному забором участку воды. Это была купальня пионерлагеря — «лягушатник», как любят иногда называть это сооружение ребята.

Цепочкой, один за другим, рысдой семенили с горы голоногие лагерные ребята в одних трусах или в голубых купальниках. Все они держали кулачки у подбородка и повизгивали, быстро перебирая тоненькими ножками.

Взрослые девушки обступали их со всех сторон.

— Скорее, скорее! — кричали они.

Первая партия ребятшек с визгом бросилась в «лягушатник» и начала там барахтаться. Девушки тут же расселись по сторонам загородки, а ровно через пять минут закричали:

— Вылезайте! Вылезайте!

Мокрые ребята тут же выскочили один за другим и, по-прежнему держа кулачки у подбородка, нагнувшись, заправили в кусты выжимать одежду.

Следующая партия прыгнула в огороженное пространство воды.

А вдали слышались ликующие крики и визги наших купальщиков. Они нашли нависшую над водой старую иву. Стараясь вытянутыми в стороны руками сохранить равновесие, один за другим по наклонному стволу смельчаки добрались до веток и прыгали с высоты.

Худенький, с бледными плечиками Ленечка никак не решался войти в воду. Как котенок перед лужей, он стоял на песчаной отмели, брезгливо и нерешительно перебирая ногами.

— Доктор, правда, когда купаются первый раз в году, надо очень осторожно заходить в речку?— спросил он меня.

Я не успел ответить, Ленечка не успел раскрыть рта — к нему сзади подкрались четверо, схватили за ноги, за руки и с криком бросили в воду.

— Ну смотрите, такие маленькие детки и даже Ленечка купаются,— попросила Галя, умильно заглядывая мне в глаза.

— А как у тебя с насморком?

— Да прошел же, еще третьего дня!

— Ну беги.

Галю, словно пылинку, сдуло, и уже через минуту в своем красном купальнике она прыгала в воде и брызгалась вместе со всеми остальными.

— А я за вами,— сказала подошедшая ко мне начальница лагеря.— Мои уже давно пообедали, теперь вы.

— Обедать, обедать!— закричал я, приставив ладони ко рту трубочкой.

Для туристов это было всегда самое упонительное слово на свете. Его слышали даже те, которые в данную минуту нырнули.

Не прошло и десяти минут, как все наши, с мокрыми волосами, хохочущие, переполненные самым безудержным весельем, уселись в столовой рядком за длинный стол.

Глядя, как гости опустошают тарелки, начальница вздохнула:

— Ах, если бы мои дети имели такой аппетит!

Николай Викторович и я договорились с ней, что мы устроим соревнования в футбол, волейбол и баскетбол. Кто не будет участвовать — пусть смотрит.

Наши с радостью согласились. Горечь поражения еще слишком давала себя знать. Здешние мальчики и девочки были помоложе. Конечно, мы возьмем тут реванш, даже играя без Николая Викторовича.

— Спа-си-бо! Спа-си-бо!— весело закричали все, вставая из-за стола.

Миша откровенно похлопал себя по животу.

— Набьем им! Набьем!— говорил Гриша Васе.

— Набьем им! Набьем!— говорил Вова Ленечке.

Я усомнился: после такого сытного обеда — кстати, второго за день — не получилось бы снова конфуза.

Весть о предстоящих спортивных играх разнеслась по всему лагерю. Тамошние ребяташки в величайшем возбуждении бегали взад и вперед.

— Набьем им! Набьем!— слышались их звонкие, воинственные клики.

Обе команды готовы были грудью отстоять свою спортивную честь.

И вдруг пошел дождь, не очень чтобы сильный, а настойчивый, мелкий; все небо заволокло серой пеленою. О спортивных соревнованиях не могло быть и речи.

Мы пошли в дом для «тихих игр» и легли рядком на палатках.

— Обед мы слопали? Слопали. Развлечь ребяташек обещали? Обещали,— отвечал Николай Викторович на свои же вопросы.— А при плохой погоде им тем более будет скучно. Давайте устроим концерт самодеятельности.

Я узнал, что Лариса Примерная бесподобно исполняет частушки, Галя — акробатка второго разряда, Лида читает басни Михалкова, Танечка с подружкой танцует венгерку, Гриша лихо отплясывает чечетку, Ленечка читает стихи.

Но, увы, предложение Николая Викторовича не встретило отклика. Видно, туго набитые желудки помешали. Лариса

Примерная заявила, что она не в ударе; остальные девочки сказали, что давно не репетировали и всё перезабыли; Гриша наотрез отказался: с тех пор как его выбрали начальником отряда, он вообще не танцует. Один милейший Ленечка не побоялся — он будет декламировать «Горб» Маршака.

Как же быть?

— А что, если Лариса прочтет отрывки из своего дневника? — предложил Николай Викторович.

— Я выберу самые смешные места, — гордо склонив голову набок и поблескивая очками, сказала Лариса Примерная.

— А доктор пусть расскажет о березовых книгах, — добавила Галя и тут же покраснела.

— Правильно! — согласился Николай Викторович.

— А последним выступлю я! — воскликнул Миша. — А что я покажу, не скажу.

Лариса Примерная было запротестовала: программа обязательно должна быть заранее утверждена штабом турпохода. Но Миша круглыми выразительными глазами так умоляюще оглядел всех нас, что мы уступили ему:

— Ладно, авось не подведет.

Народу в столовой набралось полным-полно. Все сто пятьдесят ребят пришли смотреть и слушать москвичей. Столы и скамьи сдвинули к перегородке, самых маленьких посадили впереди прямо на полу, за ними разместились ребята побольше, сзади на скамьях сели взрослые. Погасили свет, оставив гореть одну крайнюю лампочку. Зал погрузился в полную темноту; освещались только сидящие впереди малыши и место, где будут выступать наши.

Гриша-конферансье вышел вперед и, небрежно теребя свой чубчик, объявил:

— Сейчас артист Леня продекламирует «Горб» Маршака.

Ленечка выбежал вперед, оглядел притихший от ожидания зал, шаркнул кедой. Кто-то сзади начал хлопать. Весь зал содрогнулся от грома аплодисментов, как говорится, «переходящих в овацию». Ленечка покраснел, видимо, испугался, почему-то снял очки. Негромко и заикаясь, он начал бормотать какие-то фразы. Аплодисменты понемногу стихли.

Я сидел недалеко, старался прислушаться, но не слышал ничего.

Ленечка все тянул без всякого выражения что-то необыкновенно длинное. Послышался кашель, потом сдавленный

смех. Сидевшая впереди маленькая беленькая девочка закрыла глаза, опустила вниз голову. Ленечка наконец кончил, неловко поклонился, жидкие, нестройные хлопки проводили его.

Вышла Лариса Примерная и с кокетливой улыбкой раскланялась направо и налево.

— Сейчас я вам буду читать отрывки из своего походного дневника.

Она раскрыла тетрадку, начала перелистывать страницы, искала-искала, листала-листкала. Свет от одинокой лампочки был тусклый, а Ларисин карандаш, верно, нечеткий. Зрители замерли в ожидании.

— «Мы все очень любим мороженое,— начала улыбающаяся Лариса.— Мороженое — самая вкусная вещь на свете. Нам очень хотелось покушать мороженое, но мы не знали, откуда взять деньги на мороженое. Тогда Вася сказал: «Я придумал, как купить мороженое...»

Беленькая девочка, не открывая глаз, положила голову на плечо подружки с черными косами, чернокобая закрыла глаза.

Лариса Примерная перевернула несколько страниц и уткнула нос в тетрадку. Снова она не могла найти нужное место, наконец нашла:

— «Дежурные девочки отправились в деревню за луком, а Вова начал мешать палкой овсяную кашу. Нам всем очень хотелось кушать. Мы сели ждать, когда закипит каша, а дров было совсем мало, и костер горел очень плохо...»

Смех душил Ларису, она никак не могла закончить фразы. Беленькая девочка вытянула ноги и легла к чернокобой на колени. Возможно, еще кто-нибудь уснул, но в темноте я не видел. Кашель и усердное сопенье слышались со всех сторон. Ничего не замечавшая Лариса Примерная давилась от хохота, но, кроме нее, не смеялся никто.

Николай Викторович подошел к ней, что-то шепнул на ухо. Лариса вздрогнула, сжала тетрадку и ринулась куда-то прямо в темноту.

Кто-то хлопнул два раза в ладоши. Спящие впереди девочки не шевельнулись. Из дальнего угла послышался откровенный размеренный храп.

Сейчас выступать мне. Какой ужас!

Храп раздавался уже с нескольких сторон. Беленькая девочка заскулила во сне, повернулась и легла на бок, подпе-

рев кулачком щечку; ее подруга положила свою чернокосую голову ей на плечо...

Как выражаются школьники, я понял, что «влип». Однако взял себя в руки и вышел вперед. Я начал издали: о Всеволоде Большое Гнездо, о его сыновьях. Я заикался, мял слова... Провал, позорный провал! Вот как отблагодарили мы пионерлагерь за гостеприимство!

Кое-как я закончил рассказ о Липецкой битве и почувствовал, что больше не могу сказать ни слова. Я поклонился и исчез в темном зале.

Надо обладать чрезмерным сомнением и беззаветной храбростью, чтобы после всего этого посметь выступить.

Но Миша выступил.

Бочком, потихоньку он вышел на освещенный пятачок, поставил свою самодельную клетку на пол, вытащил из-за спины свой бараний рог и голосом, громким и призывным, протрубил: «Ту-ту! Ту-ту! Ту-ту!» Так некогда славные богатыри в пылу битвы призывали друг друга.

Все встrepенулись. Храп теперь доносился только из одного угла. Беленькая и черненькая девочки проснулись, сели и широко раскрытыми, непонимающими глазами, уставились на Мишу.

— Начинаем, начинаем представление для ребят!— громко пропел Миша и открыл клетку.

Оба грачонка выскочили и отчаянно запищали.

— Э-э-э! Этого зовут Гриша, этого — Ленечка,— показывал Миша.— Сейчас уважаемые зрители увидят, что умеют делать пернатые артисты.

В зале задвигали скамьями, захохотали.

— Тише, тише, уважаемые зрители! Прошу вас, не смейтесь. А теперь смотрите...

Миша на расческе, обернутой бумажкой, заиграл стремительную польку. Грачата под неистовые, восторженные вопли всего зала принялись танцевать на крышке клетки. Миша замолчал, грачата вспрыгнули ему на плечи, потом на голову и поцеловались клювами.

Вот почему Миша на каждом ночлеге, на каждом привале все возился с грачатами. Я думал: он их кормит, играет с ними, а он, оказывается, их дрессировал настойчиво и терпеливо.

Под гром аплодисментов, под крики и хохот ребят Миша закончил представление. Его вызывали пять раз, он выходил с грачатами на плечах и кланялся.

Ко мне подошла начальница лагеря, крепко и сердечно пожала руку.

— До чего же я вам благодарна! Огромное вам спасибо! Как умело вы развеселили ребят! Сперва выступления серьезные, а напоследок такое комическое! Разговоров теперь хватит до самых школьных занятий.

Два мальчика подошли ко мне и к Николаю Викторовичу.

— Дяденька, какие у вас хорошие грачата,— жалостным голосом начал один.

— Куда вам их нести столько километров,— вторил другой.

Николай Викторович оглянулся, ища Мишу. Миша, только что стоявший возле нас, сейчас, расталкивая толпу, торопился к выходу.

Ночевали мы очень хорошо на душистой сенной подстилке.

Утром по требованию Ларисы Примерной было срочно созвано заседание штаба.

Выступила Лариса:

— Я отказываюсь вести дневник похода. Никто не ценит и не понимает моего творчества,— сказала она дрогнувшим голосом.

— Ну и не пиши, все равно твою скучищу никто читать не станет.— Миша насмешливо посмотрел на Ларису.

Постановили: «С сегодняшнего дня вести дневник всем по очереди, а Ларисе за ее усердный труд вынести благодарность».

Нас позвали завтракать, а после завтрака собралась торжественная линейка. Три стороны площадки заняли шеренги лагерных ребятишек, на четвертой — выстроились мы.

Под торжественные звуки горна на мачте взвился алый флаг. Начальница лагеря сказала краткую напутственную речь. Маленькие девочки преподнесли нам букеты цветов, пожелали нам счастливого пути.

Вдруг открылись двери кухни, и двое мальчиков в белых поварских колпаках вынесли огромный ящик, наполненный горячими румяными пирожками. Несколько девочек бросились спешно перекладывать их в нашу большую кастрюлю. Такого изумительного подарка мы никак не ожидали.

Ответное слово взял Николай Викторович. Он заговорил о широком и незабываемом русском гостеприимстве, о нашей благодарности...

— А мы их ничем не отблагодарили,— шепотом подсказал я.

— Миша,— тихо произнес Николай Викторович,— выручай нас — подари им грачат.

Миша надулся, покраснел, опустил глаза, вышел из строя, нагнулся над клеткой и, не говоря ни слова, начал сыпать туда через щелки хлебные крошки.

Мы стояли шеренгой с увязанными рюкзаками у ног, с засученными шароварами и ждали Мишу.

— Мишенька, пожалуйста, подари грачат пионерлагерю,— тихим голосом попросила Галя.

Миша молчал.

— Очень тебя прошу, для меня.— Галя шепнула еще тише, но я стоял рядом и слышал.

Миша молча взял клетку и, ни на кого не глядя, поставил ее под мачтой.

— Спа-си-бо! — сказали мы.

— Спа-си-бо! До сви-дания! — сказали хозяева.

Гриша дал команду вскинуть рюкзаки за плечи, и мы пошли по глинистой, хлюпающей дороге.

Миша понуриив голову двигался позади замыкающего. Он явно нарушал походный порядок, но никто не делал ему замечаний.

Мы шли молча один за другим. Нижние листья березок и осинок вздрагивали, когда ветерок сдувал на них с верхних веток дождевые капли.

Глава четырнадцатая

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ПИРОЖКОВАЯ КАША?

Солнце играло на мокрых еловых иглах, алмазики горели на каждой тонкой былинке. Но грязь на дороге почти не сохла. Идти по густому лесу было трудно. Мы двигались медленно, опираясь на палки, но все равно наши ноги скользили, кеды намokли, отяжелели, на них налипла глина. Три дырочки сбоку подошв на сухой дороге создавали вентиляцию, а сейчас через них свободно проникала вода. Двое или трое успели упасть.

Наконец елки поредели, и вскоре мы вышли на поле. Впереди, километра за три, показалось большое село.

В поле дорога успела мало-мальски просохнуть. Решили этот трудный перегон взять без привала. Ведь он же последний.

Вперед, вперед! Мы зашагали веселее. Настроение сразу поднялось. Время от времени по цепочке пробегал смешок. Дорога стала спускаться под гору, идти было все легче.

Задерживала движение тяжелая большая кастрюля, наполненная пирожками из пионерлагеря. Ее поочередно несли вдвоем на палке. И пирожки в кастрюле мерно подпрыгивали — тух-тух.

Вдруг вдали что-то глухо заворчало. Я оглянулся и вздрогнул — серая лохматая туча медленно выплывала из-за леса.

— Ребята, скорее ходу! — крикнул Николай Викторович. Настала минута, когда ему надо забыть об отпуске и взять всю власть в свои могучие руки. — Скорее ходу!

Гром ударил вторично; туча темнела, надвигалась...

Мы бежали беспорядочной толпой; прыгали за нашими спинами рюкзаки, звенели ведра... Это была бешеная скачка.

Скорее, скорее!

Николай Викторович пропустил мимо себя всех. Он кричал, подгоняя задних:

— Палкой буду бить по пяткам!

А туча все надвигалась. Ключья свинцовых облаков низко нависли над лесом, молния тонкой трещинкой прескочила между облаками, ударил оглушительный гром, светло-серая пелена дождя закрыла елки позади нас.

Скорее, скорее!

До села было еще так далеко! Налетел вихрь, холодный,

резкий, сшибающий с ног. Было страшно глядеть на небо. Черная низкая туча охватывала небосклон справа и слева, неслась со стремительной быстротой. Скрылся из виду лес. Нас догнала сплошная серая завеса дождя.

Снова сверкнула молния, тут же ударил гром, послышался глухой шум. Я оглянулся — дождь настигал. Под ударами капель шумели и пригибались кукурузные стебли.

Скорее, скорее!

Вася и Вова на палке несли кастрюлю с пирожками. От их быстрого бега пирожки подпрыгивали — трух-трух.

Первые крупные капли дождя застучали по моей спине. И через пять секунд ударил ливень, страшный, всеокрушающий.

— Го-го-го! — загремел Миша.

Девочки взвизгнули, захохотали. Лариса Примерная на ходу бросила свою розовую прозрачную накидку Гале.

Галя бежала вприпрыжку, нарочно разбрызгивая лужи, хотала громче всех.

— Сумасшедшая! Что тут смешного!

Я торопился, спотыкаясь на каждом шагу, ноги мои разъезжались в разные стороны. Дождь больно хлестал по лицу, слепил глаза. С Таниной широкополой шляпы, с моей соломенной стекали потоки. Ленечкину панамку сорвало ветром и понесло по полю: он не стал ее догонять.

Скорее, скорее!

«Ай, ай, ай! — Струйка ледяной воды потекла вдоль моего позвоночника. — Бр-р! Как холодно! Чему эти дураки смеются!»

— Николай Викторович! Николай Викторович! — вопил Ленечка. — Вода с головы течет на глаза. Я ничего не вижу, я до нитки промок!

Кастрюлю с пирожками теперь несли Николай Викторович и Вася, но пирожки больше не подпрыгивали — трух-трух.

Ливень не затихал. Вихрь заставлял нас нагибаться, леденил кровь.

Мы бежали, бежали... Давно уже никто не смеялся.

Сквозь полосы дождя проступили очертания деревни. В стороне от дороги в палисаднике показался первый дом, обширный, не похожий на жилой. Над крыльцом мы увидели зеленую вывеску: «Начальная школа».

— Сюда, сюда! — задыхающимся голосом закричал Николай Викторович. Даже его измотала эта сумасшедшая скачка.

Мы вбежали на маленькое крыльцо.

— Теснее, теснее! Раз теснее, значит, теплее! — торопил он.

— Давайте замок ломать, — прохрипел Гриша.

Да, при таких более чем сверхисключительных обстоятельствах, кажется, мы имели право это сделать.

Уже Миша отстегнул от рюкзака топорик, уже Вова зацепил ручкой лопатки за пробой. Ребят не смутило, что замок был побольше кулачища Николая Викторовича.

— Сейчас, сейчас! — шлепая по лужам лодками-галошами, бежала к нам закутанная в платок седая женщина. — Я из окошка вижу: по дождю целый полк скачет. — Теряя галоши и задыхаясь, женщина засемила по ступенькам на крыльцо, протиснулась между нами, всунула ключ в замок.

Всей толпой, толкая друг друга, мы ввалились в просторные сени школы.

К нашему удивлению, в школе было только два маленьких класса и совсем крохотная учительская.

— Учителка наша в отпуску. Ну да как вам не отворить! Матушки мои, да где же вы так загваздались? Голубчики, да куда же это вас гонят? Да как же это вас родители пустили? — причитала старушка сторожика.

Надо было немедленно переодеться, немедленно затопить печку, немедленно достать откуда-то живительное тепло, чтобы согреться, высушить одежду. Вдобавок мы были голодны, как самые голодные волки. (Ну, это уже во вторую очередь.)

— Мальчики, сюда! — показал Николай Викторович на тот класс, где была печка. — Девочки, сюда! — Он показал на другой класс, где была плита.

На наше счастье, в сарае оказалось полно сена, полно дров, правда неколотых. Миша с Васей в одних трусах побежали их колоть.

Но хорошо сказать — «переодеться»! А во что?

У большинства все вещи и даже сами непромокаемые рюкзаки промокли насквозь.

— Бр-р-р! — В одних трусах пробирала дрожь.

В два счета поставили мы парты друг на друга.

Николай Викторович сухой берестой разжег и печку и плиту. С чудесным треском вдоль поленьев побежало пламя.

Уходившая было нянечка вернулась обратно, принесла два одеяла, тулуп, валенки и снова исчезла.

В одеяла закутались я и Николай Викторович. Валенки и тулуп отдали Гале. Старый желтый тулуп был ей непомерно велик и волочился по полу. От него вкусно пахло овчиной. Галины мокрые волосы завились золотыми мелкими кудряшками. Она напомнила мне крестьянскую девушку с картины Сурикова.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я ее.

— Лучше всех! — звонко засмеялась она, приплясывая огромными подшитыми валенками.

Вова, Вася и Миша отправились за водой. Это был настоящий подвиг — идти к колодцу в дождь, в одних трусах.

Наши скатанные палатки почти не промокли. Расстелили по полу сено, поверх сена — палатки. Все ребята залезли под ряд под брезент и тесно прижались друг к другу.

По мнению штаба турпохода, нормально одеты были только я и Николай Викторович — это в одеяла! — поэтому дежурство на сегодня приняли мы. Он будет за старшего, я — за помощника. А ребята пусть лежат под брезентом и согреваются.

О, мы покажем, как выразился Николай Викторович, класс дежурства!

Раньше, когда дежурили ребята — каждый день по два

мальчика и по две девочки,— обед частенько бывал не совсем того... То каша подгорала, то макароны слипались в комки или суп пересаливался, а картошка хрустела на зубах. Однажды Ленечка даже бухнул мясные консервы в компот.

— Да, теперь мы покажем класс дежурства! — бодро ответил я.

Прежде всего мы поставили ведра с водой на плиту. За луком, за картошкой не пойдем — увольте, пожалуйста; сварим суп вермишелевый с мясными консервами, на второе — манную кашу, на третье — чай.

А где кастрюля с пирожками? Николай Викторович оставил ее в сенях. Пирожков было четыре сорта: с мясом, луком, рисом и с повидлом. Я выскочил в сени, открыл крышку. Какой ужас! Пирожки, политые дождевой водой, превратились в одно сплошное липкое тесто...

— Что же с ними делать? — спросил я Николая Викторовича.

В этот момент вновь явилась сторожиха тетя Настя.

— Вот вам от колхоза гостинец, — сказала она и поставила на пол целое ведро молока. — А это от меня — одежду сушить. — Она положила рядом большую связку веревок.

— Что делать с пирожками? — переспросил меня Николай Викторович. — Ручаюсь, получится великолепная каша! — немного поразмыслив, воскликнул он.

Не успел я возразить, как он вылил все молоко в кастрюлю с пирожками.

— Доктор, отыщите в сарае подходящую палку и не переставая помешивайте и следите, чтобы не подгорело, — сказал он и поставил кастрюлю на плиту.

Тем временем дождь перестал. Миша, Вова и Вася совершили второй героический подвиг: они отправились на пруд полоскать все шаровары.

Лариса Примерная и Танечка решились выползти из-под брезента в одних купальниках. Под руководством тети Насти они протянули веревки с одной стены на другую и начали вешать все подряд — шаровары, куртки, майки, трусы, одеяла, даже сами рюкзаки. Над плитой повесили, как флажки на новогодней елке, гирлянды разноцветных носков, платочков, документы и деньги из Васиной сумки.

Грязные кеды свалили в кучу. Утром разберемся и вымоем их, а на сегодня у каждого есть запасные тапочки.

Я все стоял у плиты и мешал палкой пирожковую кашу.

Девочки высунули носы из-под брезента и — такие негодницы! — потешались надо мной, сравнивали меня, закутанного в тогу, с древним римлянином.

Мне досталась хлопотливая работа — мешать кушанья по очереди во всех трех посудинах. Честное слово, я не виноват, что прозевал: убежало молоко из пирожковой каши, и то самая капелька — не больше двух стаканов. А девчонки подняли отчаянный крик. Ну что ж тут такого — не очень густые клу-бы не очень удушливого чада заволокли весь класс.

Я попробовал пирожковую кашу. Вкус был какой-то необычный, возможно лук и мясо плохо уживались с повидлом.

— Попробуйте вы, — попросил я Николая Викторовича.

Он тут же зачерпнул ложкой и таинственно мне шепнул:

— Прибавьте два стакана сахарного песка.

Наконец все поспело. Кто мог встать, ел, сидя за партами. Кто не мог, тому миску подали прямо в постель.

Вермишелевый суп и манную кашу все проглотили молча, зато каша пирожковая имела заслуженный успех. Все восторгались, просили по добавке, еще раз по добавке, — хвалили толстого повара из пионерлагеря. Ну и меня тоже немножко хвалили.

Улеглись мы очень рано, еще до захода солнца, и спали не просто крепко, а крепчайшим сном, как обитатели королевского дворца из сказки «Спящая красавица».

Глава пятнадцатая

КАК МЫ РАБОТАЛИ В КОЛХОЗЕ

Еще вчера я заметил, что у многих ребят и на подошвах, и на пальцах, и на пятках за два дня похода вскочили большие пузыри, у иных сильно распухли ноги.

Но вчера некогда было, а сегодня перед завтраком «под руководством» Танечки я занялся хирургией. Ловкие руки Танечки смазали потертости и забинтовали множество ног.

Десять ребят идти дальше не могли; надо было, по крайней мере, три дня отдыха, чтобы залечить их раны.

Натерли ноги Вася, Лида, Ленечка и другие. Лариса Примерная вспомнила, что именно они раньше пропускали лыжные прогулки и весенние тренировочные походы.

— Вот видите, сколько раз я вас предупреждала, а теперь... — гневно упрекала она.

— Так и будем загорать на солнышке? — сердито спросил Миша.

— Бездельничать никто не собирается, — повысив голос, ответил Николай Викторович, — иду в правление колхоза договариваться: пусть дадут нам какую-нибудь работу.

Он вернулся в крайнем возбуждении, с искрящимися от удовольствия глазами, раздуряющимися щеками... Все собрались и уселись на брезенте вокруг него. Что-то он нам расскажет?

Он оглядел ребят и начал:

— Слушайте меня, вот что я узнал в правлении: рожь в колхозе поспела. Завтра с утра начнется уборочная. Колхоз принимает нас на работу на три дня, поставит на небольших участках, где невыгодно пускать комбайн. Нам специально выделяется трактор с прицепной косилкой. Скошенную косилкой рожь мы будем вязать в снопы, а снопы ставить в копны, чтобы их не мочил дождь. С нами пойдет звеньевая — будет нас учить.

— Снопы вязать? — недоверчиво спросил Гриша.

— Подождите, я не кончил. За нашу работу колхоз утром и вечером все эти дни будет нам давать молоко. А молодую картошку для обеда дежурные должны сами на поле копать. Но слушайте самое интересное: колхоз обещал нас довезти на машине до села Угóдичи. Это напротив Ростова, на другой стороне озера Нёро. А озеро мы переплывем на пароходе. Согласны?

Ребята закричали и запрыгали столь неистово, что зашатались поставленные друг на друга парты.

— А если опять будет дождь, машина опять не проедет? — недоверчиво спросила Лида.

— Тогда пойдем пешком, — отрезал Николай Викторович.

Гриша оставил дежурными четырех самых немощных инвалидов и повел отряд в поле.

Вчера в дождь мы и не заметили: село-то, оказывается, стоит на высоком берегу речки. На той стороне до самого горизонта синели сплошные леса.

А над лесами раскинулось голубое небо, переполненное маленькими белыми облачками-барашками, светлыми сверху и темными снизу. Такие облачка предвещали хорошую погоду.

Мы подошли к ржаному полю. Трактор пыхтел, медленно обходя золотую рожь, и вел за собой косилку с четырьмя си-

ними «руками». «Руки» попеременно поднимались, захватывали стоящие колосья и подминали их под невидимый нож.

Тракторист, чумазый и веселый, проезжая мимо нас при очередном круге, неизменно улыбался, показывая ослепительный ряд зубов, и махал нам испачканной автолом рукою.

Степенный дедушка-прицепщик с седой бородой-лопатой, обутый в большущие белые валенки, даже не поворачивал в нашу сторону голову и только время от времени деловито нажимал на рычаг косилки, сбрасывая очередную охапку соломы.

Звеньевая тетя Нюша, крепкая загорелая женщина с жилистыми голыми руками, смущенно хмурила обветренные брови. Возможно, она впервые в жизни занялась преподавательской деятельностью. Собрав всех нас вокруг себя на свежескошенном участке поля, она нагнулась, подняла пучок соломы и скрутила из него жгут-свясло, потом нагнулась вновь, обеими руками сгребла скошенную охапку, подравняла ее колосок к колоску, подсунула под нее свясло, придавила коленкой и окрутила свясло вокруг охапки узлом. Так ее проворные руки связали снопы.

Стали вязать снопы и все наши, правда не столь быстро и не столь умело.

— Вяжи туже! — кричала тетя Нюша. — А этот малыш вряд ли справится.

Ленечка багрово покраснел. Нет ничего обиднее для мальчика, когда преуменьшают его возраст.

Николай Викторович обхватил сразу большую охапку.

— Что у тебя руки такие заgreбушие, надо вязать тихонечко! — Голос у тети Нюши был сердитый, а глаза веселые-веселые, и улыбалась она заразительно весело.

— А если я не могу тихонечко? — отвечал, нимало не смутившись, Николай Викторович.

Снопы вязали и тугие и совсем растрепанные. Когда их набралось достаточно, тетя Нюша приступила ко второму уроку. Она взяла сноп, поставила его колосьями вверх, к нему прислонила другой. Ребята подтащили еще снопы. Тетя Нюша со всех сторон прислонила их к первым двум. Из девяти снопов получился шалашик. Десятый сноп она надломил пополам, распушила колосья и водрузила сверху в виде крыши колосьями вниз. Так получилась «бабка». Снопы в «бабке» хорошо высохнут, и вода с них во время дождя будет свободно стекать.

Ребята разделились: часть продолжала вязать снопы, иные занялись «бабками».

— Не так,— учила тетя Ньюша,— все снопы под одну крышу. Ой, какая баба пьяная!

Соломенное сооружение Леночки рухнуло. Вова воздвиг нечто лохматое и кривобокое.

Но скоро мы все научились вязать тугие снопы, ставить ровные «бабки».

— Ну, дело наладилось,— весело сказала тетя Ньюша,— поеду посмотрю, как комбайн работает.

Она уехала на велосипеде. Поле запестрело голубыми и красными майками, золотыми шалашиками «бабок». Мои сооружения мне казались самыми красивыми.

Трактор все тарахтел, объезжая уменьшающийся нескошенный участок, косилка все махала своими «руками».

Мы скоро сделали открытие: тракторист, проезжая мимо нас, оказывается, подмигивает и машет рукой не всем нам, а только одной Гале. Завидев трактор, мы поднимали головы, следили за ним и потихоньку пересмеивались. Галя делала вид, что тракторист нисколько ее не интересует.

Дед-прицепщик наконец заметил проделки своего напарника, затопал белыми валенками и проворчал:

— Давай, давай, кончать надо! Чего на москвичку заглядеться?

Тракторист скосил всю рожь и, помахав последний раз своей избраннице, уехал.

— Пока все «бабки» не поставим, не уйдем! — крикнул Николай Викторович.

Никто ему не ответил, все продолжали еще усерднее нагибаться...

Подъехала на велосипеде тетя Ньюша.

— Уже кончаете? Ну, молодцы! Завтра на другое поле переходить.— Она улыбнулась и поправила выбившуюся из-под платка прядь волос.

Пришли мы домой усталые, ныла спина, от соломы распухли руки. Но утомление это неизъяснимо приятно растекалось по всем членам.

Уничтожив уйму картошки, мы принялись за лакомое для туриста внеочередное блюдо — яичницу-глазунью. Дежурные сумели раскокать шестьдесят четыре яйца, не разбив ни одного желтка, и поставили прямо на пол колхозную сковородицу размером чуть побольше богатырского щита.

Следующие два дня, несмотря на жаркую погоду, мы работали с еще большим старанием. На третий день во время обеда подъехал на машине бригадир, грузный мужчина в темной толстовке. Он показался мне очень живым и общительным. Его прищуренные глаза, румяные, круглые щеки, пышные моржовые усы — все посмеивалось, глядя на нас.

— Здравствуйте, приятного аппетита! Так вот вы какие, москвичи!

— Садитесь с нами кушать!— крикнула Танечка.

— Нет, спасибо!— И вдруг лицо бригадира сделалось сразу строгим, озабоченным, и даже усы обвисли.— За ваш труд благодарим, конечно,— торопливо сказал он,— да ведь машина за вами пришла, вы как-нибудь поскорее...

Мы узнали: машина должна успеть сегодня вечером отвезти колхозников в районный центр. Туда впервые за время существования этого центра приехал на гастроли настоящий цирк, с учеными собачками и даже с морским львом.

Всевозможные наши вещи — распотрошенные рюкзаки, куртки, кеды, одеяльные чехлы, несвернутые палатки, посуда и все прочее — в полнейшем хаосе сплошь завалили оба класса школы и сени.

Началась сумасшедшая скоростная погрузка. Иные ребята, хватая подряд что попало, торопились к автомашине, другие стояли в кузове, принимали и пытались хоть кое-как разложить вещи. Грузчики бежали за новыми связками одежды.

— Я говорю, свертывай палатки,— шепотом понукал Николай Викторович.— Вова, чего стоишь?

— Где мой купальник? Кто стащил мой купальник?— басом возмущалась Лида.

— Николай Викторович, Николай Викторович, я сейчас, я быстренько,— прыгал вокруг автомашины Гриша.

Четыре девочки в неистовой спешке мыли в школе полы, четыре мальчика расставляли парты.

Постепенно собралась толпа провожающих. Несметное количество ребятшек всех возрастов окружило нас; приплелся бородатый дед-прицепщик в своих белых валенках; явились звеньевая тетя Ньюша и нянечка тетя Настя.

Николай Викторович и я крепко пожали всем взрослым руки.

На машине мы разместились поплотнее и поближе к педеру.

Шофер, молодой парень в цветастой тюбетейке, медленно обошел машину, деловито постукал каблуком по скатам, проверил борта.

— Ты смотри там, поскорее! — кричали из толпы девушки.

Шофер невозмутимо посмотрел на часы, не торопясь сел в кабину.

-- Погостите у нас еще! — махала нам вслед тетя Нюша.

— До свидания, до свидания! — кричали мы.

Мы покатали по сельской улице и у последнего дома свернули налево, вниз к реке. Спуск был крутой, но шофер почти не тормозил. Через реку мы переедем вброд. Шофер с ходу въехал в прозрачную воду.

Стайки рыбок прыснули в стороны, вода забурлила, замутилась...

«Му-у-учители! Му-у-учители!» — человечьим отчаянным плачем рыдала машина, пересекая реку; добралась до середины русла и вдруг забуксовала.

Мы затихли и, замирая от ужаса, глядели, как машина едва-едва продвигалась вперед и все плакала: «Му-у-учители! Му-у-учители!»

Все глубже зарывались передние колеса. Вода клокотала, поднимая желтую пену. Машина захлебывалась...

Бац! Точно хлопнул выстрел.

Мотор замолк. В глушитель попала вода. Первые тридцать секунд мы сидели как окаменелые.

Голос Николая Викторовича нарушил молчание:

— Все вылезайте!

Скинув кеды, начальник похода первый прыгнул в воду. Ребята спешно разулись, поддержали шаровары, один за другим попрыгали в воду и окружили машину.

— Доктор, протяните ноги,— коротко приказал подошедший к борту Николай Викторович.— Я вас перенесу.

— Что вы! Что вы! Мне, право, неудобно!

— Очень удобно! Пока вас не увидели деревенские,— то-ропил Николай Викторович.

Я осторожно перекинул через борт сперва одну ногу, потом другую, обнял Николая Викторовича и превратился в живой рюкзак на его плечах. Он подхватил меня под коленками и, колыхаясь, понес. За своей спиной я услышал чей-то сдавленный смешок. Наконец Николай Викторович потихоньку спустил меня на зеленый берег. Я уселся на бугорке и стал наблюдать.

Нахмуренный шофер с трудом стянул свои хромовые сапоги и побрел по воде к радиатору. Тюбетейка с его головы слетела, кудлатые черные волосы растрепались.

Все наши окружили машину. Перед залило до самых фар, залило подножки; задние колеса наполовину ушли в воду...

Николай Викторович попробовал было приподнять машину сзади. Рессоры скрипнули, колеса дернулись, но с места не двинулись.

А уже сверху, с горы, кубарем летели все провожавшие нас ребяташки. За ними торопились взрослые: бригадир, тетя Нюша, тетя Настя, дед-прицепщик и другие.

— Что же ты, голова садовая! Правее бы надо! Там совсем мелко! — стыдил шофера дед-прицепщик.

И каждый взрослый, когда подходил к берегу, непременно бросал презрительное: «Правее бы надо!»

Шофер, весь потный, растрепанный, позабыл о своей медлительной важности. Ни на кого не глядя, он наклонился над радиатором и стал что-то там протирать тряпкой.

Ленечка, держась за поднятые шаровары, осторожно подошел к нему и деловито спросил:

— Товарищ шофер, мы скоро поедем дальше?

Тот зловеще промолчал.

— Да, пожалуй, не видать колхозникам морского льва, — тяжело вздохнул я.

Ребята — и наши и деревенские — вздумали купаться. С криками они забрызгались и заплясали вокруг машины.

— Где трактор? — спросил бригадир деда-прицепщика.

К счастью, трактор только что приехал в село «обедать»,

Дед во всю прыть помчался в гору в своих белых валенках, и через пять минут...

О, какая это была чарующая музыка! Мы услышали бодрое тарактенье трактора. Избавитель показался из-за плетней огородов, повернул и поехал вниз. Лязгали гусеницы, клубами поднималась пыль, шарахались куры...

«Вот-вот-вот вытащу! Вот-вот-вот вытащу!»— хвалился трактор.

Удалой тракторист лихо подъехал к берегу, лихо развернулся и ринулся в воду. Вода под гусеницами замутилась, закипела. Но тракторист смотрел не только вперед, а то и дело вертел головой туда-сюда. Я понял: он искал Галя.

Галя тут же отделилась от толпы девочек и встала в деланно-задумчивой позе посреди реки.

Тракторист ее заметил, сверкнул зубами, белками глаз, помахал своей измазанной рукой... и отвернулся. Нельзя: слишком ответственное дело доверили ему. Он переправил трактор на тот берег, остановился, кинул трос шоферу.

Шофер привязал трос под водой за перед машины и вскочил в кабину.

— Давай!— крикнул он.

Трактор затарахтел. Толпа настороженно притихла...

«Вот-вот-вот вытащу!»

Натянутый трос загудел. Гусеницы трактора зарылись в землю, но машина не сдвинулась... Ясно, тянуть в гору он не мог.

Трактор начал отчаянно кидаться то правее, то левее. От него, как от загнанной лошади, пошел пар. Он испахал всю землю...

«Вот-вот-вот вытащу!»

Но грузовик все стоял. Передние колеса глубоко зарылись в песок. Николай Викторович, Вася, Миша с одной штыковой лопатой, с двумя саперными стали неистово разгребать в мутной воде невидимый песок.

Все, кто был в реке, подбежали к машине; крихтя и пыхтя, принялись нажимать на задний борт.

Но машина даже не шевельнулась.

«Рюкзаки за плечи и айда до Ростова пешком»,— подумал я.

Дед-прицепщик не выдержал, скинул свои любимые валенки, засучил штаны и уперся плечом в левый борт.

Сдвинулась машина! Пошла, пошла, пошла...

«Вот-вот-вот вытащу!»— ликовал трактор и вытащил машину прямо на травку.

— Ура-а!— закричали все — и труженики, стоявшие в воде, и наблюдатели с обоих берегов.

Шофер залез под машину, что-то там потрогал, покрутил, вылез, сел в кабину. Мотор заработал.

— Ты смотри там, поскорее!— кричал бригадир.

— Не беспокойтесь, поспею,— самым спокойным голосом отвечал шофер, поправляя расческой волосы.

К нему снова вернулась его невозмутимая деловитость.

Ребята попрыгали через борта в кузов. Все уселись, и мы поехали. Нам помахали вслед. Машина вползла в гору, прибавила ходу и затряслась по лесной дороге. Ветви хлестали по кабине, по бортам, мы едва успевали увертываться.

Наконец машина выскочила из леса на ровную обкатанную дорогу. Шофер еще прибавил ходу.

По обеим сторонам большака на ярко освещенных солнцем ржаных полях шла уборочная. Самоходный комбайн, похожий на сказочный корабль удальца Садко, окутанный золотым облаком пыли, медленно плыл по золотому полю, прокашивая широкую дорогу. Дальше, за ложиной, плыл другой комбайн. А по ту сторону овражка махала синими «руками» косилка.

Я сидел сбоку, у борта машины, придерживая рукой шляпу. Ветер свистел в ушах. А мы всё мчались вперед и вперед, мимо деревень и березовых рощиц, через поля и луга, спустились в долины, поднимались в горы...

Глава шестнадцатая

НАКОНЕЦ НАПАЛИ НА СЛЕД

Шофер остановил машину. Приехали! Через открытый задний борт мы дружно принялись выкидывать все наше запыленное имущество. Я неловко соскочил на траву, потирая затекшие от бешеной езды поясницу и ноги...

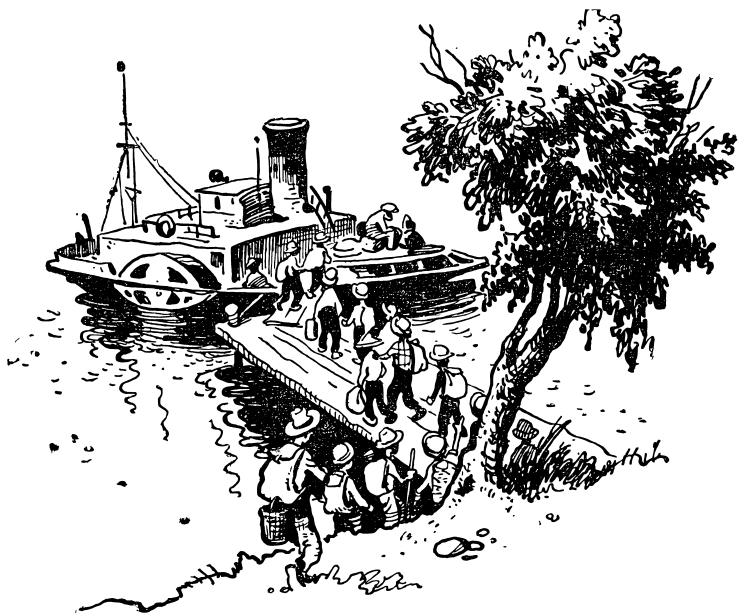
— Смотрите! — звонко закричала Галя.

И уже все забыли о мучительной поездке, забыли крикнуть вслед отъезжавшей машине «спа-си-бо».

Так это было неожиданно! Мы очутились на самом берегу огромного светло-голубого ростовского озера Нёро!

Мелкие барашки облаков плыли по светлой лазури неба.

Волны тихо плескались о берег. Мы встали все рядом, полной грудью вдыхали свежий, отдающий рыбой озерный воздух и глядели во все глаза...

Черная лодка с белым парусом плыла с того берега. Белые чайки с криком носились над самой водой. А там вдаль, по ту сторону озера, словно повисли в воздухе кружевные, неясные очертания светло-голубого сказочного города.

— Ребята, ребята, пароход идет! — крикнул Гриша.

К деревянным мосткам пристани, тарахтя колесами, подплыл маленький голубой, как озеро Неро, пароходик. Сели мы, село несколько пассажиров, все больше колхозники, которые везли на рынок овощи — морковку, свеклу, зеленый лук.

И мы поплыли напрямик через озеро в Ростов.

Конечно, мы разместились на носу, на палубе, соорудив из рюкзаков настоящий курган. Свежий ветер дул нам в лицо, охлаждал плечи...

Умели наши предки выбирать места для городов! Во Владимире они не испугались таскать камни на вершину холма, а здесь раскинули город на самом берегу озера.

Кремль и окружающие его дома были белыми, ослепляюще белыми, как парус на лодке. Любоваться Ростовом надо именно отсюда, с озера, как любовались когда-то дружинники Андрея Боголюбского, приплывавшие сюда на ладьях.

Я вспомнил сказку:

Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами.

Казалось, что стоит город на острове посреди беспредельно широкого моря. Не на том ли острове Буяне, где правил князь Гвидон?

По обе стороны кремля раскинулись пышные сады; крыши белых зданий выглядывали из-за зелени деревьев. В отличие от пушкинской сказки, главы бесчисленных церквей и башен ростовского кремля были серебряные, и только одна небольшая главка высывалась из-за стен, сверкая золотом.

Колеса парохода работали ритмично, повторяя одну и ту же музыкальную фразу. Ростов приближался. Из города пушкинских сказок он постепенно превращался в большой промышленный, современный город. Теперь я видел не только белый кремль — показались кирпичные многоэтажные корпуса и тонкие трубы фабрик. А вдали, за городом, на фоне неба обозначилась высочайшая полупрозрачная стрелка — башня трансляции телевизионной передачи.

Мы встали вдоль перил на носу парохода и во все глаза смотрели на город.

Усатый старичок колхозник, сияясь свернуть на ветру козью ножку, угощал нас оранжевыми пальчиками моркови и охотно рассказывал. Мы узнали, что ростовский район издавна славится своими овощами и самый лучший на свете лук — ростовский.

— А нам сказали — суздальский, — пискнул Ленечка.

Старичок даже чуть не выронил сигарку.

— Чего? — воскликнул он. — Кто тебе сказал?

— Нам в суздальском музее так объяснили, — не унимался Ленечка.

— Выдумают такое! Да от суздальского лука только чихают да кашляют, а от нашего лука даже такой молодец горючими слезами залетится. — Старичок показал на Николая

Викторовича, повернулся к нам спиной, достал газету, надел очки и стал читать. Видно, он очень обиделся на Ленечку.

Николай Викторович подошел ко мне и, неожиданно краснея, смущенно шепнул:

— Поиски березовых книг надо начинать с музея, но сейчас уже поздно, музей закрыт. Давайте сперва пойдем на почту разговаривать с Москвой, а потом отправимся хлопотать о ночлеге.

«Вообще-то я недавно говорил с женой, пожалуй, могу и обождать»,— подумал я про себя. Но я догадывался о нетерпении молодого супруга и потому сказал, что готов вместе с ним прогуляться по городу.

Пароходик долго целился, наконец причалил, и мы сошли на берег. Ребята остались нас ждать на пристани.

Телефонный разговор Николая Викторовича был удручающе неудачен... Иры он не застал. Соседка по квартире не без злорадства ему объявила, что Ирина Георгиевна уехала куда-то на дачу. На вопросы покинутого супруга, надолго ли уехала и не собирается ли она в дальний туристский поход, соседка насмешливо ответила: «Право, мне не докладывали».

Николай Викторович вышел из кабины весь красный, сел за стол и яростно принялся писать, комкать и швырять голубые телеграфные бланки...

На следующее утро мы пошли в музей. Заведующий историческим отделом музея Александр Александрович Теплов принял нас в своем кабинете. Был он еще молодой, ширококостный и крепкий, с крупным носом, высоким лбом и широким энергичным подбородком.

— А ведь я третий день вас жду,— начал он.

На недоуменный вопрос Николая Викторовича, откуда он знает о нас, Александр Александрович достал из ящика стола письмо и начал читать его вслух. Письмо было от Аркадия Даниловича Курганова. Вот что писал своему ростовскому коллеге суздальский археолог:

— Дорогой Александр Александрович, спешу поделиться с Вами одним, пока еще трудно объяснимым открытием, которое должно Вас особенно заинтересовать. Сегодня утром к нам в музей явился некий старичок колхозник из нашего района и принес в дар — как бы Вы думали что? — комплект

пушкинского журнала «Современник» за 1836 год, купленный им, по его словам, на базаре в Вашем городе еще до революции.

Это достаточно объемистая книга в кожаном переплете, сильно испорченная, ибо обгорела по всем четырем углам переплета. Но вот что самое любопытное: в правом верхнем углу обложки первого номера журнала стоит треугольный штамп черной краской, доказывающий, что книга эта происходит из собрания Вашего высокоуважаемого скряги Хлебникова.

Я всегда считал, что его собрание безнадежно погибло. Не могли бы Вы объяснить мне загадку происхождения данной книги, притом обгорелой?

Буду очень Вам благодарен, если напишете хоть пару строчек.

Кстати, впервые об этой находке я услышал от юных москвичей-туристов, которые ее видели до меня. Но я не придал значения их словам, точнее — попросту не поверил школьникам.

Между прочим, эти москвичи явятся и к Вам. У них любопытная цель путешествия — они разыскивают не более не менее как березовые книги, то есть книги на бересте. А поскольку библиотека Константина находилась в Ростове, не могли бы Вы дать юным историкам какой-нибудь дельный совет? Помнится мне, что в одном из трудов Вашего земляка Артынова есть где-то упоминание о книгах на бересте. Итак, жду Вашего письма...

Как только Александр Александрович кончил, мы разом заговорили и, перебивая один другого, рассказали о втором треугольном штампе, который мы видели на рисунке у юрьев-польского художника.

Александр Александрович тут же вызвал междугородную телефонную станцию и заказал Юрьев-Польской, текстильную фабрику. Он говорил спокойным, даже, казалось бы, бесстрастным голосом, но я заметил, как дрожала его рука, державшая телефонную трубку.

В ожидании междугородного разговора Александр Александрович начал нам рассказывать.

Жил в прошлом столетии в Ростове купец Хлебников

Петр Васильевич, человек нелюдимый, жадный и злой. Ни с кем он не знался, семьи у него не было, а имел он одну страсть: по старым монастырям, по сундукам разыскивал он древние рукописи и книги, скупал их и прятал в свои хоромы. Известно было, например, что у него хранился единственный список древней Ростовской летописи.

Многие историки горячо убеждали Хлебникова хотя бы показать им свое собрание. Возможно, великие тайны были скрыты в ветхих письменах. Но никого угрюмый старик дальше порога к себе не пускал.

И только перед одним человеком открыл он свои дубовые шкафы. Этот человек был Артынов Александр Яковлевич, в те времена молодой купеческий приказчик. Он живо интересовался историей родного края и все, что видел, слышал и читал, тщательно записывал. В свободные часы приходил Артынов к Хлебникову, доставал с полок запыленные свитки и, дрожа от нетерпения и любознательности, разбирал славянские письмена.

Но Хлебников взял с Артынова слово, что тот будет только читать и ничего не записывать и не списывать.

Страшна была судьба библиотеки.

Вскоре после смерти Хлебникова загорелся его дом.

Александр Александрович расспрашивал свою мать.

Она помнила рассказы своего деда, как ночью во время пожара поднялся страшный вихрь и огненные головешки летали по небу.

Ходили в ту пору слухи: когда развалился горящий дом, неизвестные люди бросились в пламя и, захватив в руки какие-то вещи, исчезли во тьме ночи.

Но историки никогда не придавали значения этим слухам, считая, что бесценное хлебниковское собрание безвозвратно погибло во время пожара.

— Аркадий Данилович вычитал у Артынова о березовых рукописях. И я когда-то на это место наткнулся, но не помню, в каком томе,— пожал плечами Александр Александрович.— Ведь тридцать томов исписал Артынов. Недавно мы их переправили в Ленинград, в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Только два тома осталось у нас. Кстати, историки ведь не очень верят Артынову. У него легенды и действительность так перемешаны, что трудно разобраться, где вымысел, где истина.— Александр Александрович встал и вытащил из большого старинного резного шкафа два толстен-

ных тома в кожаных темных переплетах.— Вот перелистайте, попытайтесь найти,— сказал он.

Я раскрыл один из них и прочел старательно выведенную поблекшими чернилами надпись большими печатными буквами: «Исторія Ростова Великаго, о его Князьяхъ и Иерархахъ¹».

На другой книге, потоньше, было начертано:

«Воспомянiя крестьянина села Угбодичъ Ярославской губернии Ростовскаго уѣзда Александра Артынова».

Резкий телефонный звонок прервал нашу беседу.

Александр Александрович начал говорить. Мы притихли, ожидая, чем кончится разговор. Я все следил за его рукой, за его крепкими короткими пальцами, сжимавшими трубку. Сперва он долго объяснял художнику, что ему от него нужно, задал несколько наводящих вопросов, потом замолчал, только изредка повторяя: «да», «да», «да». И снова начала дрожать его рука. Наконец он закончил, оглядел нас и не сразу продолжил разговор.

Мы почти ничего не узнали нового. Художник ехал в поезде из Москвы в Ярославль и разговорился с неизвестным попутчиком. Тот рассказал, что в селе, недалеко от Ростова, рядом с его отцом живет один дед, у которого есть много старинных книг. Художник со своим попутчиком слезли в Ростове, сели в автобус и отправились, по словам художника, «хоть убейте меня, забыл куда». Он помнил только, что, проехав не то час, не то два, они слезли с автобуса и прошли пешком километра два или три не то вправо, не то влево от шоссе. Но оказалось, что тот дед умер, а наследники продали дом и уехали. Куда делись те старинные книги, художник не знал. Однако одна рукописная, сильно обгорелая книга случайно нашлась у соседа — отца его попутчика. Как их обеих фамилии, художник тоже не знал. Хорошо запомнилось ему только оригинальное прозвище отца — «Трубка». С этой книги, принадлежавшей означенному Трубке, и срисовал художник свою виньетку.

Мы горячо заспорили.

Лариса Примерная объявила, что раз березовые книги не находятся, надо начать искать собрание Хлебникова. Две книги уцелели от пожара, значит, могло быть спасено и больше.

---

¹ И е р а р х и — высшие чины духовенства: митрополиты и епископы.

Я вознегодовал.

— Как, из-за каких-то рукописей и менять цель нашего похода!

Николай Викторович поддержал меня, но многие заколебались.

Миша захотел искать и то и другое.

Разрешил наши споры Александр Александрович: искать неизвестных наследников, владельцев старинных книг и рукописей, уехавших неизвестно куда, и искать неизвестно где — предприятие чрезвычайно затруднительное даже для советской милиции. От Ростова начинается восемь дальних автобусных линий; которую из них выбрал художник, ведь тоже было неизвестно.

— Я предложу ростовским школьникам включиться в поиски, — сказал Александр Александрович. — Мы обследуем все деревни радиусом тридцать километров. А вы продолжайте искать березовые книги.

Мы согласились на это разделение труда, и Александр Александрович повел нас осматривать музей.

Ростовский музей помещался в кремле. Мы перебирались витыми переходами из одной палаты семнадцатого века в другую, спускались в темные подземелья, лазали по стенам, поднимались на башни. В современном отделе мы увидели макеты золотых лукович размером с голову ребенка.

— А какой лук, суздальский или ростовский, лучше? — неожиданно спросил Александра Александровича молчаливый Вова.

Он сегодня вел дневник и наконец решил задать свой первый и, вероятно, последний за время похода вопрос.

Александр Александрович прочел нам небольшую лекцию, как издавна, чуть ли не со времен Липецкой битвы, спорили друг с другом Ростов и Суздаль. На разные хитрости пускались купцы обоих городов, чтобы расхвалить свой товар и очернить товар соперника. И ростовцы и суздальцы возили лук в Москву ко двору царя Алексея Михайловича. А теперь колхозники обоих районов каждый год посылают лук в Москву на сельскохозяйственную выставку и ждут с нетерпением решения жюри.

— Я лично считаю, — уверенным голосом добавил Александр Александрович, — ростовский лук обладает более высокими вкусовыми и витаминными качествами.

Он показал нам из окна часть кремлевского двора, зарос-

шую бурьяном, где некогда, в двенадцатом столетии, находился монастырь — Григорьевский затвор с училищем, основанным князем Константином, и с его знаменитой библиотекой.

— Раскопки в Ростове велись неоднократно, — говорил Александр Александрович, — но никогда ни берестяных грамот, ни тем более рукописей на бересте найдено не было; в наших глинистых грунтах дерево не сохраняется.

В одном из залов музея висела большая картина масляными красками — молодой, русобородый богатырь со связанными руками гордо стоит, окруженный стражей. Перед ним расселся на подушках, посреди богато убранного шатра, черноусый узкоглазый татарин.

Этот пленный воин был Василько — сын князя Константина. Ростовские дружины храбро сражались с татарами в битве при Сити. Десятерым врагам отрубил Василько мечом головы, троих пронзил копьем, пятерых потоптал копытами коня.

Но хитрому татарину удалось из-за куста накинуть аркан на шею отважного Василька, стянул он его с седла; враги бросились на поверженного богатыря и связали его. Хан Батый приказал привести Василька в свой шатер. Предложил он пленнику великое княжение Владимирское, только пусть тот поклонится хану и будет служить ему верой и правдой.

Когда перевели толмачи слова Батыя, выпрямился связанный богатырь и плюнул хану в лицо. И тотчас же татары зарубили Василька.

По верху кремлевской стены Александр Александрович провел нас в крайнюю башню. Мы очутились под самой ее крышей.

Видно, нарочно здесь заканчивались экскурсии, чтобы всю жизнь посетители вспоминали Ростов.

Вид с башни открывался на все четыре стороны, и, куда ни посмотришь, везде расстилались перед нами нескончаемые просторы: с одной стороны озеро голубое с голубыми даями, а с другой — весь город виднелся как на ладони. Автомшины грузовые и легковые, автобусы двигались по ростовским улицам; пешеходы торопились по своим делам. Стайка дошколят в белых панамках перебиралась через площадь во главе с воспитательницей.

И всюду, как в Суздале и в других городах, по осиновым

серебряным лемехам¹, покрывавшим верхи башен, по карнизам и окнам домов и просто по асфальту улиц перепархивали сотни белых и сизых голубей.

Мы расстались с Александром Александровичем, а после обеда Миша, Галя и я вновь пошли в музей — будем читать рукописи Артынова.

Александр Александрович дал нам оба тома Артынова и усадил в кресла. Мы начали читать: Галя с Мишей — одну книгу, я — другую, «о князьях и иерархах».

— А почему эти книги так вкусно пахнут? А почему бумага такая желтая? — допытывалась Галя.

— Нечего любопытничать! — цыкнул на нее Миша.

Рабочий день кончился. Александр Александрович ушел, доверив нам ключи и показав, где их надо спрятать.

Я все читал. Миша с Галей тоже все читали. Разбирать рукопись было нетрудно — Артынов писал четко, характерным круглым почерком, только не сразу привыкли глаза к буквам «ѣ», «ъ» и «і».

Николай Викторович, Лариса Примерная и Танечка при-

---

¹ Л е м е х и — в данном случае длинные пластины, наколотые из осиновых поленьев, которыми, как черепицей, покрывались когда-то верхи башен и купола церквей. Такие покрытия издали казались серебряными, напоминавшими рыбу чешую.

несли нам горячий ужин и чай, предложили сменить нас, но мы только отмахнулись.

Старинные бронзовые часы пробили десять. Лампочка была тусклая; сводчатые потолки семнадцатого столетия пропадали во тьме. Тишина царила в мрачных музейных палатах. Где-то зашуршала в углу мышь.

— Не страшно тебе?— спросил я Галю.

— Ни капельки!— Она задорно тряхнула кудрями.— А вам?

— И мне тоже не страшно,— ответил я.

Вся история Ростова прошла перед моими глазами: и легендарный основатель города — Роста, и мудрый князь Константин, и построенные при нем, впоследствии разрушенные татарами храмы и терема. Константин посылал писцов во все концы земли Русской списывать книги. Артынов полагал, не менее тысячи томов хранилось в княжеской библиотеке. Верно, в те годы безвестный странник принес в Ростов в своей котомке с юга — из Киева, Чернигова или Новгород-Северска — список «Слова о полку Игореве». И Константин и его близкие с трепетом душевным читали гениальную поэму.

«Некто Щенников рассказывал мне, что в прошлом столетии (то есть в восемнадцатом) в башнях и переходах кремлевских валялись целые вороха рукописей», — прочел я.

Каких рукописей, Артынов не указал.

Нет, не то. Искать, искать! Не поднимая головы, читать пожелтевшие страницы...

Разные истории записал Артынов: как он ездил зимой на санях в город Тихвин продавать монахам рыбу, а по пути чуть не съели его волки; как два ростовских купца подрались в церкви — кому стоять впереди...

Галя крепко спала на плече Миши. Миша не шевелился, боясь ее разбудить, и читал, читал... Углубился в книгу и я. Пробыло полночь... Мои глаза начали слипаться... Снова зашуршала мышь, но не хотелось даже головы повернуть. Буквы сливались...

— Нашел!— дико завопил Миша у меня над ухом.

Я проснулся. Галя тоже проснулась и бестолково глядела то на меня, то на Мишу. За окном виднелась розовая, освещенная утренней зарею кремлевская стена.

— Читайте!— ткнул Миша в артыновскую тетрадь.

— «О существовании этого городка, на месте которого стоит ныне село Васильково, сообщил крестьянин села Угодич

Александр Борисов Богданов-Жирнов из рукописи, переданной на бересте, принадлежащей деревне Стрелы крестьянкам Дунаевым; в рукописи было около ста листов. Нашествие Батыево стерло с лица земли этот городок».

Возможно, исчезнувший городок, несомненно связанный с именем Василька, в другое время меня бы заинтересовал, но сейчас я видел только незабываемые слова: «...из рукописи, переданной на бересте» и «было около ста листов».

На карте Ростовского района, висевшей на стене, мы без труда нашли к северу от города и от озера кружочек «Стрелы», а чуть восточнее — кружочек «Васильково», сместили по линейке и насчитали от Ростова до этих деревень двенадцать километров.

Пустяки какие! Скорее в Стрелы — искать потомков тех неизвестных крестьянок Дунаевых!

Оставили мы записку Александру Александровичу со словами: «Спасибо, благодарим, простите!» — указали взволновавшую нас страницу из артыновской тетради, заперли дверь на ключ и побежали.

Самым бесцеремонным образом мы принялись будить всех наших подряд, дергали за ноги, за плечи, за косы.

Миша, красный от волнения, сложил руки трубочкой и прокричал:

— Напали на след березовых книг!

Услышав такие слова, все зашевелились, забегали. Но, увы, существовали многие, самые прозаические препятствия: и завтрак оказался не готов, и продукты надо было закупить на дорогу...

Словом, отправились мы в путь только через два часа.

Глава семнадцатая

НАШЛИ, ДА НЕ ТО, ЧТО ИСКАЛИ

Мы зашагали по улицам Ростова. В конце каждого поперечного переулка проглядывал кусочек озера, синего, как небо. Дальний берег и заозерные деревни едва различались сквозь утреннюю бирюзовую хмарь.

Миновали мы красные корпуса текстильной фабрики. Серая линейка шоссе вместе с мачтами электропередачи уходила за горизонт.

Вихрем, громыхая, пронеслись мимо нас туда и сюда автомашины...

Вдруг раздался выстрел... Ничего страшного — это лопнула камера у той трехтонки, которая нас только что обогнала! Машина встала, шофер вылез и присел на корточки у заднего колеса.

Мы подошли, остановились, сбросили рюкзаки. Девочки тут же уселись рядом вдоль придорожной канавы, мальчики окружили грузовик.

Пожилой шофер занялся самым ненавистным для шоферов делом: не обращая на мальчиков никакого внимания, он подставил домкрат под заднюю ось; колесо приподнялось, он взял ключ, собираясь откручивать гайку.

— Давайте я вам помогу,— выскочил вперед Миша.

Шофер молча отдал ему ключ, а сам полез под сиденье, достал резиновый клей, заклеил прокол. Несколько мальчиков кинулись на помощь, по очереди начали усердно накачивать отремонтированную камеру.

Танечка, Галя и Лида подошли к машине.

— Дяденька, подвезите нас, пожалуйста, мы московские туристы,— сладенько запели они.

— Чего?

Это было первое услышанное нами не очень дружелюбное слово молчаливого шофера.

— Нам нужно поскорее попасть в деревню Стрелы,— умильно просили девочки.

Шофер, насупившись, стучал по крышке колеса. Наконец все было прикручено. Мальчики, гордясь своей помощью, отошли. Сейчас машина отправится дальше...

— Туристы пешком должны ходить,— бросил шофер.

Девочки обступили его:

— Нет, нет, очень редко, но и на машине ездят.

— Ах, вот вы какие туристы!— впервые улыбнулся шофер.— Залезайте да попроворнее.

И через полчаса машина нас доставила в Стрелы.

Избы там стояли всё больше пятистенки, с резными наличниками на окнах, с антеннами на крышах. Наш приезд взбудоражил все юное население деревни. С разных сторон бежали к нам ребятишки.

Миша очень хотел стать взрослым и, когда задавал «взрослые» вопросы, непременно заикался и все повторял: «Э-э-э!»

— Э-э-э... где у вас живут граждане Дунаевы?

— Дунаевы? Нет в Стрелах Дунаевых,— ответила подошедшая с ведрами женщина.

У меня упало сердце.

Приковыляла, опираясь на палку, старушка, желтая и вся высохшая. Она вспомнила, в соседней деревне Петрушино есть одна семья Дунаевых.

— Как же, как же, еще дядей моему свату приходится,— кряхтела и шамкала старушка.— Мы с ним на свадьбе плясали. Тому будет, тому будет...— припоминала она,— да лет, верно, шестьдесят.— Она ткнула суковатой клюкой.— Вон куда повернула дорога, версты три, не больше.

— Надеть рюкзаки!— скомандовал Гриша.

В Петрушине мы сразу отыскивали высокую новую избу Дунаевых.

Подняли с полатей того самого дедушку, что в незапамятные времена плясал на свадьбе. Он вышел к нам, кашляя и опираясь на плечо шустрой, быстроногой правнучки. Было ему не менее ста лет; от старости его белая борода пожелтела, и он совсем оглох.

На богато изукрашенном резьбою крыльце начались длительные переговоры: сперва говорил девочке я, потом правнучка, обхватив руками дедову плешь, кричала старику в ухо; потом, после томительного размышления, отвечал древний представитель рода Дунаевых.

— Дед, а дед,— надрывалась правнучка,— спрашивают, как звали твою бабушку?

— А на что она им далась?— пугался дед.

Вокруг нас постепенно собралась толпа ребятишек.

Вот что мы в конце концов узнали: у деда нашего деда было три сестры. Замуж они не пошли, потому что, как выразился старик, «ходили шибко гордые»; им обязательно требовались купеческие приказчики, а от крестьянских парней они «носы ворочали». Жили сестры в горничных у одного богатого ростовского купца и хорошо знали грамоту. Потом купец умер, дом его сгорел, а сестры вернулись в Петрушино и привезли с собой — это дед тоже хорошо помнил — целый сундучок с книгами.

— Как звали купца?

— Дед, а дед, как звали купца?— кричала правнучка, тряся косами.

— Не помню.

- Спроси, не Хлебников ли?— заволновался я.
- Может, Хлебников?— теребила правнучка.
- Не помню, ох, не помню! Больно давно было.

Далее мы узнали, что... Да, собственно, ничего не узнали. Дом, где жили сестры, давно от старости развалился. А куда делись те книги, дед не помнил: он в то время в солдатах служил.

Миша подбежал к поленнице, отодрал кусок бересты и развернул ее перед носом деда.

— Э-э-э, не из таких листов были книги? — завопил Миша.

Дед долго думал, опустив лысую голову на грудь.

— Кажись, такие, а может, и не такие,— равнодушно протянул он.

— Просто издевательство какое-то! — фыркнула Лариса Примерная.

Молодой чернявый мужчина энергично раздвинул ребячьи спины и подошел к нам.

— Граждане хорошие,— заговорил он, возбужденно размахивая руками,— вы нашего дедушку совсем уморили, никакого толку от разговора с ним не получите, а обратитесь лучше к другому старичку — он и помоложе будет. Сейчас он давно на пенсии, а в первые годы революции писарем в волостном правлении работал и всю здешнюю округу назубок знает. Он вам все объяснит и все расскажет. Проживает он за пять километров отсюда, в селе Сүлость. Вон на горке виднеется...

— Как его зовут?— спросил я.

— Позабыл я имя-отчество того старичка. Да вам всякий покажет, вы только спросите, где живет Трубка?

— Как — Трубка?— воскликнули мы хором и тотчас же обступили чернявого.

— Трубка у него с чайную чашку,— спокойно, не подозревая, какую важную новость нам рассказывает, отвечал тот,— и дымит он той трубкой с утра до ночи, по пачке махорки в день выкуривает.

Как неожиданно! Тот самый таинственный Трубка, обладатель рукописной книги двенадцатого века со штампом купца Хлебникова; тот Трубка, которого должны искать, правда, не мы, а двадцать туристских отрядов ростовских школьников, и, оказывается, живет вон там, на горке, в том селе.

— Идти немедленно в Сулость! Нечего время терять!— предлагали одни.

— Пообедаем, а потом пойдем,— говорила Лида.

Я лично тоже был согласен с благоразумной Лидой: зачем такая спешка? Трубка нужен не нам, а тем, кто ищет собрание рукописей Хлебникова. Ведь мы ищем березовые книги. Конечно, отчего же, кстати, не познакомиться с интересным стариком. Мы расспросим его и этим самым поможем Ростовскому музею, но сперва-то, конечно, нужно пообедать.

Пока мы томились на крыльце дома Дунаевых, наши расторопные дежурные разложили на полянке за деревенской околицей костер. Сейчас над костром весело кипели три ведра и огромная кастрюля.

— Минут через двадцать,— сердито буркнул ответственный дежурный Вася, когда мы подошли к нашему привалу. Здравый смысл требовал — сперва пообедать, а потом уже идти искать Трубку.

Так мы и сделали. Суп уничтожили молча и только получили по два половника пшенной каши, как Ленечка неожиданно воскликнул:

— А что, если в доме купца Хлебникова были спрятаны и березовые книги?

Да, конечно, обе цели поисков могут тесно переплетаться между собой. Какой Ленечка молодец, что догадался об этом сказать! Но Ленечкины слова испортили нам весь аппетит. Кое-как мы проглотили горячий, обжигающий компот и заторопились в путь, засунув невымытые миски в свои рюкзаки.

Мы пришли в большое село Сулость и в сквере, на площади между двумя новыми зданиями школы и клуба, увидели старика, задумчиво сидевшего на лавочке с газетой в руках.

— Э-э-э, вы не скажете нам, где тут живет один старичок, его зовут Трубкой и он все знает? — спросил Миша.

— А я и есть тот самый Трубка,— нисколько не обидевшись, ответил старик и, вынув из кармана трубку действительно невиданных размеров, начал ее раскуривать.

Седые усы, седая голова, подстриженная бобриком, темное, обветренное лицо, изборожденное глубокими морщинами, и пронизательные темные глаза — все говорило, что старик прожил долгую трудовую жизнь и наверняка многое знает.

Я начал рассказывать о березовых книгах, но решил пока умолчать о том, что знаю про обгорелую рукописную книгу на пергаменте со штампом купца Хлебникова, которая хранится у моего собеседника.

Трубка долго слушал меня, изредка покашливая и осторожно переспрашивая, потом спрятал трубку и встал.

— Пойдемте в пекарню.

— А что такое?

— Я вам покажу, где их видел.

— Кого их?

— Да березовые книги.

Вот так так! Мы даже забыли удивиться.

Трубка подвел нас к небольшому, в два окошка, домику из белого камня. Этому домику, по его словам, было триста лет. За долгие годы столько к нему прилепили разных пристроек — деревянных и кирпичных, — подлинная старина едва угадывалась.

Здесь когда-то была барская контора, потом волостное правление, теперь устроили пекарню.

Мы подошли к открытому окну и в полутьме разглядели

на полках ряды вкусно пахнущих буханок черного хлеба с поджаренными корками.

Трубка прокашлялся и начал рассказывать: когда после революции он занял должность волостного писаря, много книг и бумаг из барского имения было снесено на чердак этого домика.

Мы тут же подняли голову кверху.

— И вы утверждаете, что там хранились березовые книги?— испытующе спросил я.

— Да, утверждаю!— убежденно ответил Трубка.

Он рассказал, что было этих книг пять или шесть, все в железных переплетах с застежками: это чтобы берестяные листы не свертывались. Поперек этих листов шли полоски, какие всегда на бересте бывают. Буквы — очень крупные, славянские — чуть проглядывались: от времени береста потемнела, а чернила выцвели.

— Как — чернила?— спросил я.— Разве буквы не были процарапаны острыми косточками?

— Написаны чернилами,— еще раз подтвердил Трубка.

«Странно»,— подумал я, но смолчал.

Миша перебил старика и задал самый роковой вопрос, какой только мог придумать.

— Э-э-э, а куда делись те книги?

Трубка долго думал. Я все ждал ответа: «Не знаю». Наконец старик собрался с мыслями и продолжил свой рассказ. Его сосед, когда-то заведующий волостным отделом народного образования, был большой любитель почитать, всю жизнь собирал книги и однажды взял себе связку с чердака — не пропадать же им там. Умер сосед лет десять назад, а дочь его, Пылаева Эльвира Никандровна, продала дом и уехала отсюда. Сейчас она работает в сельмаге, кажется где-то возле села Кúrбы. Книги она, верно, увезла с собой. Нет, нет, она их не продавала и не дарила. Впрочем, одна старинная книга случайно осталась у него, у Трубки. Он ее выпросил у Эльвиры на память об ее отце. Книга, правда, сильно обгорела по краям, но там занятые картинки. Один художник приезжал, срисовывал картинки и долго этой книгой любовался.

— Покажите нам, пожалуйста, эту редкую книгу, а потом мы пойдем в Курбу,— попросил я.

— Ладно, зайдем ко мне домой — покажу,— ответил Трубка.

Лариса Примерная достала карту, разложила ее тут же на травке. Мы нагнулись над листом, прикинули... Да, от Сулости до Курбы по прямой линии будет сорок пять километров! Все дороги мы пересекали поперек; ни на какие попутные машины нам рассчитывать не придется. Кружочков селений по нашему пути что-то не попадалось: мы видели только сплошные зеленые пятна, обозначающие леса, и частые горизонтальные синие черточки, обозначающие непроходимые болота.

— Пойдем прямо по азимуту,— предложил Николай Викторович.

— Марш-бросок всего за два дня — и мы на месте! — добавил Миша.

Все хорошо понимали: трудности только начинаются — пешком-то мы прошли, в сущности, совсем немного. У мальчиков сжимались кулаки, задумчивые глаза девочек были полны решимости.

Я подошел к Гале.

— Дойдешь? — потихоньку спросил я ее.

Галя покраснела.

— Зачем вы меня спрашиваете? — шепотом, с дрожью в голосе ответила она. — Я лучше всех дойду, я очень сильная.

— Куда же вы под вечер собираетесь? — заговорил Трубка. — Оставайтесь у меня ночевать, светелка просторная да сеновал, чаем с земляничным вареньем напою...

Нам очень хотелось отвергнуть и светелку и варенье...

— А у меня сегодня старуха баню топит, — продолжал искушать Трубка.

Девочки, как по команде, вздрогнули, оживленно зашептались, подбежали к Николаю Викторовичу, шепотом горячо уговаривая его.

— Какие чистюли, не можете до Москвы потерпеть! — напустился на девочек Миша.

Я, признаться, тоже чувствовал, что обо мне давно мочалка соскучилась.

— Остаемся, и все! — отрубил Николай Викторович. — Да поблагодарите за такое большое одолжение.

Девочки сказали «спа-си-бо!» искренне и красноречиво, мальчики — без особого пыла. Миша демонстративно отошел в сторону.

Трубка улыбнулся в усы.

— У меня ведь семеро детей по всей стране разбрелись.

Остались мы со старухой вдвоем скучать. Ваш приход мы как праздник сочтем.

Он повел нас на берег речки. Там, на склоне горы, уютились крохотные домики с едва заметными окошками. Это и были деревенские бани. Из открытой двери одной из них шел густой дым.

— Мать, а мать!— позвал Трубка.

Из клубов дыма вышла пожилая женщина с заплаканными глазами.

— Москвичи, за две недели пятьсот километров отмахали и нигде в бане помыться не управились,— объяснил Трубка.

Старуха вытерла слезы, оглядела всех нас.

— Ведь и у меня такие же внучата. Да неужто вы пятьсот километров прошагали?

— Ну, чуть поменьше,— важно ответил Гриша.

— Дайте мне двух мальчиков да трех девочек — воду да дрова таскать, а вы пожалуйста в нашу избу.

Баня была маленькая и низкая, так называемая «черная», с полком, с кучей раскаленных камней на печке, с бревенчатыми стенками, густо покрытыми черной копотью, с душистым запахом березовых веников. Баня была жаркая и расслабляющая, очевидно такая, как при Андрее Боголюбском, только в оконце вместо бычьего пузыря вставили осколок стекла.

Обливаясь потом на верхнем полке, я лежал рядом с Трубкой. Наши далекие предки любили невыносимо горячий пар и стегали себя березовыми вениками. И сейчас Трубка и я, кряхтя от наслаждения, нещадно лупили себя по распаренным бокам и плечам. Впервые в жизни я испытывал такое сильное ощущение.

Костлявый Ленечка сидел на полу и плескался из шайки, то и дело задавая вопросы:

— А почему нет душа? А веником не очень больно драть-ся? А если будет больше девяноста градусов, вы не сваритесь?

Вова сидел в углу на лавочке, молчал, пыхтел и усердно намыливал свои белые космы.

— Поддайте еще!— попросил Трубка, тяжело дыша, и с остервенением заработал веником.

Ленечка вскочил, подбросил ковшик воды на раскален-

ные камни. Камни зашипели, пар пошел такой густой, что в его клубах затерялись оба мальчика. Жара, кажется, правда поднялась до девяноста градусов...

А через полчаса я блаженствовал в парадной горнице Трубкина дома. Фикусы и герань затемняли окна, фотографии и картинки висели по бревенчатым стенам, мягкие полосатые дорожки застилали весь пол. Я сидел за столом, покрытым вышитой красными петушками старинной холщовой скатертью, рядом со мной наслаждался Николай Викторович, который мылся в предыдущей партии и сейчас, красный и довольный, допивал чуть ли не двенадцатый стакан чая. Мне и Трубке предстояло его догонять.

Леня налил чай в блюдечко, подул и, смакуя варенье, вытянув губы, начал пить, вкусно причмокивая.

— Мать, а мать, поставь еще самоварчик,— попросил Трубка, разглаживая усы.

— Отец, да уже пятый ставлю.

— Нечего, нечего воду жалеть.

И хозяйка приносила новый поющий самовар, подкладывала варенье.

Девочки грустно сидели на крыльце и ждали своей очереди идти в баню.

— Мальчишки — бессовестные какие — два часа моются! — жаловалась Лариса Примерная.

Мальчики так осоловели после бани и чая, что пошли спать на сеновал еще до захода солнца.

Наконец под руководством Трубкиной супруги отправились и девочки.

Мы, взрослые,— Трубка, Николай Викторович и я — всё сидели за столом и рассматривали рукописную книгу двенадцатого столетия. Я пытался читать ее, но, к сожалению, не знал многих старославянских букв; понял только, что книга была церковная, и, значит, содержание ее не могло нас заинтересовать. Кожаный переплет и пергамент обгорели, особенно на верхних углах. На первой странице мы увидели треугольный штамп, бесспорно доказывавший, что книга некогда принадлежала ростовскому купцу Хлебникову.

Николай Викторович обратил внимание, что правый угол треугольного штампа обрывался на обгорелой кромке страницы, и, следовательно, книга побывала в пожаре не во времена татарского нашествия, а недавно, уже после прикладывания штампа.

Самыми замечательными в книге были картинки — маленькие виньетки в начале каждой главы. Неизвестный художник, видно, тончайшей кистью изобразил сказочных зверей и птиц в окружении гирлянд цветов и вьющихся стеблей. Звери и птицы напоминали фантастические существа, высеченные на камнях Юрьев-Польского собора. Поражала свежесть, разнообразие и яркость красок, не потускневших за много веков.

Внутренним чутьем я угадал: такая книга не может не быть редкой, исключительной, единственной в своем роде. Для школьного музея эта находка была бы чересчур богата.

— Вам ее в Ростовский музей надо пожертвовать, — убеждал Николай Викторович, словно угадав мои мысли.

Трубка почесал затылок...

Я давно уже сбился со счета, сколько стаканов чаю выпил, сколько уничтожил блюдец несравненного варенья, а мы все сидели, окутанные клубами дыма, смотрели картинки и угваривали Трубку отдать книгу в Ростовский музей.

Конечно, мы понимали — жалко ему расставаться, но зато выставят его подарок на специальной полочке, напишут: пожертвовал гражданин такой-то, уроженец села Сулость, — придут экскурсанты, будут любоваться книгой и надпись прочитают...

Трубка долго колебался, вместе с нами любовно перелистывал твердые желтые страницы, наконец захлопнул свое сокровище и встал.

— Ладно, будет по-вашему, — торжественно сказал он, — поеду в город зубы лечить и захвачу с собой книгу.

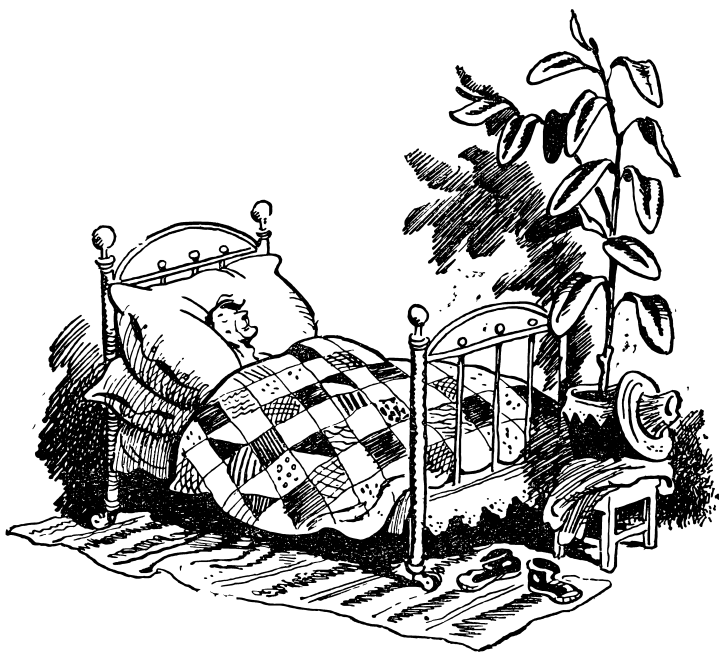
Явилась хозяйка очень расстроенная: девочки — как им только не совестно! — чуть не передрались. Так много поистратили горячей воды: пришлось у соседей целую бочку занимать, а та, что в очках ходит, самая высокая, не постеснялась десять ведер вылить.

— Мне, что ли, идти порядки наводить? — привстал Николай Викторович.

— Ну, хоть по одной косе успели они вымыть? — спросил я.

— Вот вы — детский врач, а, значит, не понимаете, как девочки головы моют, — еще больше рассердилась хозяйка.

— Оставьте их! Бабы сами без нас разберутся, — махнул рукой Трубка и самым подробнейшим образом стал расска-

зывать нам о своих семи детях: кого как звать, где кто живет, где кто работает, потом перешел к мужьям и женам детей.

Первой пришла Галя, порозовевшая, улыбающаяся. Ее кудрявые волосы взбились высоко, она напоминала льва с густою гривой.

С трудом поднялся я со стула. Хозяин, попыхивая трубкой, проводил меня спать в светелку, удивительно вкусно пахнувшую смолой. Там стояла большая кровать с бубенцами, с двумя высоко взбитыми подушками, было постелено широчайшее стеганое одеяло, сшитое из множества разноцветных лоскутков.

Я приоткрыл одеяло, увидел нежно-голубые, хрустящие простыни, тронул пальцем перину, пышную, как в тереме Владимира Красное Солнышко, быстренько разделся, нырнул в постель и утонул в перине. Не успел я ахнуть: «До чего же мне хорошо!» — как глаза мои сами собой закрылись, и я забыл все на свете...

Утром меня разбудил резкий голос Ларисы Примерной:

— Кто сегодня дежурный? Кто дежурный?

Я лежал, глубоко зарывшись в перину. От долгого сна, от блаженного ощущения мягкости и стерильной чистоты не хотелось открывать глаза.

Послышался шум и возня, кто-то крикнул:

— Какой ужас! Десять часов!

Пришлось приподнять голову.

Девочки носились по светелке, выбегали в сени.

— Будите скорее мальчишек! Будите Николая Викторовича!— слышался крик Ларисы Примерной.

Делать нечего — я сделал над собой усилие и быстро вскочил. В сенях я увидел красного, взерошенного Ленечку. Сегодня он был ответственным дежурным. Девочки обступили его, трясли ладонями перед его носом и стыдили виновника:

— Нам простительно! Мы в два часа ночи легли! А ты, ты!..

Весь поход ребята таскали с собой будильник. Ответственный дежурный, чтобы успеть приготовить завтрак, заводил его на час раньше общего подъема и клал перед сном возле себя.

Ленечка добросовестно завел с вечера будильник, да, да — честное пионерское — завел, но утром не услышал его звона.

Николай Викторович подозвал Гришу, пошептался с ним.

Гриша приказал немедленно всем построиться.

Все встали в ряд. Гриша вышел вперед. После бани его русый и пушистый чубчик поднялся кверху, как петушиный гребешок.

— Пять минут на сборы!— отчеканил командир отряда и оглянулся на Николая Викторовича, стоявшего сзади него со скрещенными на груди руками.— Сегодня завтракать не будем,— добавил Гриша, и голос его чуть дрогнул.

Словно пчелы в потревоженном улье, зажужжали ребята.

— Да куда вы? Я же тесто поставила!— всполошилась хозяйка.— Ну хоть молока парного попейте.

— Нельзя,— вздохнул я,— видите, проспали.

А я так любил парное молоко!

— У них, мать, порядки, смотри, как в армии,— произнес Трубка, раскуривая трубку.

Мы попрощались, крикнули «спа-си-бо!», надели рюкзаки и пошли.

Глава восемнадцатая

СНОВА «БИТВЫ В ПУТИ»

Нам предстояло переправиться через Которосль. Это была единственная река, вытекающая из озера Неро, широкая и тихая, с низкими берегами, заросшими ольховником.

В лодке могло одновременно поместиться не более шести человек.

Дедушка-перевозчик с радостью отдал нам весла:

— Сами управитесь,— и сел на солнышке наблюдать.

По-настоящему грести умел один Николай Викторович, а остальные...

— Сапожники вы!— крикнул Николай Викторович Грише и Васе и занял должность перевозчика.

Посоветовавшись с Гришей, он сжалился над нами и в первой партии перевез дежурных, чтобы организовать завтрак.

Ленечку с должности ответственного дежурного сняли. «В виду его крайней бестолковости»— так Таня записала в дневник. Костровым и кашеваром он тоже не годился. Ладно, пусть хоть картошку чистит и посуду моет.

Кто переехал, тут же бежал на недалекий пляж купаться и загорать на солнышке. А я облюбовал себе местечко под кустом и сел писать Тычинке большое, обстоятельное письмо-доклад. Запечатанный конверт я отдал перевозчику.

Николай Викторович показал нам на карте косую карандашную линию, соединяющую синюю петельку реки Которосли с кружочком «Курба».

— А теперь посмотрите,— пытался он нам объяснить,— я направляю компас— линия азимута попала на ту елку. Так и пойдем— всё прямо и прямо, не разбирая дороги.— Он передал компас Грише.— На, иди по азимуту триста пятьдесят пять!

Дошли до елки, снова навели компас по тому же азимуту. Пока наша прямая пересекала свежескошенный луг, мы шли очень быстро; по картофельному полю пришлось двигаться медленнее, «волчьим шагом», то есть след в след, чтобы не топтать ботву.

Мы перешли через шоссе, потом через железную дорогу и напоролись на кусты. Теперь идти по прямой стало куда труднее: ветви цеплялись за рюкзаки, за одежду, приходи-

лось обходить. Николай Викторович сам надел компас на левую руку.

Вскоре началось то самое болото, которое на карте значилось непроходимым. Между высокими, похожими на опрокинутые ведра осоковыми кочками стояли чахоточные березки и сосенки, а сквозь их обнаженные корни проступала вода ржавого оттенка.

Несчитанные полчища комаров набросились на наш отряд с бешеной смелостью. Комары пели свои боевые песни и назойливо садились на наши лбы, щеки, носы, чаще всего на затылки.

— Доктор, сколько вы убили комаров? — насмешливо спросила меня Галя.

Я посмотрел на нее и крикнул:

— Галя, осторожнее!

— Вы хотите, чтобы я вам помогала прыгать? — съехидничала она.

Раздался визг: Танечка кувыркнулась очень неловко, прямо носом в болото. Она не сразу сумела вскочить: все ее хошенькое личико, плечо, косы, рюкзак, шаровары покрылись желтой охристой грязью...

— Танечка, бедная, если бы твоя мама сейчас увидела, как ты измазалась, как облепили тебя комары, как ты плюешься ялом!

— Где моя сумка? — отчаянно закричала пострадавшая.

Сумки не было. Цепочка туристов остановилась. Мы бросились искать в болотной жиже и вскоре на глубине, под крягами, нашли санитарную сумку, но открытую. Как мы ни старались шарить руками, сумели извлечь из воды только часть лекарств. Спасенные порошки и таблетки подмокли, и их пришлось выбросить, уцелел только градусник и несколько пузырьков.

Впрочем, не так уж это было страшно — никто у нас по дороге не болел и не жаловался, а с натертыми ногами как-нибудь и без медикаментов справимся.

Николай Викторович продолжал неизменно шагать первым, держал компас в руках. Цепочка растянулась, по крайней мере, на триста метров. Я шел одним из последних. Сосны и березки поредели. Перед моими глазами раскинулось необозримое болото — комариная родина. Шагавшие впереди уже давно брели прямым колено в воде вслед за Николаем Викторовичем. Как огромный журавль, он осторожно пере-

ставлял ноги, проверяя палкой, нет ли трясины. Никто не говорил ни слова, слышалось только молчаливое хлопанье по затылкам да по щекам.

Николай Викторович в несколько прыжков намного опередил цепь, обернулся.

— Ну, давайте песню.

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет...—

не очень стройно запели наши изыскатели, шагая по торфяной болотной жиже, отбиваясь от нападения комаров.

Николай Викторович выбрался из воды на случайный моховой островок.

— Гриша, давай ко мне на плечи. Посмотри, что там видно?

Гриша, как обезьянка, быстро вскарабкался, вытянул шею и вдруг заплясал над головой начальника.

— Николай Викторович, Николай Викторович, вон те со-

сны, те сосны, видите... Они на песке стоят, на горке! Там земля!

— Там земля, слышите?— звонко крикнула Галя.

«Земля!» Не так ли кричал матрос с корабля Колумба?

— Земля! Земля!

Но Колумба комары не ели.

— К черту это хождение по азимутам!— ругался я, убивая тысячного комара.

Наконец мы ступили на рыхлый и сухой песок и, едва переступая ногами, подошли к веселым раскидистым сосенкам.

— Разжигайте скорее костры! Четыре костра, не меньше! Бросайте в огонь зеленые сосновые ветки!— гремел голос Николая Викторовича.— Создавайте дымовую завесу! Сушите шаровары и кеды!

Костры разожгли с четырех сторон. Дым стлался по траве и уходил к вершинам сосен. Комары, озлобленно звеня, отступили. Мы развесили наши мокрые шаровары на солнышке по веткам деревьев. Мальчики, впервые за поход, начали ставить палатки.

Галя подошла ко мне:

— Доктор, я все думаю: скажите, что едят комары? Ведь, если бы мы сюда не попали, они остались бы совсем голодные?!

Я задумался, потом кашлянул, потом перевел разговор на другую тему.

— Значит, не знаете,— вздохнула Галя,— пойду спрошу Николая Викторовича.— И она вприпрыжку убежала.

Николай Викторович в это время вместе с мальчиками занимался палатками. Все восемь они поставили на пригорке точно в ряд — получилась ровная улица.

— Не мешай, не мешай, потом, потом!— Николай Викторович отмахивался одновременно и от комаров, и от Гали.

Сразу после ужина мы залезли в палатки. Николай Викторович, Вова, Ленечка и я легли вместе.

Потухли костры, и комариные полки с удесятеренной яростью бросились в бой. Надо было тщательно заделать все щелки в палатке. Но в тот момент, когда один из нас успевал юркнуть внутрь, не менее двух комариных батальонов влетало вслед за ним, прежде чем мы успевали застегнуть полотнище.

Враги поднимались под потолок палатки и перед решающим боем трубили и гудели. При свете карманных фонариков

мы пошли на них в наступление и после получасовой схватки героически уничтожили всех врагов. Но в наглухо закупоренной палатке было так душно, что я долго не мог уснуть.

А оттуда, из тьмы ночи, сквозь брезент слышался неумолчный и настойчивый вой миллиардов голодных существ.

На следующее утро мы двинулись дальше и вскоре направились на дорогу, сильно заросшую травой. И все-таки это была дорога, а не лес. Комары почти исчезли. Сосняк перемежался с невысокими осинками и березками. Было очень жарко, но воздух казался удушливым не только от жары. Мы вышли на поляну. Та сторона ее окуталась тяжелой лиловой мглой, и небо впереди нависло зловеще-багровое.

— Это дым, где-то леса горят,— догадался Николай Викторович.

И с каждым шагом все заметнее был дым и все труднее становилось дышать. Мы попали в густую свинцово-лиловую завесу. Дым клочьями стлался по траве, свисал с веток. Не замедляя хода, мы пошли дальше, хотели пробиться сквозь завесу и вдруг увидели пламя.

Совсем близко от нас огненными змейками оно ползло по траве, по сухому мшистому ковру, оставляя за собой черные тлеющие пятна. Вот огонь набросился на заросли папоротников, и каждый перистый лист, когда загорался, курчавился мелкими завитками. Вот огненные языки подобрались к маленькой березке и с разбегу прыгнули кверху. Девочка-березка вся затрепетала своим зеленым платьицем и вспыхнула. С березки пламя перескочило на соседнюю сосенку. Старые сухие пни горели там и сям, как отдельные костры. Но больших деревьев огонь пока не трогал.

— Ребята, рюкзаки туда, на безопасное место!— приказал Николай Викторович.— Будем тушить пожар! Слушать мою команду!

Вещи бросили на дальней опушке поляны и двинулись в наступление на дым и огонь.

— Становитесь цепью, не давайте пламени перекинуться через дорогу!— командовал Николай Викторович.

«Мечей» было у нас всего шесть — четыре топорика и две саперные лопатки. Оружием завладели самые сильные мальчики и Николай Викторович. Они топориками рубили маленькие деревца, которым грозил огонь, а лопатками засыпали горящую траву и пни песком. Девочки хотели топтать пламя ногами, но боялись обжечься.

Кто-то догадался ломать березовые ветки, вязать веники и бить ими по пламени. Дело пошло на лад: то мы лишь оборонялись от наступающих полчищ, теперь сами перешли в наступление, сбивая огонь. Правда, веники загорались. Их приходилось то и дело заменять новыми.

От дыма слезились глаза, першило в горле. Появились первые раненые. У Гриши загорелся чубчик, и он обжег себе лоб; Вова в пылу битвы не заметил, как раскаленный уголь упал ему на штанину и прожег ее. Нога покраснела от ожога, но мы были бессильны — пузырек с мазью Вишневского поскользнулся на дне болота.

Искры, горящие листья, горящие клочья мха летали поверху.

— Берегите глаза!— кричал я.

Доблестные чудо-богатыри уже отвоевали большой участок. А главный наш богатырь — могучий Николай Викторович — ринулся с топором в руках в самую жаркую сечу и ну крушить загоревшиеся ветки высокой осины.

— Заходите с этой стороны!— кричал он.

И вновь наши войска с лопатами, топорами и вениками устремлялись навстречу огню.

Только сейчас я заметил нескольких ребят, стоявших на коленях над Ленечкой, распростертым на траве. Таня осторожно засучивала обгорелые остатки Ленечкиной шароварины, Галя расшнуровывала его почерневшую кеду и снимала носок. Я подбежал к пострадавшему и наклонился над ним. Под кедой ступня только сильно покраснела, но выше щиколотки нога вздулась неправильной формы пузырями.

— Кто видел, как это случилось?— коротко спросил Николай Викторович.

Девочки, прерывая друг друга, рассказали: Галя и Таня тушили горевшую траву вениками и не видели, что Миша рубил сзади них пылавшую елочку; охваченное пламенем деревцо начало падать прямо на них. Вдруг Леня выскочил откуда-то сбоку и с силой толкнул обеих девочек — те отлетели в сторону. Елка упала, не задев никого, а он сам впопыхах не заметил горевшего трухлявого пня и всей ногой провалился внутрь, прямо в золу и красные угли...

— Ого-го-го! Да тут работа всюю!

Сзади нас стоял рослый краснолицый бородатый мужчина в высоких сапогах, в фуражке с зеленым околышем, с эмблемой — два сложенных крест-накрест дубовых листка.

Скоро пламя везде погасили; последние дымки мальчики засыпали песком.

На краю горелого места лесник показал старую, расщепленную и обугленную сосну — куда попала молния; отсюда и начался пожар. Вчера вечером в этой стороне была сильная гроза.

Лесник улыбнулся широкой, доброй улыбкой, оглядел нас, и тотчас же улыбка слетела с его губ — он увидел Ленечку и подошел к нему.

А я все стоял над пострадавшим, вспоминая различные способы лечения ожогов. Ни одного бинта, ни клочка ваты, никаких нужных медикаментов у нас не осталось — все погибло в том проклятом болоте.

— Знаете, как лечили во время Отечественной войны обожженных танкистов? — сказал лесник.

Я вспомнил об «открытом способе» лечения: на обожженное место не накладывают повязок, не вскрывают на нем пузырей, ничем не касаются ран, а сажают совершенно голго человека в большой стеклянный ящик — так называемый «бюкс». Конечно, сейчас о стеклянном ящике не может быть и речи, но обожжена-то у Ленечки была одна нога, а не четверть туловища.

Мы должны нести Ленечку так осторожно, чтобы ничто не касалось его начинавшей пухнуть ноги и вздутых пузырей. Миша пожертвовал свое одеяло. Он знал: от мамы ему здорово влетит, но до Москвы и до мамы было далеко. Он сам по четырем углам одеяла прорезал дырки, через которые проснули две сосновые палки.

Ленечку осторожно положили на эти самодельные носилки. Бедный мальчик, сильно побледневший, лежал молча и только кротко и безучастно глядел на облака. Ни одним звуком он не выдал своих страданий.

— Хорошо тебе? — спросил я его.

— Хорошо, — прошептал он.

Мы узнали от лесника, что до ближайшей больницы, до села Курбы восемнадцать километров.

— Давайте лучше ко мне — моя сторожка недалеко. Правда, тесновато будет, — предложил лесник. — А завтра пойдемте в сельсовет, позвоним в лесхоз. Машину достанем. Знаете, как вас будут благодарить! А кабы я только сейчас пожар заметил да пока собрал деревенских, не раньше вечера потушили бы. Сколько бы леса выгорело!

— Сегодня надо идти добывать машину,— настаивал я.— Мальчик сегодня должен быть доставлен в больницу.

— Сегодня так сегодня,— ответил лесник.

Четыре мальчика взялись за носилки, мы надели рюкзаки и пошли. Сзади носилок шел Гриша. Танечка дала ему зеркальце, он шел, склоняя голову то на правое плечо, то на левое, стараясь разглядеть погубленный чубчик.

Между тем погода начала портиться: серая пелена заслонила солнце, заметно похолодало, подул ветер, осинки тревожно зашептались.

— Надо поторапливаться, вот-вот дождик пойдет,— сказал лесник.

Он и Николай Викторович взялись за концы носилок и понесли Ленью ускоренным шагом. За ними двинулась вся цепочка.

Понурый и мрачный, Миша ковылял сзади всех со своим бараньим рогом на ремешке. Миша понимал, что Ленечка пострадал из-за его оплошности, но никто не сказал ему ни слова упрека.

Ни командир отряда щеголеватый Гриша, ни чересчур порывистый Миша, ни малоподвижный Вова, ни самоуверенный, грубоватый Вася и никто другой, а именно Ленечка — наш кроткий, бестолковый Ленечка! — не растерялся и совершил подвиг. Притом он не просто показал чудеса храбрости, а пострадал, спасая девочек.

Вася было пробормотал, что Ленечка их спас нечаянно, точнее — случайно, но на болтуна тотчас же цыкнули, и он замолчал.

Ленечка сделался героем!

И того самого никчемного Ленечку теперь не просто уважали: на лицах мальчиков и девочек я увидел горячее сочувствие и самое самоотверженное желание как-то переложить на себя хоть часть его страданий.

Все шли молча, низко опустив голову. И, наверное, никто сейчас не думал о березовых книгах.

Глава девятнадцатая

«ВОРОНЕЧНИК» И ПЕНИЦИЛЛИН

Когда мы подходили к дому лесника, дождик, мелкий и частый, уже сеял вовсю.

Николай Викторович и лесник с ходу внесли носилки с Ленечкой в сенцы, из сенец — в комнату и положили их там прямо на громадный сундук. Ребята остались на крыльце.

Я огляделся.

В люльке надрывно плакал ребенок. Безукоризненно чистенькая комната с перегородкой, высокая кровать с непомятым покрывалом, большая, недавно побеленная русская печь, цветы в горшках и кадках, яркие плакаты на стенах, горка с посудой, бесчисленное количество разных деревянных мелких изделий: полочек, игрушек, рамок — все говорило, что хозяйка с большой любовью берегут и украшают свое скромное жилище.

Но для больного Ленечки, а тем более для всей нашей горластой команды я не увидел здесь места.

А дождь шел и шел не переставая. Все небо заволокло серой пеленой. Как видно, ненастье зарядило надолго.

Лесник нам сказал, что и в сухую погоду машина к его дому «едва доползает», а сейчас о машине нечего и думать.

— Хотите не хотите,— сказал лесник,— а придется вам у меня остаться.

Да, нести Ленечку в больницу на руках в дождь было невозможно. Но и оставаться здесь тоже было невозможно. Ленечку лихорадило, его губы посинели, нога страшно распухла и сделалась багровой, опухоль продвинулась к самому колену — начался воспалительный процесс. Танечка поставила бедняжке градусник.

Молодая худощавая женщина бесшумно появилась на пороге. Она недоуменно обвела глазами всех непрошенных гостей; две крохотные девочки испуганно прижались к ее коленям.

— Настасья,— обратился к ней лесник,— они нам пожар затушили, да один мальчик шибко обжегся.

— Давай светелку освобождай, а то куда же еще,— коротко сказала женщина.

В светелке было полным-полно, с моей точки зрения, ненужных вещей: верстак, доски, самодельный токарный станок по дереву; по стенам были развешаны всех сортов пилы; множество разнообразного инструмента для обработки дерева аккуратно лежало на полочках; на окне красовались недавно выточенные прехорошенькие шахматные фигурки.

Видно, мы попали в царство хозяина. В свободные минуты он тут «священнодействовал» — вытачивал, выпиливал, вырезал, строгал. Заманчиво ипряно пахло деревом, свежей краской, стружками, смолой.

Конечно, хозяину было очень жалко временно нарушать безукоризненный порядок, но как же иначе быть?

За десять минут все драгоценности бережно вынесли в сенцы. Девочки подмели и вымыли пол.

Галя, Танечка и Лариса Примерная будут спать в светелке, я — в маленькой кладовочке рядом, остальные — в палатках напротив дома, под липой.

Я наклонился над Ленечкой, вынул градусник и стал рассматривать деления. 37,4 — не так уж это было много, но не так уж и мало для ожога. Попробую проверить через час.

А между тем в сенях шла стукотня, свистала пила-ножовка, шуршал рубанок... Через полчаса улыбающийся лесник принес только что изготовленный им ящик из фанеры с круглой дыркой на дне. Этот ящик внутри был выложен паклей и обит простыней. Медицинское изобретение лесника напоминало большой скворечник, или, точнее, «воронечник». Впрочем,

я не знаю, мастерят ли мальчишки подобные домики для ворон.

Ленечку осторожно переложили с носилок на перину, расстеленную прямо на полу посреди светелки, а его ногу засунули в дырку «воронечника».

— Ну, молодец, поправляйся,— сказал лесник, надевая брезентовый плащ: он уходил в очередной обход лесных кварталов.

Галя, Танечка и Лариса Примерная уселись вокруг больного. Они отирали пот с его лба, подавали ему пить, время от времени меняли куски льда, положенные вдоль стенок «воронечника».

Удалось уговорить Ленечку выпить стакан молока. Он лежал неподвижно и по-прежнему безучастно глядел куда-то в пространство. Все три девочки будут попеременно дежурить возле него, остальным — в светелку не заходить.

Через час я вторично измерил Ленечке температуру — оказалось 37,9. Зловещая краснота уже переползла через колено. Ужасно положение врача, когда у него нет никаких медикаментов! Ни у нас, ни у жены лесника не было даже одеколона, чтобы сделать подобие спиртового компресса.

Я поймал Николая Викторовича в сенцах.

— Давайте попытаемся тащить его в больницу.

— Но это невозможно. Видите, какой дождь....

— Тогда нужно немедленно отправляться в Курбу за пенициллином. Если сегодня же ночью не начать вспрыскивать пенициллин, мы не сумеем остановить сепсис, то есть заражение крови, и мальчику грозит ампутация.

Николай Викторович вздрогнул.

— То есть ему придется отрезать ногу? — глухо спросил он.

— Да! — резко ответил я, злясь на свое бессилие, на Николая Викторовича и больше всего на дождь.

— Ну хорошо, я пойду в Курбу и принесу пенициллин,— коротко ответил Николай Викторович.

— Я тоже с вами пойду в Курбу за лекарством.— Миша рассматривал стоявший в углу токарный станок и слышал весь наш разговор.

— Это единственный выход! — воскликнул я.

Отвагой блеснули черные глаза мальчугана.

— Мы с вами вдвоем туда-сюда — марш-бросок.

Николай Викторович внимательно оглядел Мишу.

— Ты понимаешь всю серьезность положения с Ленечкой? Ни слова никому о том, что слышал наш разговор. Понял?

— Э-э-э, понимаю. — Миша, нахмурившись, уставился в пол.

— Знаете что, когда у Ленечки такое тяжелое состояние, вам, как начальнику похода, лучше остаться здесь, в качестве резерва, — посоветовал я.

— Давайте я с Васькой пойду, — сказал Миша.

— С Васей? — удивился я.

Впрочем, я вспомнил: Вася за грубость с девочками набрал целых четыре выговора, над ним нависла угроза отправки в Москву. Он должен был обязательно, как у нас выражались, «совершить подвиг». Миша хотел его выручить.

Я подошел к Николаю Викторовичу:

— Пусть мальчики пойдут вдвоем.

Он молча кивнул головой.

Жена лесника, узнав о нашем решении, всполошилась:

— До Курбы пятнадцать километров! Я — да еще в хорошую погоду! — взад-назад за день еле дохожу, а таким мальчикам...

— Мы не мальцы! —

вспыхнул Миша.— Вы доходите, значит, и мы дойдем! — Он замолчал и, собравшись с духом, добавил: — Э-э-э, а кабы вам слабо было добраться, мы, мальчишки, все равно добрались бы. Мы, тетенька, изыскатели и пионеры!

— Рано, рано хвастаешься,— заметил Николай Викторович.

Миша и Вася сразу выпрямились и точно повзрослели.

Не дождавшись обеда, они закусили холодными мясными консервами, разулись, засучили шаровары, взяли в руки палки. Миша надел розовую накидку Ларисы Примерной, Вася — брезентовый плащ жены лесника, который ему доходил до пят. Я им дал красноречивое письмо на имя главного врача больницы с подробным описанием Ленечкиного ожога.

Мы вышли на крыльцо. Оба героя отправились в путь. Девочки с таким беспокойным восхищением глядели им вслед, точно провожали их на Венеру.

— Чтобы не меньше полутора миллионов единиц пенициллина! — крикнул я.

Дождь с новыми усилиями упорно и настойчиво забарабанил по крыше.

Мне не спалось. Я вновь встал. Лариса Примерная дежурила у изголовья Ленечки. Она сняла очки, и ее умные и проницательные глаза взглянули на меня так живо, в них светилось такое желание помочь больному!

Ленечка дремал и все время ворочался. Конечно, с «воронечником» на ноге, несмотря на подстилку из пакли, ему было очень неудобно. Я смерил ему температуру — ого! — подскочила до 38,7. Краснота на ноге поднялась на десять сантиметров выше колена. «Воронечник» снаружи был обложен льдом, но холод, видимо, мало помогал. Нужен пенициллин! Черт возьми, как нужен пенициллин! Если до утра мальчишки не принесут пенициллина...

А дождь все шел и шел не переставая.

Мальчишки вернулись в два часа ночи. Я им открыл дверь. Как они не сбились с дороги в полной темноте!

— Потом расскажем,— хрипло бросил Миша, отдавая мне пакет.

Лесничиха тотчас же начала кипятить на керогазе воду для стерилизации шприца. Мальчишки были мокры и грязны с головы до ног, грязь кусками отваливалась от их одежды; даже на их бровях висела глина. Дрожа и щелкая зубами, они разделись, выпили чаю, а ужинать не стали.

— Спать охота,— заявили они и полезли на русскую печку. Лесничиха накрыла их овчинным тулупом, и они тут же захрапели.

В пакете оказались средства от ожогов — белый стрептоцид, и мазь Вишневского, и, самое главное, сорок ампул с новокаином, и сорок флакончиков с белым налетом на дне — пенициллином; это составляло 2 миллиона единиц.

Я решил колоть Ленечку через каждый час, одновременно измеряя температуру. К пяти часам утра мне удалось сбить жар до 37,8, к восьми утра — до 37,4. Стану теперь его колоть через каждые два часа. Ленечкина нога будет спасена!

Какое же это изумительное и чудодейственное средство — пенициллин, убивающий гнилостных бактерий, прекращающий воспалительный процесс!

Танечка мне помогала, подавала то ампулы, то пузырьки. Она умоляла меня доверить и ей шприц и позволить уколоть большого хоть разочек. Но я был непреклонен и колол сам.

А дождь все продолжал идти. Земля настолько раскисла, даже до палаток было трудно добираться.

В восемь утра, совершенно обессиленный, я лег спать, не раздеваясь, и приказал, чтобы меня разбудили в десять для очередного укола.

Звонкий, самоуверенный голос поднял меня раньше времени:

— Кто выдумал этот гадкий ящик? Сейчас же его убрать!

Я вскочил и увидел наклонившуюся над Ленечкой маленькую, очень худенькую девушку в зеленой прозрачной накидке. Капли дождя стекали с ее светлых вьющихся волос на виски и на лоб.

Сзади, у порога, стояли трое юношей в плащах, в резиновых сапогах, все облепленные грязью.

Девушка, заметно волнуясь и неумело сердясь, говорила, что она врач, явилась сейчас пешком из Курбы спасать обожженного мальчика. Показывая на Ленечкин «воронечник», она все повторяла звонким голосом, что это ужасно, что это безобразие.

Достаточно твердо я ответил:

— Я тоже врач, благодарю за пенициллин, благодарю за внимание и чуткость. Сейчас опасность сепсиса миновала, до вечера сделаю еще два укола. Остается вторая задача — вылечить ожог, который я лечу без повязки, открытым способом, с помощью этого самого «воронечника».

Девушка тотчас же сникла и потупила глаза.

— Я не виновата, но у нас в институте эти ящики не проходили, — растерянно оправдывалась она.

Юноши рассказали, что их послал директор школы-десятилетки. По всей Курбе идут удивительные слухи: в избушке лесника отсиживаются от дождя пятьдесят юных московских туристов. Они потушили большой лесной пожар, среди них есть тяжелораненые. Посланцы привели врача и принесли хлеба, сливочного масла и целую баранью ногу.

— Подозреваю, их там перепугали наши мальчики, — покачал головой Николай Викторович.

Миша и Вася спали уже десятый час подряд, и спросить сейчас их о чем-либо было невозможно.

Гости очень весело с нами пообедали и отправились в обратный путь. С трудом уговорили мы взять за продукты деньги.

Но что же случилось с Мишей и Васей? Уж не заснули ли они летаргическим сном?

Вечером Николай Викторович подошел к русской печке да как начал шлепать спящих по чему попало — сразу они голову подняли. Семнадцать часов подряд проспали герои.

На наши расспросы Вася ничего не отвечал и только клевал своим горбатым носом, а Миша ронял слова нехотя, будто спросонок:

— Отдали в больнице записку, рассказали, как пожар тушили, как Ленечка ногу обжег, потом нам дали пакет. Ах, да! — вспомнил Миша. — Ведь мы заходили в сельпо и узнали, что Эльвира Пылаева живет в деревне, всего в трех километрах от Курбы, там и магазин ее.

Ленечкин ожог так всех нас перепугал, что мы пропустили мимо ушей эти знаменательные слова Миши.

Мальчики поужинали, но от чая отказались и снова залезли на печку.

Перед сном я присел перед Ленечкой со шприцем в руках. У него температура была нормальная. Сильно побледневший, он поглядел на меня и жалобно спросил:

— Доктор, вы на меня не очень сердитесь?

— Нет, не сержусь. — Я осторожно поправил «воронечник» и спросил мальчика: — Теперь тебе лучше?

— Конечно, лучше, — улыбнулся он. — Спасибо. А я все думаю о березовых книгах. Ведь это не я вам искать помешал, это дождик помешал? Правда, правда дождик?

— Ну конечно, дождь,— кивнул я,— видишь, то и дело он принимается идти.

Вторая ночь у лесника прошла благополучно. К утру дождь перестал, и солнце заиграло на ветках и на травке.

Миша и Вася наконец выпались и, наперебой хвастаясь друг перед другом, рассказали о своих подвигах: они переходили вброд через бурливую реку, видели лося, чуть не заблудились, а дождь во время их беспримерного марш-броска лил не переставая.

Остальные мальчики слушали их с затаенной завистью, девочки — с плохо скрываемым восторгом. Васе простили не только все его прежние грехи, но даже и некоторые будущие.

После завтрака Миша отвел меня в сторону.

— Э-э-э, доктор, скажите, это от моего лекарства Ленечка стал выздоравливать?

— Да, от твоего.

— А вы будете его в больницу класть?

— Не нахожу нужным: он и так поправится через несколько дней,— ответил я.— Ну, а если следы березовых книг поведут нас дальше Курбы? Что мы тогда будем делать с Ленечкой? — Я испытующе посмотрел на Мишу.

— С собой на носилках потащим, и все,— нахохлился тот. Лесник нам сказал:

— После такого дождя все равно целую неделю машины сюда не пройдут, а давайте-ка я доведу вашего Ленечку на лошадке.

И через час рыженький конек, запряженный в тележку, уже стоял у крыльца.

Глава двадцатая

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Во второй половине дня мы добрались до большого села с многочисленными магазинами, с новым Домом культуры. Это и была Курба. Школа помещалась в трех каменных двухэтажных домах.

Директор школы, невысокий, чисто выбритый, суховатый, пожилой, встретил нас очень вежливо, но словно испуганно.

— Да, да, устройю, но только на полу в классе.

— А больше нам ничего не надо,— обрадовался Николай Викторович.

— Вместо матрасов возьмите физкультурные маты. Готовить обед можете на школьной плите. Дрова — пожалуйста... Все он нам предоставлял, ни в чем не отказывал, но за этим вежливым гостеприимством словно чувствовалась какая-то тревожная нотка.

— И еще у меня убедительная к вам просьба, — добавил директор, заметно волнуясь, — сегодня у нас в школе выпускной вечер механизаторов сельского хозяйства, знаете, девушки и юноши — будущие трактористы и комбайнеры — явятся в нарядных платьях и костюмах...

— Не беспокойтесь, — перебил Николай Викторович, — наши до того истрепались, им будет совестно даже нос высунуть, и спать они залягут с заходом солнца. — Николай Викторович обернулся, подозвал Гришу. — Передай всем: сегодня в школе бал, вам на балу делать нечего, спать лечь рано!

— Есть, товарищ начальник! — бойко ответил Гриша.

Лицо директора сразу просветлело.

— А, тогда все в порядке! — радостно воскликнул он. — Простите, я забыл задать вам один вопрос: какова цель вашего похода?

Я вкратце рассказал о березовых книгах, но о том, что в трех километрах отсюда живет возможная их обладательница, я предпочел умолчать: зачем раньше времени разглашать тайну, когда мы находимся буквально на пороге замечательного открытия.

Директор недоверчиво пожевал губами и сказал, что он не историк, а физик. Он здесь родился и всю жизнь изучал родной край, однако что-то не слышал о березовых книгах. Он нам рассказал о Курбе, основанной еще в двенадцатом столетии.

Я вспомнил стихотворение Алексея Толстого, которое в детстве любил декламировать наизусть:

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов стреманный...

Так, значит, здесь, в этом старинном, с высокой колокольной селю, жил знаменитый воевода, покоритель Казанского царства. Спасаясь от гнева царя Ивана Грозного, он бежал в Польшу.

— Сохранилось ли что-нибудь от старины? — спросил я директора.

— Увы, ничего не сохранилось. Правда, недалеко есть не-

раскопанные курганы, в которых, может быть, прячутся исторические тайны,— отвечал он.— Раньше в Курбе был центр удельного княжества, а сейчас — центр колхоза «Советская Россия», одного из передовых в районе, имеющего несколько тысяч гектаров пахотной земли...— Далее он стал перечислять, сколько в колхозе тракторов, комбайнов, автомашин и другой техники, и, наконец, повел нас на место нашего будущего ночлега.

Мы разместились в двух классах школы. Ребята под командой Гриши сдвинули парты, подмели пол. Дежурные захлопотали вокруг плиты.

Как только Ленечку устроили на удобные и мягкие маты, мы с Николаем Викторовичем побежали. Куда? Да туда, куда все эти дни он так стремился, несмотря на ужасные наши передраги. Мы побежали на почту разговаривать с Москвой.

Жены я не застал. Ивана Ивановича, то есть Тычинку, тоже. Разговаривал я с его почтенной супругой Розой Петровной. Это была самая невозмутимая женщина на свете: о любых животрепещущих вопросах она могла говорить самым постным голосом.

— У вас все благополучно, супруга ваша здорова. А вы как поживаете? Не очень устаете? Да, спасибо за письмо, Иван Иванович был очень рад его получить, только он говорил мне, что вы неправильно ищите.

— Как — неправильно? Почему — неправильно? — загорячился я.

— Я ничего не знаю. Иван Иванович не посвящает меня в свои ученые дела,— вздохнула равнодушная Роза Петровна.

На этом наш разговор окончился. Я отошел в недоумении.

...Когда через три минуты вышел из кабины Николай Викторович, я его не узнал: глаза — растерянные, загорелое лицо приобрело какой-то землистый оттенок.

— Ира уехала! — гробовым голосом прошептал он.

— Куда уехала?

— К нам, участвовать в нашем походе. Два дня назад уехала. Я сейчас говорил с соседкой. Ира получила телеграмму, мою телеграмму, заплакала, взяла у соседки десять рублей взаймы, попрощалась и...

— Так куда же она уехала? — перебил я.

— Неизвестно! В том-то весь ужас, что неизвестно. Как вы думаете, куда она могла уехать? В какой город?

Я никогда не видел Николая Викторовича таким расстроенным.

— Дорогой мой,— пробовал я его утешить,— успокойтесь, пожалуйста. Найдется ваша Ира.

— Где найдется? — Николай Викторович схватился за голову.— Я сейчас пойду погуляю до вечера, соберусь с мыслями, а вы там с Гришей командуйте.

Нас ждал обед, и все же я не стал удерживать бедного супруга — пусть немного придет в себя. Мы с ним разошлись. Он медленно побрел вдоль речки, я вернулся в школу и объявил всем, что у нашего начальника разболелась голова и он захотел пройтись.

Я сделал Ленечке еще один укол; его рана подсохла, начала затягиваться розовой кожицей, нагноение и опухоль вокруг исчезли. Еще два-три дня, и «воронечник» можно будет снять.

Сейчас Ленечка лежал и блаженствовал: три девочки — Лариса Примерная, Таня и Галя — играли с ним в «картонного футболиста» — настольную игру, принадлежавшую Курбской школе.

Сразу после ужина мы улеглись, но я никак не мог уснуть. Николай Викторович все еще не приходил, и я даже начал беспокоиться.

Выпускной вечер праздновался на втором этаже, как раз над нашими головами. То гремела лихая гармошка и каблуки стучали так, что сыпалась штукатурка, то плакала унылая радиода, и тогда казалось, что потолок стругали рубанками.

Наконец пришел Николай Викторович, засветил карманный фонарик.

— Доктор, вы не спите?

— Нет, а что?

— А то, что трех девочек не хватает. Я их сейчас пересчитал.

— Да не может быть! — Я вскочил, быстро оделся.— Которых девочек?

— Не знаю, они спят все закутанные.

Мы поднялись на второй этаж, звуки вальса доносились из крайнего помещения. В темноте на цыпочках мы подошли к двери, открыли ее и поневоле зажмурились от яркого электрического света.

Несколько юношей в ослепительно белых рубашках, в ярчайших галстуках не очень умело танцевали с нарядными девушками, в том числе и с молоденькой докторшей.

И среди снежно-белых, цветастых, маркизовых, штапельных платьев я увидел... Я даже остолбенел... Я увидел Галю, Лиду и Танечку в замызганных шароварах, в продырявленных кедах. В их партнерах я узнал тех самых юношей, что приносили нам баранью ногу. Лида застенчиво положила руку на плечо своему кавалеру, у Танечки прядь волос выбилась на потный лоб, видно, она танцевала уже давно. Галя танцевала опустив глаза, щеки ее покраснелись от удовольствия.

Минут пять мы стояли и смотрели. Танечка, не замечая нас, превесело болтала со своим кавалером.

— Таня, Лида, Галя! — коротко позвал Николай Викторович.

Они обернулись, увидели нас, побледнели и покорно подошли к нам.

— Марш спать! — беззвучно проговорил Николай Викторович. — Завтра будет «большая» линейка.

Все три девочки пошли по коридору впереди нас, низко наклонив голову. Они шли, как овечки на заклание.

Утром все встали молча. За завтраком тоже удручающе молчали. Никто не смеялся, не рассказывал веселых историй. На Галю, Таню и Лиду избегали смотреть.

Вчера вечером мы договорились: с утра пойдем в ту деревню, где живет Эльвира. Что же будет сначала — эта самая «большая» линейка или пойдем за березовыми книгами?

Николай Викторович подошел ко мне:

— Идите туда, но, простите меня, я с вами не пойду — просто голова кругом идет.

Мы собрались перед школой. Гриша построил всех для переключки. Николай Викторович обернулся к «преступникам».

— А вы... идите в класс — и не выходить никуда! — приказал он.

— Какой позор! — кинула через плечо Лариса Примерная, блеснув очками. Она тоже оставалась, но оставалась ухаживать за Ленечкой.

Не пошли и четверо дежурных. Остальные налегке, без рюкзаков, отправились в путь.

Мальчики шагали и оживленно спорили между собой.

Я не слушал, о чем они говорили,— слишком много мыслей будоражило мою голову. Березовые книги перемешивались с переживаниями вокруг Ленечкина ожога, а таинственное исчезновение жены Николая Викторовича путалось со страшной «большой» линейкой.

— Отправит первым поездом в Москву,— доказывал Вася,— головой ручаюсь — отправит.

— А я бы простил, сперва бы полчаса, не меньше, тряс, а потом простил бы,— убеждал Миша.

— Нарушение дисциплины, какое нарушение дисциплины! — ужасался Гриша, теребя свой безнадежно погибший чубчик.

— Это все Галья подбила,— говорил Вася.

Я узнал, что «большая» линейка созывается во время похода только в случае из ряда вон выходящего безобразия. Тогда Николай Викторович берет в свои руки всю власть, сам командует, сам наказывает.

Так, разговаривая, дошли мы до деревни и всей толпой ввалились в магазин.

Магазин был очень тесный. Тут продавались хлеб, чайники, мыло, духи, сладости, высохшая камса, запыленные стеклянные вазочки. Молодая, очень толстая и очень румяная продавщица в засаленном халате бойко отвечивала одной гражданке селедку.

Она оторвала листок от какой-то книги, завернула селедку.

Я сразу обратил внимание на пожелтевший масляный листок — написано по-славянски, кажется, книга старинная.

Миша дотронулся до моего локтя и показал пальцем.

На одном из оставшихся бумажных листков я увидел все тот же загадочный треугольный штамп:

Продавщица благосклонно обернулась в нашу сторону:

— Покупайте, покупайте! Орешки, драже, мармелад. Выбирайте, выбирайте любые сладости. Сколько свесить?..

— Вы Эльвира Пылаева? — перебил я ее.

— Я, а что? — вздрогнула продавщица.

— Мне про вас недавно ваш бывший сосед рассказывал — Трубка.

— Трубка? — засмеялась продавщица. — Бывало, все со своими внучатами гуляет, во все стороны они его тащат: этот плачет, этот упал, эти подрались... Как же он там поживает? А его Павлина Панфиловна как?

— Оба очень хорошо поживают, — ответил я. — Он говорил, у вас книг много хранится.

— Как же, как же! Два ящика от отца осталось. Но книги совсем незанятные, какие-то старинные, да много обгорелых. Вот уж сколько лет прошло, а я все в них покупателям продукты заворачиваю.

Установилась такая тишина, как перед грозой.

— И много у вас... осталось таких книг? — заикаясь, спросил я Эльвиру.

— Да нет, последняя пачка на исходе. — Она нагнулась и с усилием бросила на прилавок штук пятнадцать перевязанных веревкой книг — рваных и цельных, в переплетах и без переплетов.

Мы бросились их перелистывать. Я ведь не специалист-книжник и потому не знал, насколько редки и ценны были эти книги, но на первой странице каждой из них стоял знакомый нам треугольный штамп.

— Тетенька, ну на что они вам, подарите их нашему школьному музею, — жалостно попросил Миша.

— А я во что буду товар заворачивать? — полусердито, полунасмешливо спросила Эльвира.

Нас выручила покупательница селедок — увидела она умоляющие лица ребят и повернулась к Эльвире:

— Ну отдай им эти бумажки, коль просят.

Та небрежно передернула плечами, подвинула стопку в нашу сторону и сказала:

— Остались, правда, на такой жесткой бумаге — верчу фунтики да только мучаюсь.

Ребята тотчас же разобрали все книги по рукам.

Эта была, разумеется, любопытная находка. Но мы-то ведь искали не собрание купца Хлебникова.

— А березовые книги ведь на заvertку совсем не годятся,— услышал я за спиной подсказку невозмутимого Вовы.

— А были у вас книги из бересты, с железными переплетами? — спросил я, едва дыша.

— Как же, как же, были! — обрадовалась Эльвира.— Крышки эти я, конечно, в металлолом сдала, а...

— Пачку «Беломора»! — Через наши головы протянулась огромная рука с монетой.

Рядом со мной стоял высокий, статный, белокурый сержант.

— Колька! — всплеснула руками Эльвира.— Да когда же это ты приехал? В отпуск или насовсем?

— Насовсем,— нехотя пробасил сержант.

Чувствуя, что любезный разговор грозит затянуться надолго, я самым бесцеремонным образом вмешался:

— Так где же эти березовые книги?

— Да ведь я же вам сказала: в металлолом сдала,— начала было сердиться Эльвира и тут же улыбнулась сержанту: — Думаешь в наш колхоз или на производство податься?..

— Простите,— вторично перебил я,— это крышки вы сдали в металлолом, а самые... самые берестяные листы?

— Ах, дались они вам! — вспыхнула Эльвира.— Да сожгла я их!

— Как — сожгла?!

Верно, мой вопль был такой отчаянный, что все трое — сержант, Эльвира и покупательница селедок — оторопело обернулись.

— Ну да, сожгла, все пять книг. Дрова сырые попались. Целую зиму этой берестой печки разжигала... Ну, гражданин, будете чего покупать, так покупайте! — повысила она голос.

Самые различные чувства охватили меня. Я покачнулся, оперся рукой о прилавок, потом глубоко вздохнул и, шатаясь, пошел к выходу.

— Какие некультурные! Я думала, они полмагазина у меня купят, — услышал я за своей спиной.

Мы столпились на крыльце и не сразу смогли не только опомниться, но даже отдышаться.

«Утопить! Расстрелять! Отрубить голову! Нет, мало!» — думал я.

Мои спутники молчали, видимо, они думали о чем-нибудь в этом роде.

Первым заговорил Миша.

— Всю жизнь мы будем ее презирать, — глухо сказал он.

— Пре-зи-ра-ем! Пре-зи-ра-ем! — хором звонко проскандировали все.

Вряд ли Эльвира услышала нас. Сквозь притворенную дверь доносились ее короткие смешки.

Не говоря ни слова, мы спустились с крыльца и медленно зашагали в Курбу.

Николай Викторович выслушал мой рассказ с горькой усмешкой.

— И вам не повезло, и мне не повезло. Очутились мы с вами у разбитого корыта: вы не нашли березовых книг, а я голову ломаю, куда делась Ира. Значит, кончаем поход. Надо как-то суметь достать машину до Ярославля. Оттуда поездом в Москву. А сейчас я созываю «большую» линейку.

Все, кроме Ленечки, выстроились во дворе школы. Таня, Галя и Лида встали сбоку.

Наступила абсолютная тишина.

Николай Викторович поднялся на крыльцо. Гриша сделал переключку, подошел чеканным шагом и отдал рапорт.

Начальник похода начал говорить:

— В тот день, когда один из вас едва не превратился в полного инвалида... — Николай Викторович не видел, что этот

самый «инвалид», прикованный к «воронечнику», без моего разрешения допрыгал до окна и сейчас, за спиною начальника, разинув рот, сгорал от любопытства.— В тот день директор школы гостеприимно раскрыв перед нами двери с одним только условием: не ходить на их выпускной вечер, не портить настроения молодежи, вступающей в жизнь...

Тут Николай Викторович сделал паузу. И вновь его голос загремел с удвоенной силой.

— Какой позор! Какое отсутствие элементарной культуры! Вы воспользовались тем, что меня нет, отправились на вечер в таком ужасающем виде и танцевали там с механизаторами.

Николай Викторович перевел дыхание и уничтожающе посмотрел на неподвижно стоявших «преступниц».

— Простите, я вас перебью.— Сзади стоял директор, такой вежливый, такой гостеприимно улыбающийся.— Только что звонили из сельсовета: пустая трехтонка идет в Ярославль, через пять минут она будет у ворот школы.

Николай Викторович посмотрел на директора, потом обвел взглядом строй ребят.

— «Большая» линейка переносится в Ярославль, там я сообщу свое решение,— сказал он,— а сейчас пять минут на сборы. Быстро!

Через полсекунды двор опустел. Я и Николай Викторович сердечно пожали руку директору и поблагодарили его.

Глава двадцать первая

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В Ярославле машина довезла нас до каких-то ворот. Слева были дома, а справа, за тенистой липовой аллеей, словно земля провалилась. И я не сразу сообразил, что мы стоим на верху горы. Я прошел несколько шагов вперед. По откосу росли старые липы, и в просветах между их зелеными макушками глубоко внизу я неожиданно увидел огромное светлое пространство. Будто широчайшая голубая дорога прошла под горою. Макушки кудрявых лип мне мешали смотреть, и все же я понял: эта дорога была Волга.

— Ура-а-а! — закричали ребята и, забыв о вещах, оставленных на тротуаре, подбежали к чугунной решетке.

Мы встали рядом, и тотчас же смолкли наши голоса. Во все глаза глядели мы вперед и вниз.

И на нашем берегу, и за Волгой раскинулся огромный город с высокими трубами заводов, со множеством зданий, высоких и низких. Налево макушки лип мешали мне разглядеть легкие, словно сплетенные из паутины, пролеты длинного железнодорожного моста, что рисовались на фоне неба. А далеко, на той стороне Волги, за городом, за полями, в сиреновой дымке угадывались лесные просторы.

Но невольно хотелось смотреть только на Волгу.

Лодочки плескались у берега. Байдарка, словно кинжалом, резала воду. Моторная лодка, высунув нос, мчалась вперед.

Проплыл белый, как лебедь, большой, трехэтажный пароход...

— Полюбовались — хватит! — Взволнованный возглас Николая Викторовича встряхнул и меня и всех. — Мы с доктором пойдем разговаривать по телефону с Москвой. Через полчаса вернемся, а вы... Тут, на улице, конечно, не место — найдите где-нибудь укромный уголок и там расположитесь.

— Пожалуйста, на самом берегу Волги, — попросил лежавший на носилках Ленечка.

— Доктор, идемте! — заторопил меня Николай Викторович.

На телефонной станции беднягу ожидал новый сокрушительный удар: его номер вообще не ответил.

— Я подожду вас внизу, — не оглядываясь, глухо бросил он и вышел.

Жены я не застал дома, со мной говорил Тычинка.

— Послушайте, милейший доктор, ведь вы пошли по неправильному пути.

Тычинка начал мне подробно объяснять: оказывается, берестяные книги могут быть двух видов. Если бы мы не нашли, а только бы напали на след берестяных рукописей с буквами, процарапанными косточками, и то это было бы замечательно — березовые книги двенадцатого или тринадцатого века. А в семнадцатом столетии в Сибири и на Севере трудно было доставать пергамент, и потому поневоле там писали иногда на бересте, но чернилами. Потом листы сшивали, чтобы не корбились, и переплетали с деревянными или металлическими крышками. Словом, такие книги кое-где в музеях сохранились.

— Очень жаль, значит, ваша экспедиция закончилась неудачей.— Послышался далекий вздох Тычинки.

Мы пожелали друг другу здоровья. Я повесил трубку и вышел.

Я никогда не думал, чтобы так быстро могли меняться люди. Николай Викторович стоял у входа в почтамт. Он сиял так, словно само полуденное солнце бросило все свои лучи на его глаза и на его улыбку. Он держал за обе руки темно-волосую девушку в синем с цветочками платье, в темно-синих туфлях, в соломенной шляпке еще больших размеров, чем у меня.

Конечно, передо мной стояла исчезнувшая жена Николая Викторовича — прекрасная Ира. Я крепко пожал ей руку.

— Идемте в «Кафе-мороженое»,— пригласил меня Николай Викторович.

Это было самое настоящее предательство по отношению к нашим ребятам: удрать и наслаждаться мороженым без них. Но Николай Викторович больше всего на свете любил Иру, а Ира больше всего на свете любила мороженое.

Мы сели за первый столик справа. Официантка приняла у нас заказ.

Ира начала рассказывать о своих приключениях.

Она поехала на дачу купить у тети танкетки, которые той были малы, и попала на день рождения дедушки; ее никак не отпускали. Наконец она вернулась в Москву и прочла телеграмму. Там стояло: «Я сомневаюсь, что ты меня любишь». Когда Ира сейчас повторила эти слова, голос ее дрогнул... Она помчалась в Ярославль. Почему она выбрала именно этот город? Потому что знала: мы путешествуем где-то по Ярославской области.

Официантка принесла двойные порции мороженого. В каждой мельхиоровой вазочке было по десять шариков размером с небольшие яблочки. Коричневые, розовые, кремовые, цвета какао, цвета кофе с молоком, цвета давленной земляники... Каждый шарик обладал своим особенным, ни с чем не сравнимым вкусом и ароматом...

А жила Ира на туристской станции. С утра до вечера она дежурила на почте. Она знала, когда Коленька появится в Ярославле, он обязательно придет сюда говорить по телефону с Москвой, говорить с ней, с Иррой.

— А во вчерашней газете о вас так хорошо написали...

— Что написали? — спросил Николай Викторович.

— А вы разве не знаете? — Ира открыла сумочку, подала нам газету и показала отчеркнутую красным карандашом статью.

Николай Викторович и я стали читать вместе.

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА

Как нам сообщают из Ростова, вчера в местный краеведческий музей явился неизвестный гражданин и преподнес в дар музею редчайшую рукописную книгу двенадцатого столетия. Книга церковная, с несколькими цветными миниатюрами поразительной, непревзойденной красоты, доказывающими высокую культуру и тонкий художественный вкус их безвестного творца.

На первой странице книги с трудом удалось разобрать надпись о том, что книга принадлежала Василько Ростовскому, следовательно, была из знаменитой, считавшейся погибшей во время татарского нашествия библиотеки отца Василько — Константина Мудрого.

К сожалению, ценнейшая находка сильно испорчена пожаром и некоторые миниатюры обгорели.

На книге стоит треугольный штамп небезызвестного собирателя книг и древних рукописей

ростовского купца Хлебникова П. В., жившего в прошлом столетии. Его собрание также считалось бесследно уничтоженным пожаром.

Недавно во Владимирской области удалось найти одну книгу с таким же треугольным штампом. Таким образом, можно предположить, что часть Хлебниковского собрания была спасена от пожара.

Ярославский и Ростовский музеи предполагают в ближайшее время организовать совместную экспедицию в поисках остатков Хлебниковского собрания, куда, видимо, перешли некоторые книги из легендарной библиотеки Константина.

Любопытно, что помог обнаружить и ту и другую исторические ценности отряд московских школьников-туристов.

Сейчас эти школьники, занимающиеся розысками таинственных березовых книг, путешествуют где-то по Ярославской области.

— Какой ты у меня умный! — гордясь за своего мужа, сказала Ира.

— Как все это интересно! — воскликнул я.

— Потрясающе интересно! — воскликнул Николай Викторович. — А ведь у нас есть еще пятнадцать книг со штампом Хлебникова.

Правда, нам эти пятнадцать показались не столь ценными, как та, принадлежавшая Трубке. Но все равно их надо немедленно отнести в Ярославский музей.

— Да, пойдете в музей, только не сейчас, — ответил Николай Викторович, — надо же в конце концов этих трех негодных девчонок наказать.

— Наказать? За что же? — встревожилась Ира. — Неужели он такой злой бывает? — повернулась она ко мне.

— Иногда, — уклончиво ответил я.

Николай Викторович рассказал о «преступлении» девочек.

— Ну, как тебе не стыдно! — возмутилась Ира. — Я бы тоже обязательно побежала танцевать. Удивляюсь, почему остальные тебя послушались.

— Да ведь они были в таких грязных штанах.

— А ты сам не постеснялся в своих отвратительных штанах забраться в кафе? Одним словом, прости их

— Это непедагогично — так легко прощать, — буркнул Николай Викторович, уже начиная сдаваться. — Пора уходить. Мы встали и вышли на улицу.

На другой стороне площади мы увидели белые зубчатые стены с белыми башнями, на широкой угловой башне прочли надпись на мраморной доске:

Рукописный список
«Слово о полку Игореве»
найден в начале 90-х годов
XVIII века в стенах бывшего
Спасского монастыря.

«И здесь следы библиотеки Константина, — подумал я. — Возможно, у Константина был список «Слова», переписанный на бересте. Триста лет спустя безвестный инок вторично переписал «Слово», уже на пергаменте. А прошло еще триста лет, и большой любитель старины граф Мусин-Пушкин нашел этот

список, а прошло еще двадцать лет, и бесценная подлинная рукопись сгорела во время нашествия французов, когда сгорела вся Москва...»

На волжской набережной нас ждали Вася и Миша.

Следом за мальчиками мы перелезли через металлическую решетку, что, по моему мнению, не полагалось, особенно мне, научному консультанту. Спустившись вниз, к самому берегу Волги, близ устья Которосли мы нашли всех наших, сидевших на песке.

Мальчики и девочки, прищурившись, бесцеремонно оглядели Иру со всех сторон. Они ее видели впервые, и, понятно, жена их пионервожатого вызвала у них повышенное любопытство. Кажется, все остались довольны осмотром.

Ира подошла к Ленечке, лежавшему на носилках, и спросила о его здоровье.

— А где те несчастные? — спохватилась она.

«Преступницы» в ожидании приговора держались в стонке.

— Галя, Лида и Таня! Встаньте и подойдите ко мне,— твердо сказал Николай Викторович.

Все три нехотя выполнили приказ. Покрасневшая Танечка сдвинула свои тонкие брови, Лида собралась расплакаться, Галя казалась совершенно равнодушной.

— Будете еще безобразничать?

— Николай Викторович, а вот мама моя, право слово...— забубнила Лида, вдруг остановилась и прошептала: — Не буду...

— Не буду,— повторила Танечка.

Галя промолчала.

— Скажите спасибо, что сегодня последний день похода. «Большая» линейка отменяется,— торжественно возгласил Николай Викторович.

Все захлопали в ладоши, весело закричали. Гриша, поглаживая свой бывший чубчик, приблизился к Танечке и стал что-то оживленно ей шептать.

Все отлично поняли, что прощение произошло не без участия Иры. Уже девочки со всех сторон окружили ее, даже начали ссориться, кто возьмет ее под руки.

— Товарищи изыскатели! Внимание! — созвал всех Николай Викторович.

Когда все уселись и успокоились, он прочел вслух заметку из «Волжской правды»...

И сразу все заговорили:

— Да, мы не нашли даже следов настоящих березовых книг с буквами, процарапанными косточками. Но зато книг с треугольным штампом купца Хлебникова у нас целая стопка. Мы вовсе не зря путешествовали. Смотрите, из-за одной Трубкиной рукописи в газетах поместили заметку. А из-за пятнадцати Эльвириных книг, значит, большую статью о нас напишут. Нечего время зря проводить: надо идти скорее в музей и нести туда наши находки.

— Я останусь с Ленечкой,— сказала Лариса, всем своим видом показывая, какая она хорошая и добродетельная. Она подошла к больному и села у его изголовья.

Мы поднялись на гору к набережной Которосли. Небольшое понижение между двумя горками называлось Медвежьим оврагом.

По преданию, здесь, в лесной чаще, в 1024 году князь Ярослав Мудрый — основатель Ярославля — убил медведя. Сейчас на дне оврага на выровненной площадке юноши в трусах, в цветных майках играли в волейбол.

Тот медведь до сих пор славится по всей нашей стране: на стройках, в больших городах, в сибирской тайге, по Казахстанской целине громяют тяжелые «ЯАЗы». И сверкает в лучах солнца на их радиаторах маленькая никелированная фигурка медведя.

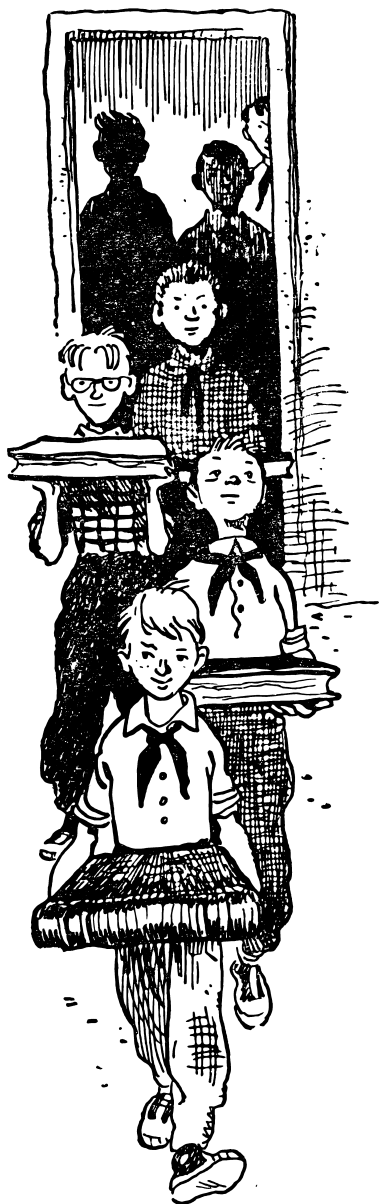
* * *

Музей помещался внутри стен бывшего Спасского монастыря. Мы вошли в дом, направились к двери с табличкой «директор».

В глубине просторной комнаты мы неожиданно увидели наших старых знакомых: Александр Александрович Теплов из Ростова и Аркадий Данилович Курганов из Суздаля сидели по сторонам лысеющего, худощавого директора. Все трое рассматривали хорошо знакомую нам обгорелую книгу, принадлежавшую Трубке.

— Та-та-та! Вот они, знаменитые путешественники! Наконец-то! — Аркадий Данилович вскочил и заторопился нам навстречу. — Вы же нам нужны до зарезу!

Александр Александрович встал, степенно поздоровался со мной и с Николаем Викторовичем за руку, кивнул ребятам, представил нас директору и начал нам рассказывать.

Три дня назад, когда он явился, как обычно, к десяти утра на работу, музейная уборщица вручила ему пакет, завернутый в газету. Александр Александрович развернул пакет и, к своему величайшему изумлению, увидел вот эту самую книгу.

Сейчас он бережно поднял ее и показал нам издали.

— Никогда в жизни я не держал в руках столь загадочного предмета! — воскликнул он и продолжил свой рассказ, уже известный нам из газетной заметки.

У Александра Александровича все дело застопорилось: старик-то, принеший пакет, посидел немного с уборщицей, покалякал, продымил, жалуясь на нестерпимую зубную боль, всю комнату огромной трубкой и, не дождавшись открытия музея, отправился в зубную амбулаторию. Кто он, откуда — осталось неизвестным. Позволили в амбулаторию, там подтвердили: да, старик приходил, да, у него выдернули зуб.

Этот старик был, несомненно, тот таинственный Трубка, который неожиданно свалился с неба и тут же исчез при столь прозаических обстоятельствах.

Единственное, что вспомнила музейная уборщица, — это рассказ старика: дескать, какие-то московские школьники-туристы надумали его отдать книгу в музей.

Вот потому-то и нужны мы были сейчас ученым мужам «до зарезу». Ключ-то от всех этих исторических тайн был в наших руках.

Теперь пора. Николай Викторович дал знак, и пятнадцать ребят стали подходить по очереди к столу, и каждый из них выкладывал по книге с треугольным штампом.

Все трое ученых набросились на эти наши дары. Они их трогали, щупали, перелистывали, рассматривали в лупу, даже нюхали.

Наверное, полчаса продолжалось молчаливое созерцание старины, изредка прерываемое восторженными восклицаниями и ахами. Особенно смаковал Аркадий Данилович; каждую книгу он брал с дрожью в пальцах и, перелистывая, сдерживал дыхание и чуть улыбался.

Выяснилось, что исключительных находок мы не принесли, но все же это были достаточно редкие первопечатные книги шестнадцатого столетия.

Наконец ученые кончили наслаждаться, отложили книги в сторону и приготовились слушать нас.

Николай Викторович рассказал о нашем походе с начала до конца.

Ученые слушали внимательно.

Аркадий Данилович изредка подталкивал директора и громко посмеивался.

— Организую туристский поход в Курбу вместе с ростовскими школьниками,— объявил Александр Александрович взволнованным голосом,— мы поищем в этой лавке, спросим по всем домам, может быть, отдельные листочки где-либо сохранились.

— Ну, а есть ли на самом деле подлинные, настоящие берзовые книги? — решил спросить Миша.

— Думаю, что где-нибудь да есть,— уверенно ответил Аркадий Данилович, хитро прищурился и встал.— Да, много еще исторических тайн скрыто от глаз археологов. Вот, например, клад ключаря Патрикея или камни Юрьев-Польского собора. А Суздаль, Владимир, Боголюбово и другие города нашей области! Сколько неизведанных сокровищ таит их земля!

— Да и наши ярославские старые города и села, наши курганы и древние городища тоже полны неразгаданного,— добавил Александр Александрович.

— Вот, дорогие, спасибо вам,— обратился к нам Аркадий

Данилович.— Я уверен, в конце концов не вы, так другие пытливые школьники-туристы и библиотеку Константина, и собрание Хлебникова, и даже вторую рукопись «Слова о полку Игореве» разыщут, даже неизвестные поэмы, процарапанные на бересте, откопают.

— А я хочу еще от себя добавить,— неожиданно заговорил до сих пор молчавший директор и оглядел нас своими близорукими, но пронизательными глазами.— Археологам положено стариной увлекаться. А вы знаете, отряд ярославских школьников-туристов нашел запасы глины, и теперь на этом месте строится кирпичный завод; другой отряд обследовал истоки одной речки, и сейчас там строится сельская гидростанция. В одном из передовых колхозов нашей области ребята записали биографии орденоносцев. А ведь вся история колхоза со дня организации его и до наших дней — это ведь тоже история и тоже интересная. Наконец, наши юные туристы недавно нашли настоящую березовую книгу.

И не успели мы опомниться, как директор выдвинул ящик письменного стола и показал нам небольшую темную тетрадку. Четыре палочки с тесемками крепко стягивали с обеих сторон листы, чтобы не коробились. Эти листы были не бумажные, не картонные, а из потемневшей, но самой настоящей бересты.

Мы ахнули от неожиданности.

Оказывается, в 1924 году первые ярославские пионеры выехали на лето в деревню. Жили они в шалашах, сами готовили себе обед, работали на полях крестьян-бедняков и учили неграмотных. Но в те времена трудно было доставать бумагу и чернила. Вот почему пионеры догадались сшивать тетрадки из бересты, а писать чернилами, приготовленными из орешков, что растут на дубовых листьях.

Директор развязал веревочку. Как величайшую драгоценность мы перелистали эти шесть страничек березового букваря.

— Дайте нам для нашего музея, ну, пожалуйста,— робко попросил Миша.

— Такие экспонаты не отдаются,— ответил директор.

— В следующем году сами организуем поход за такими же березовыми книгами,— глухо сказал Николай Викторович.

О, конечно, мы каждое лето будем ходить в походы! Будем бродить и искать — на земле, под землей, на воде,

под водой, в воздухе, даже в космосе. Таков клич изыскателей...

На этом мы попрощались и пошли прогуляться вдоль Волги.

Волга всегда была хороша — и при Ярославле Мудром, и сто лет назад, когда воздвигали набережную. Но особенно прекрасна, полноводна и величава она стала в наше время, когда построили плотину Горьковской гидростанции и уровень воды в Волге поднялся на целых четыре метра...

Вся набережная была полным-полна отдыхающими. Одни сидели на скамейках, другие прогуливались вдоль чугунной решетки. Все были нарядно одеты, все любовались красавицей Волгой.

Появление нашей обтрепанной ватаги внесло некоторое оживление, многие удивленно оборачивались в нашу сторону. Впереди печатал шаг великан Николай Викторович со своей выразительной заплатой на коленке. Он вел под руку элегантную Иру. И такая любовь и такое безграничное счастье светилось в глазах молодых мужа и жены.

А вечером, вдосталь налюбовавшись Ярославлем и накупавшись, мы сели отдыхать на пляже возле наших вещей.

Я наконец решился снять с Ленечки порядком ему надоевший «воронечник». Его рана скоро заживет. Еще дня три — и он сможет ходить.

Солнце клонилось к закату. Вода в Волге переливалась зелеными, нежно-голубыми и светло-оранжевыми полосами. Огни зажглись на реке и на том берегу. Проплыл большой пассажирский пароход, весь освещенный огнями, сверкая, как горный хрусталь...

— Для нашего музея пока этого хватит. — Миша мне показал мешочек черепков и бараний рог.

— Миша, возьми в школьный музей Ленечкин «воронечник», — предложила Галя.

Все засмеялись, но Миша совсем серьезно кивнул головой.

— Конечно, возьму, — сказал он, сверкнув своими черными глазами, и начал привязывать «воронечник» к лямкам своего рюкзака.

А вода в Волге заблестела синими и оранжевыми чешуйками, лодки и баржи совсем почернели, словно художник раскрасил их тушью. Небо потемнело, первые звездочки зажглись. Высоко над тем берегом повисло одинокое облачко — тонкая огненно-розовая стрелка.

Мы сидели, молчали, глядели на Волгу и вдыхали ее чистый, живительный воздух. Тихо плескались о песок легкие волны. Я закрыл глаза, прислушался. Из огромного города, пробегая по глади обеих рек, доносились самые различные звуки.

Перекликались пароходы и паровозы, мелодично звонили трамваи.

Оттуда, с верха Волги, слышался далекий и неумолчный шум. То работали день и ночь станки на ярославских заводах — автомобильном и шинном. С верха Которосли тоже слышалась неясная и мелодичная музыка. То жужжали тысячи веретен и бегали невидимые челноки на текстильном гиганте «Красный Перекоп», на котором в юные годы работала первая женщина-космонавт — Валентина Терешкова. А слева, с Крестовой горы, доносился отдаленный лязг экскаваторов и подъемных кранов. Там, на огромной площади, шло строительство нового Ярославля...

А еще откуда-то, из невидимого репродуктора, тоненько пела скрипка...

Я открыл глаза.

Темнели цвета и Волги, и неба, только облачко-стрелка, что протянулось в бесконечной выси, по-прежнему было огненно-розовым.

— Доктор, а вы мне на будущий год дадите справку о здоровье?

Галин вопрос вернул меня из голубого царства мечтаний.

— А тебе, моя проныра, теперь любой врач, не колеблясь, выдаст справку, — посмеиваясь, ответил я.

Николай Викторович посмотрел на часы:

— Пора собираться.

Свернули палатки. Гриша построил отряд, пересчитал и проверил вещи, подошел четким шагом к Николаю Викторовичу.

— Товарищ начальник похода, отряд в количестве двадцати девяти человек выстроен, больных — один!

— Поход окончен! — коротко сказал Николай Викторович.

— Ура-а-а-а! — рассыпалось над Волгой, перекаатилось по волнам и растаяло где-то у того берега.

Миша в последний раз приставил кулак к губам и прогудел громко и призывно:

— Ту-ту! Ту-ту! Ту-ту!

— До поезда один час, а у нас еще нет билетов! Идемте скорее! — крикнул Николай Викторович, легонько поднял Лечечку и посадил к себе на плечи.

Изыскатели цепочкой, один за другим, скорым шагом пошли следом за начальником похода.

В последний раз оглянулись мы на Волгу. Мириадами огней искрилась черная, сиреневая и темно-лиловая великая русская река.

СОДЕРЖАНИЕ

СОРОК ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

<i>Глава первая.</i> Какие роковые последствия произошли из-за непродуманной подмазки сковороды	7
<i>Глава вторая.</i> Можно ли убить сразу трех зайцев?	15
<i>Глава третья.</i> В поход! В поход! В поход!	22
<i>Глава четвертая.</i> Первые неприятности, первые трудности	26
<i>Глава пятая.</i> Начинается многотрудный день	35
<i>Глава шестая.</i> Нумерованные изыскатели	41
<i>Глава седьмая.</i> Смотрим, слушаем, удивляемся	52
<i>Глава восьмая.</i> Невероятное окончание этого многотрудного дня	59
<i>Глава девятая.</i> Сперва под землю, потом, кажется, на Марс	71
<i>Глава десятая.</i> Крестики помогли	84
<i>Глава одиннадцатая.</i> Почему Соня заснула стоя	98
<i>Глава двенадцатая.</i> Клубок неизвестности запутывается все больше и больше	103
<i>Глава тринадцатая.</i> Когда по телефону не очень хорошо слышно	114
<i>Глава четырнадцатая.</i> В этой главе ничего не преувеличено. На самом деле все произошло именно так, как написано	122
<i>Глава пятнадцатая.</i> Сколько можно съесть мороженого?	132
<i>Глава шестнадцатая.</i> Историки пока только путаются	138
<i>Глава семнадцатая.</i> Что значит «отъезд навсегда»	146
<i>Глава восемнадцатая.</i> Пока очень довольна одна Люся	153
<i>Глава девятнадцатая,</i> в которой читается старинная рукопись	161
<i>Глава двадцатая.</i> У него или не у него?	178
<i>Глава двадцать первая.</i> Где же «совсем горячо»?	187
<i>Заключение</i>	196

ЗА БЕРЕЗОВЫМИ КНИГАМИ

<i>Глава первая.</i> Начинается разговор о березовых книгах	201
<i>Глава вторая.</i> Новые знакомства	208
<i>Глава третья.</i> Приговор объявлен	216
<i>Глава четвертая.</i> Рассказ о рюкзаках	220

<i>Глава пятая.</i> Город Владимир	229
<i>Глава шестая.</i> Об Андрее Боголюбском	241
<i>Глава седьмая.</i> Две эпохи	246
<i>Глава восьмая.</i> День рождения	256
<i>Глава девятая.</i> Город-музей	264
<i>Глава десятая.</i> Почему Лида не попала в кино?	278
<i>Глава одиннадцатая.</i> Художник и камни	284
<i>Глава двенадцатая.</i> «Битвы в пути»	291
<i>Глава тринадцатая.</i> «Добро пожаловать!»	297
<i>Глава четырнадцатая.</i> Откуда взялась пирожковая каша?	308
<i>Глава пятнадцатая.</i> Как мы работали в колхозе	313
<i>Глава шестнадцатая.</i> Наконец напали на след	321
<i>Глава семнадцатая.</i> Нашли, да не то, что искали	332
<i>Глава восемнадцатая.</i> Снова «битвы в пути»	345
<i>Глава девятнадцатая.</i> «Воронечник» и пенициллин	353
<i>Глава двадцатая.</i> У разбитого корыта	360
<i>Глава двадцать первая.</i> Последний день	369

Для младшего и среднего
школьного возраста
Голицын Сергей Михайлович

«Сорок изыскателей», «За березовыми книгами»

Повести

Ответственный редактор *Е. К. Махлах*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *Э. Л. Лофенфельд* и *Е. И. Шербакова*.

Сдано в набор 13.XI 1968 г. Подписано к печати 9/IV 1969 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 22,39 (Уч.-изд. л. 20,71). Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 539. Цена 93 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 3417.

~~98 коп.~~

0.90

Издательство «Детская литература»